

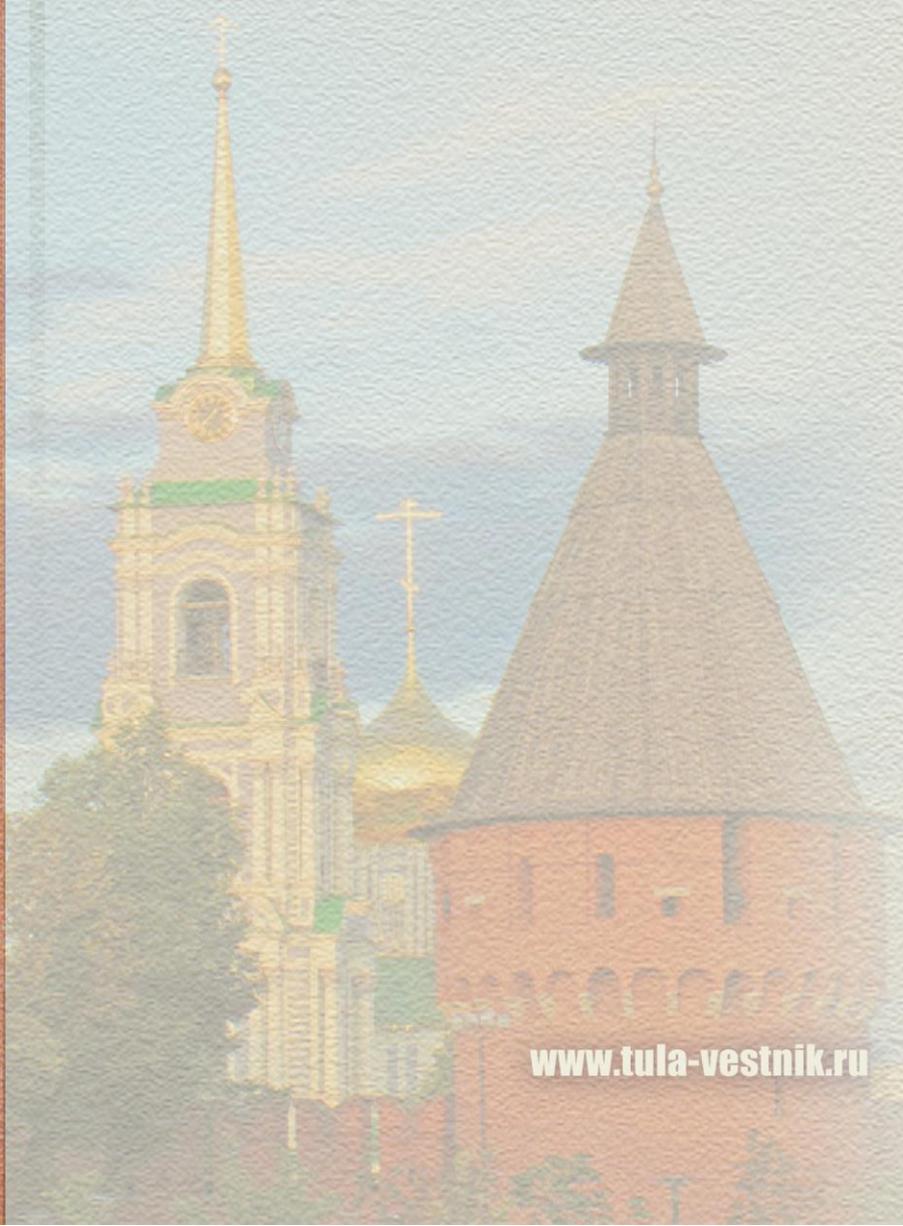
СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2024

ISSN 2712-8407

ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Выпуск 3 (19)

www.tula-vestnik.ru

ISSN 2712-8407

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого»**

**ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК.
СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Выпуск 3 (19)

**Тула
2024**

**ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ
ВЕСТНИК.
СЕРИЯ ИСТОРИЯ.
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Сетевое издание
Основан в 2020 г.

Выходит 4 раза в год

Выпуск 3 (19)

DOI 10.22405/2712-8407-2024-3

Дата выхода в свет: 05.12.2024 г.

Главный редактор –

доктор исторических наук,
профессор

Е. П. Мартынова

Заместитель

главного редактора –

доктор филологических наук,
профессор

Г. В. Токарев

Ответственный редактор –

кандидат исторических наук

Н. А. Биленко

Технический редактор –

кандидат исторических наук

М. О. Сафронова

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК Минобрнауки РФ (по специальностям: 5.6.1. – Отечественная история, 5.6.2. – Всеобщая история, 5.6.4. – Этнология, антропология и этнография, 5.9.5. – Русский язык. Языки народов России, 5.9.8. – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика).

Учредитель: ФГБОУ ВО «ТГПУ им.

Л.Н. Толстого». СМИ зарегистрировано

Роскомнадзором 13.11.2020 г.

Регистрационный номер:

ЭЛ № ФС 77 – 79586

ISSN 2712-8407 (online)

© ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2024

© Авторы статей, 2024

Адрес учредителя и редакции:

300026, Тульская область, город Тула,
проспект Ленина, 125.

Телефон: +7 (4872) 31-20-34

Электронный адрес:

history@tspu.ru

Издатель:

ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого».

Адрес издателя:

300026, Тульская область, город Тула,
проспект Ленина, 125.

Телефон: +7 (4872) 35-14-88

Электронный адрес:

info@tspu.ru

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

История древнего мира

Клейменов А. А. Накануне Херонеи:
о греческо-македонском военном противостоянии
339 – 338 гг. до н. э. **8**

Дорожжина Е. С. Культы женщин императорского дома
в Римской империи I – начала III в. н. э. **24**
(по данным нумизматики)

Российская армия как социокультурный феномен

Юдин С. С. О Жомини и водке: исторический контекст
фразы поэта партизана Дениса Давыдова **39**

Арбеков А. Б. «Под начальством даровитого вождя
– это грозный враг...». Французская армия в восприятии
российского офицерства в 1870 – 1880-х годах **50**

Лапин В. В. Юбилей рубежа XIX – XX вв.
и вооруженные силы России **65**

Политическая история

Долгих А. Н. О «просвещенном»
и «непросвещенном абсолютизме» в России **79**

История повседневности

Тиникова Е. Е. Благоустройство городов
национальных автономий Саяно-Алтая в 1945 – 2020 гг. **86**

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Актуальные проблемы русистики

Гребельник Т. В. Особенности реализации
кооперативной стратегии в групповой
мессенджер-коммуникации **98**

Красовская Н. А. Реализация коммуникативных
стратегий тренера-преподавателя,
работающего в группах взрослых **107**

Стремянова О. И. История происхождения и дериваты
слова *сундук* в русском языке **119**

Доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе, при условии, что оригинальная работа должным образом цитируется. (CC BY 4.0)

**ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ
ВЕСТНИК.
СЕРИЯ ИСТОРИЯ.
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Сетевое издание
Основан в 2020 г.

Выпуск 3 (19)

DOI 10.22405/2712-8407-2024-3

- Сафонова Т. В.* Количественное изменение устойчивых фраз в речи: условия и результаты **129**
- Сухотина В. Ю.* Лингвокультурологические аспекты лексико-семантической и функциональной характеристики знаков-индексов в романе В. В. Вересаева «Сестры» **139**
- Миленин М. С.* Особенности лингвопоэтического исследования художественной прозы Леонида Андреева (на примере повести «Жизнь Василия Фивейского») **148**
- Пронина Е. В., Волынская Е. А.* Филологический анализ древнеславянского текста притчи о блудном сыне по спискам Ассеманиева, Зографского и Мариинского евангелий **161**
- Актуальные вопросы теории языка**
- Эстири Маджид, Сиями Эйдлак Халида.* ИмPLICITные и эксплицитные значения союза *A* и способы их репрезентации в персидском языке **170**
- Уланова Е. Э.* Герменевтическое понимание языковой личности синхронного переводчика **181**

Доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе, при условии, что оригинальная работа должным образом цитируется. (CC BY 4.0)

**TULA SCIENTIFIC
BULLETIN.
HISTORY. LINGUISTICS**

Online publication
Founded in 2020

Published 4 times a year

Issue 3 (19)

DOI 10.22405/2712-8407-2024-3

Released on December 05, 2024

Chief Editor

Doctor of History, Professor
E. P. Martynova

Deputy Chief Editor

Doctor of Philology, Professor
G. V. Tokarev

Executive editor

PhD in History
N. A. Bilenko

Technical editor

PhD in History
M. O. Safronova

The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of a candidate and doctor of science should be published (5.6.1. – Russian History, 5.6.2. – World History, 5.6.4. – Ethnology, Anthropology and Ethnography, 5.9.5. – Russian language. Languages of the peoples of Russia, 5.9.8. – Theoretical, applied and comparative linguistics).

Founder: Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University.

Mass media are registered in Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media on November 13, 2020.
Registration number
EL № FS 77 – 79586

ISSN 2712-8407 (online)

© Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 2024

© Authors of articles, 2024

Address of the founder and the editorial office:

300026, Tula,

Lenin Prospekt, 125

Phone: +7 (4872) 31-20-34

E-mail address: history@tsput.ru

Publisher: Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University.

Address of the publisher:

300026, Tula,

Lenin Prospekt, 125

Phone: +7 (4872) 35-14-88

E-mail address:

info@tsput.ru

TABLE OF CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

The Ancient History

Klymeonov A. A. Shortly Before Chaeronea: about the Greek-Macedonian Military Confrontation in 339 – 338 BC **8**

Dorozhkina E. S. Imperial Family Women Cults in Roman Empire of the 1st – early 3rd century AD (according to numismatics) **24**

The Russian Army as a Socio-Cultural Phenomenon

Yudin S. S. On Jomini and Vodka: Historical Context of Partisan-Poet Denis Davydov's Phrase **39**

Arbekov A. B. "Under the Command of a Talented Leader is a Fearsome Enemy...". The French Army in the Perception of Russian Officers in the 1870 – 1880s **50**

Lapin V. V. Anniversaries of the 19th – 20th Centuries Turn and the Russian Armed Forces **65**

Political History

Dolgikh A. N. On 'Enlightened' and 'Unenlightened Absolutism' in Russia **79**

The History of Everyday Life

Tinikova E. E. Improvement of the Cities in the National Autonomous Regions of the Sayan-Altai in the 1945s – 2020s **86**

LINGUISTICS

Actual Problems of Learning the Russian Language

Grebelnik T. V. Features of the Cooperative Strategy Implementation in Group Messenger Communication **98**

Krasovskaya N. A. Implementation of Trainer-instructor's Communication Strategies in Adult Groups **107**

Stremyanova O. I. The History of Origin and Derivatives of the Lexeme *Sunduk* in the Russian Language **119**

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

<i>Safonova T. V.</i> The Quantitative Change of Set Expressions in Speech: Conditions and Results	129
<i>Sukhotina V. Ju.</i> Linguocultural Aspects of Lexico-semantic and Functional Characterization of Indices in the Novel "The Sisters" by Vikenty Veresaev	139
<i>Milenin M. S.</i> Features of the Linguopoetic Study of Leonid Andreyev's Fictional Prose: a Case Study of the Novella <i>The Life of Vasilii Fiveysky</i>	148
<i>Pronina E. V., Volynskaya E. A.</i> Philological Analysis of the Old Slavic Text of the Parable of the Prodigal Son According the Codex Assemanius, the Codex Zographensis and the Codex Marianus	161
<i>Actual Research on the Theory of Language</i>	
<i>Estiri Majid, Siyami Eidlak Khalida.</i> Implicit and Explicit Meanings of the Conjunction <i>A (but/and)</i> and Ways of their Representation in the Persian Language	170
<i>Ulanova E. E.</i> Hermeneutic Understanding of the Simultaneous Interpreter's Language Personality	181

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Мартынова Елена Петровна,

доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

Заместитель главного редактора

Токарев Григорий Валериевич,

доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Ответственный редактор

Биленко Никита Алексеевич,

кандидат исторических наук (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

Члены редакционной коллегии:

Володина Татьяна Андреевна,

доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Красовская Нелли Александровна,

доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Симонова Елена Викторовна,

доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Габелко Олег Леонидович, доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва, Россия);

Георгиева Стефка Иванова, доктор филологических наук, профессор (Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, г. Пловдив, Болгария);

Главацкая Елена Михайловна, доктор исторических наук, доцент (ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Россия);

Глаголева Ольга Евгеньевна, кандидат исторических наук, PhD, профессор (независимый исследователь, г. Торонто, Канада);

Ефремов Валерий Анатольевич, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург, Россия);

Зубарев Виктор Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Кережи Агнеш, кандидат исторических наук (независимый исследователь, г. Будапешт, Венгрия);

Кирева Елена Закировна, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Клейменов Александр Анатольевич, доктор исторических наук (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Майко Вадим Владиславович, доктор исторических наук (ФГБун «Институт археологии Крыма РАН», г. Симферополь, Россия);

Масленников Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор (ФГБун «Институт археологии Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Мухаммадбеги Махди, кандидат филологических наук (Институт гуманитарных и культурологических исследований, г. Тегеран, Иран);

Непомнящий Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор (ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь, Россия);

Новикова Наталья Ивановна, доктор исторических наук (ФГБун «Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Протасова Екатерина Юрьевна, кандидат филологических наук, доктор педагогических наук, доцент (Хельсинкский университет, г. Хельсинки, Финляндия);

Пэн Юйхай, доктор филологических наук (Институт иностранных языков Сычуаньского университета, г. Сычуань, КНР);

Романов Дмитрий Анатольевич, доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Скнарев Дмитрий Сергеевич, доктор филологических наук, доцент (ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», г. Москва, Россия);

Степанов Валерий Леонидович, доктор исторических наук (ФГБун «Институт экономики Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Тан Яньфэн, кандидат исторических наук (Северо-восточный педагогический университет, г. Чанчунь, КНР);

Томилин Виктор Николаевич, доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк, Россия);

Торвальдсен Гуннар, доктор исторических наук (Ph.D.) (Арктический университет Норвегии, г. Тромсо, Норвегия);

Чумак-Жунь Ирина Ивановна, доктор филологических наук, доцент (ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, Россия);

Ярцев Сергей Владимирович, доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

EDITORIAL BOARD

Chief Editor

Elena Martynova,
Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Deputy Chief Editor

Tokarev Gregory, Doctor of Philology, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Executive editor

Nikita Bilenko, PhD in History
(TSPU, Tula, Russia);

Members of the editorial Board

Tatiana Volodina,
Doctor of History, Associate Professor
(TSPU, Tula, Russia);
Nelli Krasovskaya,
Doctor of Philology, Associate Professor
(TSPU, Tula, Russia);
Elena Simonova,
Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia).

EDITORIAL COUNCIL

Oleg Gabelko, Doctor of History, Professor
(Russian State University for The Humanities,
Moscow, Russia);

Stefka Georgieva, Doctor of Philology, Professor
(Plovdiv University Paisii Hilendarski, Plovdiv,
Bulgaria);

Elena Glavatskaya, Doctor of History, Associate
Professor (Yeltsin UrFU, Ekaterinburg, Russia);

Olga Glagoleva, PhD in History, Professor
(Toronto, Canada);

Valerii Efremov, Doctor of Philology, Associate
Professor (Herzen University, Saint Petersburg,
Russia);

Viktor Zubarev, Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Kerezsi Agnes, PhD in History (Budapest,
Hungary);

Elena Kireeva, Doctor of Philology, Associate
Professor (TSPU, Tula, Russia);

Aleksander Kleymenov, Doctor of History,
Associate Professor (TSPU, Tula, Russia);

Vadim Maiko, Doctor of History (Institute of
archaeology of the Crimea RAS, Simferopol,
Russia);

Aleksander Maslennikov, Doctor of History,
Professor (IA RAS, Moscow, Russia);

Mahdi Mohammad Beygi, PhD (Institute of
Humanities and cultural studies, Tehran, Iran);

Andrey Nepomnyshchy, Doctor of History,
Professor (Vernadsky CFU, Simferopol, Russia);

Natalya Novikova, Doctor of History (IEA RAS,
Moscow, Russia);

Ekaterina Protassova, PhD in History, Doctor of
Pedagogical, Associate Professor (University of
Helsinki, Helsinki, Finland);

Peng Yuhai, Doctor of Philology (Institute of
foreign languages of Sichuan University, Sichuan,
China);

Dmitry Romanov, Doctor of Philology, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Dmitry Sknarev, Doctor of Philology, Associate
Professor (RUDN University, Moscow, Russia);

Valerij Stepanov, Doctor of History (IE RAS,
Moscow, Russia);

Tang Yanfeng, PhD in History (Northeastern
Pedagogical University, Changchun, China);

Victor Tomilin, Doctor of History, Associate
Professor (LSPU, Lipetsk, Russia).

Gunnar Thorvaldsen, Doctor of History
(Arctic University of Norway, Tromsø, Norway);

Irina Chumak-Zhun, Doctor of Philology,
Associate Professor (Belgorod State National
Research University, Belgorod, Russia);

Sergey Yartsev, Doctor of History, Associate
Professor (TSPU, Tula, Russia).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

История древнего мира

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 3 (19). С. 8–23.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2024. Issue 3 (19). P. 8–23.

Научная статья

УДК 94(38).07

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-8-23>

НАКАНУНЕ ХЕРОНЕИ: О ГРЕЧЕСКО-МАКЕДОНСКОМ ВОЕННОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ 339 – 338 ГГ. ДО Н. Э.

**Александр Анатольевич
Клейменов**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, alek-klejmenov@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7123-0378>

Аннотация. В статье рассматриваются действия армии македонского царя Филиппа II и войск антимакедонской коалиции в Средней Греции в период, непосредственно предшествующий битве при Херонее 338 г. до н. э. Указывается, что военная активность началась осенью 339 г. до н. э., когда в рамках развернувшейся ранее IV Священной войны Филипп осуществил вторжение в регион и неожиданно захватил обладавший большой стратегической значимостью город Элatea. Ответом стало быстрое выдвижение афинского войска в Беотию и формирование афино-фиванской коалиции, к которой чуть позже присоединились и некоторые иные полисы. Эллинские силы заняли две оборонительные позиции, разделенные горой Парнас. Первая располагалась у Амфиссы в Гравийском горном проходе, где разместились 10 тысяч наемников во главе с Харесом и Проксеном. Гражданское ополчение греческих полисов заняло удобную для защиты местность на берегах реки Кефисс у Парапотамий. Эта оборонительная стратегия соответствовала установкам греческой методики ведения войн IV в. до н. э. и учитывала более ранний опыт противостояния Филиппу. Зимой 339 – 338 гг. до н. э. масштабных боевых действий, предположительно, не было. В рамках весенне-летней кампании Филипп сумел благодаря дезинформации осуществить неожиданную атаку и очистить Гравийский проход, разгромив десятитысячный корпус греческих наемников. Указывается, что это вынудило гражданское ополчение антимакедонского союза покинуть прежние позиции у Парапотамий, а Филипп получил возможность встретиться с уже несколько ослабленными греческими силами в более выгодных условиях у Херонее.

Ключевые слова: Филипп II, Афины, Фивы, Амфисса, битва при Херонее, наемники, Демосфен.

Для цитирования: Клейменов А. А. Накануне Херонее: о греческо-македонском военном противостоянии 339 – 338 гг. до н. э. // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 3 (19). С. 8–23. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-8-23>

Сведения об авторе: А. А. Клейменов – доктор исторических наук, старший научный сотрудник кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

© Клейменов А. А., 2024

Scientific Article
UDC 94(38).07
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-8-23>

SHORTLY BEFORE CHAERONEA: ABOUT THE GREEK-MACEDONIAN MILITARY CONFRONTATION IN 339 – 338 BC

Alexander A. Kleymeonov

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia, alek-klejmenov@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7123-0378>

Abstract. The article examines the actions of the Macedonian king Philip II's army and the anti-Macedonian coalition troops of the in Central Greece during the time immediately preceding the Battle of Chaeronea in 338 BC. The author states that military activity began in the autumn of 339 BC, when, as part of the Expansion of Macedonia, Philip invaded the region and unexpectedly captured the city of Elatea, which was of great strategic importance. The result was the rapid advance of the Athenian army into Boeotia and the formation of the Athenian-Theban coalition, which some other polities joined a little later. The Greek forces took up two defensive positions separated by Mount Parnassus. The first was at the Amphissa in the Gravia Pass. The first was located at Amphissa in the Gravian Mountain Pass, where 10,000 mercenaries led by Hares and Proxenus were stationed. The civilian militia of the Greek polis occupied an area convenient for defence on the banks of the river Kefissus near Parapotamia. It was a defensive strategy that corresponded to the attitudes of the Greek military of the 4th century BC and took into account the earlier experience of opposing Philip. In the winter of 339 – 338 BC, there were presumably no large-scale military operations. As part of the spring-summer campaign, Philip managed, thanks to disinformation, to carry out a surprise attack and clear Gravia Pass, defeating a ten-thousandth corps of Greek mercenaries. The author indicates that this forced the civilian militia of the anti-Macedonian union to leave their positions at the Parapotamii, and Philip had the opportunity to meet with the already somewhat weakened Greek forces in more favorable conditions at Chaeronea.

Keywords: Philip II, Athens, Thebes, Amphissa, Battle of Chaeronea, mercenaries, Demosthenes.

For citation: Kleymeonov, AA 2024, 'Shortly Before Chaeronea: about the Greek-Macedonian Military Confrontation in 339 – 338 BC', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (19), pp. 8–23, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-8-23> (in Russ.)

Information about the Author: *Alexander A. Kleymeonov* – Doctor of Sciences (History), Senior Researcher of the Department of History and Archaeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

Военная история человечества чрезвычайно богата событиями самого разного значения и масштаба, однако наиболее яркими из них, конечно, являются полевые сражения многотысячных войск. В доиндустриальную эпоху с характерными для нее неразвитыми средствами вооружения, транспорта и связи открытые столкновения основных сил противоборствующих сторон представляли собой одноактные тактические явления, сильно ограниченные во времени и пространстве, но обладающие большим стратегическим значением. В некоторых случаях исход битвы решал и судьбу военной кампании, и результаты всего противостояния крупных геополитических игроков, определяя тем самым будущее целых стран и народов. К событиям подобного уровня, к примеру, относятся битва при Заме 202 г. до н. э., сражение при Пуатье 732 г. и Полтавская баталия 1709 г. В тот же ряд можно поместить и сражение между армией Филиппа II и объединенным войском эллинских полисов, состоявшееся в августе 338 г. до н. э. у Херонеи и приведшее к установлению македонской гегемонии над большей частью Греции. Эта битва давно и вполне заслуженно привлекает внимание исследователей, однако в тени самого генерального сражения часто остаются предшествующие ему события, без анализа которых невозможно ни составить целостное представление об одной из самых важных военных кампаний в истории Эллады, ни отдать должное полководческому искусству Филиппа II.

Изучение обозначенного вопроса сильно осложнено состоянием письменных источников, сообщающих о предваряющих сражение при Херонее боевых действиях очень кратко и противоречиво, вынуждая осуществлять анализ всех, даже косвенно связанных с рассматриваемой проблемой данных при постоянном их соотношении с комплексом научных представлений о происходивших на Балканском полуострове процессах и военно-политических реалиях эпохи. Следуя этому подходу, необходимо отметить, что обстановка, в которой началось противостояние, для Филиппа II не была однозначно выгодной. Так, непосредственно перед исследуемыми событиями македонский царь провел крайне непростые военные кампании 340 – 339 гг. до н. э., отмеченные безуспешными осадами Перинфа и Византия, а также поражением, нанесенным Филиппу трибаллами. Этот этап полководческой деятельности знаменитого монарха, конечно, не был полностью катастрофичным¹, однако не мог не привести к ощутимому снижению морального духа македонского войска и падению влияния Филиппа в греческом мире [18, с. 488]. Еще одним следствием стало ухудшение отношений македонского царя с афинянами, которые уже осенью 340 г. до н. э. разрушили плиту с текстом Филократа мира и стали готовиться к полномасштабной войне с Филиппом [62, с. 311]. Спусковым механизмом для вступления конфронтации в решающую стадию выступила IV Священная война, начавшаяся весной 339 г. до н. э. с решения дельфийской амфикистии объявить войну Амфиссе [29, с. 186–189; 41, с. 126; 61, с. 190–192]. Сложно точно определить степень заинтересованности Филиппа в начале нового вооруженного конфликта в Средней Греции именно в обозначенное время. Согласно распространенным предположениям, базирующимся на утверждении Демосфена (XVIII, 140–159), война была инициирована либо самим македонским царем, либо подконтрольными ему членами амфикистии [1, с. 12–13; 4, с. 146; 9, с. 267; 28, с. 36]. Есть также противоположная позиция, подразумевающая, что IV Священная война началась с типичного для межполисных отношений конфликта, в который Филипп должен был вступить из-за принадлежности к защитникам Дельф [38, с. 142; 62, с. 313]. Последняя версия хорошо соотносится с фактом присутствия Филиппа на северном театре военных действий в момент развязывания IV Священной войны, а также с его поздним включением в боевые действия. Как позволяет полагать указание Эсхина (III, 29), назначение Филиппа на пост командующего силами амфикистии произошло лишь осенью 339 г.

до н. э. Видимо, не менее трех месяцев до этого македонский царь восстанавливался от тяжелого ранения, полученного в землях трибаллов [29, с. 186].

Филипп, оказавшись на южном направлении, перешел к активным действиям достаточно быстро, чем застал своих греческих оппонентов врасплох. Судя по развитию событий, исход предшествующих военных кампаний не только не помешал, но даже помог Филиппу. Как справедливо отметил еще А. С. Шофман, прошлые неудачи должны были создать впечатление, что Македонии нужно время для восстановления потерь и что новое вторжение Филиппа в Среднюю Грецию должно состояться нескоро [9, с. 266]. Реальность оказалась противоположна этим ожиданиям: включив в состав своих сил отряды фессалийцев, энианцев, долопов, фтиотийцев и этолийцев, Филипп, не пытаясь воспользоваться Фермопилами, вошел в регион через Дориду и укрепил находившийся на пути к Амфиссе город Китиний. Затем македонский царь неожиданно повернул войска и захватил Элатею, располагавшуюся на важнейшем маршруте, связывавшем Фивы с подконтрольной им крепостью Никея у Фермопил, а также являвшуюся точкой, откуда можно было всего за два – три дня достичь Афин [8, с. 194–195; 37, с. 589; 61, с. 195–196]. Таким образом македонский царь занял ключевую позицию в Средней Греции, не атакуя при этом Никею и оставляя за собой возможность переговоров с Фивами [30, с. 83]. Важным являлось и то, что своим наступлением Филипп сразу же поставил афинян перед необходимостью вести войну на суше, не дав им опереться на проявлявшееся ранее превосходство афинского флота [28, с. 36; 36, с. 70]. Эффект от подобных действий был воистину ошеломляющим. Судить об этом можно по красочным описаниям тревоги, охватившей Афины после известий о переходе Элатеи под македонский контроль (Dem., XVIII, 169–170; Diod., XVI, 84, 2–5; Plut. Dem., 18). Согласно присутствующим в литературе оценкам, македонский царь имел возможность продолжить свое стремительное наступление, результатом которого могла стать осада Афин, однако сознательно отказался от этого, желая дипломатическими мерами не допустить перехода на сторону противника Фив с их многочисленной армией [32, с. 207; 38, с. 145].

Как хорошо известно, дипломатическую борьбу, в которой главным контрагентом Филиппа выступил выдающийся оратор Демосфен, царь проиграл². Правильным ли было решение македонского монарха отказаться от быстрого движения к Афинам или нет – сказать сложно, однако он допустил создание мощной вражеской коалиции, куда, помимо таких могущественных полисов, как Фивы и Афины, вошли эвбейцы, ахейцы, коринфяне, мегаряне, жители Левкады и Керкиры (Dem., XVIII, 237; Plut. Dem., 17). Мало того, антимакедонский альянс начал сосредотачивать свои вооруженные силы весьма оперативно, чему способствовало решение афинян отправить войско в сторону Беотии еще до заключения союза [23, с. 143]. Согласно указанию Демосфена, в итоге получилось сформировать контингент из 15 тысяч пеших наемников и 2 тысяч всадников без учета ополчений граждан (XVIII, 237). Его оппонент Эсхин сообщает, что при помощи пелопонессцев были первоначально набраны средства на 10 тысяч пехотинцев и тысячу кавалеристов (III, 97), а применительно к самой кампании упоминает об участии в событиях 10 тысяч наемников (III, 146). Объясняя разницу в представленных цифрах, Ю. Белох в свое время отдал предпочтение данным Эсхина, подозревая Демосфена в приукрашивании действительности [14, с. 554], однако разная численность легко объясняется фактом объединения афинских и фиванских сил [64, с. 1054]. В любом случае, сомневаться в том, что афиняне и союзники сумели набрать огромный по масштабам Греции наемный контингент, не приходится [5, с. 25]. Определить размеры армий, противостоявших друг другу в ходе кампании 339 – 338 гг. до н. э., весьма непросто. Благодаря Диодору известно, что Филипп вторгся в Беотию, имея 30 тысяч пехотинцев и 2 тысячи всадников (XVI, 85, 5). Попытки установить соотношение в этом войске соб-

ственно македонских сил и воинских контингентов греческих союзников Филиппа в историографии предпринимались неоднократно [13, с. 153; 38, с. 149–150; 57, с. 130–131; 65, с. 211–212], однако все они по сути являются гипотетическими. С еще большими трудностями мы сталкиваемся при определении количественного и качественного состава войск антимакедонской коалиции. Диодор, оценивая потенциал сошедшихся в решающей битве сил, указывает на превосходство армии Филиппа в численности и опыте командования (XVI, 85, 6). Юстин, отмечая преимущество македонян в опыте, сообщает о большем количестве войск афинской стороны (IX, 3, 9). Исследователи, как правило, полагают, что в битве при Херонее армии противоборствующих сторон были сопоставимы по численности, при этом весьма вариативно определяют размер контингентов, предоставленных афинянами, фиванцами и иными участниками коалиции [15, с. 300–301; 32, с. 214–215; 38, с. 148–149; 66, с. 250]. Оценивая баланс сил на момент начала кампании, следует обратить внимание на очевидное для современников указание Эсхина, согласно которому посланные к Амфиссе 10 тысяч наемников и ополчение граждан сражались с Филиппом по отдельности (III, 146–147). Это позволяет согласиться с Ю. Белохом и полагать, что до начала активной фазы кампании 338 г. до н. э. войска антимакедонской коалиции имели ощутимое численное преимущество [15, с. 300]³.

Тем не менее ход дальнейших событий был определен не простым отличием численности противоборствующих сил, а разными подходами к использованию армий. Даже весьма ограниченные данные позволяют заключить, что антимакедонская коалиция сделала ставку на оборону. Как указывает Эсхин, накануне столкновения с Филиппом афиняне отправили 10 тысяч наемников на помощь к амфиссянам (III, 146–147). Эту информацию подтверждает и Полиэн, упоминающий выдвижение крупных сил под командованием Хареса и Проксена к Амфиссе для защиты узкого горного прохода (IV, 2, 8). Согласно господствующему в науке мнению, в источнике подразумевается Гравийский проход, расположенный в шести километрах к северу от Амфиссы [8, с. 200; 13, с. 150–151; 29, с. 147; 32, с. 212; 50, с. 382]. Его занятие действительно преграждало путь Филиппу, так как осуществленный последним захват Элатеи открывал маршруты в Аттику и Беотию, но не на Амфиссу [12, с. 141]. Ожидать движения македонского войска по данному направлению позволяли и особенности местной географии, и политическая обстановка: взятие Амфиссы Филипп мог отложить, но не отменить из-за его обязательств военачальника амфиктионии, невыполнение которых осложнило бы отношения монарха с фессалийцами [41, с. 131]. Решить задачу по обороне этого участка предстояло 10 тысячам наемникам, выдвинувшимся в конце осени и, видимо, полностью подчиненным Афинам. Сделать последний вывод позволяет общий посыл сообщения Эсхина, характеризующего отправленных к амфиссянам наемников именно как принадлежавший афинянам контингент (III, 146–147). Не противоречат этой информации и приведенные в источниках имена командиров. Так, большинство исследователей полагают, что участвовавший в событиях Проксен был фиванцем [4, с. 148; 8, с. 200; 29, с. 193]. В то же время известно, что аналогичное имя носил афинский военачальник, накануне заключения Филократа мира привлекавшийся к военно-политическим акциям в районе Фермопил (Dem., XIX, 52, 73–74, 154; Aesch., II, 133–134). Исходя из анализа некоторых косвенных данных афинской риторической традиции (Din., I, 76; Dem., XVIII, 146), Дж. Бакклер пришел к вполне оправданному заключению, согласно которому Проксен, разделивший с Харесом командование под Амфиссой, являлся афинянином [18, с. 494]. Особенности ландшафта позволяют полагать, что вверенные Харесу и Проксену силы разместились возле выхода из Гравийского ущелья со стороны Амфиссы, где было возможно и расположить десятитысячный контингент, и обеспечить его снабжение через город [32, с. 212]. Схожую оборонительную пози-

цию на фокидо-беотийской границе для блокирования второго возможного маршрута продвижения армии Филиппа заняла гражданская часть войск антимакедонской коалиции. Как предполагают исследователи, она расположилась в районе Парампотахий [13, с. 152; 23, с. 145; 45, с. 95; 50, с. 378; 61, с. 197]. Это был весьма удобный для обороны участок в узком промежутке между горами Парнас и Гедилия, где река Кефисс имеет обрывистые берега с одним небольшим перевалом на каждом из них [38, с. 147]. Кроме того, для укрепления линии обороны союзники восстановили ряд фокидских городов, разрушенных в конце III Священной войны [18, с. 495].

Осознавая нависшую угрозу, антимакедонский союз предпринял указанные действия накануне наступления зимы, что было в целом малохарактерно для практики греков, традиционно избегавших значительной военной активности в холодное время года [37, с. 591]. Тем не менее, сама выбранная в 339 г. до н. э. стратегическая линия вполне соответствовала устоявшейся методике ведения боевых действий. Как убедительно показано в специальной статье Дж. Обера, к IV в. до н. э. защита горных проходов и иных узловых пунктов сухопутных коммуникаций для пресечения продвижения вражеских войск приобрела в эллинском мире большое распространение, став одним из основных вариантов оборонительной стратегии [49, с. 189–190]. Мало того, антимакедонский альянс не только следовал известному стратегическому шаблону, но и опирался на прошлый опыт противостояния армии Филиппа. Данные сразу нескольких источников показывают, что после разгрома сил Ономарха в битве на Крокусовом поле в 353/352 г. до н. э. Филипп намеревался вторгнуться в Фокиду, однако вынужден был отказаться от этой идеи из-за объединенных сил фокидян, афинян, ахейцев и спартанцев, занявших Фермопильский проход (Diod., XVI, 37, 3; 38, 1–2; Just., VIII, 2, 8; Dem., IV, 17; XVIII, 32; XIX, 84, 319). Эффективность выбранной тогда стратегии подчеркивается самим фактом ухода весьма крупного войска Филиппа, включавшего, видимо, около 20 тысяч пехотинцев и 3 тысячи всадников⁴, в то время как греческие силы вряд ли насчитывали более 10 тысяч воинов [37, с. 280]. В историографии выделяются самые разные факторы, предопределившие решение македонского царя. К ним относят нежелание идти на риск и терять репутацию победителя и защитника Апполона [12, с. 123; 65, с. 177], боязнь окончательно испортить отношения с Афинами [38, с. 49], отсутствие большой стратегической необходимости в продолжении войны [37, с. 280]. Каждое из обозначенных соображений или сразу несколько из них действительно могли повлиять на планы Филиппа, однако следует отметить, что отказ от осуществления атакующих действий для обеспечения намеченного продвижения войска имел и тактические основания. Как неоднократно отмечалось, фундаментом македонских побед являлась передовая тактика, подразумевавшая координированное применение пехоты и кавалерии [17, с. 31; 20, с. 67; 67, с. 169–170]. В условиях выбранной греками оборонительной позиции применить подобные методы было невозможно. Расположение эллинов в Фермопилах просто не позволяло реализовать превосходство в коннице [8, с. 105]. Кроме того, местный рельеф снижал значение и перевеса в пехоте. Прямая лобовая атака обещала быть продолжительной и кровопролитной, а движение войска длинным обходным маршрутом – весьма опасным [29, с. 86–87]. В совокупности с иными факторами это вынудило Филиппа отказаться от осуществления первого вторжения в Среднюю Грецию.

Прошлый успех греческая сторона, видимо, желала повторить в 339 – 338 гг. до н. э. Необходимо вслед за Г. Т. Гриффитом признать, что войска антимакедонской коалиции заняли действительно удобные для обороны позиции, не дававшие Филиппу ни продвинуться в Беотию, ни вступить в соприкосновение с дружественными ему полисами Пелопоннеса [37, с. 591]. Стратегический расчет афинян и их союзников подразумевал либо принуждение Филиппа к полному отказу от наступательных

действий, как это случилось после битвы на Крокусовом поле, либо получение столь ценного в тех обстоятельствах времени. Греки явно могли рассчитывать на отвлечение внимания Филиппа на фракийское направление. Для этого были все основания, так как в результате завоевательной кампании 342 – 341 гг. до н. э. македонский монарх взял под прямой контроль лишь некоторые стратегически наиболее важные районы бывшего Одрисского царства, в то время как большая часть территорий осталась в руках местных вождей, признавших македонское господство при сохранении значительной самостоятельности [2, с. 267–271; 3, с. 40–42; 46, с. 469]. О непрочности власти Филиппа над землями фракийцев и возможности осуществления здесь антимакедонских выступлений свидетельствовали известное благодаря Плутарху восстание медов 340 г. до н. э., подавленное усилиями юного царевича Александра (Alex., 9), и печально известное столкновение с трибаллами 339 г. до н. э. Еще одним мотивом для откладывания активной фазы конфликта было стремление добиться увеличения военного потенциала антимакедонского альянса. Демосфен и его соратники зимой 339 – 338 гг. до н. э. приложили немало усилий в этом направлении, пытаясь расширить состав своих союзников, что, впрочем, не принесло значительных плодов [18, с. 499–500].

Конечно, имелись у стратегии греческой стороны и слабые стороны. Важным фундаментальным недостатком являлась нацеленность на оборону и, соответственно, сохранение стратегической инициативы за Филиппом. Не меньшим минусом стало разделение войска на две части. Можно сказать, что к этому греков подтолкнул сам Филипп, сделавший бесполезным наиболее удобный пункт обороны у Фермопил. Осуществленный фиванцами еще летом 339 г. до н. э. захват Nikei, несомненно, призван был обеспечить для них возможность блокирования Фермопил в случае македонского вторжения [58, с. 80], однако ценность этой позиции оказалась сведена на нет действиями Филиппа. Успешное завершение III Священной войны в 346 г. до н. э. открыло для македонского царя проходивший через Фокиду западный путь в Среднюю Грецию, более предпочтительный для больших армий, чем Филипп в 339 г. до н. э. удачно воспользовался [18, с. 494]. Войскам антимакедонской коалиции пришлось обороняться сразу на двух направлениях и занять позиции, оперирование между которыми было осложнено их расположением по разные стороны Парнасса, в то время как Филипп мог свободно действовать на открытой коммуникационной линии от Элатеи до Китиния [38, с. 147]. Согласно одному из выдвинутых предположений, Филипп имел возможность быстро отреагировать на переход Фив на сторону афинян и скорым маршем выдвинуться к упомянутым горным проходам, однако сознательно не стал этого делать, позволяя вражескому войску разделиться [37, с. 591–592]. Видимо, на том же этапе противостояния македонский царь достаточно легко захватил Nikeю и взял под контроль путь через Фермопилы [18, с. 494].

Дальнейшие события показали, что Филипп, пусть не сразу, но сумел воспользоваться всеми недостатками вражеской стратегии. Демосфен, обращаясь к афинским гражданам, упоминает, что первые после заключения союза с Фивами боевые столкновения, одно из которых прошло «на реке», а второе «в зимнюю непогоду», закончились совместными победами афинян и фиванцев (XVIII, 216). Краткость этих сообщений закономерным образом породила различные трактовки. В частности, упомянутые бои связываются с безуспешными попытками Филиппа пробиться через проход у Парапотамий [29, с. 196; 50, с. 379; 66, с. 248] или лишь «прощупать» оборону на том же направлении [37, с. 591]. Согласно другой распространенной точке зрения, оба боя прошли в рамках «партизанской войны», которую противоборствующие стороны вели небольшими силами в долине Кефисса [9, с. 269; 32, с. 210–211; 38, с. 147]. Здесь же нужно упомянуть в некоторой степени оригинальную, но мало-

состоятельную концепцию Я. Ржепки. Опираясь на один из фрагментов компиляционного византийского «Сборника тактиков» X в., где сообщается о победе фиванцев над конным отрядом Филиппа возле некоего города, достигнутой посредством загорания поля боя (*Sylloge Tacticorum*, 94, 3), Я. Ржепка предположил, что в источнике идет речь о сражении «на реке», которое состоялось, по его версии, весной 338 г. до н. э. и обернулось большими потерями среди македонской конницы, в итоге не сумевшей оказать большого влияния на ход битвы при Херонее [60, с. 518–521]. Первой слабой стороной данной конструкции можно назвать безоглядное доверие сообщению, не имеющему никаких пересечений с другими материалами письменной традиции и носящему явно анекдотичный характер [10, с. 146]. Второй недостаток – доводы в пользу связи описанных событий с действиями македонской конницы в генеральном сражении при Херонее. Свое утверждение о малом вкладе кавалерии в победу Филиппа Я. Ржепка основывает на материалах статьи П. Рахе и очерка из совместной книги Дж. Бакклера и Г. Бекка, не разбирая иных распространенных вариантов реконструкции битвы [22, с. 40–41; 40, с. 62; 63, с. 1023–1035], крайне неубедительно критикуя комплексный анализ антропологического материала и топографии, представленный Дж. Ма⁵, а также транслируя курьезное убеждение, согласно которому способность кавалерии атаковать пехоту определяется лишь численностью всадников вне зависимости от ландшафта и специфики вражеской диспозиции⁶. Подобного рода аргументы не позволяют провести ревизию сообщения Демосфена о совместном участии афинян и фиванцев в первых столкновениях с армией Филиппа и тем более не дают возможности полагать, что имело место крупное поражение македонян, лишившее их превосходства в кавалерии. Как показывают более достоверные сообщения источников, баланс сил в преддверии генерального сражения действительно сместился, но не в греческую, а в македонскую сторону.

В отличие от предшествующих столкновений, не имевших значительных последствий, и, вероятнее всего, связанных с действиями против расположившейся у Паропотамий гражданской части греческого войска, следующий, уже действительно результативный удар Филиппа пришелся по охранявшим Гравийский проход наемникам. Исследователи относят проведение этой операции либо к весне 338 г. до н. э. [14, с. 567; 37, с. 593; 58, с. 81; 61, с. 197], либо к лету того же года [13, с. 152; 32, с. 211; 38, с. 148]. Свидетельства, оставленные современниками, ограничиваются констатацией решительной победы Филиппа над силами Хареса и Проксена (*Aesch.*, III, 146–147; *Dem.*, XVIII, 146; *Din.*, I, 74–76). Более пространно о произошедшем сообщается в одной из стратегем Полиэна, где указано, что Филипп во время похода на Амфиссу, не имея возможности пройти через горный проход, обманул своих врагов, дав им захватить гонца с подложным письмом, якобы адресованным Антипатру. В послании сообщалось, что поход Филипп откладывает и торопится во Фракию, так как узнал о вспыхнувшем там восстании. Харес и Проксен прочитали письмо и, поверив его содержанию, удалили охрану из прохода. Филипп, заняв оставленную неприятелем местность, безопасно провел свое войско, победил повернувших обратно стратегов и овладел Амфиссой (*Polyaen.*, IV, 2, 8).

Конечно, для того чтобы произошедшее стало возможным, потребовалось сочетание многих факторов. Способности Филиппа быстро перемещать армию, названную Дж. Обером залогом успеха этой операции [49, с. 191], явно было недостаточно. Важным слагаемым стала уловка с подложным письмом, содержание которого соответствовало греческим представлениям о ситуации во Фракии. Согласно Фронтину, аналогичный прием с фиктивным посланием Антипатру об окончании похода и возвращении войска во Фракию Филипп применил для преодоления охраняемого афинским флотом узкого пролива (*Strat.*, I, 4, 13). Это имело место в начале 339 г. до н. э. в период кампании македонского царя против Византия, причем «пе-

рехваченное» тогда афинянами письмо должно было выглядеть весьма убедительным из-за крайне непростой обстановки во фракийских землях [3, с. 26; 18, с. 487]. Адресат письма являлся еще одной весомой деталью, так как именно Антипатр при отсутствии Филиппа, как правило, осуществлял обязанности по управлению Македонией и завоеванными землями [16, с. 35; 34, с. 6–7]. Видимо, в 338 г. до н. э. письменную дезинформацию сопровождал демонстративный отвод войск, подчеркнувший достоверность сведений о намерениях македонян [8, с. 200; 37, с. 593]. Далее последовали неожиданное наступление и атака неподготовленного противника. Весьма распространенное предположение подразумевает, что удар был нанесен македонянами в темное время суток [13, с. 150–151; 29, с. 197; 50, с. 382]. Также высказана гипотеза, согласно которой стремительность наступательных действий обеспечивалась их осуществлением силами специального отряда, сформированного в основном из легкой пехоты и кавалерии [32, с. 213]. Представленные версии выглядят вполне убедительными и хорошо соотносятся с македонской практикой времен Александра, также неоднократно деблокировавшего занятые противником горные проходы в темное время суток силами подвижных соединений⁷. Определенную роль сыграла, конечно, и беспечность командования наемных сил. Динарх много позже рассматриваемых событий назвал командира отправленных к Амфиссе наемников Проксена «изменником» (I, 74), что, конечно, можно считать безосновательным обвинением [8, с. 200], однако нельзя не согласиться с Ю. Белохом, определившим небрежность греческих командиров как «граничащую с предательством» [14, с. 567]. Не имея намерений неким образом реабилитировать Хареса и Проксена, необходимо признать, что они, прежде всего, стали жертвой умелой дезинформации. Греческое командование действительно могло рассчитывать на антимакедонское восстание во Фракии. Мало того, как остроумно отметил Н. Хэммонд, сложно было заподозрить Филиппа в использовании одной и той же уловки дважды [38, с. 148]. Возможно, пагубную роль сыграло и общее состояние наемников, чьи дисциплинированность и бдительность могли снизиться из-за долгой зимовки у Гравийского прохода [32, с. 213]. Рассматривая произошедшее, нельзя обойти стороной письменное наследие Феопомпа, который, судя по имеющимся фрагментам (FGrHist 115 F 235), упоминал о захвате македонскими войсками Навпакта и уничтожении его гарнизона как о произошедших до Херонейского сражения. О данном ранее Филиппом обещании отнять у ахейцев Навпакт и передать город этолийцам сообщает Демосфен (IX, 34). Если принять представленную у Феопомпа последовательность событий в противовес другим имеющимся мнениям⁸, то вполне разумным представляется сделанное Ю. Белохом [14, с. 567], а затем неоднократно поддерживавшееся в литературе [8, с. 200; 18, с. 494; 29, с. 197; 32, с. 213–214] предположение, согласно которому имели место действия возглавляемого Парменионом отдельного македонского отряда, неожиданным ударом очистившего Гравийский проход, занявшего Амфиссу, а затем вышедшего к Коринфскому заливу и захватившего Навпакт. Подобный вариант развития событий, неплохо согласующийся с данными Феопомпа и Демосфена, также добавляет еще один штрих в объяснение предпосылок, обеспечивших успех внезапной атаки македонян у Амфиссы, в которой сам Филипп и основная часть его войска, возможно, и не участвовали.

Даже факт наличия различных интерпретаций скудных данных письменных свидетельств не мешает констатировать, что десяти тысячный корпус, выполнявший важную стратегическую задачу, подвергся разгрому. Конечно, несколько тысяч наемников вполне могли уйти и затем соединиться с основными силами антимакедонской коалиции [15, с. 300], но значимость этих остатков преувеличивать не стоит, так как в выстраиваемой по источникам картине дальнейших событий наемники отсутствуют, а Филиппу противостоят греческие гражданские армии [21, с. 166].

Успешное осуществление македонской стороной операции по деблокированию Гравийского прохода стало поворотным моментом в ходе кампании. Важным политическим следствием являлся захват Амфиссы. С населением этого города Филипп обошелся достаточно мягко, однако падение Амфиссы формально окончило IV Священную войну и свидетельствовало о выполнении обязательств македонского царя перед амфикизией [18, с. 494]. Еще более весомыми были стратегические последствия операции в контексте противостояния Филиппа и антимакедонского альянса, где отнюдь не возникла «патовая ситуация», отмечаемая Э. М. Харрисом исходя из ошибочно выстроенной им последовательности событий [41, с. 132]. Не будет ошибочным заявлять, что победа в Гравийском проходе резко изменила обстановку в пользу македонского монарха. Большое значение имел сам разгром 10 тысяч наемников, значительно подорвавший боевой потенциал греческой коалиции. Не случайно Эсхин, обличая пагубность действий Демосфена, называет преступным решение выделить наемников для защиты Амфиссы и позволить Филиппу сразиться по-отдельности с войском наемников и гражданским ополчением (III, 146–147). Мало того, потерпела крах стратегия греческой стороны, рассчитанная на очевидные тактические преимущества обороны в узких горных проходах. Позиция антимакедонского альянса у Парапотамий после поражения наемников под Амфиссой не только потеряла ценность, но и стала для греков потенциально опасной из-за возможности наступления македонян с южного направления, что вынудило союзное командование отойти на юг к Херонее [29, с. 197; 32, с. 213–214; 36, с. 72; 37, с. 594]. Филипп, в свою очередь, вернулся к Китинию и свободно прошел через долину Кефисса, где мог чувствовать себя вольготно из-за превосходства в кавалерии [18, с. 494]. Конечно, до полной македонской победы было еще далеко. Путь через Парапотамии для Филиппа открылся, но командование греческих сил, здраво оценив обстановку, расположило войска на вполне удачной в тех обстоятельствах позиции на Херонейской равнине, где ландшафт обеспечивал прикрытие флангов эллинской армии от действий конницы Филиппа [6, с. 25–26; 7, с. 1605; 19, с. 258; 23, с. 146–147; 39, с. 203–206; 56, с. 86]. Судя по свидетельствам античной письменной традиции, в преддверии решающей битвы Филипп даже предлагал греческой стороне провести мирные переговоры, однако потерпел неудачу (Aesch., III, 149–151; Plut. Dem., 18; Plut. Phoc., 16). Возможно, македонский царь полагал, что изменение стратегической обстановки сделает афинян и фиванцев более сговорчивыми, а их союз – менее прочным. В итоге исход войны решило состоявшееся в августе генеральное сражение.

Последнее обстоятельство, впрочем, не мешает констатировать, что в предшествующее битве при Херонее время Филипп предпринял важные шаги, повлиявшие на результаты всей кампании. Воспользовавшись началом IV Священной войны и решением дельфийской амфикизии, Филипп стремительно вторгся в Среднюю Грецию в обход контролируемого фиванцами Фермопильского прохода и совершил решительный маневр по захвату Эллатей. Не сумев воспрепятствовать формированию афино-фиванской коалиции, македонский царь, тем не менее, своими действиями вынудил противника занять сразу две оборонительные позиции в Гравийском проходе и у Парапотамий. Стратегия антимакедонского альянса, соответствующая и предшествующему опыту противостояния Филиппу, и общим установкам греческой методики ведения войн IV в. до н.э., привела к блокированию продвижения войска македонского царя зимой 339 – 338 гг. до н. э. В рамках начавшейся весенне-летней кампании Филипп сумел посредством дезинформации и стремительной атаки очистить горный проход у Амфиссы и разгромить десятитысячный корпус вражеских наемников. Нанеся противнику существенные потери и вынудив гражданское ополчение антимакедонского союза уйти от Парапотамий, Филипп получил возможность

встретиться с частично ослабленными греческими силами на Херонейской равнине, которая пусть и не была удобна для македонской стороны с тактической точки зрения, но все же предоставляла ранее недоступный шанс на победу. Как показали дальнейшие события, Филипп и его знаменитый сын Александр этот шанс не упустили.

Примечания

1. Как отмечается в историографии, несмотря на провал попыток захвата Перинфа и Византия, македонскому царю в 340 – 339 гг. до н. э. все же удалось существенно расширить свое влияние в Восточной Фракии [8, с. 187; 29, с. 186]. Столкновение с трибаллами, как известно, обернулось тяжелым ранением Филиппа в ногу и утратой ранее взятой у скифов добычи (Just., IX, 3, 1–3; D. Col., 13, 3–7; Plut. Moral. 331b), однако вряд ли сопровождалось значительными потерями в македонской армии [38, с. 137].
2. В историографии представлено немало подробных очерков переговоров противоборствующих сторон с Фивами [4, с. 146–148; 50, с. 371–376; 66, с. 243–246].
3. Как метко отметил Э. М. Харрис, это превосходство могло быть одной из предпосылок поведения Демосфена, последовательно отвергавшего все возможности для переговоров с Филиппом [41, с. 131].
4. Такими силами, согласно Диодору, Филипп обладал в битве на Крокусовом поле (XVI, 35, 4).
5. В частности, упоминая факт обнаружения на костных останках фиванцев ранений, свидетельствующих об их атаке конницей и подробно рассмотренных Дж. Ма [48, с. 74–76], Я. Ржепка, не углубляясь в вопрос, противопоставляет этому лишь неубедительное замечание о переносе тел фиванских воинов к месту захоронения [60, с. 522].
6. Показательно, что в публикациях, на которые опирается Я. Ржепка в своих умозаключениях, именно специфика поля боя у Херонеи названа главной причиной скромной роли македонской кавалерии в сражении [19, с. 258; 56, с. 86]. Мало того, этот же фактор выделен в проигнорированной Я. Ржепкой книге Р. Гейбела, также объясняющего ограниченное использование македонской конницы в битве особенностями греческой диспозиции [33, с. 155–156].
7. Согласно Арриану, Александр для освобождения пути через занятое писидами ущелье у Термесса провел ночную атаку силами лучников, дротометателей и наиболее легко вооруженных гоплитов (Anab., I, 27, 5–8). Позже Александр в темное время суток с помощью гипаспистов и легкой пехоты деблокировал «Кили-кийские ворота» (Arr. Anab., II, 4, 2–4; Curt., III, 4, 1–5; 11–13).
8. В историографии неоднократно озвучивались выводы, связывавшие взятие Навпакта с последствиями Херонейской битвы [12, с. 142; 35, с. 43; 43, с. 33–36; 59, с. 162–165].

Список источников и литературы

1. *Борухович В. Г.* Афины и Македония Филиппа II: от Филократа мира до Херонейского сражения // Из истории античного общества : межвуз. сб. / под. ред. Е. А. Молева. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1999. Вып. 6. С. 3–17.
2. *Бошнаков К.* Тракийска древност : Исторически очерци. София: Вулкан-4, 2000. 331 с.
3. *Делев П.* Филип II и залезът на «Голямото» Одриско царство в Тракия // Шуменски университет «Епископ Константин Преславски» : Трудове на катедрите по история и богословие. 1997. № 1. С. 7–40.
4. *Кутергин В. Ф.* Беотийский союз в 379 – 335 гг. до н.э. : исторический очерк. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 1991. 184 с.
5. *Маринович Л. П.* Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса. М.: Наука, 1975. 273 с.
6. *Петриковски Дж.* Великие сражения эпохи эллинизма. М.: Клио, 2018. 308 с.
7. *Сивкина Н. Ю., Новосильнов А. С.* Участие конницы в битве при Херонее 338 г. до н.э. // Манускрипт. 2021. Т. 14, вып. 8. С. 1603–1607.
8. *Уортингтон Й.* Филипп Македонский / пер. с англ. С. В. Иванова. СПб.; М.: Клио, 2014. 397 с.
9. *Шофман А. С.* История античной Македонии. Ч. 1. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1960. 300 с.
10. *A Tenth-Century Byzantine Military Manual: The Sylloge Tacticorum / transl. G. Chatzelis, J. Harris.* London; NY: Routledge, 2017. 170 p.

11. Aeschines Orationes / ed. F. Franke. Leipzig: Teubner, 1863. 230 p.
12. Anson E. M. Philip II, the Father of Alexander the Great: Themes and Issues. London; NY: Bloomsbury, 2020. 234 p.
13. Ashley J. R. The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359–323 BC. Jefferson: McFarland, 1998. 486 p.
14. Beloch J. Griechische Geschichte. Bd. III. Auf. 1. Leipzig; Berlin: Walter De Gruyter, 1922. 655 s.
15. Beloch J. Griechische Geschichte. Bd. III. Auf. 2. Leipzig; Berlin: Walter De Gruyter, 1923. 504 s.
16. Billows R. A. Antigonos the One-eyed and the Creation of the Hellenistic State. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press, 1997. 453 p.
17. Brizzi G. Le Guerrier de l'Antiquité classique: de l'hoplite au légionnaire. Monaco: Jean-Paul Bertrand, 2004. 256 p.
18. Buckler J. Aegean Greece in the Fourth Century BC. Leiden; Boston: Brill, 2003. 544 p.
19. Buckler J., Beck H. Central Greece and the Politics of Power in the Fourth Century BC. Cambridge; NY: Cambridge University Press, 2008. 309 p.
20. Bugh G. R. Greek Cavalry in the Hellenistic World: Review and Reappraisal // New Approaches to Greek and Roman Warfare / ed. L. L. Brice. Hoboken: Wiley Blackwell, 2020. P. 65–80.
21. Bugh G. R. The Horsemen of Athens. Princeton: Princeton University Press, 1988. 271 p.
22. Burn A. R. Alexander the Great and the Hellenistic World. London: English Universities Press, 1964. 221 p.
23. Cawkwell G. Philip of Macedon. London; Boston: Faber & Faber, 1978. 215 p.
24. Demosthenes. Vol. 1 / ed. R. Whinston. London: Whittaker & Co, 1859. 572 p.
25. Demosthenes. Vol. 2 / ed. R. Whinston. London: Whittaker & Co, 1868. 632 p.
26. Dinarchi orations cum fragmentis / ed. N. Conomis. Leipzig: Teubner, 1975. 164 s.
27. Diodorus Siculus, Library of history. Vol. 8. Cambridge; London: Harvard University Press, 1989. 496 p.
28. Engels J. Philipp II. und Alexander der Große. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2007. 125 s.
29. Ellis J. R. Philip II and Macedonian Imperialism. Princeton: Princeton University Press, 1976. 312 p.
30. Errington R. M. A History of Macedonia. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1990. 515 p.
31. Flavii Arriani Anabasis Alexandri / ed. A. G. Roos. Leipzig: Teubner, 1907. 333 p.
32. Gabriel R. A. Philip II of Macedonia: Greater than Alexander. Washington: Potomac Books, 2010. 303 p.
33. Gaebel R. E. Cavalry Operations in the Ancient Greek World. Norman: University of Oklahoma Press, 2002. 345 p.
34. Grainger J. D. Antipater's Dynasty: Alexander the Great's Regent and his Successors. Barnsley: Pen & Sword Military, 2019. 271 p.
35. Grainger J. D. The League of the Aitolians. Leiden; Boston; Köln: Brill, 1999. 585 p.
36. Green P. Alexander of Macedon, 356–323 BC: a historical biography. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2013. 617 p.
37. Griffith G. T. The Reign of Philip the Second // Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. II: 550–336 BC. Oxford: Clarendon Press, 1979. P. 201–646.
38. Hammond N. G. L. Philip of Macedon. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1994. 235 p.
39. Hammond N. G. L. The two battles of Chaeronea (338 B.C. and 86 B.C.) // Klio. 1938. Vol. 31. P. 186–218.
40. Hammond N. G. L. Training in the Use of a Sarissa and its Effect in Battle, 359–333 B.C. // Antichthon. 1980. Vol. 14. P. 53–63.
41. Harris E. M. Aeschines and Athenian Politics. Oxford: Oxford University Press, 1995. 233 p.
42. Hellenica Oxyrhynchia cum Theopompi et Cratippi fragmentis / ed. B. Grenfell, A. Hunt. Oxford: Clarendon, 1909. 175 p.
43. Hohmann W. Aitolien und die Aitoler bis zum Lamischen Kriege. Diss. Halle, 1908. 46 s.

44. Ivli Frontini strategematon libri qvattvor / ed. G. Gundermann. Leipzig: Teubner, 1888. 176 p.
45. King C. J. Ancient Macedonia. London; NY: Routledge, 2017. 307 p.
46. Loukopoulou L. P. Macedonia in Thrace // Brill's Companion to Ancient Macedon: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC-300 AD / ed. R. J. Lane Fox. Leiden; Boston: Brill, 2011. P. 567–576.
47. M. Juniani Justini epitoma historiarum Philippicarum / ed. F. Rühl, O. Seel. Leipzig: Teubner, 1935. 375 p.
48. Ma J. Chaironeia 338: Topographies of Commemoration // Journal of Hellenic Studies. 2008. Vol. 128. P. 72–91.
49. Ober J. Hoplites and obstacles // Hoplites: The Classical Greek Battle Experience / ed. V. D. Hanson. London; NY: Routledge, 1991. P. 173–196.
50. Pickard-Cambridge A. W. Demosthenes and the Last Days of Greek Freedom, 384–322 BC. NY; London: Putnam's Sons, 1914. 594 p.
51. Plutarchi Chaeronensis. Moralia. Vol. 2 / ed. G. Bernardakis. Leipzig: Teubner, 1888. 557 p.
52. Plutarchi Vitae parallelae. Vol. 3 / ed. C. Sintensis. Leipzig: Teubner, 1889. 276 p.
53. Plutarchi Vitae parallelae. Vol. 4 / ed. C. Sintensis. Leipzig: Teubner, 1904. 428 p.
54. Polyaei Strategematon libri VIII / ed. E. Woelfflin, J. Melber. Leipzig: Teubner, 1887. 562 p.
55. Q. Curtii Rufi historiarum Alexandri Magni Macedonis libri qui supersunt / ed. Th. Vogel. Leipzig: Teubner, 1889. 308 p.
56. Rahe P. A. The Annihilation of the Sacred Band at Chaeronea // American Journal of Archaeology. 1981. Vol. 85, Issue 1. P. 84–87.
57. Ray F. E. Greek and Macedonian Land Battles of the 4th Century BC. Jefferson: McFarland, 2012. 315 p.
58. Ryder T. T. B. Demosthenes and Philip II // Demosthenes: statesman and orator/ ed. I. Worthington. London; NY: Routledge, 2000. P. 45–89.
59. Rzepka J. Philip II of Macedon and “The Garrison in Naupactus”. A Re-Interpretation of Theopompus FGrHist 115 F 235 // TYCHE. 2004. Vol. 19. P. 157–166.
60. Rzepka J. The First Battles of the Chaeronea Campaign, 339/8 B.C. // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 2018. Vol. 58. P. 516–522.
61. Sealey R. Demosthenes and His Time: A Study in Defeat. NY; Oxford: Oxford University Press, 1993. 340 p.
62. Sealey R. Philipp II. und Athen, 344/3 und 339 // Historia. 1978. Bd. 27. Hf. 2. S. 295–316.
63. Sears M. A., Willekes C. Alexander's Cavalry Charge at Chaeronea, 338 BCE // Journal of Military History. 2016. Vol. 80 (4). P. 1017–1035.
64. Wankel H. Kommentar // Demosthenes. Rede für Ktcsiphon über den Kranz / brllutert und mit einer Einleitung versehen von H. Wankel. Heidelberg: Universitätsverlag Winter GmbH, 1976. S. 105–1357.
65. Westlake H. D. Thessaly in the fourth century B.C. London: Methuen, 1935. 248 p.
66. Worthington I. Demosthenes of Athens and the Fall of Classical Greece. Oxford: Oxford University Press, 2012. 382 p.
67. Wrightson G. Combined Arms Warfare in Ancient Greece: From Homer to Alexander the Great and his Successors. London; NY: Routledge, 2019. 248 p.

References

1. Borukhovich, VG 1999, ‘Afiny i Makedoniya Filippa II: ot Filokratova mira do Kheroneyskogo srazheniya’ (Athens and Macedonia of Philip II: from the Peace of Philocrates to the Battle of Chaeronea), *Iz istorii antichnogo obshchestva: Mezhevuzovskiy sbornik* (From the history of ancient society: Interuniversity collection), vol. 6, ed. E.A. Molev, Izd-vo NNGU publ, Nizhniy Novgorod, pp. 3–17. (In Russ.)
2. Boshnakov, K 2000, *Trakitska drevnost. Istoricheski ochertsi* (Thracian Antiquities. A Historical Essay), Vulkan-4 publ, Sofia. (In Bulg.)
3. Delev, P 1997, ‘Filip II i zalezht na “Golyamoto” Odrisko tsarstvo v Trakiya’ (Philip and the decline of the “Big” Odrisian Kingdom in Thrace), *Shumenski universitet “Episkop Konstantin Preslavski”*. *Trudove na katedrite po istoriya i bogoslovie* (Shumen University “Bishop Kon-

- stantin Preslavski*". *Works of the Departments of history and theology*), vol. 1, pp. 7–40. (In Bulg.)
4. Kutergin, VF 1991, *Beotiyskiy soyuz v 379 – 335 gg. do n.e.: Istoricheskiy ocherk* (The Boeotian Union in 379 – 335 BC: A Historical Essay), Izd-vo Mord. un-ta publ, Saransk. (In Russ.)
 5. Marinovich, LP 1975, *Grecheskoye nayomnichestvo IV v. do n.e. i krizis polisa* (Greek mercenary activity of the 4th century BC and the crisis of the polis), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
 6. Pietrikowski, J 2018, *Velikiye srazheniya ehpokhi ellinizma* (Great Battles of the Hellenistic World), Klio publ, Moscow. (In Russ.)
 7. Sivkina, NYu & Novosilnov, AS 2021, 'Uchastiye konnitsy v bitve pri Kheroneye 338 g. do n.e.' (Cavalry participation in the Battle of Chaeronea 338 BC), *Manuskript* (Manuscript), vol. 14, no 8, pp. 1603–1607. (In Russ.)
 8. Worthington, I 2014, *Filipp Makedonskiy* (Philip II of Macedonia), trans. S.V. Ivanov, Klio publ, St. Petersburg, Moscow. (In Russ.)
 9. Shofman, AS 1960, *Istoriya antichnoy Makedonii. Ch. 1* (The History of Ancient Macedonia. Part. 1), Izd-vo Kazan. un-ta publ, Kazan. (In Russ.)
 10. Chatzelis, G & Harris, J (eds.) 2017, *A Tenth-Century Byzantine Military Manual: The Sylloge Tacticorum*, Routledge publ, London, New York.
 11. Franke, F (ed.) 1863, *Aeschines Orationes*, Teubner publ, Leipzig. (In Ancient Greek)
 12. Anson, EM 2020, *Philip II, the Father of Alexander the Great: Themes and Issues*, Bloomsbury publ, London, New York.
 13. Ashley, JR 1998, *The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359 – 323 BC*, McFarland publ, Jefferson.
 14. Beloch, J 1922 *Griechische Geschichte. Bd. III. Auf. 1*, Walter De Gruyter publ, Leipzig, Berlin. (In Germ.)
 15. Beloch, J 1923 *Griechische Geschichte. Bd. III. Auf. 2*, Walter De Gruyter publ, Leipzig, Berlin. (In Germ.)
 16. Billows, RA 1997, *Antigonos the One-eyed and the Creation of the Hellenistic State*, University of California Press publ, Berkeley, Los Angeles, Oxford.
 17. Brizzi, G 2004, *Le Guerrier de l'Antiquité classique: de l'hoplite au legionnaire*, Jean-Paul Bertrand publ, Monaco. (In French)
 18. Buckler, J 2003, *Aegean Greece in the Fourth Century BC*, Brill publ, Leiden, Boston.
 19. Buckler, J & Beck, H 2008, *Central Greece and the Politics of Power in the Fourth Century BC*, Cambridge University Press publ, Cambridge, New York.
 20. Bugh, GR 2020, 'Greek Cavalry in the Hellenistic World: Review and Reappraisal', *New Approaches to Greek and Roman Warfare*, ed. L. L. Brice, Wiley Blackwell publ, Hoboken, pp. 65–80.
 21. Bugh, GR 1988, *The Horsemen of Athens*, Princeton University Press publ, Princeton.
 22. Burn, AR 1964, *Alexander the Great and the Hellenistic World*, English Universities Press publ, London.
 23. Cawkwell, G 1978, *Philip of Macedon*, Faber & Faber publ, London, Boston.
 24. Whinston, R (ed.) 1859, *Demosthenes. Vol. 1*, Whittaker & Co publ, London.
 25. Whinston R. (ed.) 1868, *Demosthenes. Vol. 2*, Whittaker & Co publ, London.
 26. Conomis, N (ed.) 1975, *Dinarchi orations cum fragmentis*, Teubner publ, Leipzig. (In Ancient Greek)
 27. Diodorus Siculus 1989, *Library of history*, vol. 8, Harvard University Press publ, Cambridge, London. (In Ancient Greek)
 28. Engels, J 2007, *Philipp II. und Alexander der Große*, Wissenschaftliche Buchgesellschaft publ, Darmstadt. (In Germ.)
 29. Ellis, JR 1976, *Philip II and Macedonian Imperialism*, Princeton University Press publ, Princeton.
 30. Errington, RM 1990, *A History of Macedonia*, University of California Press publ, Berkeley, Los Angeles.
 31. Roos, AG (ed.) 1907, *Flavii Arriani Anabasis Alexandri*, Teubner publ, Leipzig. (In Ancient Greek)

32. Gabriel, RA 2010, *Philip II of Macedonia: Greater than Alexander*, Potomac Books publ, Washington.
33. Gaebel, RE 2002, *Cavalry Operations in the Ancient Greek World*, University of Oklahoma Press publ, Norman.
34. Grainger, JD 2019, *Antipater's Dynasty: Alexander the Great's Regent and his Successors*, Pen & Sword Military publ, Barnsley.
35. Grainger, JD 1999, *The League of the Aitolians*, Brill publ, Leiden, Boston, Köln.
36. Green, P 2013, *Alexander of Macedon, 356 – 323 BC: a historical biography*, University of California Press publ, Berkeley, Los Angeles, London.
37. Griffith, GT 1979, 'The Reign of Philip the Second', Hammond N.G.L., Griffith G.T. *A History of Macedonia. Vol. II: 550 – 336 BC*, Clarendon Press publ, Oxford, pp. 201–646.
38. Hammond, NGL 1994, *Philip of Macedon*, The Johns Hopkins University Press publ, Baltimore.
39. Hammond, NGL 1938, 'The two battles of Chaeronea (338 B.C. and 86 B.C.)', *Klio*, vol. 31. pp. 186–218.
40. Hammond, NGL 1980, 'Training in the Use of a Sarissa and its Effect in Battle, 359 – 333 B.C.', *Antichthon*, vol. 14, pp. 53–63.
41. Harris, EM 1995, *Aeschines and Athenian Politics*. Oxford University Press publ, Oxford.
42. Grenfell, B & Hunt, A (eds.) 1909, *Hellenica Oxyrhynchia cum Theopompi et Cratippi fragmentis*, Clarendon publ, Oxford. (In Ancient Greek)
43. Hohmann, W 1908, *Aitolien und die Aitoler bis zum Lamischen Kriege*, Diss, Halle. (In Germ.)
44. Gundermann, G (ed.) 1888, *Ivli Frontini strategematon libri quattuor*, Teubner publ, Leipzig. (In Latin)
45. King, CJ 2017, *Ancient Macedonia*, Routledge publ, London, New York.
46. Loukopoulou, LP 2011, 'Macedonia in Thrace', *Brill's Companion to Ancient Macedon: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC – 300 AD*, ed. R.J. Lane Fox, Brill publ, Leiden, Boston, pp. 567–576.
47. Rühl, F & Seel, O (eds.) 1935, *M. Juniani Justini epitoma historiarum Philippicarum*, Teubner publ, Leipzig. (In Latin)
48. Ma, J 2008, 'Chaironeia 338: Topographies of Commemoration', *Journal of Hellenic Studies*, vol. 128, pp. 72–91.
49. Ober, J 1991, 'Hoplites and obstacles', *Hoplites: The Classical Greek Battle Experience*, ed. V.D. Hanson, Routledge publ, London, New York, pp. 173–196.
50. Pickard-Cambridge, AW 1914, *Demosthenes and the Last Days of Greek Freedom, 384 – 322 BC*. Putnam's Sons publ, New York, London.
51. Plutarchi Chaeronensis 1888, *Moralia*, vol. 2, ed. G. Bernardakis, Teubner publ, Leipzig. (In Ancient Greek)
52. *Plutarchi Vitae parallelae*, 1889, vol. 3, ed. C. Sintensis. Teubner publ, Leipzig. (In Ancient Greek)
53. *Plutarchi Vitae parallelae*, 1904, vol. 4, ed. C. Sintensis. Teubner publ, Leipzig. (In Ancient Greek)
54. *Polyaeni Strategematon libri VIII* 1887, ed. E. Woelfflin, J. Melber, Teubner publ, Leipzig. (In Ancient Greek)
55. *Q. Curtii Rufi historiarum Alexandri Magni Macedonis libri qui supersunt* 1889, ed. Th. Vogel, Teubner publ, Leipzig. (In Latin)
56. Rahe, PA 1981, 'The Annihilation of the Sacred Band at Chaeronea', *American Journal of Archaeology*, vol. 85, no 1, pp. 84–87.
57. Ray, FE 2012, *Greek and Macedonian Land Battles of the 4th Century BC*, McFarland publ, Jefferson.
58. Ryder, TTB 2000, 'Demosthenes and Philip II', *Demosthenes: statesman and orator*, ed. I. Worthington, Routledge publ, London, New York, pp. 45–89.
59. Rzepka, J 2004, 'Philip II of Macedon and "The Garrison in Naupactus". A Re-Interpretation of Theopompus FG_{GrHist} 115 F 235', *TYCHE*, vol. 19, pp. 157–166.
60. Rzepka, J 2018, 'The First Battles of the Chaeronea Campaign, 339/8 B.C.', *Greek, Roman, and Byzantine Studies*, vol. 58, pp. 516–522.

61. Sealey, R 1993, *Demosthenes and His Time: A Study in Defeat*, Oxford University Press publ, New York, Oxford.
62. Sealey, R 1978, 'Philipp II. und Athen, 344/3 und 339', *Historia*, vol. 27, no. 2, pp. 295–316. (In Germ.)
63. Sears, MA & Willekes, C 2016, 'Alexander's Cavalry Charge at Chaeronea, 338 BCE', *Journal of Military History*, vol. 80, pp. 1017–1035.
64. Wankel, H 1976, 'Kommentar', *Demosthenes. Rede für Ktcsiphon über den Kranz*, ed. H. Wankel, Winter publ, Heidelberg, pp. 105–1357. (In German)
65. Westlake, HD 1935, *Thessaly in the fourth century B.C.*, Methuen publ, London.
66. Worthington, I 2012, *Demosthenes of Athens and the Fall of Classical Greece*, Oxford University Press publ, Oxford.
67. Wrightson, G 2019, *Combined Arms Warfare in Ancient Greece: From Homer to Alexander the Great and his Successors*, Routledge publ, London, New York.

Статья поступила в редакцию: 15.10.2024
Одобрена после рецензирования: 07.11.2024
Принята к публикации: 07.11.2024

The article was submitted: 15.10.2024
Approved after reviewing: 07.11.2024
Accepted for publication: 07.11.2024

Научная статья
УДК 904/94(37)
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-24-38>

КУЛЬТЫ ЖЕНЩИН ИМПЕРАТОРСКОГО ДОМА В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ I – НАЧАЛА III В. Н. Э. (ПО ДАННЫМ НУМИЗМАТИКИ)

**Екатерина Сергеевна
Дорожкина**^{1, 2}

¹ Российский государственный гуманитарный университет
² Государственный исторический музей
Москва, Россия, Dorozhkina.Katerine@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0003-5348-7078>

Аннотация. В статье рассмотрены особенности учреждения культов женщин императорской семьи и становление их иконографии в Римской империи в I – начале III в. н. э. Историография рассматривает императорский культ как политическое явление, характерное для того периода, а его сакральные и религиозные аспекты начали освещать в исследованиях гораздо позднее. Культы женщин императорского дома начали активно изучаться в контексте общей проблематики императорского культа только в 10-х гг. XXI в., и многие тезисы являются дискуссионными, а темы – недостаточно изученными. Исследование охватывает временной промежуток с 20-х гг. до н. э. до первой четверти III в. н. э. – время активного развития иконографии императорского культа в эпоху принципата. Исследование проведено на основе нумизматических источников I – III в. н. э. – коммеморативных монет с изображениями обожествленных женщин императорского дома.

Автор ставит перед собой цель выявить степень схожести и различия изобразительных традиций культа императора и женщин императорской семьи, а также выделить особенности почитания женщин в рамках императорского культа на основе визуальных источников. В ходе анализа различных типов монет были выявлены специфические черты иконографии обожествленных женщин императорского дома: активно использовались образы богинь и божественных персонификаций, ассоциировавшихся с плодородием и процветанием, а символы государства обычно использовались тогда, когда женщина на изображении связывалась непосредственно с императором. Это можно объяснить тем, что те, несмотря на свое политическое влияние при дворе, были преимущественно изолированы от гражданского аспекта культа императора, а их культы были в большей степени связаны с плодородием и процветанием императорской семьи и, как следствие, всего государства.

Ключевые слова: императорский культ, Римская империя, нумизматика, принципат, женщины императорского дома.

Благодарности: Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Человек, общество и власть в Римской империи в условиях трансформации» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

Для цитирования: Дорожкина Е. С. Культы женщин императорского дома в Римской империи I – начала III в. н. э. (по данным нумизматики) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 3 (19). С. 24–38. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-24-38>

Сведения об авторе: Е. С. Дорожкина – специалист по учебно-методической работе кафедры всеобщей истории исторического факультета, Российский государственный гуманитарный университет, 125047, Россия, г. Москва, Миусская площадь, 6; экскурсовод, Государственный исторический музей, 125009, Россия, г. Москва, Красная площадь, 1.

© Дорожкина Е. С., 2024

Scientific Article
UDC 904/94(37)
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-24-38>

IMPERIAL FAMILY WOMEN CULTS IN ROMAN EMPIRE OF THE 1ST – EARLY 3RD CENTURY AD (ACCORDING TO NUMISMATICS)

Ekaterina S. Dorozhkina^{1, 2}

¹ Russian State University for the Humanities

² State Historical Museum

Moscow, Russia, Dorozhkina.Katerine@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0003-5348-7078>

Abstract. The article explores the peculiarities of the establishment of the imperial family women cult and the formation of their iconography in the 1st – early 3rd centuries AD Roman Empire. Historiography considers the imperial cult as a political phenomenon that was typical for that period, while its sacral and religious aspects began to be covered in studies much later. It was only in the 10s of the 21st century that an active study of the imperial family women cults began. Scholars have considered this sphere in the context of the imperial cult general problematics, and many theses are debatable and topics are understudied. The study covers the period from the 20s BC to the first quarter of the 3rd century AD – a time of the active imperial cult iconography development during the Principate. The basis for the study is numismatic sources of the 1st – 3rd century AD, namely commemorative coins with images of deified imperial family women.

The author aims to identify the degree of similarities and differences between the visual traditions of the imperial cult and the imperial family women, as well as to identify the peculiarities of honoring women within the imperial cult on the basis of visual sources. The analysis of different types of coinage reveals distinctive features of the iconography of the deified imperial family women: in the studied pictorial tradition, images of goddesses and divine personifications associated with fertility and prosperity were actively used, while symbols of the state were usually used when the woman in the image was associated directly with the emperor. The author explains this as follows: although women exerted some political influence at court, their cults did not affect the civil aspect of the cult of the emperor. They were mainly concerned with the fertility and prosperity of the imperial family and, as a consequence, of the entire state.

Keywords: imperial cult, Roman Empire, numismatics, Principate, imperial family women.

Acknowledgements: The work was carried out within the framework of the Russian State University for the Humanities project ‘Human, Society and Power in the Roman Empire in the Conditions of Transformation’ (competition ‘Student Project Research Teams of the Russian State University for the Humanities’).

For citation: Dorozhkina, ES 2024, ‘Imperial Family Women Cults in Roman Empire of the 1st – early 3rd century AD (according to numismatics)’, *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (19), pp. 24–38, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-24-38> (in Russ.)

Information about the Author: *Ekaterina S. Dorozhkina* – Teaching and Learning Specialist of the Department of World History of the Faculty of History, Russian State University for the Humanities, 6, Miusskaya Square, Moscow, 125047, Russia; Guide, State Historical Museum, 1, Red Square, Moscow, 125009, Russia.

Феномен императорского культа в Древнем Риме уже долгое время изучается в отечественной и зарубежной историографии, но основное внимание уделяется почитанию непосредственно персоны императора, в то время как культ также включает в себя почитание членов его семьи. От начала правления Октавиана Августа, при котором произошла институционализация культа императора, до так называемого «кризиса III века» в рамках культа членов императорской семьи, который являлся частью императорского культа, было обожествлено множество женщин императорской семьи: жен, дочерей, сестер и других близких родственниц императора. Помимо того, что феномен почитания женщин императорского дома в Древнем Риме представляет интерес сам по себе, его изучение помогает по-иному взглянуть на важнейшие дискуссионные вопросы, касающиеся императорского культа.

Однако прежде всего следует отметить, что термин «императорский культ» или «культ императора» – это историографический конструкт. Под ним обычно подразумевается комплекс практик, направленных на поклонение императору и его семье как божественным или полубожественным сущностям. Считается, что в истории Римской империи императорский культ берет начало от смерти Юлия Цезаря (который по легенде вознесся на небо в виде кометы) и начинает угасать с установлением христианства как господствующей религии [25, p. 3716; 15, с. 7].

Хотя историография императорского культа берет свое начало еще в XIX в., долгое время понимание этого явления было искажено христианскими представлениями о религии, так как зачастую исследователи рассматривали ранние имперские практики через призму сложившихся позже христианских представлений [15, p. 4–7]. Современные исследователи пересмотрели многие положения своих предшественников: как отмечает в своей работе исследовательница Гвинет МакИнтайр [22, p. 2–5], акт обожествления не имел в себе лишь одной религиозной цели, не сводился к вере и ритуалу, но являлся частью социальной жизни и политического ландшафта. При этом культ распространялся по всей территории империи, не имея географических ограничений.

Персональные культы женщин императорского дома оставили свой след в римской чеканке. Являясь частью нумизматической пропаганды, их образы тиражировались на монетах разных номиналов на западных и восточных территориях, об их божественном статусе знало большинство жителей Римской империи, по крайней мере те из них, кто регулярно имел дело с деньгами. Нумизматические источники позволяют выяснить, какое место культы женщин императорской семьи занимали в системе римской религии и с помощью каких образов их культы пропагандировались среди населения империи.

Само обожествление происходило в результате волеизъявления императора и решения сената¹. В отношении императорского культа трудно выстроить единую картину процедуры обожествления: безусловно, канонически процесс инициировался волей сената, причем как в отношении членов императорской семьи, так и в отношении самого императора (в случае обожествления женщин отмечалась как правило их невероятная добродетель). Так, Октавиан Август в «Деяниях божественного Августа» пишет о том, что именно сенат инициировал введение особых почестей для него (RGDA. 10–12, 34). Однако даже на примере процесса дарования ему сенатом титула *augustus* (проходившего, судя по всему, под его пристальным персональным контролем) можно понять, что подобные решения не могли быть озвучены без санкции императора [10, с. 173]. Подтверждение этого соображения мы увидим далее уже на примере обожествления его жены. Менее очевидно влияние сената на процесс обожествления и дарования титулов членам императорской семьи во время правления императоров, проводивших собственную религиозную политику, идущую вразрез с мнением сената. Так, например, Калигула, обожествил не только сестру, но и

новорожденную дочь (Suet. Caes. Caligula. 24).

Практика обожествления женщин императорского дома в рамках императорского культа восходит к эпохе династии Юлиев-Клавдиев. Первой обожествленной женщиной из семьи императора стала сестра Калигулы Юлия Друзилла (16 – 38 г. н. э.). Император был очень сильно привязан к Юлии (Suet. Caes. Caligula. 24), и, когда она неожиданно скончалась, сенат обожествил ее под именем Дивы Друзиллы, также посмертно даровав ей титул *augusta* и провозгласив земным воплощением богини Венеры Прародительницы или Пантеи, то есть «всебогини» (Dio Cass. LIX. 11. 2–3). Для Юлии полагалось «установить ее золотое изображение в здании сената, посвятить ей золотую статую в храме Венеры на Форуме, причем она должна была иметь те же размеры, что и изваяние богини, и ей должны были воздаваться те же почести. Сверх того, ей следовало воздвигнуть особое святилище и назначить двадцать жрецов – как мужчин, так и женщин. Женщины, произнося официальное свидетельство под присягой, всякий раз должны были клясться ее именем. В день ее рождения следовало справлять праздник, подобный Мегалезийским играм². Тогда же Друзилла получила наименование Пантеи и была удостоена божественных почестей во всех городах» (Dio Cass. LIX. 11. 2, 3, пер. под ред. А. В. Махлаюка.). Калигула стремился представить сестру символической прародительницей рода Юлиев, отождествив ее с богинями-прародительницами [35, р. 460]. Обожествление Юлии отобразилось и на чеканке. Традиционный образ трех сестер Калигулы сопровождался легендой, отражающей ее апофеоз через надписи *Diva Iulia* или *Thea Iulia* (RPC I 2012; RPC I 2704a) (рис. 1).

Рис. 1. Бронзовая монета с образами Юлии Друзиллы, Агриппины Младшей и Юлии Ливиллы. Отчеканена в Апамее Вифинской в 38 – 41 гг. н. э. Монетный тип: RPC I 2012. Экземпляр из собрания Отделения монет, медалей и древностей Национальной библиотеки Франции. Идентификатор: В 1005. Источник: URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8561711g> (дата обращения 25.05.2024)

При этом многие почести, оказанные Юлии, имели схожесть с погребальным обрядом и посмертными почестями супруги Октавиана Августа Ливии Друзиллы. По завещанию мужа она вместе с сыном от первого брака (будущим императором Тиберием) была принята в род Юлиев и получила титул *augusta* и *mater patriae* (Тас. Ann. I, 8). Будучи яркой политической фигурой при дворе мужа, она подверглась нападкам Тиберия, который не желал иметь при дворе столь сильную оппозицию. Она скончалась вдали от Рима в 29 г. н. э. и, несмотря на симпатию сената, который назначил ей особые почести (Dio Cass. LVIII. 2. 1–3), император отказался ее обоже- ствить. Для Ливии сенат постановил следующее: «...чтобы в течение всего года жен- щины носили по ней траур, (...) воздвигнуть в ее честь арку – этого не достаивалась ни одна женщина» (Dio Cass. LVIII. 2. 1). Стоит упомянуть, что именная арка так и не была возведена – Тиберий объявил, что построит ее на личные деньги, но так этого и не сделал. При этом нумизматические источники показывают, что титул *diva* употреблялся по отношению к Ливии задолго до официального признания (RPC 1 2338).

Говоря об особенностях совокупности культов женщин императорской семьи и ее изобразительных канонов, следует в первую очередь остановиться на основных чертах иконографии культа самого императора. В то время, когда культ императора только зарождался как религиозный институт, на монетах император часто изобра- жался вместе с другими богами, их чертами и атрибутами, или же представлялся в их образе; это было особенно распространено на Востоке, где уже были глубоко укор- енены культы правителей [1, с. 59]. Данная традиция была продолжена другими императорами, и такие легенды активно используются на протяжении всего рас- сматриваемого периода. Чаще всего на монетах изображались Юпитер, Зевс, Апол- лон, Геркулес, Виктория, реже – Дионис и Венера, а также Пакс – богиня мира, Рома – покровительница Рима и богини-благодетели, например, Пиетас и Конкордия, а также Этернитас – олицетворение вечности (RIC II, Part 1 (second edition) Titus 373) (RIC II, Part 3 (second edition) Hadrian 1433). Такая тенденция была характерна и для монет с изображениями полководцев и других римских лидеров эпохи республикан- ского Рима. В эпоху империи эти образы были взяты на вооружение как один из элементов пропаганды [1, с. 67]. Стоит также упомянуть, что использование образов богинь-благодетельниц особенно характерно для династии Антонинов, данные изображение должны были подчеркнуть ценность мира и процветания империи [1, с. 94]. В контексте императорского культа богини-добродетели и богини- воплощения играют важнейшую роль. Почитание имперских добродетелей, таких, как *Salus* («Благосостояние»), *Virtus* («Доблесть») или *Providentia* («Провидение»), с указанием на связь с императором через добавление к ним титула *augusti* или *augusta* [15, p. 7].

Помимо изображения на монетах различных божеств, в чеканке II в. начинает использоваться легенда *CONSECRATIO*, отсылающая к апофеозу. Она объединяла в себе символы апофеоза, такие, как изображения алтарей, кометы, орла и др. (RIC III Commodus 663) (RIC III Commodus 661). Таким образом, в изобразительной тради- ции можно заметить стремление к связи правителя и империи. Император обо- жествлялся в паре с богиней Ромой, покровительницей Рима (Тас. Ann. IV. 39), вме- сте с ней они являлись олицетворением государства. Тем не менее следует отметить, что божественный император все же оставался независимо существующей в римском пантеоне фигурой. Так, в памфлете «Отыквление Божественного Клавдия», припи- сываемом Сенеке, судьбу Клавдия на Олимпе вместе с Юпитером решает Божествен- ный Август (Sen. Arosol. 10). Император почитался как другой бог пантеона только в провинциях, где уже был местный укоренившийся пантеон (почитался он как вер- ховный бог, например Зевс) [1, с. 65].

Изображения обожествленных женщин также создавались в рамках традиции, сформировавшейся в ходе изменения иконографии культа императора в соответствии с гендерными нормами того времени. Так, легенда *CONSECRATIO* также активно использовалась в чеканке с их изображениями. Несмотря на свое происхождение, традиция изображения женщин имеет несколько фундаментальных отличий от иконографии императора. Так, орел на реверсе заменялся павлином – символом апофеоза членов императорской семьи женского пола (RIC V Mariniana 5). При этом орел помимо связи с императором [15, р. 273] был символом римской государственности, павлин же имел другую семантику – он был символом богини Юноны [16, р. 196] (рис. 2). Также разнообразие изображений, используемых с данной легендой, у женщин в целом было гораздо более скудным.

Рис. 2. Бронзовый сестерций с образом обожествленной Фаустины Старшей. Отчеканен в Риме в 141 г. н. э. Монетный тип: RIC III Antoninus Pius 1133a. Экземпляр из собрания Американского нумизматического общества. Идентификатор: 1963.79.2.

Источник: URL: <http://numismatics.org/collection/1963.79.2> (дата обращения 25.05.2024)

Однако данной тенденции соответствуют не все случаи чеканки. Так, после обожествления Фаустины Младшей, супруги Антония Пия, было выпущено беспрецедентно большое количество разнообразных монет, изображающих апофеоз: например, на реверсах изображают Фаустину верхом на орле³, а также богиню Викторию (RIC III Marcus Aurelius 1699) (RIC III Marcus Aurelius 1700).

Традиция изображения обожествленных женщин в паре с богинями или же в образах богинь зародилась еще в конце правления династии Юлиев-Клавдиев, однако по-настоящему активно такие изображения начали использоваться во время «Года четырех императоров» (гражданская война в Римской империи 68 – 69 г.) в чеканке Сервия Сульпиция Гальбы. Еще до своего восхождения на престол Гальба во время своего первого консульства сблизился со вдовой Октавиана Августа Ливией, в

то время еще не потерявшей свое политическое влияние при дворе сына [34, р. 28]. Благодаря ей Гальба фактически вошел в круг членов императорской семьи. Ливия активно способствовала его продвижению по службе, а также завещала ему крупную сумму денег [34, р. 29]. После восхождения на престол Гальба почтил память своей благодетельницы, выпустив первую серию монет с ее изображением на реверсе.

Всего был создан 31 тип монет, большинство из них – денарии и бронзовые сестерции, также присутствуют ассы и ауреусы, то есть использовались как серебро и бронза, так и золото, хоть и в меньших объемах. Монеты чеканились на монетных дворах Рима и Таррагона – столицы Тарраконской Испании, претором которой Гальба был до гражданской войны. Подобное обилие серебряных монет можно объяснить тем, что в Таррагоне находилось одно из крупнейших серебряных месторождений Римской империи [6, с. 165].

Существуют несколько вариантов надписей на реверсах данных монет: *DIVA AUGUSTA* (RIC I (second edition) Galba 13), *AUGUSTA SC* (RIC I (second edition) Galba 335) либо *DIVA AUGUSTA SC*⁴ (RIC I (second edition) Galba 66), при этом сенатские монеты составляют около четверти от общей массы. *Diva* отсылает нас к апофеозу Ливии и к уже устоявшемуся на тот момент культу [17, р. 222]. На реверсах Ливия изображена стоящей либо сидящей, с повернутой в левую сторону головой и держащей в руках патеру (священный сосуд) и скипетр (RIC I (second edition) Galba 333) (RIC I (second edition) Galba 150). Эти предметы вскоре прочно закрепятся в традиции изображения женщин императорского дома и станут их атрибутами вплоть до времен династии Антонинов. Эти символы устоялись не только в нумизматике, но и в скульптуре: например, их можно увидеть в руках у статуи Фаустины Старшей из Капитолийского музея.

Патера и скипетр часто встречались на монетах династии Юлиев-Клавдиев: со времен правления императора Калигулы этими атрибутами наделялась Веста (RIC I (second edition) Gaius/Caligula 38), как и на монетах Гальбы (RIC I (second edition) Galba 305) (RIC I (second edition) Galba 308).

Гальба, повелевая отчеканить монеты с изображением Ливии, не только выказывал почтение своей почившей покровительнице [14, р. 104]. Он использовал ее образ для установления символической связи с семьей императора Августа. Легитимизируя свою власть и популяризируя ее культ, связанный с процветанием и стабильностью в государстве, он наделял этими качествами свое правление.

В период правления династии Флавиев традиция императорского культа окончательно закрепились, отделившись от культа семьи Юлиев, потомков Энея [9, с. 25]. За этот период было обожествлено всего две женщины: Юлия Флавия, дочь императора Тита от первого брака и Флавия Домицилла Младшая, дочь императора Веспасиана. Обожествление обеих женщин было связано с персоной императора Домициана.

Флавия Домицилла приходилась родной сестрой будущим императорам Титу и Домициану. Она скончалась предположительно в 69 г. Позднее ее обожествил младший брат Домициан⁵.

Юлия Флавия еще до ее свадьбы с Титом Флавием Сабином была предложена Титом в жены своему брату, будущему императору Домициану, но тот, влюбленный в Домицию Лонгину, отказался. Однако после своей свадьбы Юлия проживала в семье Домициана. По свидетельствам античных авторов, Домициан сожительствовал с племянницей, Юлия даже умерла, когда пыталась избавиться от его ребенка (Suet. Caes. Domitian. 22. 2–3), хотя современные исследователи скептически относятся к данной версии [19, р. 38–39]. После своей смерти в 89 г. Юлия была обожествлена. Марциан в одной из своих эпиграмм называет Юлию покровительницей будущего сына Домициана и приравнивает ее к богиням судьбы:

«О, наро-дись! Ты судь-бой обе-щан дар-дан-цу Иулуб,
Истин-ный отпрыск богов, маль-чик вели-кий, родись!
Чтобы масти-тый отец бразды тебе веч-ные вве-рил
Для управ-ле-нья вдво-ем миром до ста-ро-сти лет.
Пусть бело-снеж-ным пер-стом тебе Юлия нить золотую
Тянет и выпрядет все Фрик-со-ва овна руно».
(Marc. Ep. VI. 3, пер. Ф. А. Петровского)

В период правления династии Флавиев обожествленных императриц начали изображать не только на реверсах, но и на аверсах монет. Так, Ливия Друзилла изображалась как богиня Пиетас во времена верховного правления Тита (RIC II, Part 1 (second edition) Titus 427).

Помимо классических сюжетов в чеканке Флавиев появляется изображение погребальной повозки, запряженной двумя слонами (RIC II, Part 1 (second edition) Domitian 718). В Риме слоны были олицетворением дикой необузданной природы [24, p. 208–236]. В частности, на гемме из коллекции Корнельского университета изображена повозка, запряженная двумя слонами, на которой восседает Церера (рис. 3).

Семантику данного изображения можно трактовать как укрощение природы и приспособление ее на службу римскому процветанию. Этот же сюжет впоследствии появляется в чеканке эпохи династии Антонинов (RIC II Trajan 747) (рис. 4).

При Антонинах увеличивается как количество монет с изображениями императриц, в том числе отсылающих к апофеозу, так и разнообразие изображений на них: Марциану, Матидию и Плотину (сестра, племянница и жена императора Траяна соответственно), Фаустину Младшую и Фаустину Старшую изображают также с Дианой, Венерой, Этернитас (RIC III Marcus Aurelius 1710; RIC III Antoninus Pius 333; RIC III Antoninus Pius 345; RIC III Antoninus Pius 354; RIC III Antoninus Pius 387a (quinarius aureus); RIC III Antoninus Pius 380). Также укореняется еще один атрибут, впоследствии часто возникающий в иконографии божественных август, – колосья. Колосья являются устоявшимися символами богини Цереры (RIC I (second edition) Galba 326), ее атрибуты часто использовались в иконографии Ливии. Именно с колосьями она изображена на первой посвященной ей монете, выпущенной во время правления императора Клавдия (RIC I (second edition) Claudius 101) (рис. 1); также ее статуя в качестве богини плодородия с колосьями и рогом изобилия имеется в Лувре (рис. 5).

Рис. 3. Гемма с изображением Цереры, едущей на повозке, запряженной двумя слонами.

Оттиск XIX в. Коллекция оттисков гемм
Корнельского университета
Источник:

<https://digital.library.cornell.edu/catalog/ss:1972991>
(дата обращения 25.05.2024)

Рис. 4. Серебряный денарий с образом обожествленной Ульпии Марцианы. Отчеканен в Риме в 113 – 114 гг. н. э. Монетный тип: RIC II Trajan 747. Экземпляр из собрания Отделения монет, медалей и древностей Национальной библиотеки Франции. Идентификатор: IMP-3300. Источник: URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b10447576w> (дата обращения 26.05.2024)

Рис. 5. Мраморная статуя Ливии Друзиллы с колосьями и рогом изобилия, I в. н. э. Музей Лувра, Париж
Фото:ChrisO.

Изображения богинь и персонификаций, например, Конкордии, очень часто использовались для чеканки монет, посвященных обожевленным женщинам.

В чеканке этой эпохи встречаются и нетипичные сюжеты. Так, на монетах божественной Фаустины Старшей на реверсах присутствуют сложные многофигурные сцены, изображающие императорскую династию. Подобные сюжеты можно разделить на два типа. Первый – это парное изображение Антонина Пия и Фаустины Старшей, держащихся за руки, и Конкордии (RIC III Antoninus Pius 402A). Второй – изображение августейшей семейной четы вместе с группой мужчин, женщин и девочек в здании с колоннами (RIC III Antoninus Pius 397) (рис. 6); эти монеты сопровождаются надписью *PVELLAE FAVSTINIANAE* (девочки Фаустины) – название благотворительной организации, созданной Марком Аврелием в честь своей покойной жены и помогавшей девочкам-сиротам [23, p. 71].

Рис. 6. Ауреус с образом обожевленной Фаустины Старшей. Отчеканен в Риме в 141 г. н. э.

Монетный тип: RIC III Antoninus Pius 397. Экземпляр из собрания

Американского нумизматического общества. Идентификатор: 1998.114.1.

Источник: URL: <http://numismatics.org/collection/1998.114.1> (дата обращения 26.05.2024)

Также чеканка Фаустины Младшей изобилует изображениями инсигний. В ней существует отдельный тип реверсов с изображением павлина, стоящего рядом с курульным креслом (*sella curulis*) – символом власти (RIC III Antoninus Pius 339C). Со времен республики на кресле восседали магистраты, провинциальные и столичные управленцы. Курульное кресло, как и другие инсигнии, такие, как ликторы или тога, корнями уходят в общество этрусков, где кресло также символизировало статус и силу, подкрепленную законом [33, с. 258]. Также в чеканке присутствует легенда реверса *MATRI CASTRORVM* (этот титул «Мать лагерей» Фаустина получила за то, что сопровождала мужа в успешном военном походе в Паннонию [13, p. 257–258]): композиция представляет собой сидящую на кресле Фаустину, которая держит в руках скипетр и сферу, увенчанную фениксом, рядом стоят римские военные штандар-

ты (RIC III Marcus Aurelius 751). В музее Палаццо Массимо алле Терме представлена статуя Фаустины, которая также держит в руках скипетр и сферу (рис. 7).

Все эти аспекты иконографии чеканки божественных август эпохи Антонинов показывают невероятную для римского мира включенность женщин в государственную пропаганду через парные изображения и «мужские» символы.

В эпоху династии Северов безусловным лидером по количеству почестей среди женщин императорского дома стала Юлия Домна, жена Септимия Севера и мать Каракаллы и Геты, одна из ведущих политических фигур своего времени, принимавшая участие не только в политических интригах Рима, но и сопровождавшая императора в ходе военных действий. Помимо титула *augusta* она получила титулы *Mater castrorum*, *Mater senatus* и *Pia felix augusti*. До наших дней дошло множество изображений и надписей, которые демонстрируют роль Юлии Домны в религиозно-политическом образе династии Северов (IG II² 1076, IG II² 3415). Ее прижизненная чеканка отличается масштабами и необычайным разнообразием сюжетов, однако посмертная чеканка представлена лишь монетами с легендой *CONSECRATIO*.

Такое распределение изображений объясняется тем, что во времена ранней империи даже знатные женщины, хоть и получили больше прав в имущественной сфере, формально были полностью исключены из политической жизни [12, с. 269]. Это ярко демонстрирует пример Ливии, которая проложила путь к императорскому креслу своему сыну Тиберию благодаря уму, хитрости и умению выстраивать политические союзы с влиятельными мужчинами. Подобные действия не одобрялись римскими нравами, что, к примеру, ярко отражено в «Анналах» Тацита (Tac. Ann. I. 3. 1–7). Он прямо связывал власть женщин и крах системы принципата и принципов республики, так как при единоличном правлении за плечами императора будет стоять не просвещенный сенат, а члены семьи, в особенности жадные до власти женщины [20, р. 23–25]. В нарративных источниках женщины, активно участвовавшие в политической жизни империи благодаря высокому положению, наделялись такими качествами, как хитрость и жажда власти, они всегда оказывались в центре самых грязных политических интриг. Если требовалось положительно

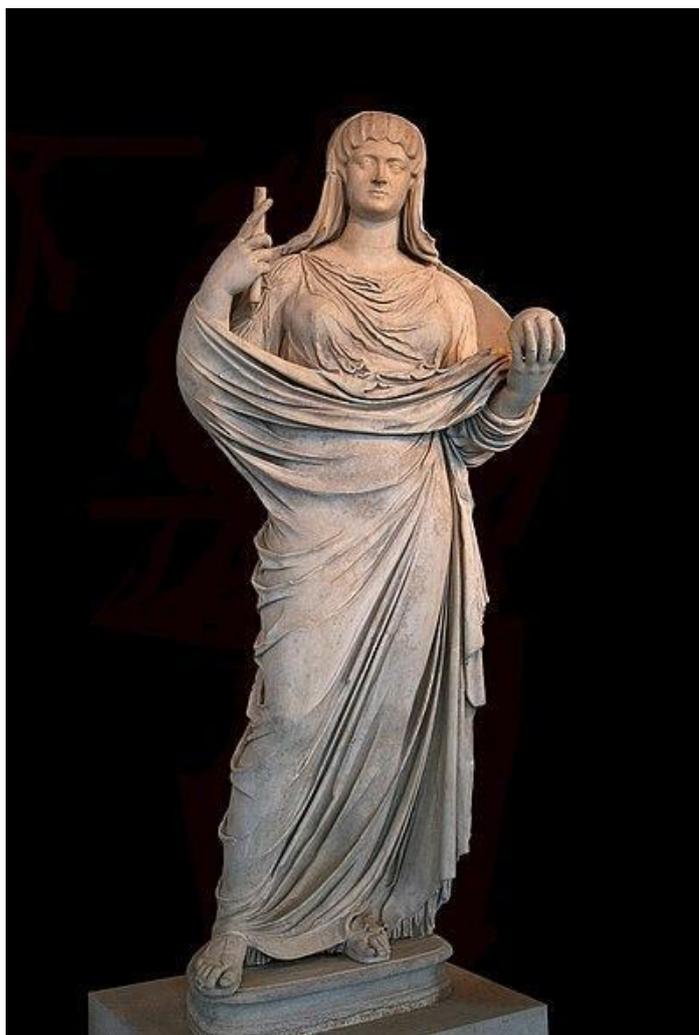

Рис. 7. Статуя Фаустины Младшей с императорскими инсигниями, 165 г. н. э. Палаццо Массимо алле Терме, Рим. Фото: Jean-Pol GRANDMONT.

охарактеризовать женщину, ее зачастую наделяли «мужским» умом [11, с. 316]; их образ не соответствовал тому, какими качествами должна была обладать римская матрона согласно традиционным представлениям. Такой способ изображения политически активных женщин для части римских историков стал частью картины империи, погрязшей в разврате и роскоши, медленно движущейся к своему закату.

Таким образом, женщины императорского дома также становятся объектами почитания в рамках императорского культа. Этот гендерный аспект ясно дает понять, что в эпоху принципата императорский культ являлся не культом личности императора, а культом императорской семьи и династии. При этом можно проследить выработывавшийся столетиями комплекс иконографических традиций, выделяющий женские культы из общего массива религиозных практик, называемых в историографии римским императорским культом. В иконографии культов женщин императорского дома ярко прослеживается связь с плодородием и процветанием, а сама обожествленная женщина наделялась статусом *mater familias* императорской семьи или всего рода, что прочно связывало культы обожествленных женщин с идеей процветания династии. Также, несмотря на то что включение образа женщин императорского дома в императорский культ демонстрирует некоторую степень их субъектности в этом аспекте жизни римского общества. Используемые в иконографии символы демонстрируют их изолированность от тех аспектов культа, которые не были связаны с традиционно «женскими» качествами. Хотя женщины императорской семьи зачастую играли важную роль в политической жизни Римской империи (при этом в нарративных источниках античные авторы демонстрируют негативное отношение к самой идее проявления женщины как политического актора), в визуальной пропаганде женщина чаще всего предстает именно в роли матери.

Примечания

1. В данной работе мы сознательно обходим стороной обширную проблему взаимодействия императора и сената в период принципата.
2. Мегалезии (*Iudi Megalenses*) проводились ежегодно между 4 и 10 апреля в честь Кибелы, великой матери богов, а для сената и всадников должен был устраиваться пир.
3. Также орел изредка встречается на изображениях периода династии Антонинов, например, на монетах Марцианы (*RIC II Trajan 744*) (подробнее см. [5, с. 136]).
4. Монеты *senatus consultum* (SC) утверждались декретом сената.
5. Подробнее см. [36, р. 45–57].
6. Иул или Юл, он же Асканий — один из сыновей Энея.

Список источников и литературы

1. Абрамзон М. Г. Римский императорский культ в памятниках нумизматики. Магнитогорск: МГПИ, 1993. 195 с.
2. Гай Светоний Транквилл Жизнь двенадцати Цезарей / подгот. М. Л. Гаспаров, Е. М. Штаерман. М.: Наука, 1993. 345 с.
3. Деяния божественного Августа // Хрестоматия по истории Древнего Рима / под ред. В. И. Кузицина, пер. с лат. А. Л. Смышляева. М.: Высш. шк., 1987. С. 166–176.
4. Дион Кассий. Римская история. Книги LI – LXIII / пер. под ред. А. В. Махлаюка. СПб.: Нестор-История, 2014. 680 с.
5. Дорожкина Е. С. Об изображениях на «монетах обожествления» (*CONSECRATIO*) женщин императорского дома // Историческая наука завтрашнего дня : VI Всероссийская научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых, Москва, 10 апреля 2023 г. М.: РГГУ, 2023. С. 134–140.

6. *Казаманова Л. Н.* Введение в античную нумизматику. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 304 с.
7. *Марк Валерий Марциал.* Эпиграммы / пер. с лат. Ф. А. Петровского. СПб.: КОМПЛЕКТ, 1994. 448 с.
8. *Публий Корнелий Тацит.* Анналы. Малые произведения // Сочинения : в 2 т. / пер. С. А. Бобовича. Л.: Наука, 1969. Т. 1. С. 7–326.
9. *Тарасова Л. В.* Императорский культ в правление династии Флавиев (69–96 гг.) // *Via in tempore.* История. Политология. 2009. № 1 (56). С. 21–25.
10. *Токарев А. Н.* Augustus и Σεβαστός: о семантике терминов // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков: НМЦ «МД», 2005. С. 165–174.
11. *Шеховцева Е. Е.* Женщина и власть в римской империи: постановка проблемы в аспекте методологии // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 67. С. 314–318.
12. *Шнем Т.* «Власть женщин» в ранней Римской империи? Критический взгляд на исторические представления о «женах цезарей» // THESIS. 1994. Вып. 6. С. 242–270.
13. *Boatwright M. T.* Faustina the Younger: 'Mater Castrorum' // *Les femmes antiques entre sphère privée et sphère publique.* Bristol: P. Lang, 2003. P. 249–268.
14. *De Klerk G.* Displays of Power: Imperial Ideology on the Coinage of Galba during the Crisis of 68/69 A. D. // *Leiden Elective Academic Periodical.* 2021. Issue 1. P. 85–106.
15. *Gradel I.* Emperor Worship and Roman Religion. Oxford: Oxford University Press, 2004. 428 p.
16. *Green A.* Birds in Roman life and myth. London; NY: Taylor & Francis, 2023. 248 p.
17. *Grether G.* Livia and the Roman Imperial Cult // *The American Journal of Philology.* 1946. Vol. 67, Issue 3. P. 222–252.
18. *Inscriptiones Graecae II et III: Inscriptiones Atticae Euclidis anno posteriores (Attic Inscriptions after the year of Euclides)* / ed. J. Kirchner. Berlin: W. de Gruyter, 1935. Electronic version // Attic Inscriptions Online : site. URL: <https://www.atticinscriptions.com/browse/bysource/IGII2/> (date of access: 10.10.2024).
19. *Jones W. B.* The Emperor Domitian. London: Routledge, 1993. 292 p.
20. *L'Hoir F. S.* Tacitus and Women's Usurpation of Power // *The Classical World.* 1994. Vol. 88, Issue 1. P. 5–25.
21. *Lucius Annaeus Seneca* Apocolocyntosis / transl. P. T. Eden. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. 169 p.
22. *McIntyre G.* A Family of Gods: The worship of the Imperial Family in the Roman West. Michigan: University of Michigan Press, 2016. 179 p.
23. *Özdizbay A. E.* Faustina'nın Kızları / Puellae Faustinae // *Istanbul University Journal of Women's Studies.* 2019. Issue 19. P. 71–82.
24. *Scullard H. H.* The Elephant in the Greek and Roman World. London: Cornell University Press, 1974. 288 p.
25. *Smith C.* Encyclopedia of Global Archaeology. NY: Springer, 2014. 11473 p.
26. *The Roman Imperial Coinage. Vol. 1: Augustus–Vitellius (31 BC–69 AD)* / rev. C.H.V. Sutherland, R.A.G. Carson. London: Spink, 1984. 360 p.
27. *The Roman Imperial Coinage. Vol. 2: Vespasian–Hadrian (69–138 AD)* / ed. H. Mattingly, E. A. Sydenham. London: Spink&Son, 1926. 568 p.
28. *The Roman Imperial Coinage. Vol. 2. Part 1: Vespasian to Domitian (69–96 AD)* / ed. I. Carradice, T. Buttrey. 2nd ed. London: Spink, 2007. 404 p.
29. *The Roman Imperial Coinage. Vol. 2. Part 3: Hadrian (117–133 AD)* / ed. M. Amandry [etc.] London: Spink, 2019. 577 p.
30. *The Roman Imperial Coinage. Vol. 3: Antoninus Pius–Commodus (138–192 AD)* / ed. H. Mattingly, E. A. Sydenham. London: Spink&Son, 1930. 545 p.
31. *The Roman Imperial Coinage. Vol. 5. Part 1: Valerian I to Florian (235–476 AD)* / ed. P. H. Webb, E. A. Sydenham, H. Mattingly. London: Spink&Son, 1927. 424 p.
32. *The Roman Provincial Coinage Vol. I: From the death of Caesar to the death of Vitellius (44 BC–AD 69)* / ed. A. Burnett, M. Amandry and P. P. Ripollès. London: British Museum, 1992. 812 p.
33. *Tuori K.* Breaking Chairs: Sella Curulis in Roman Law, Identity and Memory // *Arctos: Acta Philologica Fennica,* 2000. Vol. 54. P. 257–284.

34. Wellesley K. Year of the Four Emperors. Abingdon: Routledge, 2020. 241 p.
35. Wood S. Diva Drusilla and the Sisters of Caligula // *American Journal of Philology*. 1995. Vol. 99, Issue 3. P. 457–482.
36. Wood S. Who Was Diva Domitilla? Some Thoughts on the Public Images of the Flavian Women // *American Journal of Archaeology*. 2010. Vol. 114, Issue 1. P. 45–57.

References

1. Abramzon, MG 1993, *Rimskiy imperatorskiy kult v pamyatnikakh numizmatiki* (Roman imperial cult in numismatics), MGPI publ, Magnitogorsk. (In Russ.)
2. Gasparov, ML & Shtayerman YeM (eds.) 1993, *Gay Svetoniy Trankvill. Zhizn dvenadtsati Tsezarey* (Gaius Suetonius Tranquillus. The Lives of the Twelve Caesars), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
3. Kuzishin, VI (ed.) 1987, 'Deyaniya bozhestvennogo Avgusta' (The Deeds of the Divine Augustus), *Hrestomatiya po istorii Drevnego Rima* (Textbook of Ancient Roman History), trans. A. L. Smyshlyaev, Vysshaya shkola publ, Moscow, pp. 166–176. (In Russ.)
4. Cassius Dio 2014, *Rimskaya istoriya. Knigi LI–LXIII* (Roman history. Books 51–63), trans. A. V. Mahlayuk, Nestor-Istoriya publ, St. Petersburg. (In Russ.)
5. Dorozhkina, ES 2023, 'Ob izobrazheniyakh na «monetakh obozhestvleniya» (CONSECRATIO) zhenshin imperatorskogo doma' (On the images on the "coins of deification" (CONSECRATIO) of the imperial women), *Istoricheskaya nauka zavtrashnego dnya: VI Vserossiyskaya nauchnaya konferentsiya studentov, aspirantov i molodykh uchyonnykh* (Historical Science of the Future : 6th All-Russian Scientific Conference of Students, Post-graduates and Young Scientists), Moscow, 10 April 2023, RGGU publ, Moscow, pp. 134–140. (In Russ.)
6. Kazamanova, LN 1969, *Vvedeniye v antichnuyu numizmatiku* (Introduction to the ancient numismatics), Izd-vo Mosk. un-ta publ, Moscow. (In Russ.)
7. Martial 1994, *Epigrammy* (Epigrams), trans. F. A. Petrovskiy, KOMPLEKT publ, St. Petersburg. (In Russ.)
8. Tacitus 1969, 'Annaly. Malye proizvedeniya' (Annals), *Sochineniya* (Writings), vol. 1, trans. S. A. Bobovich, Nauka publ, Leningrad, pp. 7–326. (In Russ.)
9. Tarasova, LV 2009, 'Imperatorskiy kult v pravleniye dinastii Flaviyev (69 – 96 gg.)' (The imperial cult and Flavian dynasty (69 – 69 A.D.)), *Via in tempore. History and political science*, no. 1 (56), pp. 21–25. (In Russ.)
10. Tokarev, AN 2005, 'Augustus i Σεβαστός: o semantike terminov' (Augustus and Σεβαστός: about the semantics of terms), *Antiquites (Drevnosti) 2013. Kharkiv historical and archaeological annual*, NMTS «MD» publ, Kharkov, pp. 165–174. (In Russ.)
11. Shekhovtseva, EE 2008, 'Zhenshchina i vlast v rimskoy imperii: postanovka problemy v aspekte metodologii' (Women and power in the Roman Empire: formulating the problem in the aspect of methodology'), *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, no. 67, pp. 314–318. (In Russ.)
12. Späth, T 1994, '«Vlast zhenshchin» v ranney Rimskoy imperii? Kriticheskiy vzglyad na istoricheskiye predstavleniya o «zhenakh tsezarey»' ('Women's power in the early Roman imperial period?power' in the early Roman imperial period? A critical look at the historical construction of 'imperial women'), trans T.I. Dudnikova, *THESIS*, vol. 6, pp. 242–270. (In Russ.)
13. Boatwright 2003, 'MT Faustina the Younger: 'Mater Castrorum'', *Les femmes antiques entre sphère privée et sphère publique*, P. Lang publ, Bristol, pp. 249–268.
14. De Klerk, G 2021, 'Displays of Power: Imperial Ideology on the Coinage of Galba during the Crisis of 68/69 A. D.', *Leiden Elective Academic Periodical*, no. 1, pp. 85–106.
15. Gradel, I 2004, *Emperor Worship and Roman Religion*, Oxford University Press publ, Oxford.
16. Green, A 2023, *Birds in Roman life and myth*, Taylor & Francis publ, London, New York.
17. Grether, G 1946, 'Livia and the Roman Imperial Cult', *The American Journal of Philology*, vol. 67, no. 3, pp. 222–252.
18. Kirchner, J (ed.) 1935, *Inscriptiones Graecae II et III: Inscriptiones Atticae Euclidis anno pos-*

- teriores (Attic Inscriptions after the year of Eucleides), W. de Gruyter publ, Berlin, *Attic Inscriptions Online*, viewed 10 October 2024, <https://www.atticinscriptions.com/browse/bysource/IGII2/>.
19. Jones, WB 1993, *The Emperor Domitian*, Routledge publ, London.
 20. L'Hoir, FS 1994, 'Tacitus and Women's Usurpation of Power', *The Classical World*, vol. 88, no. 1, pp. 5–25.
 21. Lucius Annaeus Seneca 1984, *Apocolocyntosis*, trans. P. T. Eden, Cambridge University Press publ, Cambridge.
 22. McIntyre, GA 2016, *Family of Gods: The worship of the Imperial Family in the Roman West*, University of Michigan Press publ, Michigan.
 23. Özdizbay, AE 2019, 'Faustina'nın Kızları', *Istanbul University Journal of Women's Studies*, no. 19, pp. 71–82. (In Turk.)
 24. Scullard, HH 1974, *The Elephant in the Greek and Roman World*, Cornell University Press publ, London.
 25. Smith, C 2014, *Encyclopedia of Global Archaeology*, Springer publ, New York.
 26. 'Augustus–Vitellius (31 BC – 69 AD)', *The Roman Imperial Coinage*, vol. 1, rev. C.H.V. Sutherland, R.A.G. Carson, Spink publ, London.
 27. 'Vespasian–Hadrian (69 – 138 AD)', *The Roman Imperial Coinage*, vol. 2, ed. H. Mattingly, E. A. Sydenham, Spink&Son publ, London.
 28. 'Vespasian to Domitian (69 – 96 AD)', *The Roman Imperial Coinage*, vol. 2, part 1, ed. I. Carradice, T. Buttrey, Spink publ, London.
 29. 'Hadrian (117 – 133 AD)' 2019, *The Roman Imperial Coinage*, vol. 2, part 3, ed. M. Amandry, Spink publ, London.
 30. 'Antoninus Pius–Commodus (138 – 192 AD)' 1930, *The Roman Imperial Coinage*, vol. 3, ed. H. Mattingly, E. A. Sydenham, Spink&Son publ, London.
 31. 'Valerian I to Florian (235 – 476 AD)', *The Roman Imperial Coinage*, vol. 5. part 1, ed. P. H. Webb, E. A. Sydenham, H. Mattingly, Spink&Son publ, London.
 32. 'From the death of Caesar to the death of Vitellius (44 BC – AD 69)' 1992, *The Roman Provincial Coinage*, vol. 1, ed. A. Burnett, M. Amandry and P. P. Ripollès, British Museum publ, London.
 33. Tuori, K 2000, *Breaking Chairs: Sella Curulis in Roman Law, Identity and Memory*, vol. 54, Acta Philologica Fennica publ, Arctos, pp. 257–284.
 34. Wellesley, K 2020, *Year of the Four Emperors*, Routledge publ, Abingdon.
 35. Wood, S 1995, 'Diva Drusilla and the Sisters of Caligula', *American Journal of Philology*, vol. 99, no. 3, pp. 457–482.
 36. Wood, S 2010, 'Who Was Diva Domitilla? Some Thoughts on the Public Images of the Flavian Women', *American Journal of Archaeology*, vol. 114, no. 1, pp. 45–57.

Статья поступила в редакцию: 31.10.2024
Одобрена после рецензирования: 07.11.2024
Принята к публикации: 07.11.2024

The article was submitted: 31.10.2024
Approved after reviewing: 07.11.2024
Accepted for publication: 07.11.2024

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 3 (19). С. 39–49.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2024. Issue 3 (19). P. 39–49.

Научная статья

УДК 94(47)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-39-49>

**О ЖОМИНИ И ВОДКЕ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ФРАЗЫ ПОЭТА-ПАРТИЗАНА
ДЕНИСА ДАВЫДОВА**

**Станислав Сергеевич
Юдин**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, stasstas08@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0002-3140-9637>

Аннотация. Статья является попыткой показать исторический контекст фразы поэта-партизана Д. В. Давыдова «Жомини, да, Жомини – а об водке ни полслова!». Эта строчка появляется в стихотворении «Песня старого гусара» (1817) и относится к швейцарскому военному теоретику А.-А. Жомини и его поклонникам в России. В статье показывается, что этот военный писатель пользовался неоднозначной репутацией из-за обстоятельств своего перехода на сторону антифранцузской коалиции в 1813 г. и особенностей своего характера. Что еще важнее, имя Жомини связывалось в сознании военных и читающей публики с попытками создать строгую военную науку, основанную на жестких неизменных принципах. Для Д. В. Давыдова и его окружения такой подход к военному делу был неприемлем. В попытках разработать теорию партизанских действий Д. В. Давыдов исходил из своеобразия России и конкретного опыта, а не из абстрактных правил. Наконец, имя Жомини связывалось с деятельностью К. Ф. Толя на посту генерал-квартирмейстера Главного штаба Его Императорского Величества. Его попытки держать под контролем военно-научную работу наталкивались на противодействие П. Д. Киселева и его сотрудников по штабу 2-й армии. Д. В. Давыдов был близок к ним в служебном отношении, а также по взглядам на военное дело.

Ключевые слова: А.-А. Жомини, Д. В. Давыдов, К. Ф. Толь, П. Д. Киселев, российская императорская армия, военная мысль.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00325, <https://rscf.ru/project/23-28-00325/>

Для цитирования: Юдин С. С. О Жомини и водке: исторический контекст фразы поэта-партизана Дениса Давыдова // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 3 (19). С. 39–49. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-39-49>

Сведения об авторе: С. С. Юдин – кандидат исторических наук, исполнитель по гранту, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

Scientific Article

UDC 94(47)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-39-49>

ON JOMINI AND VODKA: HISTORICAL CONTEXT OF PARTISAN-POET DENIS DAVYDOV'S PHRASE

Stanislav S. Yudin

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia, stasstas08@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0002-3140-9637>

Abstract. The article is an attempt to show the historical context for the phrase of poet-partisan Denis V. Davydov “Jomini, oh, Jomini – but not a word about vodka!”. This line appears in the poem *Song of the Old Hussar* (1817) and is attributed to the Swiss military theorist A.-H. Jomini and his followers in Russia. The article shows that this military writer enjoyed an ambiguous reputation because of the circumstances of his defection to the side of the anti-French coalition in 1813 as well as features of his character. Jomini’s name was associated in the mind of the military and the reading public with attempts to create a rigorous military science based on rigid immutable principles. For D. V. Davydov and his entourage such an approach to the Patriotic War of 1812 was unacceptable. In an attempt to develop a theory of guerrilla action D. V. Davydov came from the peculiarity of Russia and concrete experience, not from abstract rules. Finally, the name of Jomini was associated with the activity of K. F. Tol, Quartermaster General of His Imperial Majesty's Chief Staff. His attempts to keep military-scientific work under control met with resistance from P. D. Kiselev and his colleagues on the headquarters of the 2nd Army. D. V. Davydov was close to them in service, as well as in his views on the military affairs.

Keywords: A.-H. Jomini, D. V. Davydov, K. W. von Toll, P. D. Kiselev, the Russian Imperial Army, military thought.

Acknowledgements: The research was supported by the Russian Science Foundation Grant No. 23- 28-00325, <https://rscf.ru/project/23-28-00325/>

For citation: Yudin, SS 2024, ‘On Jomini and Vodka: Historical Context of Partisan-Poet Denis Davydov's Phrase’, *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (19), pp. 39–49, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-39-49> (in Russ.)

Information about the Author: *Stanislav S. Yudin* – Candidate of Sciences (History), Contractor for the Grant, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

© Yudin S. S., 2024

При упоминании имени швейцарского военного теоретика А.-А. Жомини неизбежно всплывает фраза «Жомини, да, Жомини – а об водке ни полслова!». Современный словарь галлицизмов поясняет: «Обычно шутил. о теоретике-сухаре» [13]. Некогда влиятельный мыслитель наполеоновской эпохи оказался сведен к одной полушутливой строчке.

Выражение было употреблено в 1817 г. поэтом Денисом Давыдовым и постепенно превратилось в крылатое. В таком качестве оно привлекало внимание филологов [10]. Им удалось проследить его бытование в языке вплоть до произведений конца XX в. Фраза о Жомини и водке (или ее переделки) встречалась порой в самых неожиданных контекстах, от газетных заметок В. И. Ленина до современной предвыборной критики кандидатов. Фактически имя швейцарского теоретика стало использоваться для обозначения любых разговоров, далеких от сути дела.

Однако исторический контекст фразы Д. В. Давыдова изучался мало, и восприятие Жомини в России в начале XIX в. совсем не привлекало внимание исследователей. Историографическая «почва» для такой работы была слабо подготовленной. С одной стороны, из-за замысловатых зигзагов карьеры Жомини основательная биография этого теоретика потребовала бы работы во французских, швейцарских и российских архивах. Никто не взял на себя такой труд, и долгое время историкам приходилось довольствоваться книгами Ф. Леконта [25] и Ш.-О. Сент-Бёва [29] – некритическими биографиями 1860-х гг., во многом написанными со слов самого Жомини. Новейшие франкоязычные работы, к сожалению, по сути, недоступны в России [24; 27; 28]. С другой стороны, остается слабо изученной русская военная мысль первых десятилетий XIX в. Наследие Дениса Давыдова не как поэта, а как теоретика партизанской войны и участника дискуссий вокруг учений швейцарца еще ждет разработки. Впрочем, несмотря на эти историографические пробелы, отдельные аспекты связи Жомини с Россией освящались в научной литературе [3; 4; 5; 19].

Цель настоящей статьи – показать причины и смысл упоминания в стихах Д. В. Давыдова имени А.-А. Жомини и поместить знаменитую строчку в ее исторический контекст. Такой анализ, как представляется, не только поможет глубже понять иронию, заключавшуюся в крылатой фразе, но и позволит показать некоторые особенности взаимоотношений и конфликты в русской армии на фоне завершившихся Наполеоновских войн.

* * *

В 1817 г. поэт-партизан Денис Давыдов написал «Песню старого гусара». В этом стихотворении воспоминания о боевых товарищах и бивачных пирушках резко прерывались ближе к концу стихотворения:

А теперь что вижу? – Страх!
И гусары в модном свете,
В вицмундирах, в башмаках,
Вальсируют на паркете!
Говорят умней они...
Но что слышим от любовова?
Жомини да Жомини!
А об водке – ни полслова! [9]

Резкая смена настроения объясняется обстоятельствами. Наполеоновские войны завершились, настало относительно мирное время. Поэт-партизан отразил ощущения ветеранов, которые чувствовали себя неуютно в новой обстановке. Их молодые товарищи «вальсируют на паркете», а настоящую войну знают только по книжкам. Однако при таком поверхностном прочтении ряд вопросов остается без

ответа. Известно, что Д. В. Давыдов отнюдь не был врагом книг и сам имел вкус к военной теории. Представляется странным, что такой человек возражал бы против того, чтобы молодые люди старались глубже понять свою специальность, а не увлекались спиртным. Можно предположить, что «старого гусара» смущало именно увлечение модными в то время теориями Жомини.

Антуан-Анри Жомини (1779 – 1869) был офицером швейцарского происхождения на службе в наполеоновской армии. Но более всего он был известен работами по военной истории и теории военного искусства. В своих книгах он пытался объяснить успешные кампании Наполеона, опираясь на некие универсальные принципы ведения войны. Ключевым среди них была идея о «решающем пункте». Жомини полагал, что талант полководца заключается в том, чтобы определить такой пункт на театре военных действий или на поле боя, направить туда большую часть своих сил, овладеть ключом ко всему прилегающему пространству и таким образом торжествовать победу. Свои довольно туманные принципы Жомини считал неизменными, актуальными и для Цезаря, и для Наполеона, то есть не зависящими от обстоятельств местности и эпохи. Сложность и наукообразность его построений сочетались с ясностью и простотой выводов. Любой военный, вооружившись этими принципами, теоретически мог стать новым Наполеоном. Доктринальность Жомини была предметом критики современников и последующих исследователей. Однако она же была его преимуществом, поскольку обладала системностью, рациональностью, определенностью, а главное – легко усваивалась. Как и в других странах, в России у Жомини было много читателей. Граф С. П. Сумароков вспоминал: «В 1812 году, незадолго перед Бородинским сражением, находясь по делам службы у Начальника Артиллерии Армии, Графа Кутайсова, я видел в избе, у него на столе, «*Traité des grandes opérations militaires par Jomini* [«Наука о больших военных действиях», одно из сочинений Жомини. – прим. автора]» [18, с. 547].

Но у Жомини была оборотная сторона. Огромное самолюбие и склочный характер приводили его к бесконечным конфликтам с начальством. Дело кончилось тем, что в разгар кампании 1813 г. швейцарец перешел на сторону антифранцузской коалиции. Более того, недоброжелатели подозревали его в передаче союзникам сведений о намерениях Наполеона. Так или иначе, иностранец был принят на русскую службу, хотя его пребывание в рядах русской армии вскоре стало номинальным. В дальнейшем Жомини прожил долгую жизнь, всё реже бывая в России и занимаясь укреплением своей репутации военного теоретика и изредка выступая по просьбе русского правительства в качестве эксперта. Его идеи в значительной степени отразились на программах образования офицеров по всей Европе, и, соответственно, на их мышлении. Такие выражения, как «операционная база», «операционная линия» и проч., благодаря его влиянию стали стандартными в военном жаргоне того времени. Как отмечал современный специалист, поклонники создали ему «наследие, во много раз большее, чем сама личность» [22, р. 168].

Жомини был многим обязан протекции маршала М. Нея, от которого он с такой неблагодарностью ушел к русским. В России он нашел нового покровителя в лице генерала К. Ф. Толя. Толь вспоминал, что Жомини был принят в русской армии со всем возможным почтением, поскольку нигде его имя не пользовалось таким авторитетом, как в России. Вместе с тем быстро стало понятно, что швейцарцу не хватало практичности и служебных навыков. «Это мнение было господствующим в русской армии, – добавлял Толь, – но его репутация "стратега" была настолько прочной, что это ее не поколебало [...]» [20, с. 156]. Судя по некоторым данным, у Толя начали происходить столкновения со склочным иностранцем [2, с. 557]. Идею поручить Жомини написание официальной истории кампании 1812 г. пришлось оставить. Эту работу выполнили русские офицеры под руководством Толя, тогда – генерал-

квартирмейстера Главного штаба [12, с. 82–91]. Возможно, Жомини действительно доставил русской армии больше неприятностей, чем пользы. Однако это не значит, что за разочарованием в личности немедленно последовало разочарование в его «наследии». После 1815 г. генерал Толь стремился держать в своих руках всю квартирмейстерскую часть в русской армии: штабную работу, топографические съемки, сбор сведений, составление карт, военно-научные работы (то, что позднее войдет в обязанности Генерального штаба) [6, с. 287–291]. По свидетельству К. фон Клаузевица, он еще в 1812 г. «всецело был поглощен последней новинкой – идеями Жомини» [14, с. 54].

В первые послевоенные годы репутация Жомини в русской армии была неоднозначной. С одной стороны, его служебное положение оказалось связанным с генералом Толем, набиравшим в то время вес и влияние. В среде офицеров Свиты по квартирмейстерской части его имя по-прежнему пользовалось уважением. С другой стороны, иностранное происхождение новоиспеченного русского генерала, обстоятельства перехода на сторону коалиции, претензии на влияние и разговоры о его теориях должны были дополнительно раздражать таких военных, как Денис Давыдов.

* * *

В 1817 г., когда появилась «Песня старого гусара», прошло уже два года после окончания Наполеоновских войн. Денис Давыдов несколько раз менял место службы, не удовлетворяясь тихой жизнью в провинциальном гарнизоне. Не имея важных служебных занятий, он много читал и составлял собственные заметки. Результатом его досуга стал «Опыт теории партизанского действия». В этой книге поэт-партизан рассуждал о том, как Россия может использовать свое положение на границе Европы и Азии, свои обширные пространства и обилие природных наездников (казаков и «инородцев») с тем, чтобы вести партизанскую войну в невиданных прежде масштабах [8, С. IX–XV].

Влиятельные знакомые поэта-партизана обещали представить рукопись Александру I, однако исполнить это обещание по неизвестной причине не спешили. В 1819 г., пока Давыдов ждал выполнения своей просьбы, к нему пришло письмо от Толя. В письме говорилось, что поскольку ему, Толю, поручено разрабатывать правила действий для малых отрядов войск, он просит доставить к нему «Опыт». Очевидно, такая просьба вызвала раздражение у Дениса Васильевича. В его резком ответе подчеркивалось, что именно он впервые изложил «все то, чему учатся опытом, а не на бумаге» и что видеть свои мысли в чужом сочинении ему будет неприятно. Отправляя друзьям копию своего ответа, поэт-партизан добавлял: «Тут помазано по губам, с маленьким щелчком по носу» [11, с. 105].

Желчность Дениса Давыдова диктовалась задетым авторским самолюбием. Но не только им. Адресат письма давно вызывал раздражение у штабных деятелей 2-й армии, к числу которых принадлежал в то время поэт-партизан. Представляется, что он неслучайно решил показать свой дерзкий ответ сослуживцам. В дальнейшем Давыдов не раз позволял себе выпады против своего недруга. «Полковник Толь, добрым расположением которого я всегда пользовался, был человеком с замечательными способностями и большими сведениями», – писал он в конце жизни, а затем прибавлял к этому описание его грубых ошибок в 1812 году [7, с. 231–232]. Такие пассажи следует отнести к правилам литературной вежливости, которые маскировали иронию и колкости, неизменно сопровождавшие творчество Дениса Васильевича.

Можно предположить, что неприязнь Давыдова к Толю была связана и с теоретическими расхождениями. Оба русских генерала хорошо знали сочинения Жо-

мини, однако относились к ним по-разному. В «Опыте теории партизанского действия» Денис Васильевич упоминал Жомини. В его трактате часто встречаются слова «основание» и «пути действия» – русифицированные термины «базис» и «операционная линия» [8, с. 45–46], которые активно вводил в военный жаргон швейцарский теоретик. Однако, применяя инструментарий швейцарца, поэт-партизан вряд ли мог принять суть его теорий. Отсюда его ирония по отношению к поклонникам Жомини.

Как военный Денис Давыдов формировался под влиянием авторитета Суворова, а затем – опыта службы в легкой кавалерии на пространстве от Финляндии до Дуная. Он принял расхожие представления об особом положении русской армии, исторически противостоявшей как европейским, так и азиатским противникам. Подобные идеи имели хождение со времен П. А. Румянцева и подчеркивали самобытность России, невозможность прямого переноса европейских идей и практик на русскую почву [26, р. 126]. Толь непосредственно участвовал в суворовских походах и некоторое время служил на Дунае. Однако его формирование происходило в кадетском корпусе, а затем на службе в Свите по квартирмейстерской части. Их опыт был различным и заставлял их иначе смотреть на военные вопросы.

Жомини назвал свой основной труд «*Traité des grandes opérations militaires*». Слово «*Traité*» в то время однозначно указывало на научное исследование, и русское издание 1836 г. было озаглавлено просто как «*Наука о больших военных действиях*» [15]. Работа Дениса Давыдова называлась «*Опыт теории партизанского действия*». Слово «опыт» (*essai*) в заглавии обычно фигурировало в трудах, которые касались вопросов политики, теории поэзии, экономики, права, морали и т. п., то есть вопросов, не доступных научному методу (в представлении людей начала XIX в.). Нет сомнений в том, что для Давыдова эта разница была важной. Он видел ее не только между своими работами и книгами Жомини, но и между своими подходами и подходами Толя. Ведь в цитированном выше письме генерал-квартирмейстеру Главного штаба он указывал, что первым разработал «все то, чему учатся опытом, а не на бумаге».

Жомини считал свои принципы универсальными, одинаково применимыми для древних римлян и для своих современников, для Франции и для России. Все построения Дениса Давыдова были, наоборот, основаны на своеобразии России. В любом случае партизанские действия заключались в уклонении от прямых столкновений, заманивании противника вглубь территории, в угрозе коммуникациям и постоянных мелких нападениях. Все то, что составляло характерные особенности партизанской войны, было максимально далеко от сокрушающего удара на «решающем пункте», на котором настаивал Жомини.

Опыт Дениса Давыдова, его собственные взгляды на военное дело и служебные отношения – всё это вело его к нападкам на Жомини и его поклонников.

* * *

В том же 1819 г., когда Давыдов написал дерзкий ответ Толю, появилась статья И. Г. Бурцова «Мысли о теории военных знаний». В статье утверждалось, что «все понятия, от предмета войны происходящие, не вмещались в состав науки» [1, с. 63]. Хотя Жомини несомненно двинул вперед знание о войне, писал Бурцов, не следует думать, что его труды являются венцом военной науки. Следует не поклоняться авторитету, а расширять и углублять знания о войне, полагаться более на опыт и достижения других наук. Критика швейцарца звучала в «Мыслях» смягченно, но в целом статья не оставляла сомнений в намерении автора нанести удар по авторитету Жомини. «Опытность предшествовала рассуждению человека», – отмечал Бурцов [1,

с. 47]. Вспомним, что и Давыдов делал похожее противопоставление, указывая Толю, что его идеи доказаны «опытом, а не на бумаге».

Очевидное сходство позиций Бурцова и Давыдова и даже переключки в отдельных фразах не должны удивлять. Они были приятелями, и поэт-партизан увещевал их дружбу в известных строчках: «Бурцов, ёра, забияка, собутыльник дорогой!». В России, как и в других частях Европы, традиция эпохи Просвещения сталкивалась с романтическими сомнениями в возможности познать мир рациональными средствами. Интеллектуальный климат 1810 – 1820-х гг. заставлял сомневаться в наукообразных теориях стратегии [23, р. 269–271]. По-своему логично, что Жомини в России атаковали поэт-партизан и участник декабристских обществ [17]. Трудно было найти людей, теснее связанных с романтической традицией.

В конце 1810-х гг. оба критика Жомини были тесно связаны служебными обязанностями со штабом 2-й армии. Начальник Главного штаба 2-й армии генерал П. Д. Киселев ценил Бурцова как одного из основных своих помощников, «которому все поручить можно и который все хорошо и усердно исполнит» [16, с. 11, 19]. В 1819 г. Денис Давыдов также бывал у Киселева [16, с. 31]. Связь обоих с начальником штаба 2-й армии представляется важным обстоятельством, объясняющим их нападки на Толя и Жомини.

Управление русской армией в поздние годы правления Александра I характеризовалось некоторой запутанностью. Центральные органы находились в Санкт-Петербурге, и среди них большим влиянием обладал Главный штаб Его Императорского Величества. В состав этого органа входило управление генерал-квартирмейстера Главного штаба, которое, как помним, возглавлялось Толем. Вместе с тем, Главные штабы 1-й и 2-й армий (в Варшаве и Тульчине соответственно) обладали большой автономией. Отношения Толя и Киселева были натянутыми из-за того, что генерал-квартирмейстер хотел держать под контролем работу штаба 2-й армии [6, с. 287–289].

Формально, штабы армий находились тогда в двойном подчинении у своего главнокомандующего и у Главного штаба Его Императорского Величества в Петербурге. На практике Киселев опирался на доверие императора и претендовал на совершенно самостоятельное положение в военной иерархии. Приказания, которые он получал от Толя, он расценивал как грубые и неуместные и сам был не прочь «пощелкать господина Толя» [16, с. 22]. Несомненно, Бурцов и Давыдов знали об этом.

Противостояние петербургского и тульчинского штабов выразилось в вопросе о ведении военно-научных работ. Киселев инициировал изучение истории русско-турецких войн с целью сбора необходимых сведений о способах снабжения, особенностях театра военных действий и т. п. Такая деятельность не могла понравиться Толю. Во-первых, он полагал, что обладает монополией на военно-исторические исследования и необходимые к ним материалы. Во-вторых, подход Бурцова и других сотрудников Киселева был максимально далек от жоминистской традиции, которой следовали в окружении Толя. Тульчинский штаб интересовало влияние факторов, выходящих за рамки чисто военных (политические соображения, логистика, этнография и т. п.). В центре внимания было своеобразие театра военных действий и возможного противника, а не следование «неизменным принципам». Статья Бурцова «Мысли о теории военных знаний» во многом была отражением взглядов, господствовавших в штабе 2-й армии [21, р. 125–148].

Киселев не сумел отстоять свои начинания и довести до конца военно-исторические работы. Официальная история русского Генерального штаба прямо приписывала неуспех его проектов тому, что общество находилось под сильным обаянием идей Жомини [6, с. 363–365].

* * *

Конечно, вопрос о том, «что хотел сказать автор», не имеет однозначного ответа. Вполне возможно, что когда Денис Давыдов писал строчку «Жомини да Жомини! А об водке – ни полслова!», он видел в ней просто удачную фразу. Но по его воле или без нее в этой фразе отразилось то, чем жила русская армия в первые годы после завершения Наполеоновских войн. Личные отношения, взгляды на военное дело и межведомственные трения переплетались в сложный узор, в центре которого оказалось имя швейцарского теоретика. В данном случае, как и во многих других, поэзия отражала свою эпоху.

После Наполеоновских войн перед Россией и ее армией открывалось несколько возможных путей развития. Денис Давыдов принадлежал к кругу военных, искавших обоснование для особого русского военного искусства. В их представлении оно органически вытекало из разнообразного боевого опыта русской армии и отражало своеобразие России, а также свойства ее потенциальных противников. Романтическому поэту-партизану был чужд универсализм теорий Жомини, и его стихи были отражением диалога о путях развития армии и военной мысли в России. Хотя швейцарский теоретик противопоставлялся водке, имелся в виду скорее вечный конфликт теории и живого опыта, монополии и конкуренции в интеллектуальной жизни.

Список источников и литературы

1. *Бурцов И.* Мысли о теории военных знаний // Военный сборник. 1819. № 2. С. 47–65.
2. Библиография. Генерал-адъютант барон Гейнрих Вениаминович Жомини // Военный сборник. 1863. Т. 29, № 2. С. 531–562.
3. *Вовси Э.* Генерал Жомини в рядах отступающей Великой армии в 1812 году: первое знакомство с Россией // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи : материалы IX Междунар. науч. конф., Москва, 21 апреля 2006 г. М.: Сорек-полиграфия, 2006. С. 3–8.
4. *Вовси Э.* От Аустерлица до Тильзита: военная и литературная деятельность Антуана-Анри Жомини в 1805–1807 гг. // Международные отношения и системы мирового порядка: от европейских войн второй половины XVIII – начала XIX века к современности : сб. науч. ст. / отв. ред. В. Н. Маслов. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. Электрон. изд. URL: <https://refdb.ru/look/2181078-pall.html> (дата обращения: 16.09.2024).
5. *Вовси Э.* Перед грозой: военный историк генерал А.-А. Жомини в штабе Великой армии в преддверии похода на Россию в 1812 г. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография : сб. материалов. Вып. 7. М., 2008. С. 213–222.
6. *Глиноецкий Н. П.* История русского Генерального штаба. Т. 1. СПб.: ип. Штаба войск гвардии и Петербург. воен. окр., 1883. 427 с.
7. *Давыдов Д.* Военные записки. М.: Воен. изд-во, 1982. 382 с.
8. *Давыдов Д.* Опыт теории партизанского действия. М.: тип. С. Селивановского, 1821. 217 с.
9. *Давыдов Д.* Песня старого гусара // Культура.РФ : интернет-портал. URL: <https://www.culture.ru/poems/25582/pesnya-starogo-gusara> (дата обращения: 16.09.2024).
10. *Жаткин Д. Н., Васильев Н. Л.* «Жомини да Жомини!..» (О значениях крылатой фразы Дениса Давыдова) // Русская речь. 2017. № 2. С. 3–9.
11. *Жерве В. В.* Партизан-поэт Денис Васильевич Давыдов: Очерк его жизни и деятельности 1784 – 1839: по материалам семейного архива и др. источникам. СПб.: Имп. Рус. воен.-ист. о-во, 1913. 174 с.
12. *Ивченко Л. Л.* Бородинское сражение. История русской версии событий. М.: Квадрига, 2015. 382 с.
13. Жомини // Исторический словарь галлицизмов русского языка / Н. И. Епишкин. М.:

- ЭТС, 2010. Электрон. версия печ. изд. URL: <https://clck.ru/3Dkziz> (дата обращения: 10.09. 2024). Доступна на портале slovaronline.com.
14. *Клаузевиц К.* 1812 год. М.: Гос. воен. изд., 1937. 274 с.
 15. Наука о больших военных действиях. Извлечено из сочинения Генерала Жомини ... подполковником Языковым. Ч. 1-2. СПб.: тип. Деп. воен. поселений, 1836.
 16. Переписка Павла Дмитриевича (впоследствии графа) Киселева к Арсению Андреевичу (впоследствии графу) Закревскому // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 78. СПб.: тип. И. Н. Скороходова, 1891. Т. 2: Бумаги графа А. А. Закревского. С. 1–373.
 17. Следственное дело И. Г. Бурцова // Восстание декабристов: документы. Т. 20: Дела Верховного уголовного суда и Следственной комиссии. М.: Росспэн, 2001. С. 189–203.
 18. *Сумароков [С. П.]*. Ответ безымянному автору статьи, помещенной в Военном сборнике № 1-й // Русский инвалид. 1858. № 122. С. 547.
 19. *Шевченко П. Г. В. Жомини и подготовка реорганизации военного образования в России в конце 1820-х гг.* // Российская история. 2017. № 6. С. 94–105.
 20. *Bernhardi T. V.* Denkwürdigkeiten aus dem Leben des kaiserl. Russ. Generals von der Infanterie Carl Friedrich Grafen von Toll. Bd. 3. Leipzig, 1866. 504 p.
 21. *Bitis A.* Russia and The Eastern Question: Army, Government, and Society, 1815 – 1833. N.Y.: Oxford University Press, 2006. 542 p.
 22. *Echevarria A. J.* Jomini, Modern War, and Strategy, The New Makers of Modern Strategy / Ed. by H. Brands. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2023. P. 145–168.
 23. *Gat A.* A History of Military Thought: From the Enlightenment to the Cold War. Oxford: Oxford University Press, 2001. 890 p.
 24. *Langendorf J.-J.* Faire la guerre: Antoine-Henri Jomini. Т. 1-2. Genève: Georg éd., 2002.
 25. *Lecomte F.* Le général Jomini, sa vie ses écrits: esquisse biographique et stratégique. Lausanne, 1860. 418 p.
 26. *Miakinkov E.* War and Enlightenment in Russia: Military Culture in the Age of Catherine II. Toronto; Buffalo; London: Toronto University Press, 2020. 336 p.
 27. *Rapin A.-J.* Guerre, politique, stratégie et tactique chez Jomini. Lexington: CreateSpace, 2015.
 28. *Rapin A.-J.* Jomini et la stratégie: une approach historique de l'œuvre. Laussane: Éditions Payot, 2002. 260 p.
 29. *Saint-Beuve C.-A.* Le général Jomini, étude. Paris, 1869. 238 p.

References

1. Burtsov, I 1819, 'Mysli o teorii voennykh znaniy' (Thoughts on theory of military knowledge), *Voennyi sbornik* (Russian military scientific journal), no. 2, pp. 47–65. (In Russ.)
2. 'Bibliografiya. General-adyutant baron Geynrikh Veniaminovich Zhomini' (Adjutant General Baron Heinrich Veniaminovich Jomini) 1863, *Voennyi sbornik* (Russian military scientific journal), no. 2, pp. 531–562. (In Russ.)
3. Vovsi, E 2006, 'General Zhomini v ryadakh otstupayushchey Velikoy armii v 1812 godu: pervoye znakomstvo s Rossiey' (General Jomini in the ranks of retreating Grand Armée in 1812: The first acquaintance with Russia), *Epokha napoleonskikh voyn: lyudi, sobytiya, idei: materialy IX Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* (The Age of Napoleonic Wars: People, Events, Ideas: Proceedings of the 9th International Scientific Conference), Moscow, 21 April, Sorek-poligrafiya, publ, pp. 3–8. (In Russ.)
4. Vovsi, E 2008, 'Ot Austerlitsa do Til'zita: voennaya i literaturnaya deyatelnost' Antuana-Anri Zhomini v 1805 – 1807 gg.' (From Austerlitz to Tilsit: Military and Literature Life of Antoine-Henri Jomini in 1805 – 1807), *Mezhdunarodnye otnosheniya i sistemy mirovogo poryadka: ot evropeiskikh voyn vtoroi poloviny XVIII · nachala XIX veka k sovremennosti: Sb. nauchn. st.* (International relations and world order systems: from European wars of the second half of the 18th -beginning of the 19th century to the present : a collection of scientific articles), ed. V. N. Maslov, Izd-vo RGU im. I. Kanta publ, Kaliningrad, viewed 16 September 2024, <https://refdb.ru/look/2181078-pall.html> (In Russ.)

5. Vovsi, E 2008a, 'Pered grozoy: voennyi istorik general A.-A. Zhomini v shtabe Velikoy armii v preddverii pokhoda na Rossiyu v 1812 g.' (Before the storm: Military historian A.-H. Jomini in the headquarters of Grand Armée before the Russian campaign of 1812), *Epokha 1812 goda. Issledovaniya. Istochniki. Istoriografiya: Sbornik materialov* (The Age of 1812. Research. Sources. Historiography: collection of materials), no. 7, Moscow, pp. 213–222. (In Russ.)
6. Glinoetskiy, NP 1883, *Istoriya russkogo Generalnogo shtaba* (History of Russian General Staff), vol. 1, tip. Shtaba voysk gvardii i Peterburg. voyen. Okr publ, St. Petersburg. (In Russ.)
7. Davydov, D 1982, *Voennyye zapiski* (Military Notes), Voyen. izd-vo publ, Moscow. (In Russ.)
8. Davydov, D 1821, *Opyt partizanskogo deystviya* (Essays on Partisan Action), tip. S. Selivanovskago publ, Moscow. (In Russ.)
9. Davydov, D, *Pesnya starogo gusara* (The Song of the old hussar), viewed 16 September 2024, <https://www.culture.ru/poems/25582/pesnya-starogo-gusara> (In Russ.)
10. Zhatkin, DN & Vasilyev, NL 2017, '«Zhomini da Zhomini!..» (O znacheniyakh krylatoy frazy Denisa Davydova)' (Jomini, oh, Jomini! On the meaning of Denis Davydov's catchphrase), *Russkaya rech* (Russian speech), no. 2, pp. 3–9. (In Russ.)
11. Zherve, VV 1913, *Partizan-poet Denis Vasilyevich Davydov: Ocherk ego zhizni i deyatelnosti 1784 – 1839: Po materialam semeyn. arkh. i drugim istochnikam* (Partisan poet Denis Vasil'evich Davydov: Sketch of his life and deeds 1784 – 1839), Imp. Rus. voyen.-ist. o-vo publ, St. Petersburg. (In Russ.)
12. Ivchenko, LL 2015, *Borodinskoye srazheniye. Istoriya russkoy versii sobytiy.* (The Battle of Borodino. History of Russian version of events), Kvadriga publ, Moscow. (In Russ.)
13. Epishkin, NI (ed.) 2010, *Istoricheskiy slovar gallitsizmov russkogo yazyka* (Historical dictionary of gallicisms in Russian language), viewed 10 September 2024, <https://rus-gallicismes-dict.slovaronline.com/15168-%D0%B6%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B8> (In Russ.)
14. Klauzevits, K 1937, *1812 god* (1812), Gos. voyen. Izd publ, Moscow. (In Russ.)
15. *Nauka o bolshikh voennykh deistviyakh Izvlecheno iz sochineniya Generala Zhomini ... podpolkovnikom Yazykovym* (The Science of Great Military Operations. Extracted from the work of General Jomini ... by Lieutenant Colonel Yazykov) 1836, part. 1-2, tip. Dep. voyen. Poseleniy publ, St. Petersburg. (In Russ.)
16. 'Perepiska P. D. Kiseleva s A. A. Zakrevskim' (Letters of P. D. Kiselev and A. A. Zakrevsky) 1891, *Sbornik Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva* (Collection of the Imperial Russian Historical Society), vol. 78, pp. 1–373. (In Russ.)
17. 'Sledstvennoye delo I. G. Burtsova' (I. G. Burtsov's case) 2001, *Vosstaniye dekabristov* (Decembrist rising), vol. 20, Rosspen publ, pp. 189–203. (In Russ.)
18. Sumarokov, SP 1858, 'Otvét bezymyannomu avtoru statyi, pomeshchennoy v Voennom sbornike № 1-j' (Answer to anonymous author of the article published in Voenny Sbornik №1), *Russkiy invalid*, no. 122, pp. 547. (In Russ.)
19. Shevchenko, P 2017, 'G. V. Zhomini i podgotovka reorganizatsii voennogo obrazovaniya v Rossii v kontse 1820-kh gg.' (H. V. Jomini and preparing of reorganization of military education in Russia in late 1820s), *Rossiiskaya istoriya* (Studies in Russian, Soviet and Post-Soviet History), no. 6, pp. 94–105. (In Russ.)
20. Bernhardi, TV 1866, *Denkwürdigkeiten aus dem Leben des kaiserl. Russ. Generals von der Infanterie Carl Friedrich Grafen von Toll*, vol. 3, Leipzig. (In Germ.)
21. Bitis, A 2006, *Russia and The Eastern Question: Army, Government, and Society, 1815 – 1833*, Oxford University Press publ, New York.
22. Echevarria, AJ 2023, *Jomini, Modern War, and Strategy, The New Makers of Modern Strategy*, ed. by H. Brands, Princeton University Press publ, Princeton, Oxford, pp. 145–168.
23. Gat, AA 2001, *History of Military Thought: From the Enlightenment to the Cold War*, Oxford University Press publ, Oxford.
24. Langendorf, J-J 2002, *Faire la guerre: Antoine-Henri Jomini*, vol. 1-2, Georg éd. publ Genève. (In French)
25. Lecomte, F 1860, *Le général Jomini, sa vie ses écrits: esquisse biographique et stratégique*, Lausanne. (In French)
26. Miakinkov, E 2020, *War and Enlightenment in Russia: Military Culture in the Age of Cath-*

- erine II*, Toronto University Press publ, Toronto, Buffalo, London.
27. Rapin, A-J 2015, *Guerre, politique, stratégie et tactique chez Jomini*, CreateSpace publ, Lexington.
 28. Rapin, A-J 2002, *Jomini et la stratégie: une approche historique de l'œuvre*, Éditions Payot publ, Laussane.
 29. Saint-Beuve, C-A 1869, *Le général Jomini, étude*, Paris.

Статья поступила в редакцию: 18.09.2024
Одобрена после рецензирования: 07.11.2024
Принята к публикации: 07.11.2024

The article was submitted: 18.09.2024
Approved after reviewing: 07.11.2024
Accepted for publication: 07.11.2024

Научная статья
УДК 327.5:93/94

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-50-64>

«ПОД НАЧАЛЬСТВОМ ДАРОВИТОГО ВОЖДЯ – ЭТО ГРОЗНЫЙ ВРАГ...». ФРАНЦУЗСКАЯ АРМИЯ В ВОСПРИЯТИИ РОССИЙСКОГО ОФИЦЕРСТВА В 1870 – 1880-Х ГОДАХ

**Александр Борисович
Арбеков^{1, 2}**

¹ Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого

² Тульский государственный музей оружия
Тула, Россия, arbekoff-alex@ya.ru
<https://orcid.org/0009-0006-4855-5533>

Аннотация. Настоящая статья посвящена формированию и трансформации воззрений на французскую армию в среде российских офицеров в 1870 – 1880-х гг. Обращение к этой проблематике способствует уточнению особенностей развития военного дела в России в рассматриваемый период и позволяет выявить отдельные предпосылки к складыванию русско-французского союза в первой половине 1890-х гг.

Источниковой базой настоящего исследования послужили отчеты высокопоставленных российских офицеров, командированных для наблюдений за ежегодными маневрами французских войск в 1870 – 1880-х гг., а также рапорты российских военных агентов во Франции. Наряду с этим в работе привлекались публикации российских офицеров в средствах официальной военной печати, а именно в газете «Русский инвалид» и журнале «Военный сборник», транслировавших информацию о зарубежных армиях, в том числе о французской, и способствовавших формированию в «военном сословии» России конкретных представлений о вооруженных силах европейских государств. Также при изучении поставленной проблемы применялись источники личного происхождения – мемуары и дневники современников.

На основе проведенного исследования формулируется вывод, что в связи с динамично менявшейся обстановкой в Европе в 1870 – 1880-х гг. и постепенным реформированием французской армии отношение к ней в российской офицерской среде претерпевало изменения. Первоначальный скепсис относительно союзоспособности Франции после событий Франко-германской войны 1870 – 1871 гг. сменились представлениями об армии Третьей республики как о грозной военной силе, которая могла оказать поддержку России в борьбе с коалицией Германии и Австро-Венгрии.

Ключевые слова: российская армия, французская армия, военные маневры, Австро-Венгрия, Германия, военная разведка, военно-стратегическое планирование, Главный штаб.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Российская армия XVIII – начала XX в. как социокультурный феномен» (№ 23-28-00325), <https://rscf.ru/project/23-28-00325/>

Для цитирования: Арбеков А. Б. «Под начальством даровитого вождя – это грозный враг...». Французская армия в восприятии российского офицерства в 1870 – 1880-х годах // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 3 (19). С. 50–64. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-50-64>

Сведения об авторе: А. Б. Арбеков – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125; научный сотрудник, Тульский государственный музей оружия, 300002, Россия, Тульская область, г. Тула, ул. Октябрьская, 2.

© Арбеков А. Б., 2024

Scientific Article
UDC 327.5: 93/94
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-50-64>

**"UNDER THE COMMAND OF A TALENTED LEADER
IS A FEARSOME ENEMY...".
THE FRENCH ARMY IN THE PERCEPTION OF RUSSIAN OFFICERS
IN THE 1870 – 1880S**

Alexander B. Arbekov ^{1,2}

¹Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

²Tula State Arms Museum

Tula, Russia, arbekoff-alex@ya.ru

<https://orcid.org/0009-0006-4855-5533>

Abstract. The article is devoted to the formation and transformation of Russian officers' views on the French army in the 1870s – 1880s. Addressing this issue helps to clarify the peculiarities of the Russian military affairs development in the period under consideration and allows identifying certain prerequisites for the formation of the Russian-French alliance in the first half of the 1890s.

The source base of the present study was the reports of Russian military agents in France, as well as reports of high-ranking Russian officers sent to observe the annual maneuvers of French troops in the 1870s – 1880s. In addition, the work involved publications of Russian officers in the military press, namely, in the 'Russky Invalid' newspaper and the 'Voenny Sbornik' magazine, which broadcast information about foreign armies, including the French, and contributed to the formation of specific ideas in military class about the armed forces of European states. The author also uses sources of personal origin – contemporaries' memoirs and diaries.

On the basis of the conducted research the author concludes that due to the dynamically changing situation in Europe in the 1870 – 1880s and the gradual reforming of the French army, the attitude towards it in the Russian officers' environment underwent changes. In place of the initial skepticism about France's alliance after the events of the Franco-German War of 1870 – 1871, perceptions of the army of the Third Republic emerged as a formidable military force that could support Russia against the coalition of Germany and Austria-Hungary.

Keywords: Russian army, French army, military maneuvers, Austria-Hungary, Germany, military intelligence, military strategic planning, General Staff.

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00325, <https://rscf.ru/project/23-28-00325/>

For citation: Arbekov, AB 2024, "'Under the Command of a Talented Leader is a Fearsome Enemy...". The French Army in the Perception of Russian Officers in the 1870 – 1880s', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (19), pp. 50–64, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-50-64> (in Russ.)

Information about the Author: Alexander B. Arbekov – Candidate of Sciences (History), Senior Lecturer of the Department of History and Archaeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia; Researcher, Tula State Arms Museum, 2, Oktyabrskaya Str., Tula, 300002, Russia.

Введение

В конце 1870-х – начале 1880-х гг. для России сложилась международная ситуация, грозившая ей внешнеполитической изоляцией. Отношения с Великобританией достигли высокой степени напряженности из-за обострения Восточного кризиса 1875 – 1878 гг. и очередного раунда Большой игры в Центральной Азии. Австро-Венгрия также грозила России войной в связи с новой политической конфигурацией на Балканах, которая вырисовывалась после заключения прелиминарного Сан-Стефанского договора по итогам Русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. В то же время в Петербурге полагали, что главным инспиратором «унижения» России на Берлинском конгрессе 1878 г. являлась Германия, стремившаяся играть на противоречиях великих держав в своих интересах. Все эти факторы создавали в среде российского офицерства представления о серьезной опасности, грозившей империи Романовых на западе и востоке ее обширных владений.

В связи с подобным «грозовым» внешнеполитическим климатом в Евразии вполне естественным стало тяготение российских офицеров к поиску надежного союзника. С учетом сложившегося «пасьянса» в этом качестве рассматривалась, естественно, французская армия, хотя история российско-французских отношений в течение всего XIX в. была наполнена масштабными военными коллизиями, такими, как Наполеоновские войны и Крымская кампания. Кроме того, сказывался и негативный политический «шлейф», а именно поддержка Франции Польских восстаний в России 1830 – 1831 и 1863 – 1864 гг., и неприятие французского революционного наследия, выражавшегося в радикализме и парламентаризме, чуждых российскому самодержавию.

Тем не менее крах империи Наполеона III во Франко-германской войне 1870 – 1871 гг. привел к «перезагрузке» российско-французских отношений. В Петербурге новообразовавшуюся Третью республику не рассматривали в качестве «возможного противника» [8, с. 37]. В свою очередь прошлые «военные обиды» также стали сглаживаться и восприниматься российскими офицерами как поражение в «военном состязании», но не в «смертельной схватке». Так, крупный военный теоретик, генерал М. И. Драгомиров писал в 1889 г., что «в войне мы с ними [французами – А. А.] бывали, но во вражде никогда. Это известно делавшим Севастопольскую кампанию, было известно также и участникам Наполеоновских войн» [17, л. 40].

Стоит отметить, что изучение российско-французских контактов в 1870 – 80-х гг., в том числе в военно-политическом и военно-дипломатическом измерении, уже становилось ранее объектом фундаментальных научных изысканий [1; 6; 8; 37]. Однако недостаточно освещенным остается вопрос о воззрениях на французскую армию в среде российского офицерства в исследуемый период, динамика этих представлений и их влияние на складывание русско-французского альянса в первой половине 1890-х гг. По этой причине представляется необходимым частично заполнить образовавшуюся лауну.

Результаты

После поражения в войне 1870 – 1871 гг. правительство Третьей республики во Франции направляло значительные усилия на структурную реорганизацию своей армии, которой, по справедливому выражению подполковника А. А. Боголюбова, предстояло «подобно фениксу, возникать из пепла» [3]. Несмотря на масштаб преобразований, осуществленных за короткий период времени, основные реорганизационные меры – введение всеобщей воинской повинности и новая организация сухопутных вооруженных сил – носили паллиативный характер между потребностью содержания крупной, хорошо обученной национальной армии и необходимостью строгой экономии на военных нуждах. Однако в случае с Третьей республикой явно наблюдался крен во вторую сторону.

27 июля 1872 г. вместо прежней системы конскрипции, которая предоставляла возможность призывнику за определенную сумму откупиться от армии и выставить вместо себя «наемщика», была введена всеобщая воинская повинность, затрагивавшая всех мужчин в возрасте от 20 лет. По закону первые 5 лет отводились на службу в действующих войсках и 4 года – в резерве, после чего военнообязанный поступал на 5 лет в состав территориальной армии и еще на 6 лет – в ее резерв. В свою очередь для экономии финансовых средств мужчины при поступлении в армию посредством жребия делились на два разряда. Военнообязанные 1-й категории находились на действующей службе все 5 лет, в то время как призывники 2-й категории служили всего один год и на 4 года переводились в запас. Кроме того, военный министр Третьей республики имел право переводить в запас солдат из 2-й категории сразу после окончания ими 6-месячной службы [13, с. 1–5].

24 июля 1873 г. Национальным собранием была принята новая система организации сухопутных вооруженных сил Франции. Она подразумевала разделение территории страны на 18 корпусных районов, совпадавших с местом дислокации 18 армейских корпусов, вместо прежних маршалатов, послуживших ранее основой для образования в России военно-окружной системы [36, с. 339]. Впоследствии был добавлен 19-й корпус, сформировавшийся из войск, расположенных в Алжире. По новому закону принцип комплектования французской армии приобретал смешанный характер – в действующие войска поступали мужчины из всех регионов Франции, в то время как резерв формировался из солдат, проживавших в районе расположения конкретных резервных частей [29, л. 120; 13, с. 335]. Также 24 июля 1873 г. вступил в силу закон, по которому «боевое образование всех родов оружия» ежегодно должно было сопровождаться «общими маршами, маневрами и вообще различными операциями военного времени» [10].

С октября 1874 г. началось перевооружение французской армии казнозарядной винтовкой системы Гра с продольно-скользящим затвором и патронами калибром 11 мм. Существенной особенностью нового образца являлась возможность удешевления его производства за счет массовой переделки имевшихся запасов устаревших винтовок системы Шаспо M1866 [30, л. 10–11].

В связи с компромиссным характером военных преобразований российские военные наблюдатели справедливо полагали, что французская армия только на пути к «возрождению из пепла» и в ближайшем будущем вряд ли могла стать существенным фактором европейской политики. Капитан Л. А. Фредерикс, прикомандированный к российскому посольству в Париже, но фактически выполнявший обязанности военного агента, в рапорте от 14 (26) апреля 1873 г. сделал вывод, «что впереди предстоит еще много трудов и коренных реформ, для того чтобы сравнять французскую армию с армиями других государств...» [29, л. 116].

Выводы российского офицера подтверждали результаты маневров 6-го армейского корпуса, проведенные в сентябре 1873 г. в окрестностях Лиона. По наблюдениям капитана Л. А. Фредерикса, для солдат 6-го корпуса, как и во время войны 1870 – 1871 гг., было характерно «отсутствие спокойствия <...> в бою вследствие постоянных передвижений и замен частей в боевых линиях», а также проявлялась инертность в действиях, в результате чего «преследование [отступающего противника] производилось весьма редко» [29, л. 163]. Повторные смотры 6-го армейского корпуса, состоявшиеся ровно через год, также не произвели серьезного впечатления на капитана Л. А. Фредерикса, несмотря на то что французские войска «представились в более удовлетворительном виде <...> как относительно наружной выправки чинов, так и в отношении строевого образования и материального благоустройства частей» [31, л. 31]. Во многом дальнейшее развитие французской армии, по мнению российских офицеров, тормозилось устаревшими порядками и доктринами эпохи Второй

империи, проявившие свою несостоятельность во Франко-германской войне. Как указывалось в газете «Русский инвалид», до 1874 г. на маневрах французские войска «действовали, руководствуясь уставом 1869 г.», хотя «приемы обучения, господствовавшие до войны 1870 – 1871 годов, перестали считаться удовлетворительными» [10].

Общее резюме российский военный представитель во Франции Л. А. Фредерикс подвел в апреле 1875 г. в самый разгар «военной тревоги». В связи с намерением Национального собрания реорганизовать трехбатальонные полки в четырехбатальонные германская пресса стала активно педалировать сведения о готовящемся реванше Франции за события 1870 – 1871 гг. Также в газетах распространялся слух об активной скупке французами конского состава в Германии. В этой связи в политических и военных кругах Второго рейха возникла идея нанесения превентивного удара по неокрепшей еще Третьей республике. Полковник Л. А. Фредерикс считал обвинения германской стороны совершенно несостоятельными, поскольку было «достаточно даже самого поверхностного знакомства с настоящим положением вещей во Франции, чтобы убедиться, что в данную минуту [ее] армия ни в материальном, ни в нравственном отношении не подготовлена для предприятия каких-либо агрессивных военных действий» [31, л. 105].

Существенным фактором, препятствовавшим возможному российско-французскому сближению в этот период, помимо очевидной военной слабости Франции после войны 1870 – 1871 гг., являлась внутренняя политическая неустойчивость Третьей республики, особенно в первые годы ее существования. Эта неустойчивость, по мнению российских офицеров, самым негативным образом сказывалась на общем состоянии французской армии. Так, принятие нового законопроекта об организации французских войск на всем протяжении его разработки сопровождалось острыми дебатами в Национальном собрании. Капитан Л. А. Фредерикс в рапорте от 18 (30) марта 1873 г. констатировал, что прения, развернувшиеся вокруг законопроекта, выступали наглядным свидетельством «глубокого разлада, который существует между мнениями представителей армии и общества» [29, л. 34]. На страницах «Русского инвалида» прямо заявлялось, что «политический разлад мешает предаться делу переустройства армии с той не отрывающейся от работы настойчивостью, которая желательна и необходима» [10]. Военный агент в Париже Л. А. Фредерикс также указывал, что с 1873 по 1887 гг. сменилось 17 военных министров [22, л. 225], в связи с чем политика по переустройству сухопутных вооруженных сил Франции не отличалась преемственностью и последовательностью.

Наряду с этим играла важную роль идея монархической солидарности, выразившаяся в формировании «Союза трех императоров» и в ориентации Петербурга на тесное сотрудничество с Берлином в течение 70-х гг. XIX в. Однако здесь необходимо отметить, что российская внешняя политика в эпоху канцлерства А. М. Горчакова руководствовалась принципом «Европейского концерта», подразумевавшего поддержание «баланса сил» среди великих держав и разрешение международных противоречий коллегиальным способом посредством различных конференций. В этой связи Франция рассматривалась на Певческом мосту как неотъемлемая часть и краеугольный камень европейского равновесия, нарушение которого грозило усилением Германии и ослаблением позиций России на международной арене. В этой связи Россия стремились не допустить окончательного разгрома Германией Франции и выступила в ее поддержку совместно с Великобританией во время «военной тревоги» 1875 г. [6, с. 85–86]. Также значительная часть российского офицерства во главе с военным министром Д. А. Милютиным и его ближайшим окружением отличалась профранцузскими и антигерманскими взглядами. Они небезосновательно полагали,

что образование единой Германской империи являлось серьезной угрозой России [8, с. 30].

Весной 1878 г. Россия стояла перед перспективой масштабной коалиционной войны против Великобритании, Турции и Австро-Венгрии при молчаливом согласии Германии. На последовавшем Берлинском конгрессе, созванном для обсуждения итогов Русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг., империя Романовых оказалась практически в полной внешнеполитической изоляции [2]. Как указывал руководитель российской военной разведки генерал-адъютант Н. Н. Обручев, «мы фактически могли убедиться, что для Германии и Австрии столь же желательно ослабление наше в Европе, как для Англии ослабление наше в Азии» [18, л. 46–46 об.]. Поэтому сразу после событий Восточного кризиса 1875 – 1878 гг. российские власти стали обращать более пристальное внимание на состояние французской армии.

Уже в 1879 г. на осенние армейские учения во Францию была направлена военная делегация во главе с генералом Н. Н. Обручевым, начальником российской военной разведки. Характерно, что в связи с этой поездкой в Берлине и Вене стали циркулировать слухи о возможном заключении русско-французского союза [1, с. 268–271].

Также об особом внимании со стороны военного министерства России к армии Третьей республики свидетельствует высокий статус офицеров, направляемых во Францию на ежегодные маневры в последующие годы. В 1883 г. был направлен генерал-адъютант М. И. Драгомиров, начальник Николаевской академии Генерального штаба (НАГШ), крупный военный теоретик и один из сторонников более тесного сближения с Францией [37, с. 260], а также полковник Н. Н. Сухотин, адъюнкт-профессор НАГШ, делопроизводитель Военно-ученого комитета Главного штаба (ВУК ГШ), занимавшийся сбором и систематизацией сведений о германских вооруженных силах [4]. В следующем 1884 г. на французских военных маневрах присутствовал генерал-майор А. Н. Куропаткин, состоявший при начальнике Главного штаба Н. Н. Обручеве для разработки мобилизационных расписаний на случай войны на западной границе империи. В 1886 г. во Францию был делегирован генерал-майор Ф. А. Фельдман, преемник Н. Н. Обручева на посту главы российской военной разведки.

Стоит отметить, что в период с 1879 по 1886 г. происходит существенная трансформация воззрений российского офицерства на боеспособность французской армии. Для этого в свою очередь складывалась благоприятная внешнеполитическая конъюнктура. В 1881 г. в связи с трагической смертью императора Александра II на престол взошел его сын Александр III, прославивший среди современников, по выражению Д. А. Милютина, «немцефобом» [9, с. 129]. Еще будучи цесаревичем, великий князь Александр Александрович проявлял значительный интерес к Франции и ее армии. Так, по распоряжению военного министра Д. А. Милютина 11 (23) января 1876 г. цесаревичу «для прочтения» был переправлен отчет полковника Л. А. Фредерикса о механизме мобилизации французской армии [31, л. 300]. Также на докладах, посвященных наблюдениям российских офицеров за французскими военными маневрами в 1880-х гг., часто можно наблюдать надпись: «Его Величество изволил читать» [24, л. 103; 34, л. 1; 35, л. 1]. Поскольку первым в ряду российских офицеров, безусловно, стоял сам император, которого с ранних лет готовили к военной стезе, то мнение самодержца не могло не оказывать влияния на воззрения в среде российского офицерства.

К сближению обеих стран подталкивала и международная ситуация, сложившаяся в первой половине 1880-х гг. В связи с французской оккупацией Туниса в 1881 г. Италия спустя год присоединилась к Двойственному союзу Германии и Австро-Венгрии. В том же 1882 г. Великобритания захватила Египет и получила практи-

чески единоличный контроль над Суэцким каналом, построенным в 1869 г. по инициативе французских властей. В результате тонкой дипломатической игры О. фон Бисмарка Франция оказалась практически полностью изолированной на международной арене. Однако на этом «грозовом» фоне стали осуществляться и более тесные контакты разведывательных структур Франции и России. Так, значительную помощь Главному штабу в получении актуальных данных о вооруженных силах Германии и Австро-Венгрии оказывало военное министерство Франции. Только в течение первой половины 1880-х гг. 2-м разведывательным бюро французского Генерального штаба были предоставлены в распоряжение ВУК ГШ планы сосредоточения австро-венгерских армий на случай войны с Россией, проект изменения дислокации германских войск на русско-германской границе и описание фортов и вооружения крепости Кёнигсберг в Восточной Пруссии [20, л. 95–95 об.; 27, л. 241–248; 33, л. 122]. Кроме того, французские военные атташе в Берлине и Вене в конце 1880-х гг. неоднократно консультировали российских военных агентов, аккредитованных в германской и австрийской столицах, и передавали им различную секретную информацию [26, л. 62–62 об.; 28, л. 16]. Этот фактор, несомненно, оказывал в среде российского офицерства благоприятное влияние на восприятие французской армии в качестве потенциального союзника. К сожалению, обращение только к документам из российских архивов не позволяют однозначно сказать, носил ли трансфер разведанных двусторонний характер. Тем не менее можно констатировать, что подобным образом Париж зондировал почву на предмет возможного военного сотрудничества с Петербургом, поскольку ничто так не сближает, как наличие общих врагов.

Важно указать, что первоначальные выводы генерала Н. Н. Обручева по итогам его поездки во Францию осенью 1879 г. не внушали оптимизма. Актуальное состояние французской армии было далеким от идеала, принятого в среде российского военного сословия в то время. Образцовой армией в глазах большинства российских офицеров к 1879 г. представляла германская, обладавшая, по мнению современников, высокой дисциплиной и инициативой, умевшая грамотно сочетать атаку с обороной, и делавшая упор на эффективное применение стрелкового оружия преимущественно в рассыпном строю. В рапорте российского военного агента А. А. Даллера, составленном по итогам осенних маневров в Германии в 1879 г., обращалось особое внимание «на превосходную подготовку войск как в строевом отношении, так и относительно полевых занятий. Всех поражали порядок, тишина и твердое знание всеми чинами своего дела» [19, л. 192–192 об.]. В данных аспектах французские войска в представлении российских офицеров значительно отставали от германских.

В маневрах осенью 1879 г. участвовало 2/5 всей французской армии – 2-й, 3-й, 10-й, 11-й, 12-й, 13-й и 18-й корпуса, а также 7 из 18 кавалерийских бригад [15, л. 114]. Собственно российские офицеры имели возможность наблюдать за действиями только 12-го и частично 2-го корпусов.

В целом глава российской военной делегации генерал Н. Н. Обручев в положительном ключе оценивал уровень подготовки высшего командного и офицерского состава, артиллерии и кавалерийского рода французских войск. Представляется, что в определенной степени маневры 1879 г. повлияли на позицию Н. Н. Обручева, выступившего одним из инициаторов реформы российской кавалерии в 1882 г., в результате которой уланские и гусарские полки, за исключением гвардии, преобразовывались в драгунские [1, с. 294–295]. На основе наблюдений за французской кавалерией, значительная часть которой состояла из конной пехоты, он сделал вывод о то, что «потребность в быстром движении и употреблении ружья вместо сабли все более часта» [15, л. 121–121 об.].

Также начальник российской военной разведки отмечал высокий уровень материального обеспечения французской армии, но при этом считал, что «о духе войск напротив трудно дать положительный отчет» [15, л. 127]. Наряду с этим, по мнению Н. Н. Обручева, «пехотные маневры представили сравнительно меньше поучительного и нового, их интерес главным образом сосредотачивался на качествах солдат и офицеров и на умении их приноровиться к новым требованиям боя» [15, л. 115 об.]. В последнем случае, очевидно, что генерал Н. Н. Обручев имел в виду опыт минувшей Русско-турецкой войны, которая продемонстрировала необходимость изменения сложившихся форм пехотной тактики с целью увеличения роли в бою рассыпного строя и ведения огня с дальних дистанций [37, с. 190]. Однако французские войска совершенно не соответствовали этим требованиям, поскольку, со слов Н. Н. Обручева, «за исключением стрелковых батальонов, пальба плохо регулируется <...>, в линейной же пехоте огонь зачастую ведется совершенно без толку» [15, л. 116 об.]. По его наблюдениям, за четверть часа французские пехотинцы израсходовали весь боезапас, состоявший из 80 патронов на каждого солдата, и в целом совершали по ходу маневров «грубые ошибки» [15, л. 117]. Также, согласно заметкам полковника К. К. Случевского, командированного во Францию в составе миссии генерала Н. Н. Обручева, французская пехота нередко осуществляла наступление в сомкнутом строю «под сильным ружейным и артиллерийским огнем неприятеля», практически игнорируя рассыпной строй и использование местности для укрытия [11, с. 88], «в действиях пехоты и артиллерии замечалось слишком мало связи», причем «артиллерия сильно разбрасывалась и рассеивала свой огонь вместо сосредоточения его на важных пунктах» [11, с. 98].

Кроме недостатков в подготовке и обучении армии Третьей республики генерал Н. Н. Обручев видел и другие препятствия на пути к союзу с Францией. В первую очередь вызывала сомнения ее политическая нестабильность, а также риторика действующего правительства, стремившегося уладить противоречия с Германией и поддерживать дружеские контакты с Великобританией, с которыми у России после Восточного кризиса были чрезвычайно напряженные отношения [1, с. 269]. Все эти факторы, по мнению Н. Н. Обручева, однозначно говорили не в пользу русско-французского альянса.

Важно указать, что далеко не все представители российского офицерства разделяли скепсис «Русского Мольтке». Одним из сторонников русско-французского сближения являлся «Белый генерал» М. Д. Скобелев, который в феврале 1882 г. выступил перед сербскими студентами в Париже, обличая германскую внешнюю политику и указывая на неизбежность столкновения «славян с тевтонами». В беседе с французским журналистом Полем Френо генерал-адъютант М. Д. Скобелев также заявил о необходимости русско-французского союза для совместной борьбы с Германией. Выступления «Белого генерала» попали на страницы периодической печати и стали причиной серьезного дипломатического скандала. Правительства России и Франции были вынуждены «откреститься» от слов М. Д. Скобелева, чтобы избежать обострения отношений со Вторым рейхом [8, с. 172–173].

Схожий «информационный» фон сопровождал визит генерал-адъютанта М. И. Драгомирова во Францию в сентябре 1883 г. на маневры 7-го и 8-го армейских корпусов. Как и М. Д. Скобелев, М. И. Драгомиров отличался неприязнью к Германии и выражал свои симпатии Франции. В своем отчете по итогам маневров он указал, что французская армия, несмотря на ее республиканское нутро, не уступала по уровню подготовки и своей организации армиям других европейских держав [37, с. 260–261]. При этом командировка генерала М. И. Драгомирова также не обошлась без публичного скандала. Французская пресса подробно освещала его визит и делала акцент на профранцузских воззрениях генерала. В частности газета «Франс»

(France) приписала цитату М. И. Драгомирову о том, что он «хотел видеть французскую армию рядом с русской» [32, л. 21]. По свидетельствам российского военного агента Л. А. Фредерикса, «обстоятельство это наделало много шума не только в здешней, но и в заграничной печати и возбудило в Германии известного рода неудовольство» [32, л. 19]. Представители российского посольства в Париже вскоре были вынуждены опубликовать опровержения в крупных изданиях, таких как «Темпс» (Temps) и «Фигаро» (Figaro), отрицая произношение генералом М. И. Драгомировым данных слов [32, л. 21].

Однако точка зрения противников союза с Францией сохранялась среди значительной части российского офицерства и в последующие годы. Полковник Главного штаба Н. Н. Сухотин в отчете от 25 октября (5 ноября) 1883 г., в противовес мнению генерала М. И. Драгомирова, по итогам учений 7-го и 8-го армейских корпусов указывал: «Все виденное на маневрах обоих корпусов и слышанное в пределах Франции показывает, что ее армия и ее военные средства еще далеко не представляются надежными и достаточными» [34, л. 5]. В этой связи он рекомендовал избегать в ближайшее время российско-французского сближения, несмотря «на задушевное желание, существующее во Франции относительно союза с Россией для борьбы с немцами». По его мнению, Париж к союзу подталкивали не взаимные внешнеполитические интересы с Петербургом, а «только исход панического страха перед немцем» [34, л. 5]. В то же время полковник Н. Н. Сухотин указывал на эгоистические расчеты Третьей республики, для которой Россия, с его слов, была лишь средством для достижения своих собственных целей [34, л. 5 об.]. Характерно, что опасения, связанные с представлениями о корыстных замыслах Франции, были в целом свойственны российским офицерам на протяжении всех 1880-х гг. В разгар очередной «военной тревоги» французский военный атташе в Петербурге полковник Серме в отчете от 8 февраля 1887 г. упоминал о визите к нему «очень видного генерала из русского Генерального штаба», который «был главным образом озабочен вопросом о том, будем ли мы, получив преимущества на ранних этапах кампании, продолжать войну [с Германией], а не довольствоваться некоторыми быстро достигнутыми успехами» [38, р. 50–51].

В 1884 г. французские военные маневры посетил генерал-майор А. Н. Куропаткин, оставивший свои впечатления о них в дневниковых записях, воспроизведенных им в мемуарах, а также в отчете, с которым лично ознакомился император Александр III [35, л. 1]. В целом заключения А. Н. Куропаткина носили преимущественно позитивный характер, так как в подготовке французской армии им наблюдался «большой прогресс», и, по его заключению, «с такими войсками [уже] можно уверенно идти в бой» [7, с. 462]. Но в то же время он отмечал все те же недостатки, что и его предшественники. В частности, в ходе маневров французскими войсками «применению к местности значения не придавалось» [7, с. 459], а из офицеров «никто не обдумывал лучшего направления атаки. <...> Войска и их начальники относились к маневру пассивно. Выбежавший заяц гораздо более привлекал их внимание, чем то, что происходило впереди у противника <...>» [7, с. 463]. Кроме того, А. Н. Куропаткин во время маневров наблюдал «малое и неумело пользование кавалерией в бою» [35, л. 32], и в целом пришел к выводу, что французская армия «слаба по составу бригадных и дивизионных командиров, мало способных после пройденной ими школы стать на высоту современных требований от генерала, командующего войсками» [35, л. 32–32 об.].

Существенные изменения во взглядах российских офицеров на французскую армию в лучшую сторону пришлось на 1886 г. С этим связано несколько взаимодополняющих обстоятельств. Помимо повышения уровня боеспособности французских войск, вследствие регулярных учений и многолетнего реформирования воору-

женных сил, во главе Военного министерства Третьей республики был назначен генерал Жорж Буланже, выступавший с яркой реваншистской риторикой по отношению к Германии. Как писали на страницах российских газет, многие современники прочили Буланже «в новые Наполеоны, мечтающие, прежде всего, о возмездии Германии за Эльзас-Лотарингию» [12]. В это же время российско-британские отношения достигли пика напряженности вследствие Пендинского кризиса 1885 г., приведшего к очередной «военной тревоге». Россия и Великобритания фактически стояли в шаге от войны друг с другом. Осенью того же года разразился Болгарский кризис, ставший причиной окончательного распада «Союза трех императоров» и резкого обострения отношений России с Германией и Австро-Венгрией. В этой связи, как полагали российские офицеры, возникала потребность в российско-французском сближении, чтобы избежать полной военно-политической изоляции в случае большой войны в Европе. Ознакомившись с кратким изложением мер, разработанных в Главном штабе под руководством Н. Н. Обручева, на случай войны с Германией и Австро-Венгрией, бывший военный министр Д. А. Милютин 16 (28) июля 1886 г. записал в дневнике: «При настоящей политической обстановке нельзя предположить войну между Россией и одной только из этих держав; несомненно, мы будем иметь дело с коалицией, а на такой случай едва ли наши силы окажутся достаточными, чтобы вести с успехом войну без союзников» [9, с. 186].

Осенью 1886 г. во главе российской военной миссии, направленной во Францию, был назначен руководитель военной разведки генерал-майор Ф. А. Фельдман. На фоне ухудшения международной ситуации из-за Болгарского кризиса 1885 – 1886 гг. данная командировка приобретала ярко выраженный политический подтекст. К этому моменту Ф. А. Фельдман приобрел публичную репутацию ярого «недруга» Германии. В 1883 – 1884 гг. генерал стал фигурантом громкого судебного процесса о шпионаже польского эмигранта Ю. Крашевского и германского офицера Р. Гентша в пользу Франции и России. В данном случае генерал Ф. А. Фельдман, будучи военным агентом в Вене в 1876 – 1881 гг., приобретал у Р. Гентша через посредничество журналиста А. Адлера секретные сведения о германских вооруженных силах. Их общая переписка стала доказательной базой обвинения [5]. По ходу судебного процесса на страницах немецкой периодики появлялись следующие изобличающие заметки: «Русский генерал Фельдман в Вене покупал секреты с помощью жалких предателей, этого подлеца Гентша, этого поляка Крашевского <...> о развертывании германской армии <...>, чтобы русские и французы вместе напали на Германию» [39].

Кроме того, назначение генерала Ф. А. Фельдмана во главе российской миссии наглядно свидетельствовало о намерении императора Александра III обратить более пристальное внимание на французскую армию, если не как на потенциального союзника в случае большой войны в Европе, то, по крайней мере, как на фактор, прочно приковывающий взгляд Берлина к своим западным границам. Довольно характерно, что, как и семью годами ранее, поездку российских офицеров вновь сопровождали слухи о русско-французских переговорах по заключению военного союза, хотя эти контакты немецкими дипломатами приписывались генералу Н. Н. Обручеву, а не Ф. А. Фельдману [8, с. 209].

Что касается самих военных маневров, то, к сожалению, на сегодняшний день отчет генерала Ф. А. Фельдмана об их проведении нам обнаружить в архивах не удалось, тем не менее в некоторых документах имеются его собственные упоминания о том, что таковой рапорт им был подготовлен и передан для ознакомления начальнику Главного штаба Н. Н. Обручеву [21, л. 221]. Однако свои наблюдения о военных маневрах 1886 г. оставил профессор НАГШ полковник А. К. Пузыревский, состоявший в военной миссии генерала Ф. А. Фельдмана. По опыту поездки российских

офицеров во Францию в 1879 г. и обращению к их отчетам по итогам армейских учений следует предположить, что оценки генерала Ф. А. Фельдмана и А. К. Пузыревского были тождественны и различались лишь в малозначительных деталях. Заметки последнего, опубликованные в «Военном сборнике», в целом содержали довольно критические комментарии о тактической выучке французских войск, недостатках системы высшего военного управления ими и практике подготовки штабного персонала армии Третьей республики [14, с. 313–325]. Тем не менее резюме полковника А. К. Пузыревского отражало оптимистичную семантику: «В общем, однако, французская армия, по своей необыкновенной многочисленности, дисциплине, прекрасному составу нижних чинов, хорошему элементарному обучению людей, обильному снабжению превосходной материальной частью, представляется весьма внушительной силой. <...> Под начальством даровитого вождя – это грозный враг, что, по-видимому, уже сознают соседи, не рассчитывающие вовсе на такие же легкие успехи, как в минувшую [Франко-германскую] войну» [14, с. 326].

Довольно примечательно, что практически аналогичные комплементарные выводы содержатся в рапорте российского военного агента в Париже генерала Л. А. Фредерикса, составленном по итогам армейских учений осенью 1889 г. [24, л. 81, 104]. По распоряжению военного министра П. С. Ванновского в ВУК ГШ было подготовлено краткое извлечение из доклада генерала Л. А. Фредерикса, которое было передано императору Александру III для прочтения [24, л. 103].

Высокого мнения о французской армии по-прежнему придерживался и генерал М. И. Драгомиров. В ходе поездки во Францию весной 1889 г. он имел продолжительные беседы с представителями высшего французского генералитета и занимался изучением общественных настроений в стране. В отчете по итогам своего визита он фиксировал существенный прогресс в уровне подготовки командного состава французской армии и указывал, что французские генералы полностью «отдаются приготовлению к будущей своей роли. Будущие главнокомандующие знают свои войска и эти последние их знают» [17, л. 31 об.]. При этом генерал М. И. Драгомиров не считал политический строй Франции существенным препятствием для достижения союза, поскольку, несмотря на частные смены правительств, «шаткость их не отражается существенно на общем ходе дела, так как во всех министерствах люди, стоящие непосредственно у дела, меняются весьма редко...». В то же время он особо выделял высокий моральный дух французской армии, «проникнутой сознанием воинского долга и недоступной влиянию партии» [17, л. 42–43 об.].

К концу 1880-х гг. в среде российских офицеров все чаще звучали призывы к сближению с Францией. Наглядным тому примером может послужить записка генерал-майора Л. Н. Соболева от 10 (22) марта 1887 г. «Политическая подготовка вопроса о Босфоре». Главной ее особенностью является комплексное рассмотрение сложившегося политического «пасьянса» в Евразии, угрожавшего России полной изоляцией. В связи с такой расстановкой сил генерал Л. Н. Соболев предлагал избежать данной перспективы за счет прочного союза с Францией, который был продиктован России, с его слов, «силой исторических событий» [16, л. 42]. Однако основную идею о сотрудничестве с Третьей республикой автор представлял прежде всего как фактор, сдерживающий Великобританию в борьбе с Россией за Босфор, поскольку британское командование не могло игнорировать опасность в Средиземном море, исходящую от французских военных кораблей [16, л. 41 об.–42]. В свою очередь генерал Л. Н. Соболев полагал, что, добившись успеха в Восточном вопросе, Россия могла полностью сосредоточиться на борьбе со своими западными соседями.

Важно указать, что уже с началом 1887 г. расчеты на возможный союз с Францией ложились в основу российских планов войны с центральными державами. Французский военный атташе в Петербурге капитан Мулен в рапорте от 23 июня

1887 г. указывал: «Наиболее распространенной здесь является идея о том, что в случае вооруженного конфликта между Францией и Германией вскоре начнется война между Россией и Австрией, и даже предполагается, что последняя держава в конечном итоге будет поддержана несколькими сателлитами более низкого порядка [Сербией и Румынией. – А. А.]» [38, р. 107]. Генерал Н. Н. Обручев действительно предполагал, что «участие Германии в войне против России может выразиться весьма различно, что будет главным образом зависеть от обязательств, установленных австро-германским союзом и от отношений, в коих будет находиться Германия к Франции». По этой причине начальник Главного штаба считал, что в случае вовлечения Третьей республики в противостояние с Германией Россия будет иметь наиболее благоприятную возможность для ведения войны со своими западными соседями. Так, план «А» исходил из той мысли, «что Германия, занятая ныне распрей с Францией, может оказать Австрии лишь частную помощь и то едва ли в самом начале войны», вследствие чего, по расчетам Н. Н. Обручева, следовало «к стороне Пруссии иметь лишь наблюдательные корпуса, всю же главную массу [российских] сил обратить на Австрию» [25, л. 26 об.].

Тем не менее германский посол в Петербурге Л. фон Швейниц справедливо утверждал, что до тех пор, пока в решении вопроса с черноморскими проливами император Александр III рассчитывал на поддержку Германии, Россия «не пойдет на тесное сближение с республиканской Францией» [6, с. 266]. Кроме того, по наблюдениям капитана Мулена, в российской офицерской среде царил «настоящий страх перед войной с Германией». В этой связи он делал вывод, что «русская армия, за несколькими почетными исключениями (Драгомиров и другие), предпочитает выступить только против Австрии и предоставить другим право сотрясать германский колосс. Если эти мысли распространены среди военных, то вполне естественно, что благоразумные политики, такие, как Гирс, не видят иного спасения, кроме как доброго соглашения с Германией» [38, р. 107]. Соответственно, заключение 6 (18) июня 1887 г. «договора о перестраховке» избавляло российское правительство от перспективы войны с Германией и от необходимости военного союза с Францией. Наряду с этим препятствием выступала и двойственная риторика действующего правительства Третьей республики, которое, несмотря на «военную тревогу» 1887 г., старалось, по сообщениям военного агента в Париже генерала Л. А. Фредерикса, всячески избежать любых поводов для обострения отношений с Берлином [32, л. 41].

Однако в связи с отказом германского правительства в 1890 г. продлевать «договор о перестраховке» фактически была открыта дверь для заключения русско-французского союза, предпосылки для которого сформировались в том числе благодаря систематическому изучению российскими офицерами французской армии в течение многих лет.

Выводы

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. В 1870 – 80-х гг. российские офицеры обращали пристальное внимание на французскую армию, изучая процессы ее структурной реорганизации. В значительной степени это обуславливалось нестабильной внешнеполитической ситуацией, сложившейся в результате Франко-германской войны 1870 – 1871 гг., в ходе которой образовалась единая Германская империя. В этой обстановке российские власти стремились поддерживать баланс сил среди великих держав и расценивали Третью республику во Франции в качестве естественного противовеса растущей мощи Германии. В свою очередь крах Второй империи обеспечил сочувственное отношение российского офицерства к французской армии и поспособствовал сглаживанию прежних «обид».

В то же время по мере обострения международной ситуации в свете Восточного кризиса 1875 – 1878 гг. появилась необходимость изучения французской армии в

качестве потенциального союзника в возможной войне с коалицией Германии и Австро-Венгрии. Поэтому с 1879 г. последующее десятилетие характеризуется пристальным вниманием, уделяемым российскими офицерами к актуальному состоянию французских войск. За этот период происходит трансформация воззрений в среде российских офицеров, в связи с чем к концу 1880-х французская армия стала восприниматься как «грозный враг» Германии и потенциальный союзник в борьбе с ней. Этот фактор стал важной предпосылкой, приведшей к образованию русско-французского альянса в первой половине 1890-х гг.

Список источников и литературы

1. *Айрапетов О. Р.* Генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев (1830 – 1904): портрет на фоне эпохи : биография. М.: Русская книга : Алгоритм, 2017. 496 с.
2. *Алпеев О. Е.* Война после победы?.. Планы генерала Н. Н. Обручева на случай конфликта с коалицией Великобритании, Австро-Венгрии и Турции (1878 г.) // Вопросы Истории. 2021. № 11. С. 28–55.
3. Восстановление вооруженных сил Франции // Русский инвалид. 1874. № 78.
4. Германия. Отд. 3. Военный обзор восточных областей. СПб.: Воен. учен. ком. Гл. штаба, 1882. 790 с.
5. Дело Крашевского и Гентша // Новое время. 1884. 17 (29) мая (№ 2931).
6. История внешней политики России: В 5 т. Т. 4. Вторая половина XIX века (От Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М.: Академ. проект, 2018. 385 с.
7. *Куропаткин А. Н.* 70 лет моей жизни: воспоминания А. Н. Куропаткина: в 3 т. Т. 2. Челябинск: Авто Граф, 2023. 558 с.
8. *Манфред А. З.* Образование русско-французского союза. М.: Наука, 1975. 375 с.
9. *Милютин Д. А.* Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина / под ред. Л. Г. Захаровой. 1882–1890. М.: РОССПЭН, 2010. 584 с.
10. Осенние маневры во французской армии в 1874 году // Русский инвалид. 1875. № 38.
11. Осенние маневры французских войск в 1879 году // Военный сборник. 1880. № 7. С. 74–114.
12. Петербургский листок. 1886. 12 (24) июля (№ 186).
13. *Поппен Г. В.* Франция. Вооруженные силы. Ч. 1. СПб.: Воен. учен. ком. Гл. штаба, 1883. 433 с.
14. *Пузыревский А. К.* На маневрах 12-го корпуса французской армии // Военный сборник. 1886. № 12. С. 286–326.
15. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 552. Оп. 2. Ед. хр. 1322.
16. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 4. Д. 596.
17. РГВИА. Ф. 400. Оп. 42. Д. 145.
18. РГВИА. Ф. 401. Оп. 2. 1868. Д. 75.
19. РГВИА. Ф. 401. Оп. 3. 1879. Д. 17.
20. РГВИА. Ф. 401. Оп. 3. 1879. Д. 60.
21. РГВИА. Ф. 401. Оп. 4. 1886. Д. 27.
22. РГВИА. Ф. 401. Оп. 4. 1887. Д. 2.
23. РГВИА. Ф. 401. Оп. 4. 1888. Д. 2.
24. РГВИА. Ф. 401. Оп. 4. 1889. Д. 2.
25. РГВИА. Ф. 402. Оп. 2. Д. 76.
26. РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 198.
27. РГВИА. Ф. 432. Оп. 1. Д. 222.
28. РГВИА. Ф. 432. Оп. 1. Д. 232.
29. РГВИА. Ф. 440. Оп. 1. Д. 191.
30. РГВИА. Ф. 440. Оп. 1. Д. 193.
31. РГВИА. Ф. 440. Оп. 1. Д. 195.
32. РГВИА. Ф. 440. Оп. 1. Д. 200.

33. РГВИА. Ф. 440. Оп. 1. Д. 201.
34. РГВИА. Ф. 440. Оп. 1. Д. 281.
35. РГВИА. Ф. 440. Оп. 1. Д. 283.
36. Свечин А. А. Эволюция военного искусства. Т. 2. М.; Л.: Гос. изд-во, Отдел воен. лит., 1928. 619 с.
37. Юдин С. С. Солдат империи. Генерал М. И. Драгомиров. Реформатор. Учитель. Военачальник. М.: Яуза-каталог : Российское военно-историческое общество, 2021. 336 с.
38. Documents Diplomatiques Français. Ser. 1 (1871-1900). Т. 6: Bis. (4 mars 1885 – 29 decembre 1887). Paris: Imprimerie Nationale, 1938. 162 p.
39. Dresdner Nachrichten. 1884. 20 Mai.

References

1. Ayrapetov, OR 2018, *General-adyutant Nikolay Nikolayevich Obruchev (1830 – 1904): portret na fone epokhi* (Adjutant-General Nikolay N. Obruchev (1830 – 1904). Portrait on the background of the era), Russkaya kniga publ, Algoritm publ, Moscow. (In Russ.)
2. Alpeyev, OE 2021, 'Voyna posle pobedy? Plany generala N. N. Obrucheva na sluchay konflikta s koalitsiyey Velikobritanii, Avstro-Vengrii i Turtsii (1878 g.)' (War after Victory? (General N.N. Obruchev's plans for a conflict with a coalition of Britain, Austria-Hungary and Turkey (1878), *Questions of History*, no. 11, pp. 28–55. (In Russ.)
3. 'Vosstanovleniye vooruzhennykh sil Frantsii' (Restoration of the French armed forces) 1874, *Russkiy invalid*, no. 78 (In Russ.)
4. Germaniya. Otd. 3. *Voennyi obzor vostochnykh oblastey* (Germany. Section 3. Military review of the eastern regions) 1882, Voen. uchen. kom. Gl. Shtaba publ, St. Petersburg. (In Russ.)
5. 'Delo Krashevskogo i Gentsha' (The case of Kraszewski and Gentsch) 1884, *Novoye vremya* (New Times), no. 2931, 17 (29) May. (In Russ.)
6. 'Vtoraya polovina XIX veka (Ot Parizhskogo mira 1856 g. do russko-frantsuzskogo soyuza)' (The second half of the 19th century (From the Peace of Paris in 1856 to the Russian-French alliance) 2018, *Istoriya vneshney politiki Rossii: V 5 t.* (History of Russia's foreign policy. In 5 vols), vol. 4, Academ. Proyekt publ, Moscow. (In Russ.)
7. Kuropatkin, AN 2023, *70 let moyey zhizni: vospominaniya A. N. Kuropatkina: v 3 t.* (70 years of my life: A.N. Kuropatkin. In 3 volumes), vol. 2, Avto Graf publ, Chelyabinsk. (In Russ.)
8. Manfred, AZ 1975, *Obrazovaniye russko-frantsuzskogo soyuza* (Formation of the Russian-French Alliance), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
9. Milyutin, DA 2010, *Dnevnik general-feldmarshala grafa Dmitriya Alekseevicha Milyutina* (Diary of Field Marshal General Count Dmitry Alexeyevich Milyutin), ed. L. G. Zakharova, ROSSPEN publ, Moscow (In Russ.)
10. 'Osenniye manevry vo frantsuzskoy armii v 1874 godu' (Autumn manoeuvres in the French army in 1874) 1875, *Russkiy invalid*, no. 38. (In Russ.)
11. 'Osenniye manevry frantsuzskikh voysk v 1879 godu' (Autumn manoeuvres of French troops in 1879) 1880, *Voennyi sbornik* (Russian military scientific journal), no. 7, pp. 74–114. (In Russ.)
12. *Peterburgskiy listok* 1886, 12(24) July, no 186. (In Russ.)
13. Poppen, GV 1883, *Frantsiya. Vooruzhonnnye sily* (France. Armed Forces), part 1, Voen. uchen. kom. Gl. Shtaba publ, St. Petersburg. (In Russ.)
14. Puzyrevskiy, AK 1886, 'Na manevrakh 12-go korpusa frantsuzskoy armii' (At the maneuvers of the 12th corps of the French army), *Voennyi sbornik* (Russian military scientific journal), no. 12, pp. 286–326. (In Russ.)
15. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva (RGALI)* (Russian State Archive of Literature and Art), fund 552, inventory 2, file 1322. (In Russ.)
16. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv (RGVIA)* (Russian State Military Historical Archive), fund. 400, inventory 4, file 596. (In Russ.)
17. *RGVIA*, fund 400, inventory 42, file 145. (In Russ.)

18. *RGVIA*, fund 401, inventory 2, 1868, file 75. (In Russ.)
19. *RGVIA*, fund 401, inventory 3, 1879, file 17. (In Russ.)
20. *RGVIA*, fund 401, inventory 3, 1879, file 60. (In Russ.)
21. *RGVIA*, fund 401, inventory 4, 1886, file 27. (In Russ.)
22. *RGVIA*, fund 401, inventory 4, 1887, file 2. (In Russ.)
23. *RGVIA*, fund 401, inventory 4, 1888, file 2. (In Russ.)
24. *RGVIA*, fund 401, inventory 4, 1889, file 2. (In Russ.)
25. *RGVIA*, fund 402, inventory 2, file 76. (In Russ.)
26. *RGVIA*, fund 428, inventory 1, file 198. (In Russ.)
27. *RGVIA*, fund 432, inventory 1, file 222. (In Russ.)
28. *RGVIA*, fund 432, inventory 1, file 232. (In Russ.)
29. *RGVIA*, fund 440, inventory 1, file 191. (In Russ.)
30. *RGVIA*, fund 440, inventory 1, file 193. (In Russ.)
31. *RGVIA*, fund 440, inventory 1, file 195. (In Russ.)
32. *RGVIA*, fund 440, inventory 1, file 200. (In Russ.)
33. *RGVIA*, fund 440, inventory 1, file 201. (In Russ.)
34. *RGVIA*, fund 440, inventory 1, file 281. (In Russ.)
35. *RGVIA*, fund 440, inventory 1, file 283. (In Russ.)
36. Svechin, AA 1928, *Evolyutsiya voennogo iskusstva* (Evolution of military art), vol. 2, Gos. izd-vo, Otdel voyen. lit. publ, Moscow, Leningrad. (In Russ.).
37. Yudin, SS 2021, *Soldat imperii. General M.I. Dragomirov. Reformator. Uchitel. Voennachalnik* (Soldier of the Empire. General M. I. Dragomirov. Reformer. Teacher. Military Leader), Yauza-katalog : Rossiyskoye voyenno-istoricheskoye obshchestvo publ, Moscow. (In Russ.).
38. *Documents Diplomatiques Français* 1938, ser. 1, vol. 6, Imprimerie Nationale publ, Paris. (In French)
39. *Dresdner Nachrichten* 1884, 20 May. (In German)

Статья поступила в редакцию: 15.08.2024
Одобрена после рецензирования: 20.09.2024
Принята к публикации: 07.11.2024

The article was submitted: 15.08.2024
Approved after reviewing: 20.09.2024
Accepted for publication: 07.11.2024

Научная статья

УДК 94(47)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-65-78>

ЮБИЛЕИ РУБЕЖА XIX – XX ВВ. И ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ РОССИИ

**Владимир Викентьевич
Лапин**^{1, 2}

¹ Европейский университет в Санкт-Петербурге
Санкт-Петербург, Россия

² Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, lapin.ww@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6231-1977>

Аннотация. Анализ историографии вооруженных сил дореволюционной России свидетельствует о том, что вопрос о политической культуре офицерского корпуса второй половины XIX – начала XX вв. остается дискуссионным. Сохраняет свои позиции представление об аполитичности командного состава царской армии, несмотря на ряд исследований, обоснованно опровергающих такое мнение. В статье рассматривается вовлеченность офицеров в коммеморативные практики, получившие широкое распространение на рубеже XIX – XX вв. в рамках празднования многочисленных юбилеев. Поскольку политические взгляды отражаются не только в прямых оценках текущих событий, целесообразно рассмотрение связи между представлениями о прошлом и о настоящем. Офицеры составляли важную часть социального слоя, который принято называть обществом, находились в общей информационной и культурной атмосфере. При создании политических конструкций используется историческая аргументация в различных формах, сам выбор ретроспективной информации многое говорит о политической ориентации.

Военнослужащие активно участвовали в подготовке и проведении юбилеев 1890 – 1910-х гг., особое место среди которых заняли мероприятия, посвященные 100-летию Отечественной войны 1812 года. Несколько томов материалов (рапорты воинских начальников, газетные вырезки), собранных генералом Ф. Я. Ростковским о торжествах, имевших общегосударственный характер, свидетельствуют о большой вовлеченности офицеров и нижних чинов в празднества.

Участие в отмечании знаменательных годовщин стимулировало проявление интереса к истории в личном и корпоративном формате. Отдельные персоны и воинские коллективы (полки) оценили высокую символическую ценность своей причастности к великим историческим событиям и приняли активное участие в возведении памятников и других коммеморативных акциях. Подобная активность являлась хорошей школой для политического образования.

Ключевые слова: армия России начала XX века, политика, историческая память, юбилеи.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23- 28-00325, <https://rscf.ru/project/23-28-00325/>

Для цитирования: Лапин В. В. Юбилеи рубежа XIX – XX вв. и вооруженные силы России // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 3 (19). С. 65–78. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-65-78>

Сведения об авторе: В. В. Лапин – доктор исторических наук, профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге, 191187, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Шпалерная, 1; исполнитель по гранту, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

Scientific Article

UDC 94(47)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-65-78>

ANNIVERSARIES OF THE 19TH – 20TH CENTURIES TURN AND THE RUSSIAN ARMED FORCES

Vladimir V. Lapin^{1, 2}

¹ European University at St. Petersburg
St. Petersburg, Russia

² Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia, lapin.vv@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6231-1977>

Abstract. An analysis of the pre-revolutionary Russia armed forces historiography shows that the issue of the officer corps political culture in the second half of the 19th – early 20th centuries remain controversial. The idea about the political apathy of the command staff of the tsarist army retains its positions, despite a number of studies that reasonably refute this opinion. The article examines the involvement of officers in commemorative practices that became widespread at the turn of the 19th and 20th centuries as part of the celebration of numerous anniversaries. Since political views are reflected not only in direct assessments of current events, it is appropriate to consider the connection between ideas about the past and the present. Officers formed an important part of the social stratum commonly called society, were in a common informational and cultural atmosphere. Historical argumentation in various forms is used when creating political constructs; the very choice of retrospective information says a lot about political orientation.

The servicemen actively participated in the preparation and holding of the anniversaries of 1890 – 1910s, among which the events dedicated to the 100th anniversary of the Patriotic War of 1812 took a special place. Several volumes of materials (reports of military commanders, newspaper clippings) collected by General F. Ya. Rostkovsky on celebrations that had a nationwide character testify to the great involvement of officers and lower ranks in the festivities.

Participation in the celebration of significant anniversaries stimulated interest in history in personal and corporate formats. Individuals and military units (regiments) appreciated the high symbolic value of their involvement in great historical events and took an active part in the construction of monuments and other commemorative actions. Such activity was a good school for political education.

Keywords: the Russian Army of the early 20th century, politics, historical memory, anniversaries.

Acknowledgements: The research was supported by the Russian Science Foundation Grant No. 23- 28-00325, <https://rscf.ru/project/23-28-00325/>

For citation: Lapin, VV 2024, 'Anniversaries of the 19th – 20th Centuries Turn and the Russian Armed Forces', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (19), pp. 65–78, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-65-78> (in Russ.)

Information about the Author: *Vladimir V. Lapin* – Doctor of Sciences (History), Professor, European University at St. Petersburg, 1, Spalernaya Str., St. Petersburg, 191187, Russia; Contractor for the Grant, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

В отечественной историографии при изучении «состояния умов» вооруженных сил Российской империи в конце XIX – начала XX вв. сложилось мнение об аполитичности офицерства и генералитета, о решительном преобладании монархических взглядов в военной среде. Это мнение опирается на авторитет таких специалистов как Л. Г. Бескровный, П. А. Зайончковский, В. Д. Поликарпов, которых не смущал тот факт, что более пятидесяти тысяч офицеров разных рангов, оказавшиеся в Петрограде и его окрестностях в 1917 г. не выступили в защиту царя и Временного правительства, нарушив тем самым данную присягу [5; 6; 20; 21; 34]. В постсоветский период такая точка зрения, установившаяся в 1950 – 1970 гг., не подверглась радикальной ревизии, несмотря на активное и плодотворное изучение командного состава императорской армии и императорского флота [11, с. 467; 12; 39, с. 71–87].

Успешной попыткой по-новому взглянуть на политическую культуру российского офицерства в период между Русско-японской и Первой мировой войнами можно считать исследование А. Ю. Фомина «Российское офицерство и публичная политика: политические взгляды военнослужащих в отражении военной печати (1906 – 1914 гг.)». Изучение военной периодики указанного периода (с фокусировкой внимания на газету «Военный голос»), а также рассмотрение публицистической и общественной деятельности весьма представительной группы генералов и офицеров позволило сделать новаторские выводы. По мнению Фомина в командном составе вооруженных сил России «...на месте прямолинейного, выравниваемого по единому образцу, цементируемого воинской дисциплиной консерватизма, о котором пишут многие историки, на деле существовало многообразие политических взглядов и настроений, характерное для общества в целом» [44].

Фомин обращается к высказываниям военнослужащих о современной им политической обстановке, к их реакции на деятельность администрации и Государственной думы. Но общественная позиция отражается не только в прямых высказываниях о текущих событиях, в публичных осуждениях или одобрениях поступков властных лиц. Нельзя отрицать корреляцию между представлениями о прошлом и оценками настоящего. В этой связи продуктивным выглядит рассмотрение того, какой видели отечественную историю люди в военных мундирах.

Командный состав армии и флота формировался из людей, получивших специальные навыки и знания в военно-учебных заведениях или «в строю», т. е. во время прохождения службы юнкером. Но и в последнем случае для производства в обер-офицерский чин обязательным этапом являлись экзамены по программе военного училища. Уровень образования сильно различался в зависимости от жизненных обстоятельств: в армию попадали как полуграмотные дворянские недоросли, так и те, кто мог читать иностранные газеты и даже античных авторов без перевода. Но, несмотря на очевидную разницу в культуре, не вызывает сомнения то, что и младшие и старшие офицеры принадлежали к тому слою населения, где чтение книг, журналов и газет являлось повседневностью. Во всех губерниях Российской империи офицеры составляли важную часть социальной группы, которую по установившейся традиции называют обществом. Поэтому они неизбежно оказывались в общем потоке информации, интересов и настроений «образованных людей». Воинские части, расквартированные как в столицах, так и в провинциальных центрах, играли важную роль в культурной жизни этих городов [27, с. 91; 17]. Ограничения, которые существовали для допуска в офицерские собрания даже «приличной публики», не создавали непреодолимые барьеры между военными и штатскими [41, с. 36–40].

Политические конструкции практически невозможно представить без исторической аргументации, без ссылок на авторитетные мнения знаменитостей разных эпох, без указания на успешные и катастрофические по своим последствиям действия властей, на опыт в различных сферах, накопленный в течение далеких веков и

ближних десятилетий. Интерпретация сведений, почерпнутых из исторических источников, разделение событий на важные и второстепенные, формирование списка «великих людей» и прочие действия для составления картины прошлого в огромной степени определялись и определяются политическими пристрастиями.

Во второй половине XIX – начале XX вв. Россия переживала период повышения интереса к своей истории в значительной степени потому, что таковая стала важным символическим ресурсом. Одним из самых ярких признаков этого явления стали многочисленные юбилеи разного характера и масштаба. «Сегодня первый акт гусарского праздника в Царском Селе по случаю 50-летнего гусарства государя императора¹. У нас завелся юбилейный недуг. Ко всему привязываются, чтобы отпраздновать...», записывал министр внутренних дел П. А. Валуев в своем дневнике 22 апреля 1868 г. [8, с. 266] Столетие со дня смерти М. В. Ломоносова в 1865 было использовано представителями различных политических течений как площадка демонстрации своих взглядов. Пик такого рода торжеств пришелся на полтора десятилетия, предшествовавшие Первой мировой войне. Страну охватила настоящая «юбилейная лихорадка» [45, с. 42–43].

С участием царской фамилии и органов власти всех уровней, с привлечением сотен тысяч участников праздновались годовщины великих побед (1905 г. – пятидесятилетие обороны Севастополя в 1854 – 1855 гг.; 1909 г. – двухсотлетие Полтавской битвы; 1912 г. – столетие Отечественной войны 1812 г.). Менее пышно вспоминали виктории регионального характера (1909 г. – пятидесятилетие покорения Чечни и Дагестана, 1910 г. – двухсотлетие взятия Выборга). Города не упускали возможность отпраздновать годовщины своего основания, административные структуры и учебные заведения – своего учреждения (100-летие Военного министерства, 200-летие Санкт-Петербурга). Каждый юбилей реформ Александра II сопровождался борьбой либералов и консерваторов, с конфликтующих позиций оценивавших преобразования 1860 – 1870-х гг. Даты рождения и смерти людей, заслуживших своей деятельностью месса в энциклопедических справочника, также оказались во многих случаях удобными поводами для демонстрации общественной позиции (1899 – 100-летие рождения А. С. Пушкина, 100-летие смерти А. В. Суворова).

Участие армии, гвардии флота в празднествах такого рода объясняется уже тем, что парад являлся обязательной частью праздничной церемонии, если, разумеется, событию придавалось государственное значение. В особо торжественных случаях производился салют и (или) устраивался фейерверк, подготовка которого оказывалась немислимой без артиллеристов.

О включенности военных в общественную жизнь свидетельствуют списки различных добровольных организаций, состоящих из персон, объединенных общими интересами к археологии, электротехнике, географии, энтомологии и т. д. В них состояло значительное число офицеров и генералов. Созданное в 1907 г. Императорское Русское военно-историческое общество (ИРВИО) за десять лет своего существования приложило огромные усилия для формирования исторических представлений не только у тех, кто носил погоны. В этой организации на 1 января 1912 г. состояло более 300 одних только генералов (около трети чинов такого ранга) [7, с. 44]. Именно представители ИРВИО играли ведущие роли в комиссиях, занимавшихся организацией многочисленных юбилеев начала XX столетия (выбор исторических событий, их ранжирование по значимости, составление сценариев торжеств и списков персонажей, достаиваемых «особого поминания») [26, с. 6–7, 12].

Такого рода деятельность никак не могла оказаться «вне политики», тем более что празднования знаменательных годовщин сопровождалась битвами между представителями различных партий, которые старались использовать общественный интерес к событиям прошлого для пропаганды своих программ [24]. Бесспорным вы-

глядит тезис о том, что «В воспоминаниях о былых ратных успехах и великих победах общество искало утешения и новых ориентиров, а государственная власть после революции 1905 – 1907 гг. – новых способов легитимации» [46, с. 99].

Особое место среди юбилеев заняло столетие Отечественной войны 1812 г., которому придавался характер события общегосударственного масштаба. За шесть месяцев до празднования генерал от инфантерии Ф. Я. Ростковский по согласованию с Военным министерством направил командирам бригад местных войск и уездным воинским начальникам от Польши до Приморского края предписание о представлении рапорта о юбилейных мероприятиях [31, л. 55]. Результатом стало собрание из десяти томов с описаниями торжеств, восемь томов вырезок из газет за 1912 г. и три тома указателей. Периодические издания отражали весь спектр политических течений России: официоз Военного ведомства «Русский инвалид», ультрамонархическая «Земщина» (печатный орган «Союза русского народа»), кадетская «Речь», рупор московских торгово-промышленных кругов (партии прогрессистов) «Утро России». Кроме того, учитывалось мнение «всеядного» и очень популярного «Нового времени», умеренно-либеральных «Биржевых ведомостей», умеренно-правого «Вечернего времени», реакционно-охранительных «Московских ведомостей», сторонника левых политических течений «Русского слова» и еще нескольких газет Москвы и Санкт-Петербурга («Голос Москвы», «Московский листок», «Петербургская газета», «Петербургский листок», «Россия», «Русское чтение»). Кроме того, большое число вырезок статей из провинциальных газет содержится в виде приложений к рапортам начальников местных команд.

Заслуживает особого внимания тот факт, что материалы для анализа вовлеченности солдат и офицеров в коммеморативные акции собирали не досужие обыватели, а лица, находящиеся на государственной службе. Сотрудники, помогавшие генералу Ростковскому, знакомились с содержанием газет различной политической ориентации.

Празднование столетия Отечественной войны 1812 г. использовалось для военно-патриотического воспитания в казенно-монархическом духе. То, что происходило в юбилейные дни в городе Пружаны Гродненской губернии можно считать типичным для российской провинции. Для ознакомления нижних чинов местной воинской команды с историей «великой години» им были розданы т.н. «разрешенные издания», в список которых входили брошюры «Двенадцатый год» Д. И. Троицкого; «Школьный праздник в память славных подвигов родных героев 1812 года» К. Лукашевич. Офицеры провели восемь «чтений для всей команды нижних чинов с разбором наиболее выдающихся эпизодов войны», причем в этих чтениях были представлены биографические очерки Александра I, императора Наполеона и главнейших военных полководцев Русской армии (Кутузова, Барклая-де Толли, Багратиона, Витгенштейна, Раевского, Тучкова и др.). «Прочитанные статьи и очерки были, кроме того, демонстрированы световыми картинками при помощи волшебного фонаря. Таким образом, ко дню самого празднования нижние чины управления и конвойной команды могли составить себе вполне определенное понятие как о причинах для начала войны, ее развития, окончательном ее фазисе и об ее последствиях».

25 августа утром была совершена панихида. Вход в помещение команды украсили аркой с венками из живых цветов и с портретами Александра I, Николая II, императрицы Александры Федоровны, Кутузова и Барклая де Толли. Под портретами помещалось изображение медали в память Отечественной войны с надписью: «Мы все в одну сольемся душу за Веру, Царя и Отечество». Такую же арку установили на центральной площади города, где весь местный гарнизон утром 26 августа совершил молебен, по окончании которого соборный хор и оркестр пожар-

ной команды несколько раз исполнили «Боже царя храни» и «Коль славен». Согласно рапорту «...довольствие нижних чинов было усиленное – обед состоял из рассольника, котлет с картофелем, киселя, яблок и груш; на ужин был сварен плов из баранины, чай и кофе. Вечером с наступлением сумерек, вход в управление и устроенная арка были освещены лампами и свечами, а прилегающая к управлению улица была иллюминирована развешанными на проволоках разноцветными фонарями».

Вечером в казармах конвойной команды прошел концерт: чтение «патриотических» стихов, пьесы «Пожар Москвы» и «Отставной солдат», аллегорическая пантомима «Слава России» [30, л. 73–76].

К рапортам о праздновании 100-летия Отечественной войны 1812 г. в различных гарнизонах приложено несколько десятков текстов, где излагались выступления офицеров перед личным составом. Они представляли так называемую «официальную» точку зрения на войну с Наполеоном и различаются разве что степенью адаптации материала к уровню знаний нижних чинов (разного рода пояснения, исключения малоизвестных имен и географических названий). Своего рода образцовым является документ с таким названием: «Слово, сказанное 26 августа 1912 года Лаишевским уездным воинским начальником (совр. – Лаишево) перед парадом воинских команд, полицейских стражников, потешных городского училища и в присутствии всех приходских школ и многочисленной публики». Целью похода французов названо «намерение покорить Россию», но «Бог судил иначе», а отвага войск и единство сословий позволил добиться победы. При упоминании ополчений и партизан акцент ставился на «собственном почине» народа, на то, что крестьянские дружины руководились «своими старостами или старшинами» [30, л. 301–302]. Есть основания утверждать: для военных «народническое» видение партизанского движения 1812 г. было самым предпочтительным.

Участие в Отечественной войне 1812 г., тем более – под руководством известных военачальников, считалось самым важным эпизодом в истории воинской части. Поэтому в течение всего XIX в. полки различными способами указывали на свою связь с великой победой. 6 декабря 1897 г. в день полкового праздника возле городка Августова в Сувалкской губернии, где был расквартирован 104-й пехотный Устюжский полк, появился бронзовый бюст П. И. Багратиона, который некоторое время был шефом этой части. В Ямбурге (Петербургская губерния) в 1841 г. установили памятник бывшему начальнику Гвардейского корпуса К. И. Бистрому, успешно руководившему войсками в 1812 – 1813 гг. В 1893 г. Гродненский и Клястицкий гусарский полки «возобновили» памятник в церкви на могиле своего бывшего шефа генерал-майора Я. П. Кульнева, погибшего в бою под Клястицами 20 июля 1812 г. Лейб-гвардии Егерский полк заказал для офицерского собрания сыну известного живописца И. И. Репина Ю. И. Репину полотно «Бородинский бой», сюжет которого сражение на мосту через реку Колочу ранним утром 26 августа [22]. 2 августа 1912 г. командир 56-го пехотного Житомирского полка И. И. Попов просил председателя комитета по подготовке юбилея Бородинского сражения В. Ф. Глазова выделить для музея части некоторое количество находок, сделанных на местах боев с французами [10, л. 18].

В юбилейных мемориальных акциях переплетались корпоративные и семейные интересы. В Смоленске в Лопатинском саду в 1912 был установлен 4-метровый обелиск из серого гранита, увенчанный крестом в память о генерал-майоре А. А. Скалоне, убитом в августе 1812 г. в бою с французами. На бронзовых досках, вмурованных в постамент, указывалось, что памятник установлен его внуками, генералами Г. А. Скалоном и Г. А. Скалоном и чинами Иркутского драгунского полка, которым командовал этот герой 1812 г. [3, с. 308]. В Верее 29 сентября 1912 г. состо-

ялась закладка памятника генералу И. С. Дорохову, освободившему этот город на Смоленщине от французов. Проект составил подполковник Сумского гусарского полка А. О. Рахманинов. Все расходы составили пожертвования офицеров Сумского и Изюмского гусарского полка, о чем гласила соответствующая надпись на постаменте. Открытие монумента предполагалось весной 1913 г. [3, с. 319]. В Орле на памятнике на могиле генерал-адъютанта Ф. К. Корфа указывалось, что монумент появился благодаря усилиям генералов, штаб- и обер-офицеров Резервного кавалерийского корпуса, которым он командовал в 1812 г.

В Москве в порядок были приведены погребения других участников войны – Р. А. Чичагова, П. Н. Токмакова, ротмистра гусарского полка М. И. Готовцева, генерал-майора С. Е. Иванова 3-го, капитана 2-го ранга П. Б. Головачева, графа П. И. Палена, генерал-майора Б. А. Асланбегова [29]. В Елабуге офицеры 14-го Драгунского Литовского полка реставрировали могильный обелиск знаменитой «кавалерист-девицы» Н. А. Дуровой, служившей в 1812 г. под фамилией Александров в их части [38].

В 1911 – 1913 гг. на поле, где происходила Бородинская битва, было установлено 34 памятника. Финансовые возможности создателей монументов и организационные обстоятельства привели к тому, что на мемориальном пространстве соседствовали памятники как отдельным частям, так и соединениям (на уровне дивизий и корпусов). Обращает на себя внимание то, что в этом списке гвардейцы, обладавшие большими возможностями, заметно преобладают над армейцами. Два отдельных знака было поставлено инженерным войскам и полевой конной артиллерии. Автор под псевдонимом «Русс» писал об этой стороне коммеморации 1912 г.: «Надо положительно удивляться энергии войсковых частей, соорудивших эти памятники в необычно короткий срок [...] Памятники в общем не поражают своей оригинальностью; видно, что большинство из них вышло из одной мастерской надгробных памятников; некоторые даже прямо некрасивы; больше всего нам понравился памятник 3-й дивизии (Коновницынской) в ограде монастыря, против Тучковой церкви... Затем очень просты, но изящны – серые, небольшие полированные колонки с золотыми флангами гвардейских конных батарей. [...]» [36].

Но в восторге от массы этих сооружений были далеко не все. Известный тогда художник В. В. Мазуровский в беседе с корреспондентом «Петербургской газеты» заявил следующее: «Бородинскому полю суждено покрыться лесом памятников, по существу своему мизерных, не отвечающих ни величине события, ни чувствам. Получается нечто невообразимое до абсурда [...] Будет очень прискорбно, если Бородинское поле усеется какими-то тумбочками и крестами. Должна быть разница между кладбищем и полем сражения, тем более таким грандиозным, как Бородинское». Он сослался на неудачный опыт «обустройства» поля Полтавской битвы, где места расположения войск оказались обозначенными какими-то «кочками». Мазуровский предложил последовать примеру немцев и поставить один грандиозный монумент, подобный тому, какой возводился в Лейпциге к юбилею «Битвы народов» [1].

Памятник гвардейским егерям и Морскому гвардейскому экипажу создавался по проекту Н. Альберти – бывшего офицера Несвижского полка «при деятельном участии председателя по постройке памятника Несвижского полка подполковника Волкова [3, с. 352]. Проект памятника 7-й пехотной дивизии также составил не профессиональный архитектор – штабс-капитан 11-го пехотного Псковского полка А. В. Дроздовский [3, с. 354]. Автор обзора бородинских монументов свидетельствует, что этот офицер признавался, что приземистая широкая башня в русском стиле символизирует защиту народа, «а не одной только власти», что она является «пол-

ной противоположностью узких башен феодальных замков, охранявших лишь одно лицо» [3, с. 353].

Последняя треть XIX – начало XX вв. – время массового написания полковых историй, что было проявлением корпоративного сознания в военной среде. По мнению британского историка Д. Ливена это сознание имело большое значение для укрепления боевого духа офицеров русской армии в эпоху Наполеоновских войн [25, с. 169]. Не может возникнуть сомнений в том, что армия и флот, имея скрупулезно разработанную нормативную базу своей деятельности в мирное и в военное время, на практике нередко пользовались правилами «освященными традициями», т.е. не закрепленными в уставах и должностных инструкциях. С учетом этого обстоятельства трудно предполагать некую монолитность в представлениях о мире в головах всех военнослужащих.

Именно такие неформальные нормы являются непременным свойством корпоративного поведения, поскольку предполагают наличие консенсуса всех членов коллектива. Во всех сообществах осознаваемое и соответствующим образом формируемое прошлое является важнейшим соединяющим механизмом.

Сам вид Бородинского поля после 1912 г. наталкивает на мысль, что это – демонстрация (во многом неосознанная) неприятия какого-то единства памяти о великой битве и вообще о «Великой године», как стали называть эпопею борьбы с наполеоновским нашествием. В целом торжества, связанные со столетней годовщиной Отечественной войны 1812 г., показали тенденцию к поиску и представлению собственной роли, собственного участия в эпохальных событиях. Другими словами, воинские части заявили о себе как о самостоятельных акторах, не следующих слепо по указаниям, исходящим от правительства и высшего командования.

Заметным явлением в сфере отечественной военной субкультуры второй половины XIX – XX вв. стало появление полковых историй. К 1917 г. полковая историография составляла около 700 изданий, причем около трети книг были посвящены частям гвардейского корпуса [4, с. 88]. Исследователи обращали внимание на связь написания полковых историй и создания полковых музеев [13, с. IV; 14; 15]. «Юбилеям» второй половины XIX – начала XX вв. проявилась в том, что написание подавляющего большинства полковых историй увязывалось с годовщинами формирования части. Чаще всего это находило отражение или в названии книги [2; 16; 47], или в соответствующих строках введения или заключения [35, с. II; 37, с. 3], или в совпадении издания с круглой годовщиной формирования воинской части [40; 43].

Как известно, военная среда была очень чувствительна к «немецкому» вопросу, т.е. к так называемому «засилью» генералов германского происхождения. В полковых историях, приуроченных к юбилеям воинских частей, при описании эпохи императрицы Анны Иоанновны заметны пассажи славянофильского характера. Н. С. Пестриков, описывая участие однополчан в восстании декабристов, фактически продолжал линию либеральной историографии, поскольку автор старался уклониться от обвинения их в «злодействе» [32].

В 1902 – 1903 гг. по России прокатилась волна мемориальных акций, связанных с 25-летием Русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. С. А. Кочуков в своей монографии справедливо отметил, что на страницах полковых историй рассказы о действиях части в боях за освобождение Болгарии заметно «стремление доказать, что русская армия и флот в войне 1877 – 1878 гг. являлись совершенно иными, нежели в Крымскую кампанию» [23, с. 11–12]. Следствием такого стремления было представление либеральной эпохи Александра II основой для повышения боеспособности вооруженных сил. В ряде полковых историй заметны попытки встроить боевые действия 1877 – 1878 гг. в широкий политический контекст, представляя воинов русской армии борцами за освобождение братьев-славян [19; 28]. В полковых историях встречаются ответы на выпады политических противников. Автор истории гвардей-

ских улан даже вступил в заочную полемику с австрийскими журналистами, которые писали о жестокости русских войск [42, с. 122–123].

Также на рубеже XIX – XX вв. стали активно «припоминать» войны наполеоновской Франции и российское участие в них (кампании 1798 – 1799 гг. в Италии и Швейцарии) в связи с их столетним юбилеем. Не обошлось без внимания к артиллеристам, сыгравшим большую роль на полях сражений, и к заметной фигуре – генералу А. А. Аракчееву. Для подавляющего большинства историков этот военный и государственный деятель – безусловный антигерой. Однако артиллеристы фокусировали внимание на его заслугах перед русской армией [33, с. 237–239; 9, с. 473–474]. Здесь речь идет о таком важном элементе политической культуры как плюрализм. Офицеры авторы полковых историй и других «военных» текстов, скорее всего, не рефлексируя по поводу этого понятия (или даже не догадываясь о таковом) демонстрировали готовность к существованию различных мнений.

Процесс увеличения интереса к прошлому в последней трети XIX в. сопровождался повышением возможностей удовлетворения этого интереса (выпуск научной и популярной литературы, огромный успех специальных исторических журналов, открытие музеев и т. д.). В этот же период после реформы воинской повинности в 1874 г. стало постепенно уменьшаться противостояние военных и гражданских. В преддверии столетнего юбилея Отечественной войны 1812 г. появились организации для патриотического воспитания детей и молодежи, которых в память о юных соратниках Петра Великого стали называть «потешными». Офицеры увидели в этом явлении важный знак сближения общества и армии. «От потешных мы не ждем развития милитаризма, хотя в этом за нами и есть большой грех, но это грех первородный и он, надо надеяться, исчезнет, когда граждане полюбят свою армию, когда они поймут, что служба в вооруженных рядах не есть несчастье, а священная обязанность, долг перед родиной... Потешные это – посредники между семьей и армией, это парламентарии мира от долго воевавших сторон. Их миссия священная и безусловно национальная» [18, с. 104].

Вовлеченность офицеров и генералов в юбилейные торжества второй половины XIX – начала XX вв., протекавшая в различных формах, соответствовала по своей активности тому, что наблюдалось в других слоях российского «образованного общества». Подавляющее большинство сведений о политизации военнотружущих носят косвенный характер, поскольку не удалось обнаружить прямых высказываний о том, что раздумья о характере Отечественной войны 1812 г. или о роли Полтавской битвы заставили некоего штабс-капитана или контр-адмирала изменить свои политические взгляды (или осмыслить таковые). Тем не менее, активное участие в процессе коммеморации не могло не способствовать тому, что верхушка вооруженных сил имперской России не представляла собой нечто монолитное в политическом отношении.

Примечания

1. Имеется в виду назначение великого князя Александра Николаевича почетным шефом лейб-гвардии Гусарского полка вскоре после рождения в 1818 г.

Список источников и литературы

1. 120 памятников на Бородинском поле. (Беседа с художником В. В. Мазуровским) // Петербургская газета. 1912. 5 марта. (№ 63).
2. Андреев С. Н. 3-я конно-артиллерийская бригада. Памятка к столетнему юбилею. СПб.: тип. т-ва А. С. Суворина - «Новое время», 1913. 54 с.

3. Ашик В. А. Памятники и медали в память боевых подвигов русской армии в войнах 1812, 1813 и 1814 годов и в память императора Александра I: снимки памятников, медалей и гравюр. СПб.: Электро-тип. Н. Я. Стойковой, 1913. XII, 393 с.
4. Беловинский Л. В. Истории полков русской армии // Военно-исторический журнал. 1988. № 12. С. 88–90.
5. Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М.: Наука, 1986. 240 с.
6. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. М.: Наука, 1973. 616 с.
7. Бориснев С. В. Деятельность императорского русского военно-исторического общества в 1907 – 1917 гг. // Военно-исторический журнал. 2007. № 5. С. 43–47.
8. Валуев П. А. Дневник П. А. Валуева министра внутренних дел : в 2 т. Т. 2: 1865–1876 гг. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 586 с.
9. Военный энциклопедический лексикон издаваемый обществом военных и литераторов. 2-е изд. Т. 1. СПб.: тип. Штаба воен. учеб. заведений, 1857. 718 с.
10. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 826. Оп. 1. Д. 151.
11. Гребенкин И. Н. Долг и выбор: русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914 – 1918 гг. М.: АИРО-XXI, 2015. 527 с.
12. Гребенкин И. Н. Российское офицерство и политическая жизнь России в начале XX в. // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2009. Вып. 3. С. 220–228.
13. Григорович А. И. Перечень историй и памяток войсковых частей. Ч. 1: Гвардейский корпус, гренадерские, пехотные и стрелковые части, драгунские, уланские, гусарские и казачьи полки. Изд. 2-е, доп. СПб.: Первая Женская Тип. Т-ва «Печ. станка», 1913. 95 с.
14. Григорович А. И. Пособие для составления полковых историй и устройства музеев. СПб.: Воен. тип., 1906. 156 с.
15. Григорович А. И. Участие кирасирского Военного Ордена полка войнах 1806–1807 гг. и Отечественной : памятка для нижних чинов. СПб.: Первая Жен. Тип. Т-ва «Печ. станка», 1912. 40 с.
16. Дандевиль М. В. Столетие 5-го Лейб-драгунского Курляндского императора Александра III-го полка: история полка. СПб.: тип. «Бережливость», 1903. 390 с.
17. Дело чести. Быт русских офицеров / сост. В. Богданова. М.: Родина, 2018. 494 с.
18. Дембинский Г. Потешные // Военный Сборник. 1874. № 9.
19. Епанчин Н. А. Освободительная война 1877–1878 гг. СПб.: типо-лит. В. В. Комарова, 1902. 28 с.
20. Зайончковский П. А. Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны // П. А. Зайончковский, 1904 – 1983 гг.: статьи, публикации и воспоминания о нем. М.: РОССПЭН, 1998. С. 24–69.
21. Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX – XX столетий. 1881–1903. М.: Мысль, 1973. 351 с.
22. К бородинскому юбилею // Петербургская газета. 1912. 5 авг. (№ 213).
23. Кочуков С. А. «За братьев-славян». Русско-турецкая война 1877 – 1878 гг. в восприятии общества, власти и армии Российской империи. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2012. 298 с.
24. Лапин В. В. 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 года и политическая борьба (по материалам российских газет) // Россия в XIX – XX вв. : сб. ст. к 70-летию со дня рождения Рафаила Шоломовича Ганелина. СПб.: Дм. Буланин, 1998. С. 159–165.
25. Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807 – 1814 гг. М.: РОССПЭН, 2012. 677 с.
26. Лизогуб А. С. Императорское Русское военно-историческое общество и формирование исторической памяти о военных событиях в начале XX века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2024. Т. 24. № 2. С. 5–15.
27. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство-СПБ, 1994. 399 с.

28. *Миркович М. Ф.* Обзор событий перед войной 1877 – 78 года. СПб.: тип. В. В. Комарова, 1888. 15 с.
29. Могилы героев 12 года // Вечернее время. 1912. 17 июня (№ 129).
30. ОР РНБ (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки). Ф. 1070. Отд. 3. Т. 1 (Сведения, полученные от уездных воинских начальников. Петроград, 1915).
31. ОР РНБ. Ф. 1070. Отд. 3. Т. 3.
32. *Пестриков Н. С.* История лейб-гвардии Московского полка. Т. 1–2. СПб.: Лештук. паровая скоропеч. П. О. Яблонского, [1903 – 1904].
33. *Пирожников А. И.* История 10-го Пехотного Новоингерманландского полка. Тула: Электропеч. и тип. И. Д. Фортунатова насл., 1913. 426 с.
34. *Поликарпов В. Д.* Военная контрреволюция в России: 1905 – 1917 гг. М.: Наука, 1990. 381 с.
35. *Ракинт В. А.* Исторический очерк столетней службы и быта гренадерских сапер и их предшественников-пионер, 1797 – 1897. СПб.: Тип. и литограф. В. А. Тиханова, 1898. [228] с.
36. Русс. Бородинское поле перед юбилеем // Московские ведомости. 1912. 21 авг. (№ 193).
37. *Рышков С. Д.* Очерки из истории 67-го пехотного Тарутинского великого герцога Ольденбургского полка. СПб.: типо-лит. инж. М. С. Персона, 1896. 95 с.
38. *Сакс А.* Кавалерист-девица штабс-ротмистр Александр Андреевич Александров (Надежда Андреевна Дурова). СПб.: журн. «Вестн. рус. Конницы», 1912. 65 с.
39. *Сергеев Е. Ю.* «Иная земля, иное небо...». Запад и военная элита России: (1900 – 1914 гг.). М.: [ИВИ РАН], 2001. 282 с.
40. *Соседко Ф. Д.* История 72-го Пехотного Тульского полка. 1769 – 1901 г. Варшава: тип. «Земледельч. газ.», 1901. 575 с.
41. *Спиридонова Т. П.* Музеи войсковых частей в дореволюционной России (становление и историко-культурное значение) : дис. ... канд. ист. наук : 24.00.03 / Спиридонова Тамара Павловна. М., 2005. 292 с.
42. *Тальма А. О.* Лейб-гвардии Уланский его величества полк в кампанию 1877 – 1878 гг. Варшава: тип. Мед. газ., 1880. 160 с.
43. *Толстов В. Г.* Историческая хроника Хоперского полка Кубанского казачьего войска: 1696 – 1896. Екатеринодар: Тип. Кубанского Областного Правления, 1896. 44 с.
44. *Фомин А. Ю.* Российское офицерство и публичная политика: политические взгляды военнослужащих в отражении военной печати (1906 – 1914 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 5.6.1 / Фомин Антон Юрьевич. СПб., 2022. 244 с.
45. *Цимбаев К. Н.* Православная церковь и государственные юбилеи Императорской России // Отечественная история. 2005. № 6. С. 42–51.
46. *Цимбаев К. Н.* Феномен юбилеямании в российской общественной жизни конца XIX – начала XX века // Вопросы истории. 2005. № 11. С. 98–108.
47. *Штакельберг К. К.* Полтора века конной гвардии. 1739 – 1880. СПб.: Тип. В. Демакова, 1881. 232 с.

References

1. ‘120 pamyatnikov na Borodinskom pole. (Beseda s khudozhnikom V. V. Mazurovskim)’ (120 Monuments on the Borodino field. (Conversation with the Artist V. V. Mazurovsky)) 1912, *Peterburgskaya gazeta*, 5 March, no. 63. (In Russ.)
2. *Andreyev, SN 1913, 3-ya konno-artilleriyskaya brigada. Pamyatka k stoletnemu yubileyu* (3rd Cavalry Artillery Brigade. Memo for the Centenary Anniversary), tip. t-va A. S. Suvorina – «Novoe vremya» publ, St. Petersburg. (In Russ.)
3. *Ashik, VA 1913, Pamyatniki i medali v pamyat boevykh podvigov russkoy armii v voynax 1812, 1813 i 1814 godov i v pamyat imperatora Aleksandra I: snimki pamyatnikov, medaley i gravyur* (Monuments and Medals Commemorating the Fighting Feats of the Russian Army in the Wars of 1812, 1813 and 1814 and in Memory of Emperor Alexander I: Pictures of Monuments, Medals and Engravings), Elektro-tip. N. Ya. Stoykovoy publ, St. Petersburg. (In Russ.)

4. Belovinskiy, LV 1988, 'Istorii polkov russkoy armii' (Histories of the Regiments of the Russian Army), *Voенно-istoricheskiy zhurnal* (Military Historical Journal), no. 12, pp. 88–90. (In Russ.)
5. Beskrovnyy, LG 1986, *Armiya i flot Rossii v nachale XX v. Ocherki voенно-ekonomicheskogo potentsiala* (Russia's Army and Navy in the Early 20th Century. Sketches of Military and Economic Potential), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
6. Beskrovnyy, LG 1973, *Russkaya armiya i flot v XIX veke. Voенно-ekonomicheskiiy potentsial Rossii* (Russian Army and Navy in the 19th century. Russia's Military and Economic Potential), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
7. Borisnev, SV 2007, 'Deyatel'nost imperatorskogo russkogo voенно-istoricheskogo obshchestva v 1907 – 1917 gg.' (Activities of the Imperial Russian Military Historical Society in 1907 – 1917.), *Voенно-istoricheskiy zhurnal* (Military Historical Journal), no. 5, pp. 43–47. (In Russ.)
8. Valuyev, PA 1961, *Dnevnik P. A. Valuyeva ministra vnutrennikh del v dvukh tomakh 1865 – 1876*, (Diary of P. A. Valuyev, Minister of the Interior, in Two Volumes), vol. 2., Izd-vo Akad. nauk SSSR publ, Moscow. (In Russ.)
9. *Voенnyy entsiklopedicheskiy leksikon izdavaemyy obshchestvom voенnykh i literatorov* (Military Encyclopaedic Lexicon published by the Society of Military and Literary Workers) 1857, vol. 1, tip. Shtaba voen. ucheb. Zavedenij publ, St. Petersburg. (In Russ.)
10. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* (GARF) (State Archive of the Russian Federation), fund 826, inventory 1, file 151. (In Russ.)
11. Grebenkin, IN 2015, *Dolg i vybor: russkiy ofitser v gody mirovoy voyny i revolyutsii. 1914 – 1918 gg.* (Duty and Choice: The Russian Officer in the Years of World War and Revolution. 1914 – 1918.), AIRO-XXI publ, Moscow. (In Russ.)
12. Grebenkin, IN 2009, 'Rossiyskoye ofitserstvo i politicheskaya zhizn Rossii v nachale XX v.' (Russian officers and Russia's political life in the early 20th century), *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki* (Journal "Tambov University Review. Series: Humanities"), no. 3, pp. 220–228. (In Russ.)
13. Grigorovich, AI 1913, 'Gvardejskiy korpus, grenaderskiye, pekhotnyye i strelkovyye chasti, dragunskiy, ulanskiy, gusarskiy i kazachiy polk' (Guards Corps, grenadier, infantry and rifle units, dragoon, lancer, hussar and Cossack regiments), *Perechen istoriy i pamyatok voyskovykh chastey* (List of Histories and Memos of Troops), vol. 1, Izd. 2-e, dopolnennoe, Pervaya Zhenskaya Tip. T-va «Pech. stan'ka» publ, St. Petersburg. (In Russ.)
14. Grigorovich, AI 1906, *Posobiye dlya sostavleniya polkovykh istoriy i ustroystva muzeyev* (Manual for the Compilation of Regimental Histories and Museum Arrangements), Voен. tip. publ, St. Petersburg. (In Russ.)
15. Grigorovich, AI 1912, *Uchastiye kirasirskogo Voyennogo Ordena polka voynakh 1806 – 1807 gg. i Otechestvennoy. Pamyatka dlya nizhnikh chinov* (Participation of the Cuirassier Military Order Regiment in the wars of 1806 – 1807 and the Patriotic War. Memo for Lower Ranks), Pervaya zhen. tip. t-va «Pech. stan'ka» publ, St. Petersburg. (In Russ.)
16. Dandevil, MV 1903, *Stoletiye 5-go Leyb-dragunskogo Kurlyandskogo imperatora Aleksandra III-go polka: Istoriya polka* (Centenary of the 5th Leib-Dragoon Regiment of Emperor Alexander III's Courland Regiment: History of the Regiment), Berezhlivost publ, St. Petersburg. (In Russ.)
17. *Delo chesti. Byt russkikh ofitserov* (A Matter of Honour. The Life of Russian Officers) 2018, Rodina publ, Moscow. (In Russ.)
18. Dembinskiy, G 1874, 'Poteshnyye' (The Funny Ones), *Voенnyy Sbornik* (Russian military scientific journal), no. 9. (In Russ.)
19. Yepanchin, NA 1902, *Osvoboditel'naya voyna 1877 – 1878 gg.* (War of Liberation 1877 – 1878), tipo-lit. V. V. Komarova publ, St. Petersburg. (In Russ.)
20. Zayonchkovskiy, PA 1998, 'Russkiy ofitser'skiy korpus nakanune Pervoy mirovoy voyny' (Russian Officer Corps on the eve of the First World War) in *P. A. Zayonchkovskiy, 1904 – 1983 gg.: statyi, publikatsii i vospominaniya o nyom* (P. A. Zayonchkovsky, 1904 – 1983: articles, publications and memoirs about him), ROSSPEN publ, Moscow, pp. 24–69. (In Russ.)

21. Zayonchkovskiy, PA 1973, *Samoderzhaviye i russkaya armiya na rubezhe XIX – XX stoletiy. 1881 – 1903* (The Autocracy and the Russian Army at the Turn of the 19th and 20th Centuries. 1881 – 1903), Mysl publ, Moscow. (In Russ.)
22. ‘K borodinskomu yubileyu’ (For the Borodino Anniversary) 1912, *Peterburgskaya gazeta*, 5 August, no. 213. (In Russ.)
23. Kochukov, SA 2012, «*Za bratye-slavyan*». *Rusko-turetskaya voyna 1877 – 1878 gg. v vospriyatii obshchestva, vlasti i armii Rossiyskoy imperii* (“For the Slavic Brothers”. The Russo-Turkish War of 1877 – 1878 in the Perception of Society, Power and Army of the Russian Empire), Izd-vo Saratovskogo un-ta publ, Saratov. (In Russ.)
24. Lapin, VV 1998, ‘100-letniy yubiley Otechestvennoy voyny 1812 goda i politicheskaya borba (po materialam rossiyskikh gazet)’ (The 100th Anniversary of the Patriotic War of 1812 and Political Struggle (Based on Russian Newspapers)), *Rossiya v XIX – XX vv. Sbornik statey k 70-letiyu so dnya rozhdeniya Rafaila Sholomovicha Ganelina* (Russia in the 19th-20th centuries. A collection of articles for the 70th anniversary of the birth of Rafail Sholomovich Ganelin), Dmitriy Bulanin publ, St. Petersburg, pp. 159–165. (In Russ.)
25. Lieven, D 2012, *Rossiya protiv Napoleona: borba za Evropu, 1807 – 1814 gg.* (Russia against Napoleon: The Battle for Europe, 1807 to 1814), ROSSPEN publ, Moscow. (In Russ.)
26. Lizogub, AS 2024, ‘Imperatorskoye Russkoye voenno-istoricheskoye obshchestvo i formirovaniye istoricheskoy pamyati o voennykh sobyitiyakh v nachale XX veka’ (Imperial Russian Military Historical Society and the Formation of Historical Memory of Military Events in the Early 20th Century), *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial’nye nauki* (Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series “Humanitarian and Social Sciences”), vol. 24, no 2, pp. 5–15. (In Russ.)
27. Lotman, YuM 1994, *Besedy o russkoy kulture. Byt i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* (Talks about Russian Culture. Life and Traditions of the Russian Nobility (18th – Beginning of the 19th Centuries)), Iskusstvo -SPB publ, St. Petersburg. (In Russ.)
28. Mirkovich, MF 1888, *Obzor sobytiy pered voynoy 1877 – 78 goda* (A Review of Events Before the War of 1877 – 78), tip. V.V. Komarova publ, St. Petersburg. (In Russ.)
29. ‘Mogily geroeyv 12 goda’ (1812 Heroes Graves) 1912, *Vechnoye vremya*, 17 June, no. 129. (In Russ.)
30. ‘Svedeniya, poluchennyye ot uezdnykh voinskikh nachalnikov’ (Information received from county military chiefs) *Otdel rukopisey Rossiyskoy natsionalnoy biblioteki (OR RNB)* (Manuscripts Department of the Russian National Library), fund 1070, inventory 3, vol. 1, Petrograd. 1915. (In Russ.)
31. *OR RNB*, fund 1070, inventory 3, vol. 3. (In Russ.)
32. Pestrikov, NS 1903 – 1904, *Istoriya leyb-gvardii Moskovskogo polka* (History of the Moscow Life Guards Regiment), vol. 1–2, Leshtuk. parovaya skoropech. P. O. Yablonskogo publ, St. Petersburg. (In Russ.)
33. Pirozhnikov, AI 1913, *Istoriya 10-go Pekhotnogo Novoingermanlandskogo polka* (History of the 10th Infantry New Germanland Regiment), Elektropech. i tip. I. D. Fortunatova nasl. publ, Tula. (In Russ.)
34. Polikarpov, VD 1990, *Voennaya kontrrevolyutsiya v Rossii: 1905 – 1917 gg.* (Military Counter-revolution in Russia: 1905 – 1917.), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
35. Rakint, VA 1898, *Istoricheskiy ocherk stoletney sluzhby i byta grenaderskikh saper i ix predshestvennikov-pioner, 1797 – 1897* (Historical Essay on the Centennial Service and Life of the Grenadier Sappers and their Pioneer Predecessors, 1797 – 1897.), Tip. i litogr. V. A. Tikhanova publ, St. Petersburg. (In Russ.)
36. ‘Russ. Borodinskoye pole pered yubileem’ (Borodino Field before the Anniversary) 1912, *Moskovskiye vedomosti* (Moscow News), 21 August, no. 193. (In Russ.)
37. Ryshkov, SD 1896, *Ocherki iz istorii 67-go pekhotnogo Tarutinskogo velikogo gertszoga Oldenburgskogo polka* (Essays from the History of the 67th Infantry Taruta Regiment of the Grand Duke of Oldenburg), tipo-lit. inzh. M. S. Persona publ, St. Petersburg. (In Russ.)
38. Saks, A 1912, ‘Kavalerist-devitsa shtabs-rotmistr Aleksandr Andreyevich Aleksandrov’ (Nadezhda Andreevna Durova) (Cavalry maiden Staff Trotmistress Alexander Andreyevich Alexandrov (Nadezhda Andreyevna Durova)), *Vestn. rus. Konnitsy*, publ, St. Petersburg. (In Russ.)

39. Sergeev, EYu 2001, «*Inaya zemlya, inoye nebo...*». *Zapad i voennaya elita Rossii: (1900 – 1914 gg.)* (“A Different Land, a Different Sky...”. The West and Russia's Military Elite: (1900 – 1914).), Moscow. (In Russ.)
40. Sosedko, FD 1901, *Istoriya 72-go Pekhotnogo Tul'skogo polka. 1769 – 1901 g.* (History of the 72nd Infantry Tula Regiment. 1769 – 1901 r.), tip. «Zemledelch. gaz.» publ, Varshava. (In Russ.)
41. Spiridonova, TP 2005, *Muzei vojskovykh chastej v dorevolucionnoj Rossii (stanovlenie i istoriko-kulturnoe znachenie)*», PhD thesis, Russian Institute of Cultural Studies, Moscow. (In Russ.)
42. Talma, AO 1880, *Leyb-gvardii Ulanskiy ego velichestva polk v kampaniyu 1877 – 1878 gg.* (His Majesty's Life Guards Ulansky Regiment in the campaign of 1877 – 1878), tip. Med. gaz. publ, Varshava. (In Russ.)
43. Tolstov, VG 1896, *Istoricheskaya khronika Khoperskogo polka Kubanskogo kazachego voyska: 1696 – 1896* (Historical Chronicle of the Koper Regiment of the Kuban Cossack Army: 1696 – 1896), Tip. Kubanskogo Oblastnogo Pravleniya publ, Ekaterinodar. (In Russ.)
44. Fomin, AYU 2022, *Rossiyskoye ofitserstvo i publichnaya politika: politicheskiye vzglyady voennosluzhashchikh v otrazhenii voennoy pechati (1906–1914 gg.)*, PhD thesis, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg. (In Russ.)
45. Tsimbaev, KN 2005, ‘*Pravoslavnaya tserkov i gosudarstvennyye yubilei Imperatorskoy Rossii*’ (The Orthodox Church and State Jubilees of Imperial Russia), *Otechestvennaya istoriya*, no. 6, pp. 42–51. (In Russ.)
46. Tsimbaev, KN 2005, ‘*Fenomen yubileyemanii v rossiyskoy obshchestvennoy zhizni kontsa XIX – nachala XX veka*’ (The Phenomenon of Jubilee Mania in Russian Public Life of the Late 19th – Early 20th Century), *Voprosy istorii* (Questions of History), no. 11, pp. 98–108. (In Russ.)
47. Shtakelberg, KK 1881, *Poltora veka konnoy gardii. 1739 – 1880* (A Century and a Half of Horse Guards. 1739 – 1880), Tip. V. Demakova publ, St. Petersburg. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 09.09.2024
Одобрена после рецензирования: 20.09.2024
Принята к публикации: 07.11.2024

The article was submitted: 09.09.2024
Approved after reviewing: 20.09.2024
Accepted for publication: 07.11.2024

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 3 (19). С. 79–85.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2024. Issue 3 (19). P. 79–85.

Научная статья

УДК 947.071-72

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-79-85>

О «ПРОСВЕЩЕННОМ» И «НЕПРОСВЕЩЕННОМ АБСОЛЮТИЗМЕ» В РОССИИ

**Аркадий Наумович
Долгих**

Липецкий государственный педагогический
университет имени
П. П. Семенова-Тян-Шанского
Липецк, Россия
adonli@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме терминологии, относящейся к политической системе России, – использованию дефиниции «просвещенный абсолютизм» и ее антонима – «непросвещенный абсолютизм». Эта терминология, существующая в исторической литературе примерно полтора столетия (а именно «просвещенный абсолютизм»), первоначально используемая для Европы второй половины XVIII в., в дальнейшем стала употребляться и для России той же эпохи, а иногда и для более позднего времени. При этом неопределенность этого термина, несмотря на его очевидность (заключавшуюся преимущественно в определенном использовании для своих нужд правителями ряда стран Европы идей Просвещения в совершенно разном исполнении), вошла в обычай и стала применяться для России, несмотря на довольно разное состояние государств между собою (наличие, например, в России крепостного права и отсутствие серьезных изменений в нем). Отсутствие более четких критериев в определении режима, например, Екатерины II как «просвещенного абсолютизма», не помешало выдвижению рядом советских историков нового термина «непросвещенный абсолютизм» с еще в меньшей степени выраженными критериями, обычно используемый для правления Павла I. Автор статьи считает необходимым отказаться от использования и того, и другого термина в исторических исследованиях в силу их неопределенности и отсутствия четко выраженных критериев, особенно в отношении России.

Ключевые слова: «просвещенный абсолютизм», «непросвещенный абсолютизм», Екатерина II, Павел I, сословная политика, крепостное право, крестьянский вопрос, российское самодержавие.

Для цитирования: Долгих А. Н. О «просвещенном» и «непросвещенном абсолютизме» в России // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 3 (19). С. 79–85. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-79-85>

Сведения об авторе: А. Н. Долгих – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 398020, Россия, Липецкая область, г. Липецк, ул. Ленина, 42.

Scientific Article
UDC 947.071-72
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-79-85>

ON 'ENLIGHTENED' AND 'UNENLIGHTENED' ABSOLUTISM IN RUSSIA

Arkadiy N. Dolgikh

Lipetsk State Pedagogical
P. P. Semenov-Tyan-Shansky University
Lipetsk, Russia
adonli@mail.ru

Abstract. The article deals the problem of terminology related to Russian political system – the use of the ‘enlightened absolutism’ definition and its antonyms – ‘unenlightened absolutism’. This terminology (namely, ‘enlightened absolutism’), adopted in historical literature about a century and a half ago, originally used for Europe in the second half of the eighteenth century, later came to be used for Russia of the same era, and sometimes even for later times. The term, on the one hand, is obvious (it consists mainly in a certain use of Enlightenment ideas for their needs by the rulers of a number of European countries in quite different versions). On the other hand, the vagueness of the term has become customary and has been applied to Russia, despite the rather different state of these states between themselves (the presence, for example, in Russia of serfdom and the absence of serious changes in it). The lack of clearer criteria in defining the regime of, for example, Catherine the Great as ‘enlightened absolutism’ did not prevent a number of Soviet historians from putting forward a new term – the term ‘unenlightened absolutism’, with even less marked criteria, usually used for the reign of Paul I of Russia. The author considers it necessary to abandon the use of both terms in historical research due to their uncertainty and lack of clearly defined criteria, especially in relation to Russia.

Keywords: enlightened absolutism, unenlightened absolutism, Catherine the Great, Paul I of Russia, estate policy, serfdom, peasant issue, Russian absolutism.

For citation: Dolgikh, AN 2024, ‘On ‘Enlightened’ and ‘Unenlightened’ Absolutism in Russia’, *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (19), pp. 79–85, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-79-85> (in Russ.)

Information about the Author: *Arkady N. Dolgikh* – Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor of the Department of National and World History, Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky, 42, Lenin Str., Lipetsk, 398020, Russia.

© Dolgikh A. N., 2024

Понятие «просвещенный абсолютизм», давно существующее в историографии, с одной стороны, выглядит весьма странно, особенно потому, что критерии именно такого варианта абсолютизма (сам термин «абсолютизм» можно определить как неограниченную монархию эпохи позднего феодализма, притом, в основном, применительно к Европе XVI – XVIII вв.) до конца не разработаны; налицо общие слова о следовании рядом правителей второй половины XVIII в. в своей политике частично идеологии Просвещения при использовании некоторых идей Вольтера, Дидро, Руссо, Монтескье, д'Аламбера и некоторых других в определенном ракурсе при сохранении основных положений традиционной монархии и феодального строя, что бы под ним сегодня ни понималось. Правда, дальше следуют весьма неопределенные критерии – развитие образования, возможно, веротерпимость, то или иное решение аграрного вопроса, некие экономические меры (больше экономической свободы), некие правовые реформы (опять же весьма неопределенные) и т. д. Поэтому сам термин выглядит неточным, некорректным, в общем, искусственно созданным. Тем не менее он довольно часто употребляется и в России преимущественно в отношении времени правления Екатерины II (здесь имеются различные датировки и существует значительная литература на сей счет) [2; 4; 5, с. 98, 114–115, 136]. Но еще более искусственен с подобной точки зрения термин «непросвещенный абсолютизм», употребляемый в отношении павловского режима, а иногда и в отношении конца екатерининского правления, примерно с начала Великой Французской революции, с 1789 г., раньше именовавшийся «полицейским бюрократическим абсолютизмом» или режимом «военно-полицейской монархии» [5, с. 114–115, 130; 8, с. 14]. Трудно сказать, кто его изобрел, возможно, Н. Я. Эйдельман [10, с. 146], но он стал весьма популярен в историографии [6, с. 361; 9, с. 163–165], хотя никто толком не догадался в нем разобраться. А ведь проблема тут тоже есть. Видимо, термин этот родился в свое время как эмоциональный, но он, действительно, еще менее законен, нежели его антипод.

Екатерина держалась дворянством, Павел хотел держаться, скажем так, «легитимизмом», понимаемым здесь как власть законного правителя (им Екатерина II, строго говоря, не была), которому, безусловно, должны были повиноваться и подчиняться все, в том числе и дворяне. Екатерина тоже не слишком их жаловала, но она была обязана им властью, в сущности, не столь уж законной, поэтому, рассуждая разумно, она пошла по пути расширения их прав, надеясь подобным образом усидеть на престоле до конца своих дней, что ей и удалось. Павел не мог так поступить и потому, что монархом был законным, а также хотя бы потому, что его отца убили русские дворяне (отца, которого он почти не знал, но боготворил), отсюда и его позиция в отношении правящего сословия империи: «Я из вас потемкинский дух вышибу!», что ему явно не удалось: слишком российское дворянство привыкло за екатерининские времена к определенному уровню самостоятельности и правоспособности, чтобы с этим павловским абсолютизмом смириться. Отсюда и финал – шарф Скарятин и табакерка Зубова. Но, с другой стороны, права дворянства как высшего сословия империи остались, в принципе, такими же и при Павле. Да, они теперь должны были обязательно служить и не жить весь век в праздности (чего, в общем-то, и не было при Екатерине II, и потому фигура литературного Е. Онегина или реальная фигура Н. М. Карамзина – 1–1,5 г. службы – были нетипичны для той эпохи, типичная тогдашняя служба – 10–15 лет, а потом жизнь хлебосольного помещика, хлебосольного в зависимости от доходов и количества крепостных). А в службе у дворян сохранялись и при Павле преимущества, они даже расширялись в сравнении с екатерининским временем; то же наблюдалось и в политике в отношении крестьянства: налицо пожалования 600 тыс. крестьян при Павле за 4 с лишним года правления.

Отличия в сословной политике двух царствований были, но несущественные. Создание новой сословной группы удельных крестьян и дарование им прав некоторого самоуправления (мы предпочитаем говорить о крестьянском общественном управлении под усиленным надзором верховной власти и соответствующего ведомства) мало что меняли в сути дела. Дарование же подобного права государственным крестьянам также ситуации в деревне не изменило. Заметим вскользь, что меры Павла в отношении создания выборных органов государственного и удельного крестьянства в определенной степени соотносились с нереализованной подобной же «Жалованной грамотой» государственным крестьянам, созданной в екатерининское время вместе с другими, но не введенной в жизнь [6, с. 439–444, 452–454]. В определенном смысле в данном контексте можно рассматривать известный павловский манифест от 5 апреля 1797 г. об ограничении барщины и некоторые другие планы этого монарха, частично реализованные в данном направлении [3, с. 51–68], в том числе и как некое продолжение заявленной в «Наказе» Уложенной комиссии позиции монархии в отношении владельческих крестьян. Павловский абсолютизм предполагал и большую опору на патриархальное крестьянство, и большую независимость от воли дворянства, и, возможно, большую законность в стране – не все, правда, получилось как следует.

Заметим далее, что формально «Жалованные грамоты» 1785 г. – главные детища Екатерины II – все же при Павле не были прямо отменены, хотя некоторые их положения были нарушены. Это тоже проблема. Неисполнение их не являлось их устранением, или все же дело обстояло иначе, до конца не ясно. Насчет «Жалованной грамоты городам» говорить вообще сложно. По идее, она существовала и в павловское время, но кое-что отступало от екатерининских норм и в этой сфере [6, с. 377]. Пожалуй, наиболее значимым здесь являлось новое разрешение покупки людей к заводам, что фактически было запрещено законом при Петре III и сохранено при Екатерине II. Но в этом случае можно сделать существенную оговорку. Ко времени возвращения при Павле этого прежнего законоположения ситуация с вольнонаемным трудом в российском предпринимательстве реально изменилась, русские промышленники в основной своей части осознали уже выгоды вольного найма, поэтому новое разрешение покупки людей к заводам только легализовало подобные действия отдельных предпринимателей, но не сыграло существенной роли в развитии российской экономики. Это обстоятельство признают и исследователи данного вопроса.

Армейская политика Павла, усиление шагистики (в прусском духе) также сути дела не касались: армия комплектовалась по прежним принципам: рекрутские наборы, в основном, с крестьян, особая роль помещиков в организации рекрутского набора с владельческих крестьян, городских обществ – для горожан, сообществ государственных крестьян – для этой категории населения, формирование офицерского корпуса преимущественно из дворян. Здесь все осталось по-старому. И «палочки» так же применялись при Суворове, как и потом при Аракчееве. Нюансы были, но не нужно забывать, что при Павле воровства в армии стало меньше (по крайней мере, так считается), солдат стали, видимо, лучше кормить, но в остальном – картина та же.

Действительно, павловский абсолютизм не столь уж отличен от екатерининского. Возьмем, к примеру, вопрос о влиянии Французской революции и правительственной реакции на нее в России. Здесь много сходного. Арест Н. И. Новикова и московских мартинистов (вне зависимости от причин), арест А. Н. Радищева, подготовка корпуса А. В. Суворова для подавления революции в Европе, ужесточение цензуры в конце правления Екатерины II налицо. То же в усиленном варианте – при Павле. Все это звенья одной цепи. Но и революция же развивалась, ее угроза всей

Европе расширялась с Наполеоном, ее детищем. Поэтому меры Павла, отграничивавшие Россию от французской заразы, логичны с точки зрения самодержавия и дворянства. Разница здесь двух царствований невелика. Религиозная составляющая между двумя царствованиями также не столь отличается. Екатерина – вообще перекрест, крайне сдержанно на деле относившаяся к данной сфере, хотя и не ссорилась напрямую с ортодоксами, однако ликвидировала в значительной степени церковное землевладение [6, с. 389–393]. Павел также не был ярким православным деятелем (имелся у него и с явным душок католицизма – слабость к Мальтийскому ордену), ввел награждение духовных лиц орденами, стремился сделать церковь частью государственного аппарата (в той или иной степени) [6, с. 498–502]. Вообще церковная сторона дела весьма сходна у обоих правителей империи.

Конечно, определенную роль играл в этом сравнении и самодержавный произвол. При этом в данной сфере в качестве примера всегда фигурировал именно Павел I. Но произвол имел место и раньше, к тому же не забудем старинную поговорку: «Жалует царь, да не жалует псарь». Этот принцип соблюдался и в дальнейшем, настоящего правового режима в стране не было и не будет весьма долго, даже после появления в 1830-х гг. «Свода законов Российской империи». Но, в целом, особенно не в столице (рядом с Павлом), монарший произвол не стоит рассматривать как исключительный случай, как это принято во многом в историографии, часто основанной на мемуарах участников переворота 1801 г. Отсюда и традиционная со времен самого переворота подборка фактов по известному принципу: стакан наполовину пуст – стакан наполовину полон. Разницы существенной здесь нет, особенно если иметь в виду давнее недовольство Павла делами матери, не допускавшей его до кормила правления; отсюда и его эскапады, стремление хоть в чем-то не следовать ее делам и предначертаниям, ее назначениям и др. Но все равно: яблочко от яблони недалеко падает...

И все-таки, с нашей точки зрения, некая, возможно, даже существенная разница между этими царствованиями имелась. Это касалось по большей части системы государственных учреждений. И здесь, может быть, дело не в Губернской реформе 1775 г. и некоторых павловских вывертах на сей счет, в том числе в плане ограничения роли дворянства в местном управлении [5, с. 130–132], а, скорее, в части управления в национальных регионах империи, особенно в так называемых остзейских губерниях и Прибалтике в целом. Унификация империи, к которой всячески стремилась Екатерина [6, с. 366–367, 397–400, 422–433], пошла, как ни странно, в обратном направлении именно при унификаторе Павле, и именно здесь, на западе империи, все вернулось на круги своя: немцы вновь стали полновластными хозяевами в своих губерниях, прежде всего, в судопроизводстве (особенно в Эстляндии, Лифляндии и Курляндии) [5, с. 134; 6, с. 491; 7, с. 65], что продолжено было по разным причинам при дальнейших правителях дореволюционной России, и этот регион, в сущности, превратился во многом в отрезанный ломоть для страны, и эта тенденция в той или иной степени реализовалась окончательно в другую эпоху, уже в XX в. Именно в этом, с нашей точки зрения (и особенно в плане перспективы дальнейшего исторического развития), и заключалось (пусть и не было столь очевидно, на первый взгляд) наиболее серьезное расхождение политики Павла с екатерининской, но это обстоятельство не имеет, строго говоря, никакого отношения ни к «просвещенному», ни к «непросвещенному абсолютизму».

В заключение отметим, что оба этих термина, по-видимому, несовершенны (по крайней мере, применительно к России), так как они не имеют настоящего предмета, являются, по нашему мнению, ложными. В этом отношении стоит обратить внимание на новейшее исследование А. Б. Каменского, где автор вообще, отказывается от этих терминов критически относясь к их использованию [6, с. 320–321,

329, 468, 475–477]. К тому же, по мнению А. Ахиезера, И. Клямкина и И. Яковенко, в ту пору «заимствование у Европы “общих начал”, опережавших реальный европейский опыт, уживалось с сохранением “подробностей”, которые свидетельствовали о том, что даже этот опыт Россия заимствовать и освоить была не в состоянии» [1, с. 206; 6, с. 333].

Список источников и литературы

1. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М.: Нов. изд-во, 2008. 464 с.
2. Долгих А. Н. Императрица Екатерина II, «просвещенный абсолютизм» и крестьянский вопрос в России во второй половине XVIII века // Гуманитарные исследования Центральной России. 2019. № 2 (11). С. 7–15.
3. Долгих А. Н. Крестьянский вопрос во внутренней политике российского самодержавия в конце XVIII – первой четверти XIX вв.: в 2 т. Т. 1. Липецк: ЛГПУ, 2006. 311 с.
4. Долгих А. Н. О терминах «самодержавие», «абсолютизм» и «просвещенный абсолютизм» и их использовании в современной исторической науке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 2 (76). С. 93–97.
5. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России : учебник для студ. вузов по спец. «Историко-архивоведение». М.: Высш. шк., 1983. 352 с.
6. Каменский А. Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М.: РГГУ, 1999. 573 с.
7. Окунь С.Б. История СССР. Лекции. Ч. 1: Конец XVIII – начало XIX века. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. 220 с.
8. Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России первой четверти XIX века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 456 с.
9. Сорокин Ю. А. Павел I: Личность и судьба. Омск; М.: Мысль, 1996. 210 с.
10. Эйдельман Н. Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII – начало XIX столетия. М.: Мысль, 1982. 368 с.

References

1. Akhiezer, A, Klyamkin, I & Yakovenko, I 2008, *Istoriya Rossii: kontets ili novoye nachalo?* (The history of Russia: the end or a new beginning?), Novoye izdatelstvo publ, Moscow. (In Russ.).
2. Dolgikh, AN 2019, 'Imperatritsa Yekaterina II, «prosveshchenny absolutizm» i krest'yan-skiy vopros v Rossii vo vtoroy polovine XVIII veka' (Empress Catherine II of Russia, «enlightened absolutism» and the peasant question in Russia in the second half of the 18th century), *Humanities researches of the Central Russia*, 2019, no. 2 (11), pp. 7–15. (In Russ.).
3. Dolgikh, AN 2006, *Krestyanskiy vopros vo vnutrenney politike rossiyskogo samoderzhaviya v kontse XVIII – pervoy chetverti XIX vv.: v 2 t.* (The peasant question in the internal policy of the Russian autocracy at the end of the 18th – first quarter of the 19th centuries. In 2 vols.), vol. 1, LGPU publ, Lipetsk. (In Russ.).
4. Dolgikh, AN 2017, 'O terminakh «samoderzhaviye», «absolyutizm» i «prosveshchenny absolutizm» i ikh ispol'zovanii v sovremennoy istoricheskoy nauke' (“Autocracy”, “absolutism” and “educated absolutism” and their use in modern historical science), *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2017, no. 2 (76), pp. 93–97. (In Russ.).
5. Eroshkin, NP 1983, *Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy dorevolyutsionnoy Rossii* (The history of state institutions of pre-revolutionary Russia), Vyssh. shk publ, Moscow. (In Russ.).

6. Kamenskiy, AB 1999, *Ot Petra I do Paula I: reformy v Rossii XVIII veka (opyt tselostnogo analiza)* (From Peter the Great to Paul I of Russia: reforms in Russia of the 18th century (the experience of a holistic analysis), RGGU publ, Moscow. (In Russ.).
7. Okun, SB 1974, *Istoriya SSSR. Lektsii. Ch. 1. Konets XVIII – nachalo XIX veka* (The history of the USSR. Lectures. Part 1. Late 18th – early 19th century), Izd-vo Leningr. un-ta publ, Leningrad. (In Russ.).
8. Predtechenskiy, AV 1957, *Ocherki obshchestvenno-politicheskoy istorii Rossii pervoy chetverti XIX veka* (Essays on the socio-political history of Russia in the first quarter of the 19th century), Izd-vo AN SSSR publ, Moscow, Leningrad. (In Russ.).
9. Sorokin, YuA 1996, *Pavel I: Lichnost i sudba* (Paul I of Russia: Personality and Destiny), Mysl publ, Omsk, Moscow. (In Russ.).
10. Eydelman, NYa 1982, *Gran vekov. Politicheskaya borba v Rossii. Konets XVIII – nachalo XIX stoletiya* (The edge of the centuries. Political struggle in Russia. Late 18th – early 19th century.), Mysl publ, Moscow. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию: 25.07.2024
Одобрена после рецензирования: 06.09.2024
Принята к публикации: 07.11.2024

The article was submitted: 25.07.2024
Approved after reviewing: 06.09.2024
Accepted for publication: 07.11.2024

Научная статья

УДК 94(47+57):364.122.5

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-86-97>

БЛАГОУСТРОЙСТВО ГОРОДОВ НАЦИОНАЛЬНЫХ АВТОНОМИЙ САЯНО-АЛТАЯ В 1945 – 2020 ГГ.

**Елена Евгеньевна
Тиникова**

Хакасский научно-исследовательский
институт языка, литературы и истории
Абакан, Россия, lena.tinikova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5501-8940>

Аннотация. Статья посвящена урбанизации Алтая, Тувы и Хакасии. Цель публикации – проследить динамику благоустройства городских территорий в указанных национальных автономиях в период с 1945 по 2020 г. Для этого проанализированы данные официальной статистики, а также полевые материалы автора, собранные в ходе проведения исследования в 2020 г. Особое внимание уделено специфике благоустройства городов региона, обусловленной поздним характером урбанизации, географическим расположением, уровнем развитости инженерной и транспортной инфраструктуры, принципами финансирования данной сферы.

Показано, что задачи благоустройства городских территорий Сибири стали особой заботой со стороны государства лишь с середины XX в. С учетом большого отставания благоустройства городских улиц сибирских городов от среднероссийских показателей местным администрациям необходимо было выработать целый комплекс механизмов, направленных на сокращение данного разрыва. В статье рассмотрены вопросы внешнего благоустройства улиц, которое формировалось за счет асфальтирования дорог, оформления тротуаров, площадей и других общественных зон, их озеленения и искусственного освещения, создания системы сооружений санитарной уборки поселений и водоотводных сооружений. Кроме того, особое внимание уделено проблемам развития общественного транспорта и комплексу экологических проблем, без решения которых невозможно формирование современной комфортной городской среды.

В развитии благоустройства городов региона можно выделить два основных этапа: советский и постсоветский. Если первый характеризуется преобладанием директивных форм развития городского благоустройства с повсеместным привлечением городского населения к трудовому участию по облагораживанию поселений, то для второго в условиях развития негосударственных форм организаций, занимающихся различными аспектами городского благоустройства, роль муниципальных и республиканских властей в этом процессе падает, но все же именно властные структуры остаются доминирующим актором в данном процессе.

Ключевые слова: урбанизация, город, благоустройство, Алтай, Тува, Хакасия, озеленение, освещение, общественный транспорт, асфальтирование дорог, санитарная уборка городских поселений, экология города.

Для цитирования: Тиникова Е. Е. Благоустройство городов национальных автономий Саяно-Алтая в 1945 – 2020 гг. // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 3 (19). С. 86–97. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-86-97>

Сведения об авторе: Е. Е. Тиникова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела по международным и межрегиональным связям, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, 655017, Россия, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Щетинкина, 23.

Scientific Article

UDC 94(47+57):364.122.5

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-86-97>

IMPROVEMENT OF THE CITIES IN THE NATIONAL AUTONOMOUS REGIONS OF THE SAYAN-ALTAI IN THE 1945s – 2020s

Elena E. Tinikova

Khakass Research Institute for Language,
Literature and History
Abakan, Russia, lena.tinikova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5501-8940>

Abstract. The article is devoted to the urbanization of Altai, Tuva, and Khakassia. The purpose of the publication is to trace the dynamics of urban improvement in these national autonomies in the period from 1945 to 2020. To do this, the data of official statistics, as well as the author's research materials collected during the study in 2020, are analyzed. Special attention is paid to the specifics of urban improvement in the region, which is conditioned by the late nature of urbanization, geographical location, the level of development of engineering and transport infrastructure, and the principles of financing this area.

It is shown that the tasks of urban improvement in Siberia have become a special concern of the government only since the middle of the 20th century. Taking into account a large lag in the improvement of urban streets of Siberian cities from the average Russian indicators, local administrations needed to develop a whole range of mechanisms aimed at reducing this gap. The article considers the issues of external landscaping of streets, which was formed due to asphaltting of roads, design of sidewalks, squares and other public areas, their landscaping and artificial lighting, creation of a system of sanitary cleaning of settlements, and drainage structures. Besides, special attention is paid to the problems of public transport development and a complex of environmental problems, without solving which it is impossible to form a modern comfortable urban environment.

It is possible to distinguish two main stages in the improvement of the cities in the region: Soviet and post-Soviet. The first stage is characterized by the predominance of directive forms of urban development, with a significant degree of urban population engagement in the improvement of settlements. In contrast, the second stage is distinguished by the emergence of diverse non-state forms of organizations, which are involved in various aspects of urban development. The role of municipal and national authorities in this process is undergoing a decline, yet they continue to play a dominant role as the primary power structures.

Keywords: urbanization, city, infrastructure, Altai, Tuva, Khakassia, landscaping, lighting, public transport, road paving, sanitary cleaning of urban settlements, urban ecology.

For citation: Tinikova, EE 2024, 'Improvement of the Cities in the National Autonomous Regions of the Sayan-Altai in the 1945s – 2020s', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (19), pp. 86–97, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-86-97> (in Russ.)

Information about the Author: *Elena E. Tinikova* – Candidate of Sciences (History), Senior Research of the Department of International and Interregional Affairs, Khakass Research Institute for Language, Literature and History, 23, Shchetinkin Str., Abakan, 655017, Russia.

Введение

Вопросы урбанизации отдельных регионов России весьма актуальны и привлекают внимание историков, географов, социологов. Сегодня общей для ученых, занимающихся проблемами урбанизации, вне зависимости от их научного профиля, стала сентенция о важности учета не только количественных показателей урбанизации, выражаемой в доли населения, проживающего в городских поселениях, но и характеристики бытовой урбанизации. Уровень бытовой урбанизации зависит от доли населения городов, живущих в типично городских условиях быта [26, с. 406].

Цель статьи – проследить динамику благоустройства городских территорий в национальных автономиях Саяно-Алтая в период с 1945 г. по 2020 г. Территориальные рамки исследования охватывают территорию трех республик: Алтая, Тувы и Хакасии, интенсивное развитие урбанизационных процессов в которых началось в послевоенный период.

Несмотря на то, что урбанизация национальных автономий Саяно-Алтая уже имеет определенный историографический багаж, вопросы благоустройства городов региона сегодня относятся к числу малоисследованных. Отдельно следует упомянуть работы Т. В. Анкудиновой [1; 2], Р. О. Ширап, защитившую диссертационное исследование по социокультурному развитию Кызыла [33], а также известного в Хакасии краеведа Л. И. Белоусову [3].

Материалы и методы

Материал публикации построен на анализе данных официальной статистики, а также полевых материалов автора, собранных в ходе проведения исследования в 2020 г.

Значительный массив статистических сведений был собран в архивах (Государственный архив Российской Федерации – ГАРФ, Государственный архив Республики Алтай – ГАРА, Национальный архив Республики Тыва – НАРТ, Национальный архив Республики Хакасия – НАРХ) и публикуется впервые.

Использованы специальные методы исторических исследований (историко-хронологический, историко-сравнительный) и статистический метод.

Результаты

1945 – 1991 гг. В условиях интенсивного развития городского хозяйства Саяно-Алтайского региона во второй половине XX в. важным направлением работы муниципальных служб стало благоустройство городских территорий. Отчеты Центрального статистического управления при Совете Министров РСФСР позволяют проследить, как менялось внешнее благоустройство российских городов в течение XX в.

В послевоенный период благоустройство улиц сибирских городов все еще значительно отставало от среднероссийских показателей. Если в 1946 г. в городских поселениях РСФСР было замощено в среднем 16 % общей площади улиц, проездов и тротуаров [6, с. 198], то в Горно-Алтайске – 6,4 % [9], Кызыле – 6,7 % [14, с. 95], зато в Абакане – целых 20 % [9], в то время как в остальных городах региона мощеные улицы вовсе отсутствовали. В этот период ни в одном из городских поселений региона не было асфальтированных дорог. Укладывать асфальтированные тротуары в Абакане начали в 1948 г. в условиях полной отсутствия техники, квалифицированных специалистов и материалов надлежащего качества – вместо битума использовалась каменноугольная смола [25]. С 1953 г. началось строительство новых асфальтированных дорог в центральной части хакасской столицы по улице Октябрьской (Ленина). Но до введения в эксплуатацию асфальтового завода в 1961 г. асфальтирование абаканских дорог шло медленными темпами.

Ситуация со строительством дорог в Горно-Алтайске обстояла хуже. Здесь для покрытия даже центрального городского шоссе в 1950-е гг. использовался гравий.

Асфальтобетонные и каменные тротуары стали появляться в городе лишь к концу десятилетия.

В послевоенный период в Кызыле была распространена практика привлечения городского населения к трудовому участию по благоустройству города [21]. В 1945 – 1946 гг. пока работа городского строительного треста еще не была отлажена, для строительства городских дорог и тротуаров активно использовался труд горожан и работников учреждений. Даже центральная улица Ленина реконструировалась в этот период силами предприятий и населения Кызыла как булыжная мостовая [22]. Ее асфальтирование, а также всей центральной части города началось в начале 1950-х гг. [23].

В середине XX в. постепенно благоустраивались лишь центральные части городов региона, городская периферия имела типично сельские черты. Сельский образ жизни проявлялся также в натуральном хозяйстве, характерном для большинства городских домохозяйств того времени. По улицам городов свободно передвигался домашний скот [25], хотя власти и пытались ограничить или, как в Горно-Алтайске, совсем запретить содержание коров и другого домашнего скота [7].

Преобразался облик городов региона и за счет озеленения, в котором городская общественность также принимала активное участие. Средствами массовой информации насаждалась необходимость принять участие в озеленении городов каждому горожанину, это приравнивалось к почетному долгу. Городским жителям вменялась в обязанность высадка хотя бы одного дерева [12, с. 653]. Об эффективности подобных мер свидетельствует тот факт, что в период с 1954 г. по 1964 г. в Кызыле было посажено более 30 тыс. деревьев и 100 тыс. кустарников [18, с. 327]. В 1959 г. в Абакане было высажено 80 тыс. деревьев, так как каждый абаканец в добровольно-принудительном порядке должен был высадить не менее трех деревьев и десяти корней цветов [3, с. 126–127].

Хакасские города 1940-х гг. нельзя было отнести к категории зеленых городов. Площадь зеленых массивов и насаждений в Абакане составляла в 1946 г. 51 га, то есть всего 1,1 % общей площади городских земель, из них общего пользования – 24,1 га [24]. Ситуация в Черногорске была еще более удручающей: всего 0,2 % городских земель имели зеленые насаждения [9]. В этой связи впечатляющими выглядят результаты их озеленения. Так, уровень озелененности современного Абакана является достаточно высоким и соответствует всем нормам и правилам, существующим в данной области благоустройства [20].

Выгодно отличался уровнем городского озеленения от других городов региона Горно-Алтайск. Уже в 1946 г. почти третья часть городских земель (2318 га) имела зеленые массивы и насаждения [9]. В городе ежегодно высаживались тысячи новых деревьев. Только в 1969 г. было высажено 104 тыс. деревьев [11, с. 158].

Для небольших городских населенных пунктов был характерен низкий уровень благоустройства. Во второй половине 1940-х – 1950-е в малых тувинских городах (Туране, Шагонаре, Чадане) работы по их благоустройству в основном сводились к высадке саженцев (в 1951 г. до 1,5 тыс. штук в каждом поселении), устройству штакетных ограждений, сплошных заборов, ремонту фасадов жилых и административных зданий, устройству проезжей части центральной улицы силами общественности [8].

Относительно высоким уровнем благоустройства отличались новые города. Например, город Саяногорск. Строительство города велось практически «с нуля» с соблюдением всех норм и правил. Поэтому для города еще в советские времена были характерны широкие асфальтированные улицы, много деревьев, многоэтажная застройка.

Важным направлением работы администраций городских поселений было поддержание санитарно-гигиенической чистоты. В середине XX в. территория городов региона находилась в крайне неудовлетворительном санитарном состоянии: были загрязнены водоисточники, не соблюдались технические условия на строительство санузлов, выгребных ям. Слабо был организован вывоз мусора и нечистот, которые зачастую сваливались в не отведенных для этого местах. Города остро нуждались в большем количестве спецтехники для очистки города. Особое внимание этому вопросу стало уделяться с 1955 г. после принятия постановления Совета Министров РСФСР «О мерах борьбы с инфекционными заболеваниями и по улучшению санитарного состояния городов» [27].

В городских поселениях была организована планомерно-регулярная очистка и обезвреживание отходов. Однако нехватка автотехники для вывоза мусора не позволяла ликвидировать все самовольно образованные свалки в черте городов и на подъездах к ним.

С 1950-х гг. в Кызыле было запрещено строительство санитарных узлов и помойных ям без непроницаемых стен выгребов [23]. В регионе стали проводиться праздники здоровья и месячники по санитарному благоустройству городов. С 1960 г. каждый житель Кызыла должен был отработать не менее 20 часов в год на санитарном благоустройстве города [12, с. 654]. Практика привлечения горожан участию в санитарной очистке города была распространена в те годы повсеместно.

По мере расширения дорожного строительства в регионе стали актуальными вопросы транспортного обслуживания населения. Первые городские автобусы в Саяно-Алтайском регионе появились в 1929 г. в Улале (Горно-Алтайск). Тогда же было установлено регулярное пассажирское движение Улала – Бийск.

В послевоенные годы в Горно-Алтайске функционировал единственный автобусный маршрут, пересекающий город по центральной улице и довозивший пассажиров до Маймы. С учетом того, что многие жители села работали в городе, автобус пользовался большой популярностью. Вплоть до начала 1960-х гг. в качестве городского транспорта использовались машины марки «ЗИС», некоторые из которых побывали на войне и были пробиты осколками и пулями. Позже городской автопарк пополнился более комфортабельными новыми автобусами «ПАЗ-652». Первые автобусные остановки появились в 1969 г. [11, с. 158].

В Абакане регулярное автобусное движение было установлено только в 1939 г. Автобусный маршрут связал новую и старую части города. В довоенный период в 1940 г. автобусный парк города состоял из 5 автобусов [4]. Однако в 1945 г. их количество снизилось до 2. Объем пассажирских перевозок за год составил 800 чел. [24]. К концу 1950-х гг. в Абакане уже насчитывалось 33 автобуса, 22 легковых такси, общее протяжение всех городских маршрутов составило 39 км [4].

Городское автобусное сообщение в Кызыле появилось позже. Лишь в 1950-е гг. по улицам города стали ходить первые автобусы. В 1978 г. в городе уже имелось 14 маршрутов, из них 2 укороченных. Также на 2 маршрутах было организовано экспрессное движение автобусов. Основным недостатком работы общественного транспорта в эти годы было отсутствие регулярности движения автобусов. Также имели место выход на линию грязных автобусов с неубранными салонами, несвоевременный ремонт транспорта общего пользования, низкая укомплектованность и высокая текучесть рабочих кадров отрасли.

Актуальным для городов региона был вопрос освещения городских улиц. История уличного освещения в Абакане берет свое начало в 1934 г., когда в городе были установлены первые 10 световых точек на центральной улице протяженностью всего 0,5 км [3, с. 132]. В 1945 г. количество световых точек без домовых фонарей увеличилось до 100 штук. Протяженность освещаемых частей улиц составила уже 30

км [24]. В 1990 г. этот показатель вырос до 124,8 км [19, с. 40]. Хакасский город в данном отношении значительно опережал своих соседей.

В Кызыле электрическое освещение появилось только в послевоенные годы. Темпы установки в городе новых световых точек были невысокими. Так, в 1963 г. протяженность освещаемых частей улиц составила 28 км [14, с. 95].

В эти годы сохранялась практика привлечения горожан и организаций к освещению улиц города. Освещение общественных заведений становилось ответственностью жителей города.

Оценивая благоустройство городов исследуемого региона в целом, следует подчеркнуть, что трансформация городской инфраструктуры происходила по-разному в зависимости от исторических, социально-экономических и демографических характеристик городов. Более благоустроенными были региональные центры национальных субъектов. Абакан обгонял по темпам внедрения объектов городского хозяйства Горно-Алтайск и Кызыл. Для остальных хакасских городов в плане их внешнего благоустройства (особенно для Черногорска и Саяногорска) стала реализация программы строительства Саянского территориально-производственного комплекса. В области появились дополнительные средства на облагораживание городских территорий.

1991 – 2020 гг. На фоне социально-экономического, демографического кризиса 1990-х гг. и снижения жизненного уровня населения проблемы благоустройства и внешнего облика городов все более обострялись. Бытовавшие в советский период механизмы благоустройства городов перестали работать, а новые еще не были выработаны. В условиях недостаточного финансирования городские поселения постепенно обрастали грязью, здания, подъезды, дворы, общественные места (улицы, парки, площади и скверы) становились неухоженными.

В 1990-е гг. произошло усиление столичных функций городов – центров российских субъектов, этому способствовали перераспределение собственности и новые принципы формирования региональных бюджетов [13, с. 9].

Вопросы благоустройства городских поселений находятся в сфере компетенции городской администрации. Финансирование благоустройства территорий муниципальных образований осуществляется за счет средств бюджетов всех уровней: федерального, регионального и местного. Муниципалитеты для получения бюджетных средств для софинансирования расходных обязательств по благоустройству вверенных им территорий должны разрабатывать собственные программы и утверждать их [10, с. 141].

Одним из приоритетных направлений программ благоустройства городских поселений региона остается озеленение территорий. Особое внимание во втором десятилетии XXI в. стало уделяться возрождению и развитию парков. На их территории были проложены асфальтовые дорожки, освещение, расчищена и восстановлена растительность, проведены дизайнерские ландшафтные работы, установлены новые объекты. Достаточно высоким уровнем озелененности отличается город Абакан, количественные характеристики озеленения территории которого соответствуют основным нормам и правилам, существующим в данной области благоустройства [20]. Относительно «зеленым» является и Горно-Алтайск, доля общей площади зеленых насаждений городских земель которого составляет 56 % [28, с. 88].

Основными показателями внешнего городского благоустройства, ежегодно учитываемыми официальной статистикой, являются также протяженность замощенных и освещенных частей улиц. Административные центры республик на фоне остальных городов отличаются высокими показателями развития по данным критериям. Лишь по степени асфальтированности автодорог они уступают хакасскому городу Абазе, а по уровню освещенности улиц – хакасскому Саяногорску. Кызыл зна-

чительно уступает своим столичным соседям по уровню протяженности замощенных частей улиц. Для остальных тувинских городских поселений до сих пор актуальными остаются проблемы отсутствия освещения на улицах. Среди хакасских городов она наиболее остро стоит перед жителями Сорска, где освещена в 2019 г. была всего пятая часть улиц [17, с. 11].

Серьезными проблемами для городских поселений региона в исследуемый период были также значительное число бродячих собак, отсутствие мест отдыха в небольших городских населенных пунктах, некачественный и несвоевременный уход за зелеными насаждениями, в первую очередь тополями, достигшими зрелости и ставшими представлять угрозу, хаотичное самостоятельное благоустройство дворов жильцами, в том числе с использованием малых архитектурных форм из вторсырья, задержка вывоза мусора и прочее. Качество уборки городских территорий и вывоза коммунальных твердых отходов находится в прямой зависимости от числа специализированной техники, находящейся в пользовании городских хозяйств. Их количество не было устойчивым. Например, число специальных автомобилей городского хозяйства Горно-Алтайска только в период с 2016 г. по 2018 г. снизилось почти вдвое: со 123 до 67 штук [28, с. 88].

Целый комплекс проблем городского благоустройства связан с ростом автомобилизации населения. Увеличение количества автовладельцев ведет к повышению требований к качеству дорожного покрытия. В городах региона имеется большая потребность в ремонте действующих дорог, а также в строительстве новых [5].

Засилье автомобилей привело к оккупации ими дворовых территорий. Парковочные места в старых городских микрорайонах рассчитывались по нормативам советского времени и исчерпали свои ресурсы, в новых микрорайонах эта проблема также практически не решается на этапе проектирования в связи с дорожной стоимостью городских земель.

В постсоветский период произошли серьезные изменения в организации работы общественного транспорта. Городские бюджеты, оказавшиеся в сложных условиях, не могли себе позволить обновление парка автобусов и троллейбусов. Поэтому администрация городов стала привлекать к пассажирским перевозкам частный транспорт.

Проблемы транспортного сообщения указываются жителями Горно-Алтайска в качестве наиболее актуальных [30, с. 65]. Связаны они с дефицитом водителей, работающих в автотранспортных пассажирских перевозках, изношенностью автопарка, сокращением действующих маршрутов. Одна из причин сложившейся в городе ситуации – отсутствие муниципального автотранспортного предприятия. В 1990-е гг. оно было приватизировано, а затем закрыто. В результате все пассажирские перевозки оказались в сфере влияния частных перевозчиков.

В Туве и Хакасии перевозки пассажиров осуществляются и муниципальным, и частным транспортом, хотя доля последнего значительно доминирует в общей численности городского транспорта. Так, в Кызыле доля автобусов МУП «Кызылгортранс» в 2019 г. составляла всего 7,6 % [31, с. 71]. В Абакане соотношение транспортных средств по видам перевозок сложилось следующим образом: 71,8 % – коммерческие автобусы, 20,5 % – муниципальные автобусы и 7,7 % – муниципальные троллейбусы.

Общей проблемой для региональных центров республик Саяно-Алтая являлся низкий охват городскими маршрутами периферийных городских районов, а также наличие перегруза общественного транспорта в час пик из пригородных зон, а также городов-спутников. В малых городах сокращение услуг муниципального транспорта частично компенсировалось ростом объемов перевозок, выполняемых мелкими частными операторами.

Важную роль в благоустройстве городских территорий играет экологический фактор. Промышленные предприятия, городские котельные и автотранспорт являются источниками загрязнения воздуха во всех городах. Однако неблагоприятное их расположение усугубляют ситуацию. Горно-Алтайск находится в долине, окруженной горами, хакаские города – в Хакасско-Минусинской котловине, тувинские – в межгорных котловинах, что препятствует свободной циркуляции воздуха и способствует скоплению вредных веществ в приземной атмосфере [16, с. 120]. В зимний период ситуация обостряется в связи с использованием горожанами местного угля, обладающего свойствами неполного сгорания и образования при горении большого количества сажи и летучих компонентов [15, с. 45]. Рост количества разрезов с открытым способом добычи угля усугубляет ситуацию. Решению данной проблемы могли бы способствовать проведение газопровода в регион, переход жителей частного сектора на отопление домов другими видами топлива, в том числе переход на электроотопление.

Экологическая проблематика становится в последние годы предметом заботы администрации городов, а также региональных властей, в том числе под давлением общественности. Экология города, как и в целом, комфортная городская среда, в новейшей истории России до последних лет не являлась объектом интереса властей и широкой общественности [29, с. 10]. Между тем благоустройство городских поселений без учета экологического фактора в современных условиях представляется крайне затруднительным.

Заключение

В данной статье был дан анализ благоустройства городских территорий в национальных автономиях Саяно-Алтая в период с 1945 г. по 2020 г. Исследование показало, что за этот период внешний облик городов региона кардинально преобразился. На благоустройство городов республик Саяно-Алтая оказал влияние комплекс факторов, таких, как географическое расположение, уровень развитости инженерной и транспортной инфраструктуры, принципы финансирования данной сферы. Самовольная застройка городов региона, засорение территории бытовыми отходами, отход от сложившихся практик системного привлечения горожан к уборке территории города также оказали влияние на уровень благоустройства городских поселений региона в постсоветский период.

В целом в развитии благоустройства городов региона можно выделить два основных этапа: советский и постсоветский. Если первый характеризуется преобладанием директивных форм развития городского благоустройства с повсеместным привлечением городского населения к трудовому участию по облагораживанию поселений, то для второго в условиях развития различных негосударственных форм организаций, занимающихся различными аспектами городского благоустройства, роль муниципальных и республиканских властей в этом процессе падает, но именно властные структуры остаются доминирующим актором в данном процессе.

Список источников и литературы

1. Анкудинова Т. В. Проблемы социального развития Республики Алтай и г. Горно-Алтайска в 90-е гг. XX в. (на примере ЖКХ) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2011. Иркутск: Байкальский гос. ун-т экономики и права, 2011. С. 283–288.
2. Анкудинова Т. В. Формирование городской среды в условиях социокультурных преобразований в Горном Алтае в 1920 – 1930-е годы // Этносоциальные проблемы регионов Сибири. Вып. 20. Горно-Алтайск: ФГБОУ ВПО «Горно-Алтайский гос. ун-т», 2014. С. 3–8.
3. Белоусова Л. И. По улицам, длиною в жизнь. Ч. 1. Абакан: Журналист, 2017. 320 с.

4. Белоусова Л. И. Создание первых транспортных организаций города / Историко-архивный клуб «Краевед Хакассии» // ГКУ Республики Хакассия «Национальный архив» : офиц. сайт. URL: <https://arhiv.r-19.ru/upload/iblock/f7f/f7f743ad2df45738f90e6fe9f17f4c1.pdf> (дата обращения: 21.10.2024).
5. Бендер В. Г. Проблемы, связанные с реализацией мероприятий дорожно-транспортной инфраструктуры на примере Республики Хакасия // Вестник евразийской науки. 2022. Т. 14, № 1. URL: <https://esj.today/PDF/18ECVN122.pdf> (дата обращения: 02.11.2024).
6. Формирование индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе / С. С. Букин [и др.]. Новосибирск: Сибирское науч. изд-во. 2011. 336 с.
7. ГАРА (Государственный архив Республики Алтай). Ф. П-3. Оп. 1. Д. 279. Л. 104.
8. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. А-150. Оп. 2. Д. 224. Л. 17.
9. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 9. Д. 219. Л. 1, 24.
10. Глуценко Л. Р. Финансирование благоустройства территории муниципального образования // Научные исследования и инновации. 2021. № 10. С. 140–147.
11. Горно-Алтайский хронограф. Годы. События. Факты. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская тип., 2003. 271 с.
12. Доржу З. Ю., Ширап Р. О. Социально-бытовые условия жизни населения г. Кызыла – столицы Тувинской автономной области (1944 – 1961) // Oriental Studies. 2019. Т. 12, № 4(44). С. 645– 660.
13. Зубаревич Н. В. Поляризация городов России как следствие кризиса 90-х годов // Вестник Евразии. 2001. № 1. С. 5–29.
14. Иконников Н. П. Советская Тува в цифрах // Ученые записки ТувНИИЯЛИ. Вып. 11. Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 1964. С. 83–114.
15. Кальная О. И. Основные экологические проблемы Тувы. Что тревожит экологов и жителей Республики // Природные ресурсы, среда и общество. 2020. № 3 (7). С. 44–55.
16. Каташев М. С. Экологические проблемы в восприятии жителей Горного Алтая в конце 1980-х годов // Этносоциальные процессы в Сибири : тематический сборник : материалы VII Междунар. семинара, Горно-Алтайск, 30 июня – 02 июля 2003 г. Вып. 6. Новосибирск: Нонпарель, 2004. С. 117–120.
17. Ко дню городов – города Республики Хакасия в 2019 году. Красноярск: Красноярскстат, 2020. 13 с.
18. «Кызылу – 50 лет» – доклад председателя исполкома Кызыльского городского Совета депутатов трудящихся Сергея Хочековича Крсаного // История города в Центре Азии : сб. архивных документов., 1914 – 2014 гг. Красноярск: Офсет, 2021. С. 327.
19. Летопись городов Сибири. Абакан – 85 лет : стат. сб. / Красноярскстат. Абакан, 2017. 110 с.
20. Митусова Н. А., Голубничий А. А. Оценка уровня озелененности территорий города Абакана // Современные научные исследования и инновации. 2017. № 1. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2017/01/77691> (дата обращения: 24.09.2024).
21. НАРТ (Национальный архив Республики Тыва). Ф. П-3. Оп. 1. Д. 4. Л. 345, 353–355, 361.
22. НАРТ. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 5. Л. 48, 57.
23. НАРТ. Ф. 353. Оп. 1. Д. 12. Л. 19.
24. НАРХ (Национальный архив Республики Хакасия). Ф. Р.-169. Оп. 1. Д. 200. Л. 3, 4.
25. НАРХ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 1. Л. 10, 17, 20.
26. Нефедова Т. Благоустройство городов и сельской местности. Деревня в городе // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М.: ОГИ, 2001. С. 400–413.
27. О мерах борьбы с инфекционными заболеваниями и по улучшению санитарного состояния городов: Постановление Совета Министров РСФСР 25 июля 1955 г. № 935 // Электронная библиотека исторических документов : офиц. сайт. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/372322> (дата обращения: 19.10.2024).
28. Республика Алтай в цифрах. 2014 – 2018 гг.: краткий стат. сборник / Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. Горно-Алтайск, 2019. 202 с.
29. Тарасов И. А. Создание городской среды: разногласия в множественном объекте // Городские исследования и практики. 2020. Т. 5, № 2. С. 7–23.

30. Фомин М. В., Микрюков Н. Ю., Мирязов Т. Р. Пространственное развитие населенных пунктов республик Алтай и Тыва: социологический анализ // Народонаселение. 2022. Т. 25, № 3. С. 59–73.
31. Хертек Т. Р., Шавыраа Ч. Д. Проблемы пассажирских перевозок в Республике Тыва // Техника и технология транспорта. 2019. № S (13). С. 71.
32. Хольшина М. А. Современное состояние транспортной системы в Республике Тува // Молодой ученый. 2014. № 18 (77). С. 191–193.
33. Ширав Р. О. Социокультурное развитие г. Кызыла – столицы Тувинской автономной области (1944 – 1961 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Ширав Регина Олеговна. Красноярск, 2020. 253 с.

References

1. Ankudinova, TV 2011, 'Problemy` social`nogo razvitiya Respubliki Altay i g. Gorno-Altayska v 90-e gg. XX v. (na primere ZhKKh)' (Problems of social development of the Altai Republic and Gorno-Altaysk in the 90s of the 20th Century. (on the example of housing and communal services)), *Irkutsk Historical and Economic Yearbook*, pp. 283–288. (In Russ.)
2. Ankudinova, TV 2014, 'Formirovaniye gorodskoy sredy` v usloviyakh sociokul`turny`kh preobrazovaniy v Gornom Altae v 1920 – 1930-e gody`' (Formation of the urban environment in the conditions of socio-cultural transformations in the Altai Mountains in the 1920s-1930s), *Ethnosocial problems of the regions of Siberia*, issue 20, pp. 3–8. (In Russ.)
3. Belousova, LI 2017, *Po ulitsa, dlinnoyu v zhizn`* (On the street, long in life), part 1, ООО «Kooperativ «Zhurnalist» Publ, Abakan. (In Russ.)
4. Belousova, LI, 'Sozдание pervy`kh transportny`kh organizatsciy goroda' (The creation of the first transport organizations of the city) *Natsional`ny`y arkhiv. Istoriko-arkhivny`y klub pri Natsional`nom arkhive RKh* (National Archive. Historical and Archival Club at the National Archives of the Russian Federation), viewed 21 October 2024, <https://arhiv.r-19.ru/upload/iblock/f7f/f7f743ad2df45738f90ec6fe9f17f4c1.pdf>. (In Russ.)
5. Bender, VG 2022, 'Problemy`, svyazanny`e s realizatsiyei meropriyatiy dorozhno-transportnoy infrastruktury` na primere Respubliki Khakasiya' (Problems related to the implementation of road transport infrastructure measures on the example of the Republic of Khakassia), *Bulletin of Eurasian Science*, vol. 14, no. 1, viewed 02 November 2024, <https://esj.today/PDF/18ECVN122.pdf> (In Russ.)
6. Bukin, SS, Dolgolyuk, AA, Isaev, VI, Timoshenko, AI 2011, *Formirovanie industrial`no-urbanisticheskogo obshhestva v Uralo-Sibirskom regione* (Formation of an industrial and urban society in the Ural-Siberian region), Sibirskoe Nauchnoe Izdatel`stvo Publ, Novosibirsk. (In Russ.)
7. Gosudarstvenny`y arkhiv Respubliki Altay (GARA), (State Archive of the Altai Republic), fund P-3, inventory 1, file 279, sheet 104. (In Russ.)
8. Gosudarstvenny`y arkhiv Rossiyskoj Federatsii (GARF), (The State Archive of the Russian Federation (GARF), fund A-150, inventory 2, file 224, sheet 17. (In Russ.)
9. Gosudarstvenny`y arkhiv Rossiyskoj Federatsii (GARF), (The State Archive of the Russian Federation), fund A-374, inventory 9, file 219, sheets 1, 24. (In Russ.)
10. Glushhenko, LR 2021, 'Finansirovaniye blagoustroystva territorii municipal`nogo obrazovaniya' (Financing the improvement of the territory of the municipality), *Scientific research and innovation*, no. 10, pp. 140–147. (In Russ.)
11. 'Gorno-Altayskiy khronograf. Gody`. Soby`tiya. Fakty`' (Gorno-Altai chronograph. Years. Events. Evidence) 2003, Gorno-Altaysk Publ, Gorno-Altaysk. (In Russ.)
12. Dorzhu, ZYu., Shirap, RO 2019, 'Social`no-by`tovy`e usloviya zhizni naseleniya g. Ky`zy`la – stolitsy Tuvinskoy avtonomnoy oblasti (1944–1961)' (Social and living conditions of the population of Kyzyl – the capital of the Tuvan Autonomous Region (1944-1961)), *Oriental Studies*, vol. 12, no. 4(44), pp. 645– 660. (In Russ.)
13. Zubarevich, NV 2001, 'Polyarizatsiya gorodov Rossii kak sledstviye krizisa 90-kh godov' (Polarization of Russian cities as a consequence of the crisis of the 90s), *Bulletin of Eurasia*, no. 1, pp. 5–29. (In Russ.)

14. Ikonnikov, NP 1964, 'Sovetskaya Tuva v tsifrakh' (Sovetskaya Tuva in numbers), *Ucheny`e zapiski TuvNIYaLI* 1964, issue 11, pp. 83–114, Tuvan Book Publishing House, Kyzyl (In Russ.)
15. Kal`naya, OI 2020, 'Osnovnyye ekologicheskie problemy Tuvy. Chto trevozhit ekologov i zhiteley Respubliki' (The main environmental problems of Tuva. What worries environmentalists and residents of the Republic), *Natural resources, environment and society*, no. 3(7), pp. 44–55. (In Russ.)
16. Katashev, MS 2004, 'Ekologicheskiye problemy v vospriyatii zhiteley Gornogo Altaya v kontse 1980-kh godov' (Ecological problems in the perception of the inhabitants of the Altai Mountains in the late 1980s), *Ethnosocial processes in Siberia: A thematic collection: materials of the VII International Seminar, Gorno-Altaysk, June 30 – July 02*, issue 6, pp. 117–120, «Nonpareil» Publ, Novosibirsk (In Russ.)
17. 'Ko dnyu gorodov – goroda Respubliki Khakasiya v 2019 godu' (On the day of cities – cities of the Republic of Khakassia in 2019) 2020, Krasnoyarskstat Publ, Krasnoyarsk (In Russ.)
18. '«Kyzylu – 50 let» – doklad predsedatelya ispolkoma Kyzyl`skogo gorodskogo Soveta deputatov trudyashhikhsya Sergeya Khochekovicha Krsanogo' ("Kyzyl – 50 years old" – report of the chairman of the Executive Committee of the Kyzyl city Council of Workers' Deputies Sergei Khochkovich Krsanyy), *History of the city in the Center of Asia: A collection of archival documents. 1914-2014*, 2021, Offset Publ, Krasnoyarsk (In Russ.)
19. 'Letopis` gorodov Sibiri. Abakan – 85 let: stat. sb.' (Chronicle of Siberian cities. Abakan – 85 years old: statistical collection) 2017, Krasnoyarskstat Publ, Abakan (In Russ.)
20. Mitusova, NA & Golubnichiy, AA 2017, 'Otsenka urovnya ozelenenosti territoriy goroda Abakana' (Assessment of the level of greening of the territories of the city of Abakan) *Modern scientific research and innovation*, no 1, viewed 24 September 2024, <https://web.snauka.ru/issues/2017/01/77691> (In Russ.)
21. Natsional`nyy arkhiv Respubliki Tyva (NART), (The National Archive of the Republic of Tyva), fund P-3, inventory 1, file 4, sheets 345, 353–355, 361. (In Russ.)
22. Natsional`nyy arkhiv Respubliki Tyva (NART), (The National Archive of the Republic of Tyva), fund P-3, inventory 1, file 5, sheets 48, 57. (In Russ.)
23. Natsional`nyy arkhiv Respubliki Tyva (NART), (The National Archive of the Republic of Tyva), fund 353, inventory 1, file 12, sheet 19. (In Russ.)
24. Natsional`nyy arkhiv Respubliki Khakasiya (NARKh), (The National Archive of the Republic of Khakassia), fund R.-169, inventory 1, file 200, sheets 3,4. (In Russ.)
25. Natsional`nyy arkhiv Respubliki Khakasiya (NARKh), (The National Archive of the Republic of Khakassia), fund 573, inventory 1, file 1, sheets 10, 17, 20. (In Russ.)
26. Nefedova, T 2001, 'Blagoustroystvo gorodov i sel`skoy mestnosti. Derevnaya v gorode' (Improvement of cities and rural areas. A village in a city), in *A city and a village in European Russia: one hundred years of change*, OGI Publ, Moscow, pp. 400–413. (In Russ.)
27. 'O merakh bor`by s infektsionnymi zabolevaniyami i po uluchsheniyu sanitarnogo sostoyaniya gorodov. Postanovleniye Soveta Ministrov RSFSR 25 iyulya 1955 g. № 935' (On measures to combat infectious diseases and improve the sanitary condition of cities. Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR No. 935 of July 25, 1955) *Elektronnaya biblioteka istoricheskikh dokumentov* (Electronic Library of Historical Documents), viewed 19 October 2024, <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/343659-dokumenty?view=list> (In Russ.)
28. 'Respublika Altay v tsifrakh. 2014 – 2018 gg. Kratkiy statisticheskiy sbornik' (The Altai Republic in numbers. 2014 – 2018 Brief statistical collection) 2019, *Office of the Federal State Statistics Service for the Altai Territory and the Republic of Altai Gorno-Altaysk* (In Russ.)
29. Tarasov, IA 2020, 'Sozdanie gorodskoy sredy: raznoglasiya v mnozhestvennom obyekte' (The creation of an urban environment: disagreements in a multiple object), *Urban research and practice*, vol. 5, no. 2, pp. 7–23. (In Russ.)
30. Fomin, MV, Mikryukov, NYu & Miryazov, TR 2022, 'Prostranstvennoye razvitiye nase-lennykh punktov respublik Altay i Tyva: sotsiologicheskiy analiz' (Spatial development of settlements in the Altai and Tyva republics: a sociological analysis), *Population*, vol. 25, no. 3, pp. 59–73. (In Russ.)

31. Khertek, TR & Shavy`raa, ChD 2019 'Problemy` passazhirskikh perevozok v Respublike Tyva' (Problems of passenger transportation in the Republic of Tyva), *Equipment and technology of transport*, no. S (13), p. 71. (In Russ.)
32. Khol`shina, MA 2014, 'Sovremennoe sostoyanie transportnoy sistemy` v Respublike Tuva' (The current state of the transport system in the Republic of Tuva), *Young Scientist*, no. 18(77), pp. 191–193. (In Russ.)
33. Shirap, RO 2020, Sotsiokul`turnoe razvitie g. Kyzyla – stolitsy Tuvinskoy avtonomnoy oblasti (1944 – 1961 gg.), PhD thesis, Siberian Federal University, Kransoryask (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 08.11.2024

Одобрена после рецензирования: 29.11.2024

Принята к публикации: 29.11.2024

The article was submitted: 08.11.2024

Approved after reviewing: 29.11.2024

Accepted for publication: 29.11.2024

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КООПЕРАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ В ГРУППОВОЙ МЕССЕНДЖЕР-КОММУНИКАЦИИ

**Татьяна Владимировна
Гребельник**

Астраханский государственный
технический университет
Астрахань, Россия, tatyanagrebelnik@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6440-8852>

Аннотация. Цель данной статьи – выявление коммуникативных тактик и коммуникативных ходов, с помощью которых в мессенджер-коммуникации на русском языке реализуется кооперативная стратегия, а также определение языковых маркеров данных тактик. В качестве материала исследования привлекались электронные сообщения из групповых (родительских) чатов мессенджера Telegram. Всего было проанализировано свыше 500 сообщений, отправленных разными интернет-пользователями. Среди методов исследования были выбраны лингво-прагматический анализ и контекстуальный анализ коммуникативно-прагматических ситуаций в мессенджер-сообществах. Кооперативная стратегия, будучи направленной на снятие потенциальных противоречий между адресантом и его аудиторией, обладает характерными особенностями: а) с точки зрения коммуникативного поведения говорящего: акцентирование благих намерений и проявление сопереживания, использование различных способов демонстрации положительного отношения, установка на диалог; б) с точки зрения речевого оформления высказывания: употребление «смягчительных» форм, исключение категоричности в словах и в выражениях, положительная оценочность. В статье выделены следующие коммуникативные тактики стратегии кооперации: тактика согласия (включая согласие-одобрение, согласие-подтверждение, согласие-решение и согласие-принятие), тактика проявления сочувствия (объективируется посредством реактивных стереотипных реплик), тактика привлечения внимания, тактика смены темы и тактика убеждения. Разворачивание тактики убеждения происходит с помощью таких коммуникативных ходов, как апелляция к положительному опыту, апелляция к разуму и указание на путь решения проблемы. Востребованность данных коммуникативных тактик в рамках кооперативной стратегии объясняется предметно-тематической областью общения в родительских чатах. Отмечено, что коммуникативная стратегия сотрудничества предполагает социальную перцепцию, одна из функций которой – организация совместной деятельности в процессе обсуждения актуальных для родительских чатов тем.

Ключевые слова: коммуникация через мессенджер, речевое воздействие, стратегия сотрудничества, коммуникативная тактика, коммуникативный ход.

Для цитирования: Гребельник Т. В. Особенности реализации кооперативной стратегии в групповой мессенджер-коммуникации // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 3 (19). С. 98–106. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-98-106>

Сведения об авторе: Т. В. Гребельник – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры «Иностранные языки и речевые коммуникации», Астраханский государственный технический университет, 414056, Россия, Астраханская область, г. Астрахань, ул. Татищева, 16/1.

Scientific Article
UDC 174:316.472.4
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-98-106>

FEATURES OF THE COOPERATIVE STRATEGY IMPLEMENTATION IN GROUP MESSENGER COMMUNICATION

Tatyana V. Grebelnik

Astrakhan State Technical University
Astrakhan, Russia, tatyanagrebelnik@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6440-8852>

Abstract. The purpose of this article is to identify the communicative tactics and communication moves by which a cooperative strategy is implemented in messenger communication in Russian, as well as to identify the language markers of these tactics. The author uses electronic messages from group (parental) chats in Telegram messenger as the research material. The total number of analyzed messages sent by different Internet users is over 500. The author uses the following research methods: linguopragmatic analysis and contextual analysis of communicative-pragmatic situations in messenger communities. The cooperative strategy, being aimed at removing potential contradictions between the addressee and his audience, has the following characteristic features: a) from the point of view of the speaker's communicative behavior: emphasizing good intentions and showing empathy, using various ways to demonstrate a positive attitude, setting up a dialogue; b) from the point of view of the speech design of the statement: the use of "softening" forms, the exclusion of forceful language, the use of positive evaluation. The article highlights the following communicative tactics of the strategy of cooperation: tactics of consent (including consent-approval, consent-confirmation, consent-decision and consent-acceptance), tactics of showing empathy (objectified through reactive stereotypical remarks), tactics of attracting attention, tactics of changing the topic and tactics of persuasion. The deployment of persuasion tactics occurs through such communicative moves as an appeal to positive experience, an appeal to reason and an indication of the way to solve the problem. The author explains the relevance of these communicative tactics within the framework of a cooperative strategy by the subject-thematic area of communication in parent chats. The communicative strategy of cooperation, as noted in the article, involves social perception, one of the functions of which is to organize joint activities in the process of discussing topics relevant to parental chats.

Keywords: messenger communication, speech impact, cooperative strategy, communicative tactics, communicative move.

For citation: Grebelnik, TV 2024, 'Features of the Cooperative Strategy Implementation in Group Messenger Communication', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (19), pp. 98–106, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-98-106> (in Russ.)

Information about the Author: *Tatyana V. Grebelnik* – Candidate of Sciences (Philology), Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages and Verbal Communication, Astrakhan State Technical University, 16/1, Tatishcheva Str., Astrakhan, 414056, Russia.

Введение

Мессенджер-коммуникация, являющаяся одним из видов интернет-коммуникации, в последние годы все чаще становится объектом лингвистического рассмотрения, в частности, в прагматическом аспекте [2]. Исследователям важно определить факторы и параметры, обеспечивающие межличностное взаимодействие в Сети, выявить его специфику по сравнению с непосредственным общением, описать жанровое своеобразие всех форм письменных текстов, отправляемых и получаемых в мессенджере как программе мгновенного обмена сообщениями.

Особое внимание, на наш взгляд, следует уделить изучению речевого воздействия, являющегося важной составляющей коммуникативного процесса, который разворачивается в многомерном пространстве Интернета – в настоящее время сильнейшего инструмента влияния на когнитивную, волевую, эмоционально-чувственную области сознания человека, в том числе и языкового, способную его трансформировать, а поведение – изменить (заставить согласиться с кем-либо / чем-либо или отказаться от выполнения чего-либо).

В персуазивной коммуникации, которая в зарубежной лингвистике базируется на психологических концепциях персуазивности и нередко рассматривается как разновидность манипулирования (см. работы Т. А. ван Дейка [3], W. Schoeberle [15] и др.), а в отечественной лингвистике изучается в рамках теории речевого воздействия (см. работы А. В. Голоднова [1], О. С. Иссерс [5], Е. В. Ключева [6], Г. В. Колшанского [7], И. П. Сусова [12], И. П. Тарасовой [13], Е. В. Шелестюк [14] и др.), активно используются термины «коммуникативная стратегия», «коммуникативная тактика», «коммуникативная техника», «коммуникативный ход», которые по-разному описываются исследователями (см. работы Ю. М. Ивановой [4], О. П. Малышевой [8], Д. С. Малюковой [9], И. А. Стернина [11], О. Н. Паршиной [10] и др.).

Общим понятием, определяющим вектор коммуникативного поведения участника общения, является коммуникативная стратегия, которая, вслед за А. В. Голодновым, понимается нами как «диалектическое единство концептуально-тематического плана адресанта по построению своего речевого высказывания / текста и процесса творческой (вариативной) реализации этого плана, направленного на достижение персуазивной цели» [1, с. 116].

Добавим, что стратегия речевого воздействия на собеседника (коммуникативная стратегия персуазивности) обусловлена прагматической ситуацией диалогического общения, где вербальные инструменты достижения намеченной персуазивной цели выбирают сами коммуниканты, исходя из прагматических намерений каждого. Анализируя лингвистический аспект исследования персуазивной коммуникации в мессенджере, нельзя не принимать во внимание и технический инструментарий, который находится в распоряжении коммуникантов, – возможность отправки не только текстовых сообщений, но и голосовых, файлов с различного рода информацией, осуществление видеозвонков.

Примем за основу распределение коммуникативных стратегий по отношению участников диалога к такому принципу организации речевого общения, как солидарность, или кооперация, и рассмотрим вербально-речевую составляющую кооперативной стратегии, или стратегии сотрудничества.

Кооперативная стратегия – это стратегия, при которой коммуникант ориентирован на поиск решения проблемы, выгодного обеим сторонам коммуникативного процесса, на то, чтобы были удовлетворены как его интересы, так и интересы партнеров по коммуникации. Иными словами, важную роль в реализации стратегии имеет параметр «интересы».

Другими значимыми параметрами функционирования стратегии являются «активность» и «кооперация». Действительно, для достижения значимых результа-

тов необходимым становится повышение активности коммуникантов, а также объединение их усилий для согласованной работы, направленной на благоприятный исход и достижение цели, для чего требуется установление между участниками взаимодействия доверительных и дружественных отношений.

Следует заметить, что перечисленные параметры учитываются нами и при анализе коммуникативных ситуаций в интернете, в процессе общения и обмена информацией в мессенджере.

Цель данной статьи заключается в выявлении коммуникативных тактик и коммуникативных ходов, с помощью которых в мессенджер-коммуникации на русском языке реализуется кооперативная стратегия, а также в определении их языковых маркеров.

Материалы и методы

В качестве материала исследования нами рассматривались электронные сообщения из групповых (родительских) чатов мессенджера Telegram. Всего было проанализировано свыше 500 сообщений, отправленных разными интернет-пользователями (фиксация проводилась в 2023 году). Критерии пола, возраста, образования, социального статуса, профессии не учитывались. В тексте статьи все сообщения представлены с сохранением авторской орфографии и пунктуации, а также с графическими элементами.

Основными методами, которые нашли применение в работе, являются лингвопрагматический анализ и контекстуальный анализ коммуникативно-прагматических ситуаций в мессенджер-сообществах.

Результаты и обсуждение

С учетом того, что рассматриваемая нами стратегия представляет собой стратегию снятия потенциальных противоречий между адресантом и его аудиторией, ее характерными особенностями являются следующие:

А) с точки зрения коммуникативного поведения говорящего: акцентирование благих намерений и проявление сопереживания, использование различных способов демонстрации положительного отношения, установка на диалог;

Б) с точки зрения речевого оформления высказывания: употребление «смягчительных» форм, исключение категоричности в словах и выражениях, положительная оценочность.

Анализ сообщений, которыми обмениваются в групповой мессенджер-коммуникации, разворачивающейся в родительских чатах, позволил нам выделить наиболее характерные для интернет-общения тактики, посредством которых репрезентируется кооперативная стратегия. К ним относятся следующие.

1. Тактика согласия, которая может передавать разные прагматические значения. Из зафиксированных нами значений, реализованных посредством сообщений в мессенджере Telegram, отметим

а) согласие-одобрение

- (1) – *Давайте сделаем фото на кружку!*
– *Отлично, это очень даже хорошо.*

б) согласие-подтверждение

- (2) – *Все поедут на экскурсию?*
– *Мы только за!*

в) согласие-разрешение

- (3) – *Можем завтра сразу на год закупиться?*
– *Девочки всем привет я на все согласна в разумных масштабах.*

Согласие, как правило, объективируется ответной репликой на какое-либо поступившее в группу мессенджера предложение. Поэтому наиболее распространенной формой для родительского чата признается согласие-принятие. Так, в большинстве случаев тактика выражения согласия репрезентируется набором широко функционирующих и вне электронной коммуникации слов и выражений. Однако наиболее частотным по нашим данным является усечение устойчивого глагольно-именного словосочетания *принимать / принять к сведению*, форма краткого страдательного причастия среднего рода которого *принято* употребляется активно. Реже встречаются личная форма первого лица единственного числа настоящего времени *принимаю* и форма страдательного залога *принимается (принимаются)*. В отдельных случаях по инициативе активного коммуникатора вербальная форма выражения согласия заменяется на невербальную – «+».

2. Тактика проявления сочувствия

- (4) – *Вот придумали нам головную боль)*
– *И не говорите... Сами такие...*
- (5) – *Держим за вас кулачки!*
- (6) – *Выздоровливайте скорее.*
- (7) – *Жаль что вас не будет.*

Заметим, что эмоциональная компетенция является важной составляющей коммуникативной компетенции и необходима для успешной реализации кооперативной стратегии в целом. В изученных нами родительских мессенджер-группах названная тактика используется многими участниками и объективируется посредством реактивных стереотипных реплик, с помощью которых выражается утешение, сопереживание, соучастие и т. п.

3. Тактика привлечения внимания

- (8) – *Мы же с вами понимаем, что это порождает новые дебаты и голосование... может кто-то что-то предложит?*
- (9) – *Пожалуйста не отмалчивайтесь. Это нам всем нужно.*

Реализуемая тактика сопровождается отправкой сообщений, содержащих попытку подключить как можно большее количество участников родительской группы к обсуждению или решению возникшей задачи (назревшей проблемы). Адресант речи демонстрирует личную заинтересованность и обращает внимание других потенциальных коммуникантов на необходимость сплотить усилия и подключиться к обсуждению. Языковыми маркерами названной тактики служат императивные формы глаголов: *подключайтесь, выскажитесь, не молчите, подтвердите* и т. п.

4. Тактика смены темы

- (10) – *Пожалуйста, давайте этот вопрос закроем.*
- (11) – *Наверное лучше вернуться к этому потом.*

В родительских мессенджер-группах риск возникновения конфликтных коммуникативных ситуаций достаточно высок, поскольку каждый из участников взаи-

модействия обладает индивидуальными личностными чертами, взглядами на мир, воспитание и обучение детей. В связи с этим реализация тактики смены темы зачастую помогает коммуникантам уйти от проблемного вопроса и предотвратить конфликт. Сообщения, индикаторы обозначенной коммуникативной тактики, содержат либо просьбу прекратить дискуссию, либо инициируют обсуждение другого вопроса.

5. Тактика убеждения

(12) – *проголосуйте те, кто вчера не определился... нам еще собирать деньги надо будет 😊*.

(13) – *Это для наших же детей и делается. Маленький подарок – это же не сложно.*

(14) – *Никто кроме нас все равно этот вопрос решать не будет. Нам в этом классе еще 2 года.*

Успешность использования убеждения как одной из форм речевого воздействия на адресата способствует обеспечению сплоченности родительского коллектива, цели и средства их достижения в рамках функционирующей на постоянной основе группы должны быть едиными для всех членов данного интернет-сообщества. Отправитель высказывания, приводя аргументы, пытается завоевать доверие группового адресата. Как видно из примеров, он апеллирует и к разуму (пример 12), и к чувствам родителей (пример 13).

В целом арсенал средств убеждения широк (информационное развертывание, ссыла на фоновые знания, контрастивный анализ, обоснование и др.), но далеко не всегда применим в групповой коммуникации в Telegram. В коммуникативно-прагматической ситуации, разворачивающейся в положительном эмоционально-оценочном плане, коммуниканты совершают в рамках коммуникативной стратегии сотрудничества такие отмеченные нами коммуникативные ходы, как

– апелляция к положительному опыту:

(16) *Девочки делают открытки мальчикам а мальчики на 8 девочкам. как мы делали.*

(17) *Вы просто через яндекс заходите
Я уже так 7 лет захожу и никаких проблем.*

В большинстве зафиксированных примеров реализации данного коммуникативного хода участники группы в Telegram делятся личным опытом решения тех или иных школьных проблем, в частности, выбора подарка ко Дню защитника Отечества и Международному женскому дню (пример 16) или входа в систему Дневник.ру (пример 17).

– апелляция к разуму адресатов:

(18) *Добрый день, давайте тогда определимся с кружками, дешевле и возможно проще. На мой взгляд, лучше все же одинаково чтобы у детей было.*

Адресант прогнозирует последствия принимаемых решений, поэтому предлагает «разумные» аргументы: купить подарки дешевые, простые и одинаковые, для того чтобы избежать потенциальных разногласий.

– указание на путь решения проблемы:

(19) *Белая футболка с ФИО на физру, точно не потеряют 😊.*

В сообщении – маркере данного коммуникативного хода – предлагается конкретный способ разрешения сложившейся ситуации.

Актуальность рассмотренных коммуникативных тактик в рамках кооперативной стратегии объясняется предметно-тематической областью общения в родительских чатах. Ранее нами было установлено, что наибольшая коммуникативная активность в мессенджер-группах отмечается, когда участники начинают обсуждать учебный процесс / успеваемость учащихся, подготовку к праздникам, благоустройство и оформление класса / игровой, а также поздравлять друг друга с праздниками. Все темы, за исключением последней, могут провоцировать конфликтные ситуации и выбор отдельными участниками группы конфронтационной стратегии коммуникации, связанной с выражением негативных эмоций и оценок.

В то же время стабилизации речевого пространства служит реализация стратегии сотрудничества, сопровождающейся социальной перцепцией, одна из функций которой – организация совместной деятельности, т. е. функция, совпадающая с направленностью кооперативной стратегии в целом. Перцепция проявляется в демонстрации коммуникантами эмпатии: субъекты социальной перцепции не остаются равнодушными к воспринимаемому объекту, проблемы, неудачи или, напротив, победы кого-то из участников интернет-сообщества получают эмоциональный отклик со стороны других пользователей. Накопление такого эмоционального опыта сочувствия и сопереживания играет важную роль в организации работы по достижению общих целей и решению совместных задач в дальнейшем. Например:

(20) *Думаю, родители согласятся, что заряд положительных эмоций от игры детей и педагогов получили не только дети, но и сами родители!*

Сообщение отправлено в группу после новогоднего утренника, на котором присутствовали и родители. Подобные сообщения, нацеленные на консолидацию всех участников мессенджер-группы, как правило, способствуют укреплению коммуникативных связей внутри нее и подтверждают возможность пользователей к кооперативному взаимодействию.

Заключение

Таким образом, нами были рассмотрены особенности реализации кооперативной стратегии в родительских чатах, организованных в мессенджере Telegram.

На основе анализа большого количества сообщений (более 500) нам удалось выделить употребительные тактики, которые используют участники интернет-сообщества в рамках данной стратегии. К ним относятся тактики согласия, проявления сочувствия, привлечения внимания, смены темы и убеждения.

Отмечено, что разворачивание тактики убеждения происходит в большинстве случаев с помощью таких коммуникативных ходов, как апелляция к положительному опыту, апелляция к разуму и указание на путь решения проблемы.

Исследование групповой мессенджер-коммуникации видится нам перспективным, поскольку требуют выделения и детального анализа все коммуникативные стратегии и тактики, характерные для данной сферы коммуникации, возможно проведение сравнительного анализа инструментария речевого воздействия в непосредственной и опосредованной (сеть «Интернет») коммуникации, описание лингвистической специфики объективации речевых намерений коммуникантов в Сети.

Список источников и литературы

1. Голоднов А. В. Персуазивная стратегия текстообразования в риторическом метадискурсе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2008. № 4-2 (18). С. 113–125.
2. Горошко Е. И., Землякова Е. А. Полиформатный мессенджер как жанр 2.0 (на примере мессенджера мгновенных сообщений Telegram) // Жанры речи. 2017. № 1 (15). С. 92–100.
3. Дейк Т. А. ван. Язык, познание, коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 310 с.
4. Иванова Ю. М. Стратегии речевого воздействия в жанре предвыборных теледебатов : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Иванова Юлия Михайловна. Волгоград, 2003. 137 с.
5. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: УРСС, 2003. 284 с.
6. Ключев Е. В. Речевая коммуникация: успешность речевого взаимодействия. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. 320 с.
7. Колишанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. М.: Наука, 1984. 173 с.
8. Мальшиева О. П. Коммуникативные стратегии и тактики в публичных выступлениях (на материале речей американских и британских политических лидеров) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 96. С. 206–209.
9. Малюкова Д. С. О примерах использования тактик манипулирования в современном медийном дискурсе // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 347. С. 24–27.
10. Паришина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: монография / под ред. О. Б. Сиротининой. Астрахань: Изд-во АГТУ, 2004. 195 с.
11. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001. 252 с.
12. Сусов И. П. Личность как субъект языкового общения // Личностные аспекты языкового общения : межвуз. сб. науч. тр. Калинин: Калининский ун-т, 1989. С. 25–28.
13. Тарасова И. П. Структура личности коммуниканта и речевое воздействие // Вопросы языкознания. 1993. № 5. С. 70–82.
14. Шелестюк Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования : монография. М.: Флинта : Наука, 2014. 344 с.
15. Schoeberle W. Argumentieren Bewerten – Manipulieren. Eine Untersuchung linguistischer Kommunikationstheorie am Beispiel von Texten und von Text-Bild-Zusammenhangen aus der britischen Fernsehwerbung. Heidelberg: Julius Groos Verlag, 1984. 326 s.

References

1. Golodnov, AV 2008, 'Persuazivnaya strategiya tekstoobrazovaniya v ritoricheskom metadiskurse' (The persuasive strategy in text-formation in the rhetorical discourse), *Pushkin Leningrad State University Journal*, no. 4-2 (18), viewed 19 January 2024, <https://cyberleninka.ru/article/n/persuazivnaya-strategiya-tekstoobrazovaniya-v-ritoricheskom-metadiskurse-1> (In Russ.)
2. Goroshko, EI & Zemlyakova EA 2017, 'Poliformatnyy messendzher kak zhanr 2.0 (na primere messendzhera mgnovennykh soobshcheniy Telegram)' (Polyformat messenger Telegram as a genre 2.0 (on the example of messenger of instantaneous report Telegram)), *Zhanry rechi* (Speech Genres), vol. 1 (15). pp. 92–100. (In Russ.)
3. Van Dijk, TA 1989, *Yazyk, poznaniye, kommunikatsiya* (Language, cognition, communication), Progress publ, Moscow. (In Russ.)
4. Ivanova, YuM 2003, *Strategii rechevogo vozdeystviya v zhanre predvybornykh teledebатов* (Strategies of speech influence in the genre of pre-election TV debates), PhD thesis, Volgograd. (In Russ.)
5. Issers, OS 2003, *Kommunikativnyye strategii i taktiki russkoy rechi*. (Communicative strategies and tactics of Russian speech), URSS publ, Moscow. (In Russ.)

6. Klyuev, EV 2002, *Rechevaya kommunikatsiya: uspehnost' rechevogo vzaimodeystviya* (Speech communication: the success of speech interaction), RIPOL KLASSIK publ, Moscow. (In Russ.)
7. Kolshanskiy, GV 1984, *Kommunikativnaya funktsiya i struktura yazyka* (The communicative function and structure of language), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
8. Malysheva, OP 2009, 'Kommunikativnyye strategii i taktiki v publichnykh vystupleniyakh (na materiale rechey amerikanskikh i britanskikh politicheskikh liderov)' (Communicative strategies and tactics in public speaking (based on the speeches of American and British political leaders)), *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, no. 96, pp. 206-209. (In Russ.)
9. Malyukova, DS 2011, 'O primerakh ispolzovaniya taktik manipulirovaniya v sovremennom mediynom diskurse' (On examples of the use of manipulation tactics in modern media discourse), *Tomsk State University Journal*, no. 347, pp. 24-27. (In Russ.)
10. Parshina, ON 2004, *Strategii i taktiki rechevogo povedeniya sovremennoy politicheskoy elity Rossii* (Strategies and tactics of speech behavior of the modern political elite of Russia), ed. O.B. Sirotinina, AGTU publ, Astrakhan. (In Russ.)
11. Sternin, IA 2001, *Vvedeniye v rechevoye vozdeystviye* (Introduction to Linguistic Manipulation), Voronezh. (In Russ.)
12. Susov, IP 1989, 'Lichnost kak subyekt yazykovogo obshcheniya' (Personality as a subject of verbal communication), *Lichnostnyye aspekty yazykovogo obshcheniya* (Personal characteristics of verbal communication), Kalininskiy un-t publ, Kalinin, pp. 25-28. (In Russ.)
13. Tarasova, IP 1993, 'Struktura lichnosti kommunikanta i rechevoye vozdeystviye' (The structure of the communicant's personality and linguistic manipulation), *Voprosy yazykoznaniiya* (Topics in the study of language), no. 5, pp. 70-82. (In Russ.)
14. Shelestyuk, EV 2014, *Rechevoye vozdeystviye: ontologiya i metodologiya issledovaniya* (Linguistic manipulation: ontology and research methodology), Flinta publ, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
15. Schoeberle W 1984, *Argumentieren Bewerten – Manipulieren. Eine Untersuchung linguistischer Kommunikationstheorie am Beispiel von Texten und von Text-Bild-Zusammenhaengen aus der britischen Fernsehwerbung*, Julius Groos Verlag publ, Heidelberg. (In Germ.)

Статья поступила в редакцию: 05.02.2024
Одобрена после рецензирования: 13.09.2024
Принята к публикации: 07.11.2024

The article was submitted: 05.02.2024
Approved after reviewing: 13.09.2024
Accepted for publication: 07.11.2024

Научная статья

УДК 81.27

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-107-118>

РЕАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ ТРЕНЕРА-ПРЕПОДАВАТЕЛЯ, РАБОТАЮЩЕГО В ГРУППАХ ВЗРОСЛЫХ

**Нелли Александровна
Красовская**

Тулский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, nelly.krasovskaya@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4260-7620>

Аннотация. Предлагаемая статья поднимает актуальный вопрос о выборе коммуникативных стратегий и некоторых способах их реализации. Современное общество характеризуется достаточно свободными коммуникативными практиками, которые реализуют разнообразные коммуникативные стратегии. На выбор и реализацию коммуникативных стратегий накладывают отпечаток экстралингвистические факторы, особенности языковой личности коммуникантов и, конечно, цели, которые ставит перед собой говорящий. В рамках настоящей статьи мы обращаемся к рассмотрению коммуникативных стратегий тренера-преподавателя, работающего со взрослыми посетителями школы танцев. Из основных стратегий мы выделили стратегию, связанную с обучением танцевальному искусству, стратегию продвижения бизнеса, стратегию, направленную на создание психологического взаимодействия, психологического комфорта. Основными методами, к которым мы обращались при проведении исследования, стали метод наблюдения и фиксации речений, метод направленной беседы, метод лингвистического анализа сообщений, размещенных в социальных сетях.

По разнообразию тактик и конкретных приемов, которые использует в своей речевой практике тренер-преподаватель, мы определили, что первостепенной и главной для него является в целом коммуникативная стратегия, направленная на обучение танцам. Коммуникативная стратегия, связанная с решением бизнес-задач, в основном проявляется в опубликованных сообщениях и текстах в сетевой коммуникации. Стратегия, нацеленная на установление психологического комфорта, психологического взаимодействия, в основном проявляется в непосредственном межличностном общении, однако некоторые тактики, ее реализующие, отмечаются и в сетевых публикациях. В целом коммуникативные стратегии тренера-преподавателя, который работает со взрослыми, имеют комплексный характер, характеризуются эмоциональностью, гибкостью и конкретностью.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, тренер-преподаватель, сравнения, визуализация, движение.

Для цитирования: Красовская Н. А. Реализация коммуникативных стратегий тренера-преподавателя, работающего в группах взрослых // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 3 (19). С. 107–118. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-107-118>

Сведения об авторе: Н. А. Красовская – доктор филологических наук, доцент, директор института русского языка как иностранного, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

Scientific Article

UDC 81.27

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-107-118>

IMPLEMENTATION OF TRAINER-INSTRUCTOR'S COMMUNICATION STRATEGIES IN ADULT GROUPS

Nelly A. Krasovskaya

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia, nelli.krasovskaya@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4260-7620>

Abstract. The article raises a topical issue of choosing communication strategies and some ways of their implementation. Modern society is characterized by fairly free communication practices that implement a variety of communication strategies. The choice and implementation of communication strategies are influenced by various extralinguistic factors, the features of the linguistic personality of the communicants, and the goals that the speaker sets for themselves. The article turns to the consideration of the communication strategies of a trainer-instructor working with adult students of a dance school. Of the main strategies, the author identifies a strategy related to teaching the art of dance, a strategy for promoting business, a strategy aimed at creating psychological interaction, and psychological comfort. The main methods used in the study are the method of observing and recording utterances, the method of directed conversation, and the method of linguistic analysis of messages posted on social networks.

Based on the variety of tactics and specific techniques used in the speech practice of the trainer-instructor, the author has determined that the primary and most important for them is the communicative strategy aimed at teaching how to dance. The communicative strategy associated with solving business problems is mainly manifested in published messages and texts in network communication. The strategy aimed at creating psychological comfort, psychological interaction, is mainly expressed in direct interpersonal communication, but some tactics implementing it are also noted in network publications. In general, the communicative strategies of the trainer-instructor working with adults are complex, characterized by emotionality, flexibility and precision.

Keywords: communicative strategy, communication tactics, trainer-instructor, comparison, visualization, movement.

For citation: Krasovskaya, NA 2024, 'Implementation of Trainer-instructor's Communication Strategies in Adult Groups', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (19), pp. 107–118, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-107-118> (in Russ.)

Information about the Author: *Nelly A. Krasovskaya* – Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Director of the Institute of Russian as a Foreign Language, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

© Krasovskaya N. A., 2024

Введение

В настоящее время свобода выбора коммуникативных практик достаточно широка. И отдельные лица, говорящие на том или ином языке или языках, и корпорации, и организации, строящие свою бизнес-политику, и государственные органы управления понимают роль коммуникативных процессов, их значимость в реализации бизнес-идей, в организации многих социальных процессов. Помимо этого, актуальность выбранной темы связана с тем, что население больших и небольших населенных пунктов, городов, поселков в наши дни старается более насыщенно проводить свое свободное время, посвящая его приобретению различных дополнительных знаний, умений, навыков, работая над собой, над своей физической и интеллектуальной формой. Именно поэтому в последние годы массовой популярностью стали пользоваться объединения по интересам для людей разного возраста. Часто население городов и поселков посещает спортивные занятия, проводит свой досуг в кругу тех, кто любит музыку, танцы, различного рода квесты, литературные вечера. Естественно, что подобного рода увлечения имеют некоторую организацию. Чаще всего организацией рекреационного процесса в целом или организацией и проведением определенного рекреационного мероприятия занимается какой-либо конкретный человек, который либо является тренером, либо наставником, либо педагогом-организатором.

В данном случае цель проводимого исследования заключается в определении составляющих коммуникативной стратегии тренера-преподавателя, который работает со взрослыми клиентами.

Материалы и методы

Основными методами проведения исследования стал метод наблюдения, метод направленной беседы, метод комплексного анализа речевых сообщений в социальных сетях. Материал для проведения исследования собирался и собирается регулярно на протяжении более двух лет. Объектом наблюдения стала речь тренера-преподавателя (будем определять его род деятельности именно так, потому что основная направленность деятельности близка той, которая обозначена в профстандарте тренера-педагога [12]), обучающего всех желающих взрослых социальным танцам. Поясним, что возрастных ограничений для посещения занятий социальными танцами нет, обычно взрослые клиенты начинают посещать занятия примерно с 23 лет и старше, более молодые обучающиеся встречаются редко. На это имеются некоторые причины: во-первых, занятия социальными танцами в основном платные, то есть человек, который решил ими заниматься, должен быть платежеспособным, во-вторых, это выбор, который человек делает сознательно, очень трудно представить ситуацию, когда кто-то посторонний может принудить тебя к занятиям социальными танцами, в-третьих, обычно социальными танцами начинают заниматься люди, имеющие опыт дружеского и социального взаимоотношения, в том числе с представителями противоположного пола.

Для понимания коммуникативных стратегий, как нам представляется, важно понимать и исходные данные относительно личности самого тренера-преподавателя: Сумишевский Сергей Анатольевич, 1996 года рождения, имеет высшее юридическое образование, закончил магистратуру, опыт танцевальной и преподавательско-танцевальной деятельности – около 20 лет (с 8 лет занимался спортивными бальными танцами, с 16 лет – разными видами социальных танцев, неоднократно повышал свой уровень на семинарах, мастер-классах, участвовал в танцевальных соревнованиях различного уровня). В течение 9 последних лет работает над созданием, продвижением, развитием школы социальных танцев города Тулы «CubanaClub» [1]. Заметим, кстати, что на вопрос о профессиональной самоидентификации Сергей Анатольевич ответил, что больше себя идентифицирует как

социального педагога, который трудится для улучшения качества жизни именно взрослых людей, развития их интересов, получения ими танцевальных навыков. Мы же его в рамках данной статьи все-таки будем больше относить к разряду тренера-преподавателя, исходя из понимания его прямой деятельности: учить танцам, тренировать перед соревнованиями взрослых клиентов (учеников) школы.

К проблемам организации коммуникации в рамках профессиональной деятельности неоднократно обращались лингвисты, психологи, педагоги и представители иных профессий. В данном случае нас интересует весьма специфическая деятельность тренера-преподавателя, которая может включать в себя и другие виды деятельности. Например, это может быть деятельность человека, который стремится чему-то обучить пришедших на занятие клиентов (учеников, посетителей), то есть выступает в роли тренера-преподавателя, с другой стороны, этот же человек занимается развитием и продвижением собственного дела, коммерческой идеи, и в этом случае он, безусловно, выступает как предприниматель, который должен учитывать все особенности организации и ведения бизнеса. Следует еще заметить, что обучение взрослых людей обычно сопровождается достаточно серьезной психологической работой, поэтому не исключено, что человек, о котором идет речь, может выступать и в определенной степени как психолог. Заметим, кстати, что в настоящее время Сергей Анатольевич проходит переподготовку по направлению «Танцевальная терапия».

О коммуникативной практике и коммуникативных стратегиях неоднократно писали лингвисты. Например, хочется указать на монографию В. К. Харченко [15], в которой автор как раз останавливается на многих особенностях культуры речи людей, работающих с разными социальными группами, стараются своей речью привлечь внимание группы, с которой им приходится взаимодействовать. Так, В. К. Харченко замечает: «...язык шире наших привычных ожиданий, в нем заключено многое из того, что сейчас остро востребовано и будет востребовано завтра, послезавтра, через год, через два...» [15, с. 3].

В плане понимания сущности коммуникативной стратегии важна статья Редько Г. В., Еремеева А. А. «Коммуникативная стратегия как стратегия понимания и интерпретации смысла», в которой авторы пытаются дать определение понятию «коммуникативная стратегия», наметить определенную модель реализации коммуникативной стратегии [13]. Так, авторы отмечают: «Рассмотрев множество взглядов на определение “коммуникативная стратегия”, можно выделить общие сущностные характеристики:

- выбор коммуникативных действий языковой личностью посредством ее мотивов, потребностей и желаний, для осуществления определенного речевого воздействия, т. е. для достижения определенной цели;
- речевое поведение, соответствующее замыслу, интенции коммуникантов;
- коммуникативное поведение с использованием различных вербальных и невербальных средств выражения для достижения коммуникативной цели;
- попытка собеседников найти взаимопонимание в смысловой нагрузке какой-либо ситуации, при этом целью говорящего является донесение основного смысла;
- динамикой в коммуникативной стратегии является конкретная коммуникативная цель» [13, 110–111]. В заключение своих рассуждений авторы приходят к общему выводу: «Таким образом, коммуникативная стратегия является высококачественным средством управления человеческим поведением. Феномен коммуникативной стратегии изменяется по форме, адаптируется к меняющимся условиям действительности, при этом совершенствуются методы воздействия на адресата» [13, с. 112]. В работе М. А. Кравец «Коммуникативная стратегия: систематизация определений, подходы к разработке» также делается серьезная попытка систематизации определений понятия «коммуникативная стратегия» и попытка найти

связь коммуникативных стратегий с основными целями деятельности и конкретными задачами, которые пытается реализовать говорящий. Исследователь отмечает в связи с этим: «В управлении организационными коммуникациями (взаимодействием сотрудников внутри организации и во внешней среде) наметилась тенденция к стратегическому подходу. В силу широты использования термина “коммуникативная стратегия” и разнообразия опыта ее разработки возникает задача систематизации определений коммуникативной стратегии и подходов к ее разработке» [7, с. 149]. В кандидатской диссертации Чарыковой И. А. «Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения участников российского сегмента социальных сетей» [17] определяются разные подходы к пониманию коммуникативных стратегий, а также достаточно подробно автор останавливается на рассмотрении коммуникативных тактик. Чарыкова И. А., например, замечает: «В лингвистической литературе не существует единого понимания “речевой стратегии”, поэтому можно выделить два подхода к определению этого понятия. В соответствии с первым речевая стратегия представляет собой сочетание, порядок конкретных речевых действий. Что касается второго подхода, здесь речевые стратегии рассматриваются как воплощение цели в процессе общения» [17, с. 21]. Е. А. Молявина в статье «Коммуникативная стратегия: природа, классификация и прагматика» пишет о том, что «успех знаковой координации деятельности коммуникантов во многом зависит от процесса планирования реализации прагматических интенций инициатора интеракции в конкретной ситуации общения, так как именно на основании специфики ее структуры и взаимодействия составляющих ее компонентов говорящий планирует свою речевую деятельность, подразделяя ее на ряд подчиненных действий (ходов), объединенных прагматическими связями. Именно эту общую прагматическую канву речевой деятельности принято называть в современной лингвистике **коммуникативной стратегией**» [10, с. 95]. Коммуникативные стратегии и тактики как фактор эффективной коммуникации находят свое рассмотрение в работе Е. А. Шпомер [18]. Все современные исследователи ссылаются на работы известных ученых и указывают на традиции в понимании коммуникативной стратегии, восходящие к исследованиям Т. А. ван Дейка [2], О. С. Иссерс [4], В. Б. Кашкина [5], Г. А. Копниной [6], О. Л. Михалевой [9], Р. В. Муравлевой [11], которые построили фундамент в понимании коммуникативной стратегии как в отечественном, так и в зарубежном языкознании, рассматривали тактики речи в связи с реализацией стратегий, частные случаи политического дискурса, речевого манипулирования, прагмалингвистических особенностей коммуникативных ситуаций, создав таким образом достаточно широкую базу для проведения подобных исследований.

Результаты

В нашем случае мы должны учитывать три основные направленности тренера-преподавателя, который работает со взрослыми группами. Во-первых, его непосредственная установка на обучение взрослых людей тому виду деятельности, который они хотят освоить, а также получить определенные навыки для организации своего времяпрепровождения – в нашем случае это танцевальное искусство и получение навыков танцевального искусства. Таким образом, можно утверждать, что в большей степени в коммуникативных стратегиях исследуемой личности тренера-преподавателя должны преобладать интенции, направленные на обучение танцевальному искусству.

Однако мы уже говорили о том, что в рассматриваемом случае наставник, тренер-преподаватель, который работает со взрослой аудиторией, организует и свой бизнес, реализует свою бизнес-стратегию (она заключается в продумывании бизнес-плана, поиске клиентской базы, подборе состава учеников для разных направлений социального танца, в аренде помещений, организации рекламы, проведении меро-

приятий в рамках школы, в повышении собственной квалификации и посещении мастер-классов других преподавателей, в участии в социальной жизни города и мн. др.), поэтому, во-вторых, на наш взгляд, в процессе обучения танцам тренер-преподаватель реализует также и коммуникативную стратегию, которая в целом заключается в привлечении широкого круга клиентов для обучения в школе танцев, для участия в различных мероприятиях, которые организует школа, то есть связана с продвижением бизнес-проекта.

Наконец, в-третьих, можно говорить о том, что, работая с разными категориями взрослых людей, обучая их двигательной активности, которой, вполне вероятно, они ранее не знали, продвигая свой бизнес, тренеру-преподавателю приходится в определенной степени реализовывать свой потенциал психолога, который заключается в том, что ему необходимо понять цели каждого взрослого человека, пришедшего заниматься танцами (они чаще всего бывают различными: поиск круга общения, совершенствование двигательной активности, забота о своем внешнем виде, приятное времяпрепровождение, преодоление внутренних страхов и комплексов, реализация детской мечты), необходимо определять, насколько человек готов танцевать в паре (далеко не все приходящие в школу танцев готовы стать в пару с незнакомым партнером или незнакомой партнершей), очень часто приходится объяснять пришедшим в школу основы гендерноориентированного поведения, а также необходимо учитывать и возрастные, статусно-профессиональные и социальные особенности поведения пришедших в школу обучающихся. Все это делает коммуникативные стратегии тренера-преподавателя более индивидуально ориентированными, тонкими, зачастую мягкими в их конкретном проявлении.

Для определения структуры коммуникативной стратегии отдельной личности мы должны учитывать, как постарались показать выше, целую серию прагматических и экстралингвистических условий, в которых и реализуется та или иная коммуникативная цель. Этому посвящены слова из статьи Е. А. Малявиной: «Речевая деятельность – это целенаправленный процесс решения задач общения. Конечной целью любых коммуникативных процессов является организация совместной деятельности индивидов посредством регулирования речевой (а через нее и неречевой) деятельности реципиента информации. Однако речевая коммуникация – это не последовательность поочередных высказываний коммуникантов, а их переплетение как с лингвистической точки зрения (на лексико-грамматическом, фонетическом и др. уровнях), так и с экстралингвистической (задачи коммуникативного акта с точки зрения каждого из коммуникантов, ожидаемые результаты)» [10, с. 95].

Из вышеизложенного можно сделать вывод об экстралингвистических и прагматических условиях, которые, на наш взгляд, формируют комплексную стратегическую направленность коммуникации тренера-преподавателя: 1. Танцевальная направленность; 2. Развитие бизнеса; 3. Психологические особенности преподавания танцев взрослым; 4. Собственный молодой возраст (до 30 лет); 5. Гуманитарное образование.

В целом нам близка концепция, которую реализует в толковании понятия коммуникативной стратегии Е. А. Малявина, поэтому в целом мы берем за основу ее понимание. Исследователь пишет: «...коммуникативная стратегия представляет собой некий вектор развития коммуникативного акта, долгосрочный план, содержащий множество вариантов реализации речевой деятельности адресанта с учетом предполагаемой ответной деятельности (речевой и неречевой) реципиента в условиях конкретной коммуникативной ситуации, способствующий установлению и поддержанию контакта, а следовательно и организации интерактивной деятельности коммуникантов» [10, с. 96].

По нашему мнению, приведенные выше экстралингвистические и прагматические условия, в которых осуществляются коммуникация, влияют на ее свойства, то есть она может характеризоваться как комплексная, в которой можно выделять такие свойства, как

- эмоциональность;
- гибкость в зависимости от конкретного адресата и ситуации общения;
- конкретность (так как цели и задачи каждого коммуникативного действия достаточно определенные: научить совершать то или иное движение, слушать ритм, прорекламировать, успокоить, научить взаимодействовать с партнером при освоении определенного движения).

При наблюдении конкретных приемов и средств достижения поставленных целей коммуникации, то есть при анализе тактики организации и реализации коммуникации мы обратили внимание на многие интересные особенности речи тренера-преподавателя.

Обратимся к конкретным примерам и попытаемся выявить наиболее четкие и последовательные образы, сравнения, обороты, лексические единицы, конструкции, к которым прибегает тренер-преподаватель в своей деятельности при реализации коммуникативных стратегий.

Например, объясняя танцевальные движения, принципы танцевания, педагог использует следующие конструкции: *не глохни, нельзя глохнуть на дороге!* («не останавливайся»); *делать лишние движения – это как крутить педали у велосипеда, но не крутить колеса* (о том, что нельзя делать в танце лишних движений); *вот у тебя навигатор включен, он тебе что-то говорит? Говорит на поворотах? – Да, держитесь правее...; он тебе говорит заранее? Вот и партнер так же: говорит заранее* (о том, как надо понимать партнера)... *Как можно поменять руку на руле: ты сначала вторую руку кладешь на руль, потом отпускаешь первую... – Нет, можно еще ехать без рук, когда нужно губы, например, покрасить... – ну, тоже вариант; Глохнуть нельзя, должно быть обязательно движение. Машина вот едет вперед, она тут же не едет назад, у нее есть траектория; у машины нет ничего лишнего, почему у вас оказывается лишняя нога, куда деть лишнюю ногу...* (о том, что движения должны быть последовательными) (все приведенные речения собраны автором лично, хранятся в архиве. – Н.К.).

Можно предположить, что наблюдается достаточно частое обращение при объяснении танцевального материала к примерам, которые связаны с образами движущихся предметов: это может быть автомобиль и отдельные его части, это может быть велосипед, правила движения, самолет.

На наш взгляд, обращение к подобным примерам и их репрезентация в языковых оборотах оправдано, так как обучение танцам связано с движением, движением в определенном ритме, одного танцора или двух, нескольких. По нашим наблюдениям, в этом случае тренер-преподаватель выбирает верную коммуникативную тактику для решения основной стратегической коммуникативной задачи – обучение танцам взрослых клиентов школы.

Помимо этого, мы отметили во время своих наблюдений достаточно частое обращение к иным образам, которые не связаны с автомобилем или велосипедом, но являются яркими, в определенной степени оригинальными и конкретными (то есть позволяют точно и определенно представить некий объект, воспроизвести его детально в памяти, визуализировать). Обратимся к зафиксированным примерам высказываний: *Ты когда стол сервируешь, ты как все ставишь? Отдельно тарелочки, вилочки, между ними должно быть пространство, воздух. Вот и дай в танце пространство, чтобы место было, воздух. ...Что вы как... не знаю, бывает ли такое... Допустим, дорогая килька, которая в банке трясется (типа головка, брюш-*

ко и хвостик живут самостоятельно и трясутся отдельно), вот вы также хаотично трясетесь в танце. ... Когда вы покупаете лампочку, вы ее осматриваете, вкручиваете... вот и партнершу так же вкручивайте в поворот. ... Окна, ряд окон... ты не можешь вдруг решить, что одного окна нет, если они идут все по порядку, 1, 2, 3... Даже если одно окно будет закрыто, ты все равно знаешь, что оно там есть... так и счет в сальсе...

В данном случае мы наблюдаем обращение к конкретным образам и даже к деталям определенных образов: *лампочка, стол, посуда, окно, банка с килькой*. Эти образы и их языковое воплощение очень точны, они хорошо визуализируются. Видимо, визуализация необходима для понимания положения тела в пространстве, особенностей движения, тонкостей взаимодействия партнеров в танце.

Следует также подчеркнуть, что образы, которыми пытается оперировать тренер-преподаватель, работающий со взрослыми, могут показаться очень конкретными, но несколько оторванными от основной цели, которую решает Сумишевский С. А. Но, по нашему мнению, наоборот, образы, которыми оперирует Сергей Анатольевич на тренировках, связаны с движением или с положением тела при совершении определенного движения: *Вы ходите, как в лесу... а вокруг дерева. ... Как укол, вам делают укол при взаимодействии с партнершей. ... Не смотрите в потолок, он просто белый, а у вас должны быть ориентиры, должна быть какая-то ориентация... при двойных поворотах в паре*.

Следующим тактическим приемом, который, по нашему мнению, активно использует тренер-преподаватель, является использование в речи конструкций, которые непосредственно тематически связаны с танцевальным искусством и не характеризуются переносным употреблением: *Вы смотрите на партнершу – это визуальный контакт и, конечно, тактильный... Они должны совпадать: визуальный и тактильный... с одной партнершей. Ритм слушай свой, все связано с ритмом, ритм везде. Круг, вы ходите по кругу... Вы знаете, как ходить по кругу? А как ходить друг около друга?*

На наш взгляд, коммуникативная стратегия, связанная с обучением танцам, выражается в тактических приемах, построенных на использовании лексических единиц и оборотов речи в прямом значении, которые указывают на движение партнеров в танце, развитие чувства ритма и т. д. (*пара, партнёр, поворот, ритм*). Помимо этого, как мы отметили выше, тренер-преподаватель очень часто прибегает к использованию изобразительных средств языка, к изложению своей мысли с помощью создания ярких речевых образов. По нашему мнению, наиболее отчетливыми в донесении мысли являются речевые обороты, связанные с репрезентацией широкой семантики движения (*автомобиль, велосипед, самолет, детали автомобиля, правила дорожного движения, участники дорожного движения*). Кроме того, Сергей Анатольевич зачастую при объяснении танцевального материала обращается к иным образам, и, по нашим предположениям, эти образы очень конкретны, их легко можно представить, визуализировать.

Остановимся на следующей коммуникативной стратегии тренера-преподавателя. Это стратегия направлена на развитие его бизнес-идеи. В данном случае мы обратимся к методу анализа текстов публикаций, которые С. А. Сумишевский размещает в социальных сетях. Анализ именно этой формы реализации коммуникативной стратегии оправдан, так как современные социальные сети – это площадка для явной (открытой) и скрытой рекламы, для позиционирования себя, своей деятельности. Мы обратились к рассмотрению ряда постов, которые выложены Сергеем Анатольевичем в официальной группе его танцевальной школы в социальной сети «ВКонтакте». Отметим прежде всего то, что практически все публикации в группе носят информативно-развлекательный характер. Но даже если

публикации представляют собой отчет о каком-либо развлекательном мероприятии танцевальной направленности, то все равно в них прослеживается идея «Приходите к нам – у нас хорошо!». На наш взгляд, именно эта идея является главной в реализации одной из коммуникативных стратегий. В каких именно тактических коммуникативных решениях мы наблюдаем воплощение указанной стратегии? По нашему мнению, это может быть использование лексических единиц, устойчивых оборотов, слов в переносном значении, использование сленгизмов, способствующих привлечению внимания аудитории и создающих атмосферу доброжелательности, доступности и дружелюбия, легкой степени панибратства. На наш взгляд, это коммуникативная стратегия мягкого воздействия, мягкой силы, которая ненавязчиво как бы окутывает читателя, потенциального потребителя услуг танцевальной школы.

Если говорить о конкретных тактических приемах, то мы здесь можем встретиться с выражениями, которые насыщены словами, содержащими яркую оценочную семантику: *доброжелательный, наслаждаться, яркий* [16]; *друзья, расстраивать, крутая пати* [3]. Использование изобразительных средств языка: прием антитезы (*яркая – страшная*), усиления (*самый яркий – самый страшный*) [16], риторический вопрос (*Друзья, зачем вы расстраиваете Бибу?*), бессоюзие (*сальса, бачата, кизомба*) [3] и мн. др.

Однако, на наш взгляд, коммуникативная бизнес-стратегия напоминает мягкую силу, поэтому, безусловно, отмечаются в публикациях конструкции, которые заставляют обратить внимание потенциального посетителя на что-то или даже совершить определенные действия. Это, например, глаголы в повелительном наклонении (*напишите, помните, переходите*), это междометия-призывы (*айда*), сложные предложения с придаточными условия (*Если вам понравилось..., то перейдите...*), обращение к потенциальным клиентам (*Ваш отзыв поможет...*). Все это мы, например, встречаем в публикации [3].

Наконец, стоит обратиться к третьей коммуникативной цели, которая, на наш взгляд, довольно заметно включена в приведенные выше две стратегии, но все-таки выделяема: это коммуникативная стратегия, которая направлена на определенное решение психологических задач. Надо отметить, что установка на эмоциональность достаточно часто встречается в коммуникативном поведении тренеров в целом. Мы об этом говорили в работе [8]. В целом установка на достижение психологического эффекта часто встречается в работе тренеров. Об этом, например, упоминали Устинова О. М. Кетриш Е. В. [14]. В направленной беседе Сергей Анатольевич отметил, что при выстраивании коммуникации с посетителями школы он в большей степени ориентируется на личностные особенности человека, его сферу интересов, занятий, возраст. Еще раз отметим, что такая стратегия имеет место, потому что в рассматриваемом случае тренеру-преподавателю приходится работать с разными группами взрослых людей, имеющих разный уровень образования, разный социальный статус, уровень семейных и иных проблем, разные цели в плане обращения к занятиям танцами. На наш взгляд, решение этой коммуникативной стратегии находит выражение в тактических приемах языковой игры, иронии, а также в некоторых рассуждениях на общечеловеческие философские темы: *Ты как меня узнаешь, ты можешь меня узнать по мизинчику? Ты меня всего видишь. ... Тебе мягко было, тебя еще не отлучали... а ты уже отлучилась...* (о том, что партнерша раньше отошла от партнера). *... Как можно добиться свободы?... Свободы можно добиться через движение! ... Я люблю импрессионизм, всякий авангард и символизм. Вот эти изогнутые и ломаные линии, там биеннале, необычные линии. Вы мне дарите наслаждение этими странными руками, линии непонятные, изогнутые, как им хочется* (о положении рук, о том, что линии должны быть ровными и красивыми)... *Нужно ловить все в контексте, контекст учитывать, куда ты шел и где ты остановился,*

где остался (о понимании общей концепции движения с партнером). ... *Не ставь блоки, я не могу с ними справиться, я даже за руку тебя взять не могу, когда ты ставишь блок* (о расслаблении во время танца). ... *Взаимодействуйте не только руками, ногами, но и взглядами, вы пришли сюда взаимодействовать* (о поиске взаимодействия партнеров в паре). *Напряжение снижает чувствительность* (о расслабленности и чувствительности в танце)... Некоторые лингвистические средства в данном случае используются для создания психологического комфорта, который поможет более функциональному изучению танцев и привлечению внимания потенциальных клиентов к школе.

Заключение

Если подводить итоги, то можно сказать, что самой ярко выраженной стратегией коммуникации тренера-преподавателя из доступных нам для анализа источников по нашим наблюдениям является коммуникативная стратегия, направленная на обучение танцам. Эта стратегия реализуется в абсолютном большинстве коммуникативных тактик и приемов, среди которых ведущими являются образное представление той или иной ситуации, обращение в речи к образам, которые связаны с движением, визуализацией. На наш взгляд, именно эта стратегия является ведущей в иерархии стратегий.

Коммуникативная стратегия, направленная на решение бизнес-задачи, может быть определена по таким приемам, как использование глаголов в повелительном наклонении, создание языковыми средствами эффекта мягкой силы (оценочная лексика, лексика с положительной коннотацией, сленговая лексика и др.). Это коммуникативная стратегия тоже важна, но она больше проявляет себя в сетевой коммуникации в виде специально созданных публикаций.

Имеющаяся коммуникативная стратегия, нацеленная на достижение положительного психологического комфорта, может быть условно отнесена к психологическим. И связана она с реализацией таких тактик, как включение в речь отвлеченной лексики, неких моралитов, сравнений, создание удобной открытой, в ряде моментов индивидуально направленной коммуникативной среды.

Хотелось бы отметить, что в целом языковая личность тренера-преподавателя представлена как достаточно выразительная, сформированная, имеющая ряд ярких отличительных особенностей. В частности, подчеркнем, что многие лексические единицы связаны со знанием прецедентных тестов, истории, культуры (*кубинская культура, испанские выражения, Буратино, мальчик из дерева, биеннале, импрессионизм и др.*). Ведущей речевой тактикой является тактика создания образов, использование слов в переносном употреблении, метафор, сравнений и др.

В целом можно отметить, что в рассматриваемом нами частном случае профессиональной деятельности тренера-преподавателя можно наблюдать комплексную реализацию коммуникативных стратегий, которые определяются целями коммуникации, а также особенностями языковой личности носителя языка, совокупностью экстралингвистических фактов.

Список источников и литературы

1. САЛЬСА | БАЧАТА | ТУЛА | Школа танцев CUBANA CLUB : офиц. группа // ВКонтакте : соц. сеть. URL: <https://vk.com/cubaclubtula> (дата обращения: 20.11.2024).
2. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
3. Друзья, зачем вы расстраиваете Бибу?! // Школа танцев CUBANA CLUB : офиц. группа в соц. сети ВКонтакте. URL: https://vk.com/cubaclubtula?w=wall-84920363_6489. Дата публикации: 06.11.2024.
4. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛКИ, 2008. 284 с.
5. Кашкин В. Б. Введение в теорию коммуникации. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. 175 с.

6. *Копнина Г. А.* Речевое манипулирование. М.: Флинта, 2024. 172 с.
7. *Кравец М. А.* Коммуникативная стратегия: систематизация определений, подходы к разработке // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Экономика и управление. 2013. № 1 С. 149–153.
8. *Красовская Н. А.* Стикеры как часть сетевой коммуникации // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти Д. О. Половцева. Минск: Изд-во БГУ, 2021. С. 27–31.
9. *Михалева О. Л.* Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.
10. *Молявина Е. А.* Коммуникативная стратегия: природа, классификация и прагматика // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 7. С. 94–98.
11. *Муравлева В. Р.* Прагмалингвистические особенности коммуникативной ситуации «информационная война» (на материале печатных текстов СМИ) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Муравлёва Валерия Романовна. М., 2021. 275 с.
12. Приказ Минтруда России от 24.12.2020 N 952н "Об утверждении профессионального стандарта "Тренер-преподаватель" : (с изм. на 30 августа 2023 года) // Консорциум Кодекс : электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/573421625> (дата обращения: 18.11.2024).
13. *Редько Г. В., Еремеева А. А.* Коммуникативная стратегия как стратегия понимания и интерпретации смысла // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2017. Вып. 4. С. 108–113.
14. *Устинова О. М., Кетриш Е. В.* Стили педагогического общения тренеров детских команд и их влияние на психологическое здоровье детей // Проблемы качества физкультурно-оздоровительной и здоровьесберегающей деятельности образовательных организаций : сб. материалов 14-й Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, 4 апреля 2023 г., г. Екатеринбург. Екатеринбург: РГППУ, 2023. С. 184–187.
15. *Харченко В. К.* Язык руководителя социальной группы, или «Танцы под дождем». М.: ИНФРА-М, 2023. 148 с.
16. Хэллоуин // Школа танцев CUBANA CLUB : офиц. группа в соц. сети ВКонтакте. URL: https://vk.com/cubaclubtula?w=wall-84920363_6491. Дата размещения: 06.11. 2024.
17. *Чарыкова И. А.* Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения участников российского сегмента социальных сетей : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Чарыкова Ирина Анатольевна. Ростов-на-Дону, 2022. 201 с.
18. *Шпомер Е. А.* Коммуникативные стратегии и тактики как фактор эффективной коммуникации // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2013. № 4. С. 109–112.

References

1. 'Bachata, sal'sa. «CubanaClub»' (Bachata, salsa. «CubanaClub») 2024, *VK.com*, viewed (20 November 2024), <https://vk.com/cubaclubtula>; <https://bachatasalsatulya.rf>. (In Russ.)
2. van Dijk, TA 1989, *Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya* (Language. Cognition. Communication), Progress Publ, Moscow. (In Russ.)
3. 'Druz'ya, zachem vy rasstraivayete Bibu?!' (Friends, why are you upsetting Biba?!), *VK.com*, viewed (22 November 2024), https://vk.com/cubaclubtula?w=wall-84920363_6489. (In Russ.)
4. Issers, OS 2008, *Kommunikativnyye strategii i taktiki russkoy rechi* (Communicative strategies and tactics of Russian speech), LKI Publ, Moscow. (In Russ.)
5. Kashkin, VB 2000, *Vvedeniye v teoriyu kommunikatsii* (Introduction to the Theory of Communication), Izd-vo VGTU Publ, Voronezh. (In Russ.)
6. Koptina, GA 2024, *Rechevoye manipulirovaniye* (Speech Manipulation), INFRA-M Publ, Moscow. (In Russ.)
7. Kravets, MA 2013, 'Kommunikativnaya strategiya: sistematizatsiya opredeleniy, podkhody k razrabotke' (Communication Strategy: Systematization of Definitions, Approaches to Development), *Vestnik VGU. Seriya: Ekonomika i upravleniye* (Eurasian Journal of Economics and Management), no. 1, pp. 149–153. (In Russ.)

8. Krasovskaya, NA 2021, 'Stikery kak chast' setevoy kommunikatsii' (Stickers as Part of Network Communication), in SV Vorobyova *Yazykovaya lichnost' i effektivnaya kommunikatsiya v sovremennom polikul'turnom mire. Materialy VII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati D.O. Polovtseva* (Language Personality and Effective Communication in the Modern Multicultural World. Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference Dedicated to the Memory of D.O. Polovtsev), 28–29 October 2021, Minsk, Belorusskiy gosudarstvennyy universitet Publ, Minsk, pp. 27–31. (In Russ.)
9. Mikhaleva, OL 2009, *Politicheskiiy diskurs: spetsifika manipulyativnogo vozdeystviya* (Political discourse: specifics of manipulative influence), LIBROKOM Publ, Moscow. (In Russ.)
10. Molyavina, EA 2022, 'Kommunikativnaya strategiya: priroda, klassifikatsiya i pragmatika' (Communicative strategy: nature, classification and pragmatics), *Vestnik MGLU. Gumanitarnyye nauki (Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities)*, no. 7 (862), pp. 94–98. (In Russ.)
11. Muravleva, VR 2021, *Pragmalingvisticheskiye osobennosti kommunikativnoy situatsii «informatsionnaya voyna» (na materiale pechatnykh tekstov SMI)* (Pragmalinguistic features of the communicative situation "information war" (based on printed media texts)). PhD thesis. Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation. Moscow. (In Russ.)
12. Prikaz Mintruda Rossii ot 24.12.2020 N 952n "Ob utverzhdenii professional'nogo standarta "Trener-prepodavatel" (Zaregistrirovano v Minyuste Rossii 25.01.2021 N 62203) (Order of the Ministry of Labor of Russia dated 24.12.2020 No. 952n "On approval of the professional standard "Trainer-instructor" (Registered in the Ministry of Justice of Russia of 25 January 2021 No 62203), *Consultant.ru*, viewed (18 November 2024), https://fcpsr.ru/sites/default/files/2023-08/prikaz_mintruda_rossii_ot_24.12.2020_n_952n_ob_utverzhdenii_profstandarta_trener-prepodavatel.pdf (In Russ.)
13. Redko, GV & Ereemeeva, AA 2017, 'Kommunikativnaya strategiya kak strategiya ponimaniya i interpretatsii smysla' (Communicative strategy as a strategy for understanding and interpreting meaning), *The Bulletin of the Adyghe State University, the series "Philology and the Arts"*, no.4 (207), pp. 108–113. (In Russ.)
14. Ustinova, OM & Ketrish, EV 2023, 'Stili pedagogicheskogo obshcheniya trenerov detskikh komand i ikh vliyaniye na psikhologicheskoye zdorov'ye detey' (Styles of pedagogical communication of coaches of children's teams and their influence on the psychological health of children), in *Problemy kachestva fizkul'turno-ozdorovitel'noy i zdorov'yesberegayushchey deyatel'nosti obrazovatel'nykh organizatsiy: sbornik materialov 14-y Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, 4 aprelya 2023 g. g. Yekaterinburg*. (Problems of the quality of physical education, health and health-preserving activities of educational organizations: collection of materials from the 14th All-Russian scientific and practical conference with international participation, April 4, 2023, Yekaterinburg), 4 April 2023, Yekaterinburg, RGPPIU Publ, Yekaterinburg. pp. 184-187. (In Russ.)
15. Kharchenko, VK 2023, *Yazyk rukovoditelya sotsial'noy gruppy, ili «Tantsy pod dozhdem»* (Language of the leader of a social group, or "Dancing in the Rain"), INFRA-M Publ, Moscow. (In Russ.)
16. Khellouin (Halloween), *VK.com*, viewed (20 November 2024), https://vk.com/cubaclubtula?w=wall-84920363_6491. (In Russ.)
17. Charykova, IA 2022, *Kommunikativnyye strategii i taktiki rechevogo povedeniya uchastnikov rossiyskogo segmenta sotsial'nykh setey* (Communicative strategies and tactics of speech behavior of participants in the Russian segment of social networks), PhD thesis, Southern Federal University, Rostov-on-Don. (In Russ.)
18. Shpomer, EA 2013, 'Kommunikativnyye strategii i taktiki kak faktor effektivnoy kommunikatsii' (Communicative strategies and tactics as a factor in effective communication), *Vestnik Khasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova*, no. 4, pp. 109–112. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 28.11.2024
Одобрена после рецензирования: 29.11.2024
Принята к публикации: 29.11.2024

The article was submitted: 28.11.2024
Approved after reviewing: 29.11.2024
Accepted for publication: 29.11.2024

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 3 (19). С. 119–128.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2024. Issue 3 (19). P. 119–128.

Научная статья

УДК 81.27

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-119-128>

ИСТОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ДЕРИВАТЫ СЛОВА *СУНДУК* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

**Ольга Игоревна
Стремянова**

Московский педагогический
государственный университет
Москва, Россия, ostremyanova@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0007-7148-7839>

Аннотация. В настоящей статье рассматривается история процессов проникновения и освоения тюркского заимствования *сундук*, а также исследуется его роль в лексической и словообразовательной системах русского языка. Основным источником материала исследования послужили языковые единицы, извлеченные из источников, входящих в Национальный корпус русского языка, а также из историко-этимологических и толковых словарей русского языка. Анализ вышеупомянутой лексемы позволил выявить, что слово *сундук*, вошедшее в русский язык через посредство тюркских языков в значении ‘ящик’, обнаруживает дериваты, активно осваивалось, развивалось и продолжает развивать новые переносные значения, обнаруживает дериваты. Это обусловлено, во-первых, давним вхождением этой лексемы в русский язык – первая фиксация в письменности старорусского периода – в начале XVI в., и, во-вторых, распространением в домашнем обиходе русского народа сундука в качестве предмета мебели. В настоящее время сундук как предмет мебели и домашнего убранства практически не используется в быту, тем не менее само слово *сундук*, а также образованные от него дериваты достаточно распространены в активном запасе современного русского языка. Кроме того, лексема *сундук* активно развивает переносные значения, основанные по большей части на сходстве внешней формы обозначаемого предмета или на сходстве его функций. В результате исследования был сделан вывод о высокой степени ассимиляции лексемы *сундук*, а также о том, что вхождение и закрепление данной лексемы, наряду с другими лексемами, в русском языке способствовало обогащению лексического состава русского языка.

Ключевые слова: тюркизм, тюркские заимствования, лексемы тюркского происхождения, дериват.

Для цитирования: Стремянова О. И. История происхождения и дериваты слова *сундук* в русском языке // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 3 (19). С. 119–128. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-119-128>

Сведения об авторе: О. И. Стремянова – аспирант кафедры общего языкознания им. И. Г. Добродомова, Московский педагогический государственный университет, 119435, Россия, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1.

© Стремянова О. И., 2024

Scientific Article

UDC 81.27

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-119-128>

THE HISTORY OF ORIGIN AND DERIVATIVES OF THE LEXEME *SUNDUK* IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Olga I. Stremyanova

Moscow Pedagogical State University
Moscow, Russia, ostremyanova@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0007-7148-7839>

Abstract. This article considers the history of the processes of assimilation of the Turkic loanword *sunduk* into the Russian language, as well as examines its role in the lexical and word-formation systems of the Russian language. Linguistic units, extracted from sources included in the National Corpus of the Russian Language and from historical, etymological and explanatory dictionaries, served as the main source of the research material. The analysis of the above-mentioned lexeme has revealed that the word *sunduk*, which entered the Russian language through the intermediary of Turkic languages in the meaning of 'box', has derivatives and continues to develop new figurative meanings. This is due, firstly, to the long-standing entry of this lexeme into the Russian language – the first fixation in the written language of the Old Russian period – in the early 16th century, and, secondly, to the spread of *sunduk* in the Russian people's household as a piece of furniture. Nowadays, the *sunduk* as a piece of furniture and home decoration is practically not used in everyday life, nevertheless, the word *sunduk* itself, as well as the derivatives formed from it, are quite common in the active modern Russian language vocabulary. In addition, the lexeme *sunduk* develops figurative meanings based mostly on the similarity of the external shape of the designated object or on the similarity of its functions. The author concludes that the lexeme *sunduk* has a high degree of assimilation. The study also notes that the entry and consolidation of this lexeme, along with other lexemes, in the Russian language contributed to the enrichment of the lexical composition of the Russian language.

Keywords: Turkism, Turkic borrowings, lexemes of Turkic origin, derivative.

For citation: Stremyanova, OI 2024, 'The History of Origin and Derivatives of the Lexeme *Sunduk* in the Russian Language', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (19), pp. 119–128, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-119-128> (in Russ.)

Information about the Author: *Olga I. Stremyanova* – Postgraduate Student, Department of General Linguistics of I. G. Dobrodomov, Moscow Pedagogical State University, 1, Malaya Pirogovskaya Str., Moscow, 119435, Russia.

© Stremyanova O. I., 2024

Введение

Проблемы, связанные с заимствованием иностранной лексики, давно привлекают внимание исследователей в области лингвистики. Всё большее значение в свете современной антропоцентрической парадигмы приобретает актуальная проблема взаимовлияния языковых систем и их отдельных элементов. Диахроническое изучение этого процесса позволяет исследовать не только конкретные процессы в истории любого языка, но и прямые контакты отдельных языков, ведущие к заимствованиям. Заимствование является неотъемлемой составляющей исторического развития языка, служит отражением фактов экономических, социальных и культурных контактов между языковыми коллективами. В связи с тем, что в русской лексике имеется большой пласт заимствований из тюркских языков – тюркизмов, представляется актуальным исследование этого пласта заимствованной лексики в русском языке.

Тюркизмы представлены в русском языке в основном именами предметов, относящихся к повседневной жизни (например, *арба*, *аркан*, *казан*, *сундук* и др.). По определению Р. А. Юналеевой, большая часть тюркизмов в русском языке – это «бытовизмы», и в этом состоит их особенность с точки зрения семантических примет: тюркские слова входили в русскую языковую сферу «в подавляющем числе в качестве однозначных слов, обозначающих конкретные бытовые реалии широкого использования» [17, с. 48]. Этой особенностью обладает и русская лексема *сундук* тюркского происхождения, исследованию которой посвящена данная статья.

В рамках настоящей статьи предпринята попытка исследования развития значений слова *сундук* тюркского происхождения в русском языке, а также описания роли данной лексемы в русской лексической и словообразовательной системах. Источником материала послужили данные толковых и этимологических словарей, а также Национального корпуса русского языка.

Объектом исследования в данной статье является лексема *сундук*, этимологически восходящая к тюркским языкам. Предметом исследования является развитие семантики данной лексемы, её этимология и словообразовательный потенциал.

Цель настоящей статьи – в результате исследования истории вхождения этой лексемы в русский язык и её функционирования в русском языке выявить основные этапы семантической эволюции, её этимологические особенности и словообразовательные возможности.

Материал и методы

Данное исследование проводится с использованием следующих общенаучных методов: наблюдения, анализа, сравнения, синтеза, описания, а также с использованием таких лингвистических методов, как метод толкования лингвистических единиц, контекстуальный, когнитивно-дискурсивный метод.

Основным материалом исследования послужили языковые единицы, извлеченные из источников, входящих в Национальный корпус русского языка, а также из историко-этимологических и толковых словарей русского языка.

Исследование

Лексема *сундук* определяется в «Словаре современного русского литературного языка» как «ящик для хранения вещей с крышкой на петлях и с замком» [11, т. 14, с. 1199].

Рассмотрим развитие семантики данной лексемы в истории русского языка. Первая письменная фиксация данной лексемы отмечена в русских памятниках в начале XVI в.

В «Словаре русского языка XI – XVII вв.» зафиксировано 3 значения лексемы *сундук*. Её первая фиксация в значении '1. Ящик с крышкой на петлях, предназначенный для хранения вещей и продуктов' отмечена в 1509 г.: «А та вся моя рухлядь

въ сундукъ за моею печатью въ казнѣ у моихъ дьяковъ. СГГД I, 407» [8, т. 29, с. 30]. Во втором значении '2. Дощатое сооружение, наполненное камнями и используемое для укрепления берегов рек' лексема *сундук* отмечается в XVI в.: «Подобаетъ здѣлати сундуки или туры съ хворосту сплетеные и тамо наполнити их камения... Назиратель, 454» [8, т. 29, с. 30]. Фиксация третьего значения '3. Род желоба, служащего для подведения воды' также датирована XVI в.: «...И коли кто хочетъ сундуками (так!) воду привести, надобеть доски снарвливати такъ, чтобы вода николи не перетѣкала (skrzynie). Назиратель, 180» [8, т. 29, с. 30].

В XVIII в. в «Словаре Академии Российской» (1783 – 1794 гг.) отмечено только 1 значение слова *сундук* – 'ящикъ разной величины съ крышкою на петляхъ, въ каковыхъ хранятся платье и другія вещи. *Сундукъ кованой желъзомъ. Положить платье въ сундукъ. Держать что въ сундукъ*' [6, т. 5, с. 967].

Представленные примеры толкования значения лексемы *сундук* позволяют сделать вывод о том, что переносные значения у исследуемой лексемы появляются уже в древнерусский период, причём с XVI по XVIII в. в русском языке вышли из употребления второе и третье значения лексемы, а её первое прямое значение сохранилось с XVI в. по настоящее время, оставшись единственным значением лексемы *сундук* к XVIII в.

В отличие от литературного языка, диалекты демонстрируют большее разнообразие значений данной лексемы. Обратившись к «Словарю русских народных говоров» под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова, находим 9 диалектных значений лексемы *сундук*: 1. 'ящик, обитый жестью, с внутренним замком со звоном, для хранения белья, одежды, приданого'; 2. 'большой деревянный ящик для зерна, муки; ларь'; 3. 'ящик в маслобойнях, в который кладется мешок с семенами'; 4. 'деревянный улей'; 5. 'приданое невесты'; 6. 'войсковой сундук. Касса, казначейство бригады казаков, занимающихся ловлей рыбы на Урале': «*Нарушителей же (постановления о рыболовстве) лишать места на сижу [укрытие, шалаш и т. п. на льду, где сидят рыбаки], а рыбу продавать с торгов. Только эта мера и может оградить неприкосновенность войскового сундука. Р. Урал, Малеча, 1976*»; 7. 'горизонтальная часть дымохода, боров'; 8. 'фундамент (дома)'; 9. 'небольшая дождевая туча' [7, т. 42, с. 244]. Там же находим вариант слова *сундук* – *сундык* [7, т. 42, с. 245]. Таким образом, в диалектах русского языка лексема *сундук* является многозначной, однако следует отметить, что диалекты не обнаруживают второго и третьего значений лексемы *сундук*, отмеченных в литературном языке XV – XVII вв. (см. «Словарь русского языка XI – XVII вв.») [8, т. 29, с. 30].

Рассмотрим происхождение слова *сундук* по данным историко-этимологических словарей русского языка. Бесспорным является приход в русский язык слова *сундук* в значении 'ящик' через посредство тюркских языков, а вопрос о первоисточнике данного слова является спорным.

В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера отмечается, что исследуемое слово заимствовано «из тюрк.; ср. чув. *sundəx* 'ящик, шкаф, коробка', кыпч. *sunduq*, *synduq* (К. Грёнбек, *Kuman. Wb.* 225), чагат., тар. *sanduk*, тур., крым.-тат., казанско-тат., казах. *sandyk* 'ящик' (Радлов 4, 306 исл., 308), источник которых – араб. *ṣandūq*, *ṣundūq* – возводили к греч. *συνδοχείον* или *συνδοκεῖον*» [12, т. 3, с. 803].

Аналогичную версию происхождения слова *сундук* находим в «Кратком этимологическом словаре русского языка» Н. М. Шанского: «заимств. не позднее XV в. из тюркск. яз., в которые оно пришло через посредство арабск. яз. из греч.» [14, с. 432].

В «Этимологическом словаре русского языка» А. Г. Преображенского исследуемая лексема не зафиксирована [5].

По данным «Историко-этимологического словаря современного русского языка» П. Я. Черных лексема *сундук* «слово восточное. М. б., индийского происхождения. Ср. хинди сандук. Оттуда оно попало в арабский язык (через южные его диалекты). Ср. араб. Sandūk – тж. В русский язык заимствовано при посредстве тюркских языков» [13, т. 2, с. 218].

В «Словаре тюркизмов русского языка» Е. Н. Шиповой находим следующие сведения: «...при посредстве турецкого языка (именно при посредстве тюркского населения на север, берегу Черного моря) к нам из греч. перешли: сундук... (Огиенко, 1915, 31, 34, 55)»; «...Дмитриев... относит слово *сундук* к числу таких, которые могли быть нами заимствованы не только у татар, но и у половцев (1958, 31)» [15, с. 267]. Е. Н. Шипова также приводит в своём словаре варианты слова сундук – *сандык, сандук, сындык* [15, с. 267].

Таким образом, позиция учёных-этимологов относительно посредства тюркских языков в процессе вхождения лексемы *сундук* в русский язык однозначна, однако существуют различные версии относительно первоисточника: допускается греческое или индийское первоначальное происхождение исследуемой лексемы.

Рассмотрим значения слова *сундук* в некоторых тюркских языках и сравним их со значениями в русском языке.

В «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» П. Я. Черных отмечено, лексема *сундук* известна «в совр. тюрк. языках: турец. sandık – ‘сундук’, ‘ящик’, ‘урна’, ‘касса’..., sanduka – ‘рака’, ‘гроб’. Ср. ног., кирг., каз.-тат. сандыи – ‘сундук’; узб. сандик; туркм. сандык; каракалп. сандык» [13, т. 2, с. 218].

В «Большом русско-турецком словаре» Н. Н. Богочанской и А. С. Торгашовой находим единственное значение турецкого слова *sandık* – ‘сундук’ [1, с. 516].

В «Кыргызско-русском словаре» под ред. К. К. Юдахина исследуемое слово зафиксировано в форме *сандык* и также имеет одно значение – ‘сундук’. В словарной статье приведены поговорка «*көңүл – сөздүн сандыгы* (сердце – сокровищница (букв. сундук))» и загадка «*ай талаада ак сандык жаркырайт* (в широкой степи белый сундук сверкает (отгадка *кузгу* зеркало))» [16, т. 2, с. 134].

Турецкие источники свидетельствуют о том, что в современной Турции с появлением огромного количества вариантов мебели сундук как элемент домашнего обихода не применяется, однако имеет символическую функцию, расцениваясь турками как ностальгический предмет, воссоздающий атмосферу прошлого. Кроме того, в деревнях и небольших городах сохраняется насчитывающая более 200 лет традиция использования сундука в качестве вместилища для приданого невесты. В крупных развитых городах данная традиция почти исчезла [18, с. 167].

Сравнение значений слова *сундук* и его тюркских соответствий показывает, что как в современном русском, так и в тюркских языках, данное слово употребляется в прямом значении – ‘ящик’. В современном обиходе носителей как русского, так и тюркских языков сундуки практически не используются, и вследствие этого слово *сундук* может восприниматься как устаревшее во всех этих языках и часто ассоциируется с прошлой эпохой.

В результате исследования выявлено, что с точки зрения семантики слово *сундук*, заимствовав значение, представленное в тюркских языках, развило новые значения (например, в русском языке XVI в. – ‘дощатое сооружение, используемое для укрепления берегов рек’, ‘род желоба для подведения воды’, которые в современном русском языке вышли из употребления), а также приобрело новые диалектные значения, основанные, в частности, на сходстве внешней формы обозначаемого предмета (например, ‘улей’, ‘фундамент (дома)’, ‘туча’) и на метонимическом переносе (‘приданое невесты’).

Далее рассмотрим историю развития дериватов и словообразовательные особенности слова *сундук*.

В «Словаре русского языка XI – XVII вв.» зафиксировано 3 деривата лексемы *сундук*: 1. *сундуковый* – ‘прил. предназначенный для изготовления сундуков. Куплено столовых досок кипарисных и сундуковых и иных запахучих... Гебд., 49. 1660 г.’ (слово образовано с помощью суффикса -ОВ-); 2. *сундучный* (*сундушный*) – ‘прил. относящийся к сундуку (в знач. 1). Дворцовому кузнецу Федькѣ Фомину за дѣло, за полтора гнѣзда петель луженых сундучных, за скобѣ подъемных да за двѣ закладки луженых же, 26 алтын 4 деньги. Ах. бум. Петра, I, 266. 1684 г.’ (слово образовано с помощью суффикса -Н-); 3. *сундучокъ* – ‘уменьш. к сундукъ (в знач. 1)... да сундучокъ слуги Шишела Елизарьева окован, да на полатях сундукъ. Кн. прих.-расх. Волокол. м. № 6, з. 1588 г.’ (слово образовано с помощью суффикса -ОК-) [8, т. 29, с. 30].

В «Словаре Академии Российской» находим 3 деривата анализируемой лексики: 1. умал. *сундучёкъ* (слово образовано при помощи уменьшительно-ласкательного суффикса -ЁК-); 2. увел. *сундучище* (слово образовано при помощи увеличительного суффикса -ИЩ-); 3. *сундучный* – ‘прил. къ сундуку принадлежащій, относящійся. *Сундучной замокъ. Сундучная крышка*’, (слово образовано при помощи суффикса -Н-) [6, т. 5, с. 967].

Таким образом, что к XVIII в. в русском языке вышла из употребления лексема *сундуковый* (возможно, ввиду узости значения), появилась новая лексема *сундучище*, а лексемы *сундучок* (*сундучёк*) и *сундучный* продолжили функционировать.

Обратившись к «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля, работа над которым велась в XIX в., мы обнаружили следующие 3 деривата от слова *сундук*: вышеупомянутый *сундучный*, а также не отмеченные в ранних источниках дериваты *сундучник* (слово образовано от прил. *сундучный* с помощью суффикса -ИК-) и *сундучничій* (*промысел*) (слово образовано от сущ. *сундучник* с помощью суффикса -ИЙ-) [3, т. 4, с. 370].

Функционирование данной лексики в XX в. отражено в ряде словарей.

В «Словаре современного русского литературного языка» зафиксировано 4 деривата лексики *сундук*: *сундучишко* – ‘разг. уменьш.-уничиж. к сундук’ (образованное с помощью суффикса -ИШК-), а также 3 образования, отмеченных в более ранних словарях *сундучник*, *сундучный* и *сундучок* [11, т. 14, с. 1199].

В четырёхтомном «Словаре русского языка» находим только 1 дериват анализируемой лексики *сундучный* – ‘прил. к сундук’ [10, т. 4, с. 307]. Вероятно, фиксация только 1 деривата обоснована меньшим объемом охватываемой лексики в сравнении со «Словарем современного русского литературного языка».

Итак, всего в рассмотренных словарях нами выявлено 7 дериватов от лексики *сундук*, при этом в современном русском литературном языке сохранилось 4 из них: *сундучок*, *сундучишко*, *сундучник* и *сундучный* (по данным «Словаря современного русского литературного языка») [11, т. 14, с. 1199].

В диалектах русского языка отмечено более 10 дериватов слова *сундук*, что зафиксировано в «Словаре русских народных говоров» под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова: 1. *сундукище* – ‘увелич. большой сундук’ (слово образовано с помощью суффикса -ИЩ-); 2. *сундучала* – ‘увелич. большой сундук’ (слово образовано с помощью суффикса -АЛ-; такая модель словообразования непродуктивна в русском языке); 3. *сундучана* – ‘мн. в свадебном обряде – лица, везущие сундук с имуществом невесты в дом жениха’ (слово образовано с помощью суффикса -АН-); 4. *сундученко* – ‘пренебр. сундучишко’ (слово образовано с помощью суффикса -ЕНК-); 5. *сундучиха* – ‘о женщине, которая набивает свой сундук всяким добром, копит’ (слово образовано с помощью суффикса женского рода -ИХ-);

6. *сундучники (сундушники)* – ‘мн. в свадебном обряде – братья или другие родственники невесты, везущие приданое жениху’ (слово образовано от прил. *сундучный* с помощью суффикса -ИК-); 7. *сундучница* – ‘участница свадебного обряда, отвечающая за приданое невесты’ (слово образовано от прил. *сундучный* с помощью суффикса женского рода -ИЦ-); 8. *сундучничий (промысел)* – ‘сундучный промысел’ (слово образовано с помощью суффикса -ИЙ-); 9. *сундучный (ковер)* – ‘ковер определенного [какого?] размера’ (слово образовано при помощи суффикса -Н-); 10. *сундучная* – ‘в знач. сущ. помещение, в котором хранились сундуки и чемоданы учеников гимназии’ (слово образовано путём субстантивации); 11. *сундучок* – ‘1. ‘углубление, впадина на дне озера’; 2. ‘проход, через который рыба попадает в р. Урал и где она скапливается’; 3. ‘запретная для рыболовства полоса моря напротив р. Урала’ (слово образовано с помощью суффикса -ОК-) [7, т. 42, с. 244–245]. Это свидетельствует о том, что в диалектах русского языка лексема *сундук* проявляет высокий деривационный потенциал, при этом прил. *сундучничий*, отмеченное в словаре XIX в., но не получившее фиксации в источниках XX в., продолжает функционировать в русских диалектах.

Лингвистический анализ материала показывает, что дериваты слова *сундук* образованы обычно морфологическим способом – при помощи суффиксов, обладающих различной словообразовательной семантикой. Неморфологический способ – субстантивация (*сундучная* – ‘помещение’) отмечен только в диалектном словаре «Словаре русских народных говоров» [7, т. 42, с. 244–245]. От лексемы *сундук* образуется 2 части речи – существительные (с помощью суффиксов с увеличительным (-ИЦ-) и уменьшительно-ласкательным (-ОК-, -ИШК-) значением, а также со значением рода деятельности (-ИК-)) и прилагательные (с помощью суффиксов со значением признака или свойства (-Н-) и принадлежности(-ИЙ)).

Слово *сундук* достаточно активно используется в современном русском языке. В Национальном корпусе русского языка со словом *сундук* зафиксированы 1312 текстов и 2592 примера при поиске точных форм и 2773 текста, и 7568 примеров при лексико-грамматическом поиске. Большая часть вхождений датирована первой половиной XVIII в. [4].

В течение долгого времени в быту русского народа сундук использовался разными слоями населения: сундуки могли служить предметом домашнего обихода как царских палат, так и изб простых крестьян. Функциональное назначение и форма сундука как предмета-вместилища обусловили использование лексемы *сундук* также для номинации реалий, выходящих за пределы её прямого значения. Вследствие этого у данной лексемы развился целый ряд переносных метафорических и метонимических значений. Проиллюстрируем этот процесс примерами.

Внешнее сходство сундука с другими предметами позволило использовать данное слово в значении ‘гроб’, ‘дом’ и др.: *Узнай об этом покойный Ульянов, он, к ужасу всего мирового пролетариата, перевернулся бы в своем хрустальном сундуке на Красной площади* (Маркиш Давид. По старой английской дороге // Октябрь. 2013); *Вскоре вместо церкви появился пятиэтажный «сундук» Министерства внутренних дел* (Дроздов Д. П. Большая Ордынка. Прогулка по Замоскворечью от Москворецкого моста до Серпуховской площади (2017)) [4].

Размер сундука обусловил появление на основе метафоры нового значения ‘большой, тучный’ по отношению к человеку: *Когда женщину называют большой, ее сравнивают с сундуком или танком, или с сундуком, помноженным на танк* (Нестерова Н. В. Из породы собак (2013)); *А половина офицеров уже с мамонами, как сундуки* (Геласимов Андрей. Рахиль // Октябрь. 2003) [4].

Также данная лексема может использоваться в метонимическом значении ‘большое, обычно закрытое хранилище’: *Впереди еще долгая жизнь, но уже и в сун-*

дуках памяти можно время от времени с удовольствием порыться (Соломатина Татьяна. Сони́на Америка (2010)); *Разве что отложит себе в **сундук** наблюдений за живой природой ещё одно эмпирическое знание* (Соломатина Татьяна. Девять месяцев, или Комедия женских положений (2010)) [4]. Переносное количественное значение лексемы *сундук*, как справедливо отмечает в своей статье С. М. Васильченко, «в генитивных конструкциях возникло под влиянием метафорических количественных значений существительных *вагон, воз*» [2, с. 116].

Данные Национального корпуса русского языка свидетельствуют о наличии в современном русском языке выражения *бабушкин сундук*, употребляемого в значении ‘вместилище старинных вещей / идей’, а также для передачи оттенка значения ‘пережиток прошлого’: *Сдаёт свои позиции. Значит, имеет серьёзный интерес. — Сто пятьдесят — и не рублем меньше. Я ведь вам не из **бабушкиного сундука** вещь предлагаю. Я очень рискую, а за риск надо платить* (Павская Ирина. Джоконда Мценского уезда (2006)); *Еще до выступления Г. Зюганова и пресс-конференции В. Путина из пропахшего нафталином **бабушкиного сундука** был извлечен А. Караулов* (Ковров Леонид. Песни богатых бедные не поют (2003)) [4].

Кроме того, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля отмечены наряду с литературными и диалектные выражения с лексемой *сундук*: *приданое в сундуке, а урод на руке; скупые умирают, а дети сундуки оттирают; идти в сундучок, доставать пяточок; отцова сундука не подымеешь, матушкина столечника не скатаешь, братнина коня не обуздаешь* [3, т. 4, с. 370]. Большинство из них являются устаревшими.

Эти данные свидетельствует о вхождении слова *сундук* как в литературный русский язык, так и в его диалекты, и о закреплении обозначаемой реалии в сознании русского народа.

Заключение

Итак, анализ показал, что слово *сундук*, пришедшее в русский язык через посредство тюркских языков в значении ‘ящик’, активно осваивалось, развивало новые значения и дериваты. Наибольшее количество дериватов возникает у данного слова в старорусский период и в XVIII в. Это обусловлено лингвистическими причинами: лексема имеет давнее происхождение – она зафиксирована в письменности с XVI в. Кроме того, к нелингвистическим причинам следует отнести распространение в быту русского народа в этот период *сундука* как предмета мебели. Несмотря на то, что в настоящее время *сундук* как предмет домашнего обихода практически вышел из повседневного использования, в активном запасе современного русского языка достаточно распространено как само слово *сундук*, так и образованные от него дериваты (*сундучок, сундучный*) и фразеологический оборот *бабушкин сундук*. Следует отметить, что лексема *сундук* активно развивает переносные значения, основанные по большей части на сходстве внешней формы обозначаемого предмета или на сходстве его функций. Проанализированные данные указывают на высокую степень ассимиляции лексемы *сундук* в русском языке. Её вхождение и закрепление наряду с другими лексемами способствовало обогащению лексического состава русского языка.

Список источников и литературы

1. Большой русско-турецкий словарь: 250 000 слов и словосочетаний. М.: Дом слав. книги, 2009. 608 с.
2. Васильченко С. М. Семантические и формальные связи названий сундуков в русском языке // Ученые записки Орловского гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 3-2. С. 111–119.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М.: Рус. язык, 2000.

4. Национальный корпус русского языка: [представительная коллекция текстов на русском языке]. М., 2003–2024. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 19.02.2024).
5. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка : в 3 т. М., 1910–1949.
6. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный : в 6 т. СПб.: Имп. Акад. наук, 1806–1822.
7. Словарь русских народных говоров. Вып. 14: Кобзарик–Корточки / гл. ред. Ф. П. Филин. М.; Л.: Наука, 1978. 376 с.
8. Словарь русского языка XI – XVII вв. Вып. 7. М.: Наука, 1980. 403 с.
9. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–6 / АН СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. Ю. С. Сорокин. Л.: Наука, 1984–1991.
10. Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвист. исслед.; под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999.
11. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. В. И. Чернышева. М.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М.: Прогресс, 1964–1973.
13. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. М.: Рус. язык, 1999.
14. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка: происхождение слов. М.: Дрофа, 2004. 398 с. Электрон. версия печ. изд. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/> (дата обращения: 19.02.2024). Доступна на Лексикографическом интернет-портале: онлайн-словари русского языка.
15. Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата: Наука, 1976. 444 с.
16. Юдахин К. К. Кыргызско-русский словарь. М.: Сов. энцикл., 1965. 475 с.
17. Юналеева Р. А. Тюркизмы в русском языке: (проблемы полиаспектного исследования). Казань: Таглитат, 2002. 172 с.
18. Yalçın Usal S. S. Türklerde çeyiz sandığının kullanımı ve geleneksel süslemeleri ('The use of the dowry chest and its traditional decorations by Turks') // Social Science Research. 2010. Vol. 1 (1) P. 157–167.

References

1. *Bolshoy russko-turetskiy slovar: 250 000 slov i slovosochetaniy* (Large Russian-Turkish dictionary 250,000 words and phrases) 2009, Dom slav. knigi publ, Moscow. (In Russ.)
2. Vasilchenko, SM 2010, 'Semanticheskiye i formalnyye svyazi nazvaniy sundukov v russkom yazyke' (Semantic and formal connections of the chest names in the Russian language), *Scientific notes of Orel State University. Humanities and Social Sciences*, vol.3-2, pp. 111–119. (In Russ.)
3. Dal, VI 2000, *Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* 'Explanatory Dictionary of the living Great Russian language. In 4 volumes), Rus. yazyk publ, Moscow. (In Russ.)
4. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* (National Corpus of the Russian language) 2003–2023, viewed 19 February 2024, <https://ruscorpora.ru> (In Russ.)
5. Preobrazhensky, AG 1910–1949, *Etimologicheskiy slovar russkogo yazyka: v 3 t.* (Etymological dictionary of the Russian language: in 3 volumes), Moscow. (In Russ.)
6. *Slovar Akademii Rossiyskoy, po azbuchnomu poryadku raspolozhennyy: v 6 t.* (Dictionary of the Russian Academy, in alphabetical sequence. In 6 volumes) 1806 – 1822, Imp. Akad. nauk publ, St. Petersburg. (In Russ.)
7. Filin, FP, Sorokoletov, FP & Myznikov, SA (eds.) 1978, 'Kobzarik–Kortochki' (Wooden scoop-Haunches), *Slovar russkikh narodnykh govorov* (Dictionary of Russian folk dialects), no. 14, Nauka publ, St. Petersburg. (In Russ.)
8. *Slovar russkogo yazyka XI – XVII vv.* (Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th centuries) 1980, no. 7, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
9. Sorkin, YS (ed.) 1984–1991, *Slovar russkogo yazyka XVIII veka* (Dictionary of the Russian language of the 18th century), no. 1-6, AN SSSR, In-t rus. yaz. publ, Nauka publ, Leningrad. (In Russ.)

10. Evgenieva, AR (ed.) 1999, *Slovar russkogo yazyka: v 4 t.* (Dictionary of the Russian language. In 4 volumes), Rus. yaz. publ, Poligrafresursy publ, Moscow. (In Russ.)
11. Chernyshev, VI (ed.) 1948-1965, *Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* (Dictionary of modern Russian literary language. In 17 volumes), Izd-vo AN SSSR publ, Moscow. (In Russ.)
12. Fasmer, M 1964–1973, *Etimologicheskii slovar russkogo yazyka : v 4 t.* (Russian Etymological Dictionary. In 4 volumes), Progress publ, Moscow. (In Russ.)
13. Chernykh, PYa 1999, *Istoriko-etimologicheskii slovar sovremennogo russkogo yazyka : v 2 t.* (Historical and etymological Dictionary of the modern Russian language. In 2 volumes), Rus. yazyk publ, Moscow. (In Russ.)
14. Shansky, NM & Bobrova, TA 2004, *Shkolnyy etimologicheskii slovar russkogo yazyka: proiskhozhdeniye slov* (School Etymological Dictionary of the Russian Language: word origins), Drofa publ, Moscow, viewed 19 February 2024, <https://lexicography.online/etimology/shansky/> (In Russ.)
15. Shipova, EN 1976, *Slovar tyurkizmov v russkom yazyke* (Dictionary of Turkisms in Russian), Nauka publ, Alma-Ata. (In Russ.)
16. Yudakhin, KK 1965, *Kyrgyzsko-russkiy slovar* (Kyrgyz-Russian dictionary), Sov. Entsikl publ, Moscow. (In Russ.)
17. Yunaleyeva, RA 2002, *Tyurkizmy v russkom yazyke: (problemy poliaspektnogo issledovaniya)* (Turkisms in the Russian language (Problems of experimental research), Taglim publ, Kazakhstan. (In Russ.)
18. Yalçin Usal, SS 2010, ‘Türklerde çeyiz sandığının kullanımı ve geleneksel süslemeleri’ (‘The use of the dowry chest and its traditional decorations by Turks’), *Social Science Research*, vol. 1 (1), pp. 157–167. (In Turkish)

Статья поступила в редакцию: 20.02.2024
Одобрена после рецензирования: 11.09.2024
Принята к публикации: 07.11.2024

The article was submitted: 20.02.2024
Approved after reviewing: 11.09.2024
Accepted for publication: 07.11.2024

Научная статья

УДК 81.44

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-129-138>

КОЛИЧЕСТВЕННОЕ ИЗМЕНЕНИЕ УСТОЙЧИВЫХ ФРАЗ В РЕЧИ: УСЛОВИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ

**Татьяна Владимировна
Сафонова**

Тулский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, safonova76@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8871-2069>

Аннотация. В статье рассматривается проблема изменения устойчивых фраз по количественному параметру, выдвигается гипотеза о зависимости процессов сокращения и распространения их компонентного состава от специфики структуры. Поставленная задача предопределяет необходимость освещения ряда дополнительных вопросов: понятие «устойчивая фраза» (УФ), их место в языковой системе, варьирование. Используемые при исследовании методы сплошной выборки, количественно-статистический, наблюдения за употреблением УФ в речи позволяют подтвердить выдвинутую гипотезу и прийти к следующим основным выводам: количественное варьирование направлено прежде всего на изменение плана выражения УФ, поэтому конечный результат такого преобразования во многом определяется именно характером формы исходных единиц; согласно уже имеющимся исследованиям собственно количественное варьирование может быть представлено сокращением (импликацией) лексической протяженности единицы – это эллипсис с интонацией незавершенности и интонационной завершенностью, вычленение фрагмента или слова из состава УФ, а также увеличением лексической протяженности единицы (эксплицирование) – распространение одним или несколькими компонентами исходной единицы, контаминация; для УФ простой структуры в большей степени характерно вычленение фрагментов, равнозначных фраземам и / или лексемам; для УФ, организованных по модели сложного предложения, – эллипсис с интонацией завершенности, когда редукция осуществляется по структурно-семантическому шву, при условии равнозначности предикативных частей сокращению могут подвергаться обе части, грамматическая зависимость компонентов предопределяет сокращение только одного фрагмента; при контаминации сокращаются единицы сложной структуры с последующим объединением частей и обязательным сохранением одной из модели исходных УФ, взятой за фразеологическую основу.

Ключевые слова: устойчивая фраза, имплицирование, контаминация, вариант, фразовая единица.

Для цитирования: Сафонова Т. В. Количественное изменение устойчивых фраз в речи: условия и результаты // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 3 (19). С. 129–138. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-129-138>

Сведения об авторе: Т. В. Сафонова – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

Scientific Article

UDC 81.44

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-129-138>

THE QUANTITATIVE CHANGE OF SET EXPRESSIONS IN SPEECH: CONDITIONS AND RESULTS

Tatiana V. Safonova

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia, safonova76@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8871-2069>

Abstract. The article examines the problem of set expressions changing according to a quantitative parameter, putting forward a hypothesis about the dependence of the reduction processes and distribution of their component composition on the structure specifics. This task predetermines the necessity to cover a number of additional issues: the concept of 'set expressions' (SE), their place in the linguistic system, variation. The methods of continuous sampling, quantitative-statistical, and observations of the use of SE in speech used in the study allow us to confirm the hypothesis put forward and come to the following main conclusions: quantitative variation is aimed primarily at changing the plan of expression of these phrases, therefore the final result of such a transformation is largely determined by the nature of the form source units; according to existing research, quantitative variation itself can be represented by a reduction (implication) of the lexical extent of a unit - this is an ellipsis with intonation of incompleteness and intonation completeness, isolating a fragment or word from the composition of the SE, as well as an increase in the lexical extent of a unit (explication) - distribution by one or more components original unit, contamination; for a simple SE structure, it is more typical to isolate fragments equivalent to phrasemes and/or lexemes; for SE organized according to the model of a complex sentence - ellipsis with intonation of completeness, when reduction is carried out along a structural-semantic seam, provided that the predicative parts are equivalent, both parts can be reduced, the grammatical dependence of the components predetermines the reduction of only one fragment; during contamination, units of complex structure are reduced, followed by the parts combination and the obligatory preservation of one of the original SE models, taken as a phraseological basis.

Keywords: set expression, implication, contamination, variant, phrasal unit.

For citation: Safonova, TV 2024, 'The Quantitative Change of Set Expressions in Speech: Conditions and Results', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (19), pp. 129-138, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-129-138> (in Russ.)

Information about the Author: *Tatiana V. Safonova* - Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

© Safonova T. V., 2024

Использование термина «устойчивая фраза» (УФ) применительно к пословицам, поговоркам, калькированным выражениям, афоризмам, общенациональным литературным цитатам и др. типам клишированных высказываний стало возможным благодаря исследованиям В. Л. Архангельского (1964). Придерживаясь широкого взгляда на фразеологию как «раздел языкознания, который изучает связанные, или устойчивые, синтагмы в форме словосочетания и предложения» [1, с. 57], ученый обосновал возможность включения отмеченных единиц в систему фразеологического ресурса языка. В составе фразеологизмов В. Л. Архангельский выделял минимальные единицы – фраземы и единицы – максимум, т. е. устойчивые фразы. Обоснованием их языковой близости стали фундаментальные параметры фразеологичности – устойчивость, воспроизводимость, экспрессивность. «Под устойчивыми фразами понимаются известные в русском языке и воспроизводимые в речи устойчивые образования, эквивалентные по грамматической форме свободным предложениям и способные функционировать в речи как самостоятельные предложения или как части сложных предложений. Например: нашла коса на камень; из песни слов не выкинешь и т. п.» [1, с. 57].

Если устойчивость и воспроизводимость УФ стали объединяющим началом, то специфика структурно-семантической организации послужила критерием для разграничения УФ и собственно фразем. УФ – единицы предикативные, в основе их значения – законченное суждение, фраземы построены по модели словосочетаний или сочинительных сочетаний слов, а в смысловом плане они эквивалентны слову. Само понятие «фразеологической устойчивости» В. Л. Архангельский объясняет принципом детерминированности компонентов, организующих структуру и семантику фразы, т.е. их внутренней зависимостью и созависимостью. Взаимная детерминация компонентов предполагает прогнозирование одного члена структуры УФ другим и наоборот, односторонней детерминацией объясняется существование только одного из компонентов, при индетерминации члены УФ «как единицы одного определенного уровня совмещаются друг с другом как логически равноправные, и не один элемент не предполагает существование другого» [1, с. 110–114]. Таким образом, в структуре УФ можно выделить «переменные компоненты, наличие или отсутствие которых никак не влияет на другие компоненты» [1, с. 110–114]. Однако выбор данных переменных ограничен, что и объясняет устойчивость фразовых единиц. Нельзя не отметить, что данной концепцией объясняется одна из существенных особенностей УФ – их способность к различного рода преобразованиям в речи.

Заложенное В. Л. Архангельским направление в изучении УФ было продолжено в трудах В. Т. Бондаренко. Обратившись к теории языкового знака, ученый подтвердил фразеологическую природу УФ: «Применение основных положений знаковой теории к изучению фразеологической устойчивости, как нам кажется, убедительно показывает, что УФ, так же как и фраземы, обладают всеми свойствами лингвистического знака (двусторонний характер, произвольность, линейность, обобщенность, воспроизводимость, повторяемость, асимметричность и др.)» [3, с. 7].

Функциональный подход, выбранный в качестве одного из основных направлений в изучении УФ, позволил В. Т. Бондаренко показать масштаб возможных преобразований единиц в речи (1995) и стал еще одним аргументом в пользу отнесения их к фразеологической системе языка: «...устойчивость и воспроизводимость не исключают, а предполагают противоположную закономерность – свойство вариативности и частичной творимости УФ в живой речи. Устойчивость и изменчивость взаимосвязаны: УФ только потому можно видоизменять, что каждый носитель языка знает их значение и структуру» [3, с. 7–8]. В основе разработанной классификации вариантов фразовых единиц – уровневый принцип их описания, в результате ученый выделил следующие типы: 1) семантические, 2) лексические, 3) грамматические,

4) структурные, 5) количественные; 6) функциональные (синтаксические) варианты УФ [3]. Каждый из указанных типов представлен частными вариантами, напр., количественное изменение УФ предполагает сокращение плана выражения единицы (имплицирование) и увеличение (эксплицирование). В свою очередь, результатом импликационных изменений становится образование эллиптических вариантов с интонационной завершенностью и интонационной незавершенностью, вычленение фрагмента и отдельного слова из состава УФ; в результате экспликации – варианты с дополнительным компонентом / компонентами или представляющие собой объединение двух (иногда более) фразовых единиц [3, с. 104–117].

Такое разнообразие вариантов УФ объясняется спецификой их семантико-грамматической организации. Построенные по модели предложения, УФ в структурном отношении являются единицами высшего порядка в иерархии языковых уровней, что предопределяет их потенциальную способность к модификации практически на любом из низлежащих планов. «Варьированию подвергаются все стороны УФ: семантическая, лексическая, морфологическая, синтаксическая. Оно бывает «чистым», если затрагивает какой-нибудь один уровень языка, или же, чаще всего, смешанным, охватывая сразу несколько уровней» [3, с. 22]. В то же время сущностные признаки фразеологического знака в большинстве модификаций УФ являются необходимым стабилизирующим фактором семантики и не позволяют квалифицировать возникающие в речевой действительности образования как новые единицы.

Поскольку понятие «устойчивая фраза» объединяет все же весьма разные в структурном отношении единицы – организованные по модели как простого нераспространенного предложения (Бедность не порок), так и сложных синтагм с разными типами отношений между предикативными частями (Будет день – будет пища; Хоть видит око, да зуб неймет; Дурака учить, что мертвого лечить и др.), в статье поставлена задача проследить, насколько в количественном и качественном отношении структура УФ определяет диапазон их квантитативного варьирования.

В своем исследовании мы придерживаемся широкого подхода к вопросу фразеологического варьирования и полагаем, что «основными критериями допустимости того или иного изменения УФ являются не его распространенность и закрепленность литературным употреблением, а соответствие системным возможностям языка и коммуникативно-стилистической целесообразностью» [8, с. 22]. Не проводится в таком случае и разграничение между узуальным и окказиональным варьированием, синхронией и диахронией.

В качестве основных методов изучения были использованы методы сплошной выборки, количественно-статистический, наблюдения за характером использования УФ в речи. Материалом для исследования послужили газетные публикации последних двух десятилетий, что позволяет говорить о закономерности анализируемых нами явлений варьирования фразовых единиц.

Рассмотрим возможные преобразования сложных УФ. Как показывают наблюдения, подобные единицы легко подвергаются количественным изменениям, связанным с сокращением их компонентного состава. Объясняется это асимметричностью фразеологического знака, «в структуре которого дискретное означающее и единое означаемое находятся в состоянии перманентного конфликта», чем сложнее структура фразеологизма, тем эта конфликтность острее, что и обуславливает «повышение степени изменчивости по количественному признаку» [2, с. 125]. Наиболее активна здесь редукция (эллипсис) по так называемому структурно-семантическому шву, когда сокращается одна из предикативных частей, чаще всего последняя. Напр., *Гладко было на бумаге, да забыли про овраги: «Получается, что и сами технопарки, и государственная программа софинансирования попали в типичную ловушку под названием «гладко было на бумаге» (Известия, 23.05, 2014); «Верти-*

каль власти в теории – одно, а на практике – гладко было на бумаге» (Известия, 23.05.2014); «Казалось бы, в законе ясно прописано, что делать с нелегалами: за шиворот и домой. Но гладко было на бумаге» (КП, 06.08.2013). Возможно сокращение и первой предикативной части, напр.: «На память от тех мечтательных лет нам остался издевательский плакат <...> да знаменитая шутка Жванецкого: «Только начали хорошо жить, как кончились деньги». Забыли про овраги» (АиФ, 23.08.2006).

Отмеченному типу варьирования чаще всего подвергаются УФ, построенные по модели сложносочиненного предложения. Объясняется данный факт относительной автономностью их предикативных частей в грамматическом, а значит, и смысловом планах. Здесь выделяются сложные структуры с общим противительным значением. Средством связи предикативных центров выступают союзы а, да, выражаются сопоставительные или противительно-уступительные отношения между различными ситуациями (В гостях хорошо, а дома лучше; Глаза боятся, а руки делают; Дружба дружбой, а служба службой и др.). Свойственный большинству подобных единиц синтаксический параллелизм усиливает их способность к самостоятельному употреблению одной из предикативных частей. Результатом становится актуализация значимого для конкретной речевой ситуации смыслового плана УФ. Напр., Дружба дружбой, а служба службой - 'Дружеские отношения не должны влиять на служебные, деловые' [4, с. 102]: «Само начало игры дает понять, что дружба – дружбой, а азарт и спортивную злость за гостеприимной улыбкой не спрячешь» (КП, 18.04.2013); «Дружба дружбой, но какого-то предвзятого отношения нет. В анализе матчей, в оценках специалистов журналисты не переходят грань между дружбой и работой» (Советский спорт, 03.06.2009). Данный способ изменения УФ во многом определяет и специфику их функционирования в тексте. Как синтаксическая структура УФ «равна коммуникативной единице», в таком случае она функционирует самостоятельно, что в письменной речи обозначается знаками завершения, а в устной – паузами. УФ также способна выполнять «функцию компонента коммуникативной единицы, употребляясь как часть сложного предложения». Выбор напрямую «зависит от воли говорящего» [3, с. 132–133]. Здесь необходимо отметить, что выделенные нами сокращенные варианты УФ в равной степени реализуют обе функции. При этом они за счет уже более компактной, лаконичной формы нередко выступают и структурно-семантическим компонентом простого предложения. Сравним, напр., Седина в бороду, <a> бес в ребро: «Предвестником чего обычно выступает седина в бороду» (lenta.ru, 22.01.2016); «Седина в бороду ударила не по сезону» (Vesti.ru, 03.11.2003); «– У меня, как ни парадоксально, бес в ребро всегда: и когда седина, и когда лысина, и когда изысканный сессон...» (КП, 30.10.2013).

Необязательной, но тем не менее весьма распространенной особенностью контекста для употребления такого рода вариантов УФ является экспликация семантики утраченной части словами свободного употребления. Это также нередко способствует расширению границ функционально-синтаксического варьирования УФ. Напр., В гостях хорошо, а дома лучше: «Но в Швеции есть большой плюс в другом: у фермеров больше стабильности, чем у нас. Хотелось бы, чтобы и в нашей стране были фиксированные цены на зерно. Люди должны знать, для чего они работают – а дома лучше!» (КП, 28.07.2010); «Встреча с Родиной всегда волнующа. Как бы хорошо ни отдыхалось, а дома лучше» (Труд-7, 29.06.2001). Ср.: Это еще цветочки, а ягодки впереди: «Подготовительные курсы по математике – это еще цветочки» (lenta.ru, 02.09.2009); «Рассыпанная хлорка по всей квартире – это еще цветочки» (Vesti.ru, 06.10.2015). Как показывают примеры, такие варианты, как правило, занимают позицию одного из главных членов предложения – подлежащего или сказуемого.

Редукция УФ по предикативному шву с выделением и более свободным функционированием в статусе как самостоятельной единицы, так и компонента синтаксической структуры – частотное явление и в системе фразовых единиц, организованных по модели бессоюзного сложного предложения. При этом также важен характер смысловых отношений между предикативными частями – это структуры, как правило, с сопоставительным и условно-временным значениями (Собака лает, караван идет; Баба с возу – кобыле легче; Волков бояться – в лес не ходить; Вот тебе Бог – вот и порог; Коготок увяз – всей птичке пропасть; Лес рубят – щепки летят и др.).

Сравним возможные модификации подобных УФ при условии синтаксического параллелизма их предикативных частей. Напр., *Око за око, зуб за зуб*: «... большинство из них, считает политик, не придерживается принципа «око за око» (*lenta.ru*, 29.10.2020); «Око за око – не наша тактика, уверяла она» (*lenta.ru*, 18.02.2019); «Это хороший способ оказать давление, а не просто вводить пошлыны по принципу зуб за зуб» (*Ведомости*, 20.05.2019); «Еще бы: зуб за зуб – вариант бесперспективный» (*МК*, 07.08.2017). При синтаксическом параллелизме и смысловой равнозначности частей УФ *Око за око, зуб за зуб* со значением 'За причиненное зло платят тем же' [4, с. 275] легко подвергается редукции первой или последней части. В условиях контекста образованные варианты функционально равноправны: выражают инвариантное фразовое значение, употребляются в качестве одного из главных или второстепенных членов предложения.

При отсутствии смысловой идентичности подобные фрагменты за счет контекста могут реализовывать только свой семантический план. Напр., *Лес рубят – щепки летят*: «Лес рубят – коттеджи растут: под Дмитровом губят заповедное озеро. Пейзаж вокруг озера Круглое в Дмитровском районе Подмосковья стремительно меняется. На заповедной земле вырубают лес...» (*Vesti.ru*, 27.10.2015); «Мои руки, я 10 лет занимаюсь боксом. Бью так, что щепки летят» (*КП*, 24.03.2009). Стоит отметить, что при таком употреблении УФ сокращение ее плана выражения может сопровождаться изменением семантики: в речевом акте единица реализует как иносказательный, так и буквальный смысл. В исследованиях В. Т. Бондаренко данный тип варьирования получил определение – «двуплановое денотативное варьирование» [3, с. 36].

Для УФ, организованных по модели ССП неоднородного состава в большей степени свойствен эллипсис последней предикативной части. В таких единицах основной фразеологический смысл приходится на первую часть, тогда как следующие лишь уточняют ее. С точки зрения грамматической организации в устранимом фрагменте нередко наблюдается присутствие семантически неполных слов (местоимений, местоименных наречий, частиц и пр.) или отсутствие слов, необходимых для передачи значения, что и создает ограничения для самостоятельного употребления данных отрезков (Пригрели змейку, а она тебя за шейку; Чья бы корова мычала, а твоя молчала; Близок локоть, да не укусишь; Не место красит человека, а человек место и т.п.). Напр.: *Не место красит человека, а человек место*: «Сказав, что ни видит никакой проблемы в выдвигении «нераскрученных лиц», он добавил: «Тезис о том, что не место красит человека, устарел» (*Известия*, 28.06.2004); «Хотя говорят, что не место красит человека, тем не менее здесь предпочли иметь стулья за 1,3 миллиона рублей за каждый, журнальный столик стоимостью в 3,3 миллиона...» (*Известия*, 16.10.1997). Сплошная выборка по материалам газетного корпуса НКРЯ позволила зафиксировать 9 случаев такого употребления УФ, в то же время нет ни одного примера функционирования фрагмента «а человек место».

Аналогичная закономерность наблюдается и в использовании УФ со структурой бессоюзного предложения, когда вторая часть указывает на причину событий,

представленных начальной синтагмой, или поясняет ее (Жена не рукавица: с руки не скинешь, за пояс не заткнешь; Слово не воробей, вылетит – не поймаешь; Как собака на сене: сама не ест и другим не дает и пр.). Напр., *Закон, что дышло: куда повернул, туда и вышло*: «Закон – что дышло, говорит народ, а народ всегда прав» (Известия, 05.08.2015); «Даже если и знали, то пьяному, как говорится, море по колено и закон что дышло» (КП, 21.07.2013); *Слово не воробей, вылетит – не поймаешь*: « – Слово не воробей, раз сказано – надо выполнять, поддержала коллегу Валентина Матвиенко» (Парламентская газета, 29.05.2019); «Пословицу «Слово – не воробей» решили напомнить российским чиновникам» (Известия, 27.08.2015). Ряд таких УФ в силу частотности функционирования в сокращенном виде на современном этапе все реже соотносятся со своей исходной полной формой. Анализ газетного корпуса позволил отметить 59 случаев употребления устойчивой единицы Собака на сене (Как собака на сене) из УФ Как собака на сене: сама не ест и другим не дает. Напр.: «По его словам люди ведут себя как «собака на сене», а сельское хозяйство не развивается» (МК, 02.09.2019); «Налажена жесткая система мониторинга, и те, кто пытается этого избежать или сидеть как собака на сене, попадают на штрафы» (Ведомости, 11.04.2015) и др.

Модель сложноподчиненного предложения в системе УФ (прежде всего – словично-поговорочных выражений) – явление не столь распространенное. Но здесь также можно выделить определенные закономерности их количественного варьирования в зависимости от конкретного вида подчинительной связи. УФ местоименно-соотносительной структуры в большей степени подвержены сокращению последней предикативной части, напр.: *Чем богаты, тем и рады* → «Было бы разрешение на работу – так вообще шикарно. Но, как говорится, чем богаты» (КП, 10.10.2013). При этом и здесь наиболее частотным является эллипсис с интонацией незавершенности, что на письме обозначается многоточием. Как стилистический прием такой способ редукции ориентирован на читателя и подсказывает ему необходимость продолжить фразу: «Ежели, конечно, дело идет по поговорке: «Что у трезвого на уме...» (Известия, 17.11.2010); «Кто рано встает... – Альберт Иванович, новый сезон, наверно, новые заботы» (Советский спорт, 10.01.2012); «Он еще и наркоман. Чем дальше в лес...» (КП, 06.10.2003); «Чем бы дитя не тешилось...» (Известия, 03.03.2018). Объясняется это, во-первых, высокой степенью спаянности частей сложноподчиненной структуры, во-вторых, высоким прогностическим потенциалом именно первых компонентов, поскольку УФ «представляет собой словоряд с известным числом членов, распределенных в определенной последовательности», в синтагме каждый предшествующий элемент предсказывает последующий [3, с. 106].

Особое место среди количественных изменений УФ в речи занимает контаминация, поскольку преобразование здесь затрагивает сразу две фразовые единицы. При этом, как отмечает В. Т. Бондаренко, «в контаминационные отношения вступают такие УФ, которые обладают общими (или сходными) лексическими компонентами или синтаксической структурой» [3, с. 116]. Как показывают наши наблюдения, контаминация нередко основывается на объединении предикативных частей фразовых единиц, предварительно подвергшихся сокращению компонентов, менее значимых для данных условий коммуникации. Напр.: *Что с возу упало, то пропало и Что написано пером, того не вырубишь топором* → *Что с возу упало, того не вырубишь топором; Посеешь ветер – пожнешь бурю и Слово не воробей, вылетит – не поймаешь* → *Посеешь ветер: вылетит – не поймаешь; Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь и Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива* → *Не говори «гоп», коли рожа крива и др.* [6, с. 384]. Такое видоизменение УФ основано исключительно на экспрессии, комическом эффекте, поэтому здесь может наблюдаться и явная «смысловая алогичность, парадоксальность» [3, с. 117]. Однако узнаваемость фра-

зеологического знака, на наш взгляд, возможна именно благодаря сохранению структуры УФ, выбранной автором в качестве деривационной основы. Ср. также: «Лучше баба с воза, чем журавль в небе; Баба с воза – волки сыты; Не все то баба с воза, что блестит; Кому баба с воза, а кому и мать родна» (dzen.ru).

УФ, организованные по модели простого предложения, также подвергаются сокращению плана выражения. Но количественное преобразование здесь носит иной характер: из состава такой единицы вычленяется фрагмент в структурном, смысловом и функциональном плане близкий идиоме. Напр.: *Запретный плод сладок* → «И теперь, вкусив запретный плод, Гоша не хочет возвращаться в простые смертные» (МН, 2017, №2); *Паршивая овца все стадо портит* → «Результат – психологическая перегруженность детей, которые не могут справиться с этим грузом ответственности и стать белой вороной или паршивой овцой» (МН, 2016, №50). «Наиболее характерным и продуктивным для современного русского языка является процесс выделения из УФ субстантивных и глагольных отрезков» [3, с. 113]. Напр.: *Стреляного воробья на мякине не проведешь* → *стреляный воробей и проведи на мякине*: «В этом плане я стреляный воробей. Я мудрый и хитрый» (АиФ, 09.08.2004); «Не только прямой обман, но и наивные, а то и не очень наивные попытки провести на мякине, не нарушая буквы закона...» (Ведомости, 16.01.2019). В данных примерах выражение «стреляный воробей» реализует часть значения исходной единицы – ‘опытный человек’, компонент «провести на мякине» – ‘обмануть’. *Новая метла по-новому метет – новая метла и мести по-новому*: «... «новая метла» через полгода станет «старой» – и потечет все в «Спартаке» по накатанной колее» (Советский спорт, 16.09.2008); «Во-первых, чтобы мести по-новому, во-вторых, чтобы убрать предвыборную грязь» (КП, 09.08.2001). Здесь «новая метла» – ‘новый начальник’, «мести по-новому» – ‘вводить иные (новые) порядки’. Во всех случаях такого употребления мы имеем дело с пограничными примерами преобразования УФ между собственно вариантами и новой единицей, поскольку выделяемый фрагмент представляет лишь часть семантики исходной фразы и в контексте реализует все функциональные возможности собственно фразем: выступает в качестве одного из компонентов грамматической основы свободного предложения, распространяет другие лексические единицы и сам получает более широкие возможности распространения.

Такое сокращение УФ может достигать предела, когда из состава фразы выделяется отдельная лексема, напр.: «Важно, что одной внешностью дело не ограничилось. Метла обновления прошла и по салону» (vesti.ru, 27.05.2015); «Энергоэффективный «журавль» и традиционная «синица». На первый взгляд переход к использованию ламп нового поколения, безусловно, выгоден для потребителя» (Коммерсант, 28.09.2010). Как видно из примеров, вычленяться лексемы могут как из простых, так и сложных структур, но, как правило, такое отфразеологическое слово – конечный результат поступательного процесса сокращения: сложная структура → простая → фразема → слово. Подтверждением сказанному может служить широкое употребление в речи отпословичных образований «синица в руках» и «журавль в небе»: «Синица в руках, конечно, это больше, чем ничего» (МК, 10.05.2006); «Синица в руках! – и смеется так залиvisto, что прям рука чешется дать подзатыльник» (КП, 15.05, 2013); «Потенциальные доходы – всего лишь журавль в небе» (Парламентская газета, 26.12.2017); «Модернизация нефтепереработки для правительства – это «журавль в небе» (Ведомости, 13.10.2010). По данным НКРЯ насчитывается соответственно 18 и 20 случаев их употребления.

В то же время примеры функционирования отдельных лексем «синица» и «журавль» единичны, их использование в большей степени ограничено условиями контекста, где в различных вариантах встречаются отсылки к исходной единице.

Напр.: «Но даже 18 млрд., а на порядок меньшая сумма – это упитанная синица в руках по сравнению с 40 млрд. иракского «журавля» (*vesti.ru*). Окончательный отрыв такого отфразеологического слова возможен, но это длительный процесс, который можно рассматривать с позиции диахронии. Например, в толковых словарях на современном этапе глагол «аукнуться» фиксируется во втором значении ‘вызывать какие-либо неприятные последствия; отозваться’ – Аукнется еще эта драка [5]. На это движение от сложного к простому впервые указал А. А. Потебня в своей работе «Из лекций по теории словесности: басня, пословица, поговорка» [7].

Таким образом, анализ фразеологического материала позволяет нам сделать вывод о высокой степени зависимости количественного варьирования УФ от их структуры, поскольку как имплицирование, так и эксплицирование затрагивает прежде всего лексическую протяженность единиц. Для УФ, план выражения которых представляет собой простую структуру, весьма частотными являются варианты, образованные путем вычленения фрагментов, равнозначных фраземам и / или лексемам. Характер изменений УФ, организованных по модели сложного предложения, определяется особенностями грамматической связи внутри синтагмы: при условии равнозначности предикативных частей редукации по структурно-семантическому шву подвергаются обе части – образуются эллиптические варианты с интонацией завершенности, грамматическая зависимость компонентов предопределяет сокращение только одного фрагмента. При контаминации обнаруживается аналогичная закономерность: предварительно сокращаются, как правило, единицы сложной структуры, с последующим объединением частей и обязательным сохранением одной из модели исходных УФ, взятой за фразеологическую основу.

Список источников и литературы

1. *Архангельский В. Л.* Устойчивые фразы в современном русском языке: Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов-н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1964. 315 с.
2. *Бондаренко В. Т.* Варьирование устойчивых фраз в русской речи : учеб. пособие по спецкурсу. Тула: изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 1995. 151 с.
3. *Бондаренко В. Т.* Устойчивые фразы в русской речи. Тула: изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2011. 153 с.
4. *Жуков В. П.* Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Рус. яз.-Медиа, 2007. 649 с.
5. *Кузнецов С. А.* Большой токовый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
6. *Мокиенко В. М., Вальтер Х.* Прикольный словарь (антипословицы и антиафоризмы). СПб.: Нева, 2006. 381 с.
7. *Потебня А. А.* Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка // Теоретическая поэтика. М.: Высш. шк., 1990. С. 55–110.
8. *Сафонова Т. В.* Имплицирование устойчивых фраз в русской речи : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Сафонова Татьяна Владимировна. Елец, 2012. 210 с.

References

1. Arkhangel'skiy, VL 1964, *Ustoychivyye frazy v sovremennom russkom yazyke: Osnovy teorii ustoychivyykh fraz i problemy obshchey frazeologii* (Set phrases in the modern Russian language: Fundamentals of the theory of set phrases and problems of general phraseology), Izd-vo Rost. un-ta publ, Rostov-na-Donu. (In Russ.)
2. Bondarenko, VT 1995, *Varyirovaniye ustoychivyykh fraz v russkoy rechi* (Variation of set phrases in Russian speech), izd-vo TGPU im. L. N. Tolstogo publ, Tula. (In Russ.)
3. Bondarenko, VT 2011, *Ustoychivyye frazy v russkoy rechi* (Set phrases in Russian speech), izd-vo TGPU im. L. N. Tolstogo publ, Tula. (In Russ.)

4. Zhukov, VP 2007, *Slovar russkikh poslovits i pogovorok* (Dictionary of Russian proverbs and sayings), Rus. yaz.-Media publ, Moscow. (In Russ.)
5. Kuznetsov, SA 2000, *Bolshoy tokovyy slovar russkogo yazyka* (Large current dictionary of the Russian language), Norint publ, St.Petersburg. (In Russ.)
6. Mokiyeenko, VM & Walter, H 2006, *Prikolnyy slovar (antiposlovitsy i antiaforizmy)* (Cool dictionary (anti-proverbs and anti-aphorisms)), Neva publ, St. Petersburg. (In Russ.)
7. Potebnya, AA 1990, 'Iz lektsiy po teorii slovesnosti. Basnya. Poslovitsa. Pogovorka' (From lectures on the theory of literature. Fable. Proverb. Proverb), *Teoreticheskaya poetika* (Theoretical poetics), Vyssh. shk. publ, Moscow. (In Russ.)
8. Safonova, TV 2012, *Implitsirovaniye ustoychivyykh fraz v russkoy rechi* (Implication of set phrases in Russian speech), PhD thesis, Yelets. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 22.04.2024
Одобрена после рецензирования: 13.09.2024
Принята к публикации: 07.11.2024

The article was submitted: 22.04.2024
Approved after reviewing: 13.09.2024
Accepted for publication: 07.11.2024

Научная статья

УДК 81.22

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-139-147>

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЗНАКОВ-ИНДЕКСОВ В РОМАНЕ В. В. ВЕРЕСАЕВА «СЕСТРЫ»

**Валерия Юрьевна
Сухотина**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, valeryanka.box1@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-9490-1640>

Аннотация. В статье рассмотрены знаки-индексы как элементы построения художественного пространства романа В. В. Вересаева «Сёстры». Художественные детали романа изучены в контексте теории знаков Ч. С. Пирса. В статье раскрыта суть понятия знака-индекса, затронуты проблемы определения индексальных знаков в тексте и их роли в построении художественного пространства романа. В отличие от иконических знаков, индексы лишь указывают на объект действительности, не называя его напрямую. Знаки-индексы обладают когнитивно-эмотивными характеристиками, так как вынуждено отсылают человека к его эмпирическому опыту, культурным знаниям. Автор статьи опирается на положение о семиотической природе внутритекстовых элементов художественного произведения. В свою очередь текст рассматривается как одна из форм существования культуры согласно теории Ю. М. Лотмана. Автор статьи акцентирует внимание на процессе развития культурно-языковой парадигмы, что порождает трансформацию значения культурных реалий. Данные изменения обусловлены синхроническими и диахроническими процессами. Тем не менее изменения становятся видимыми ввиду существования нормы языка, согласно которой строится культурный код народа. Так автор приходит к выводу об определении культуры в качестве исторической памяти народа. Знакомясь с культурной эпохой, реализующейся в романе, читатель должен обладать определенными фоновыми знаниями. Погрузиться в художественные мини-миры становится возможным при помощи языковых инструментов – лингвокультурных деталей. В статье предпринята попытка интерпретации важных для понимания культурной эпохи произведения фрагментов на материале романа В. В. Вересаева «Сёстры», выделены индексальные знаки, дана лексико-семантическая и семантико-прагматическая характеристика лексических единиц.

Ключевые слова: художественное пространство, индексальные знаки, культурная эпоха, интерпретация, эмотивное значение.

Для цитирования: Сухотина В. Ю. Лингвокультурологические аспекты лексико-семантической и функциональной характеристики знаков-индексов в романе В. В. Вересаева «Сестры» // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 3 (19). С. 139–147. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-139-147>

Сведения об авторе: В. Ю. Сухотина – аспирант кафедры документоведения и стилистики русского языка, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

Scientific Article

UDC 81.22

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-139-147>

LINGUOCULTURAL ASPECTS OF LEXICO-SEMANTIC AND FUNCTIONAL CHARACTERIZATION OF INDICES IN THE NOVEL “THE SISTERS” BY VIKENTY VERESAEV

Valeria Ju. Sukhotina

Tula State Pedagogical Lev Tolstoy University
Tula, Russia, valeryanka.box1@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-9490-1640>

Abstract. The article considers indices as elements of the constructing the artistic space of Vikenty Veresaev's novel “The Sisters”. The novel's artistic details are examined within the context of Peirce's Theory of Signs. The article reveals the fundamental concept of the index, outlines the difficulties associated with defining indices within the text, and examines their role in the construction of the artistic space of the novel. Unlike iconic signs, indexes only point to an object of reality without naming it directly. The characteristics of indices are cognitive-emotive, as they compel individuals to draw upon their empirical experience and cultural knowledge. The author of the article relies on the semiotic nature of the intra-textual elements of an artwork. In turn, the text is considered as one of the forms of cultural existence according to the theory of Juri Lotman. The author's primary focus is on the evolution of the cultural-linguistic paradigm, which has resulted in a significant shift in the interpretation of cultural phenomena. Such alterations are attributable to both synchronic and diachronic processes. Nevertheless, changes become visible due to the existence of a language norm, according to which the cultural code of the nation is built. In conclusion, the author suggests that culture should be defined as the historical memory of the nation. In order to gain an understanding of the cultural context depicted in the novel, it is necessary to possess a certain degree of background knowledge. It becomes possible to dive into artistic mini-worlds with the help of linguistic tools such as linguocultural details. The article attempts to interpret the fragments that are crucial for comprehending the cultural epoch of the work, based on the material presented in Vikenty Veresaev's novel, 'The Sisters'. It identifies indices, provides lexical-semantic and semantic-pragmatic characterization of lexical units.

Keywords: artistic space, indices, cultural epoch, interpretation, emotive meaning.

For citation: Sukhotina, VJu 2024, ‘Linguocultural Aspects of Lexico-semantic and Functional Characterization of Indices in the Novel “The Sisters” by Vikenty Veresaev’, *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (19), pp. 139–147, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-139-147> (in Russ.)

Information about the Author: Valeria Ju. Sukhotina – Postgraduate Student of the Department of Document Science and Russian Language Stylistics, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

© Sukhotina V. Ju., 2024

Введение

Вопрос взаимодействия и взаимовлияния языка и культуры в современной лингвистической науке остается актуальным [1; 3; 11]. С течением времени происходят изменения в языковой парадигме, отсюда меняется смысл культурных реалий [4, с. 35]. Культура и язык имеют сходные черты, такие, как нормативность и историзм [10, с. 225]. Норма в языке и культуре реализует функцию сохранения культурного кода, однако данная характеристика может быть непостоянным показателем ввиду вариативности и созданных искусственно подходов к преобразованию культуры. Представляется важным отметить, что и культура, и язык развиваются в контексте времени. При смене поколений происходит сдвиг в парадигмальном срезе культурных ценностей и установок, но межпоколенный опыт транслируется в двух направлениях – синхроническом и диахроническом. Отсюда можно сделать вывод, что культура также представляет собой «своеобразную историческую память народа» [10, с. 226], а языковые единицы – это инструмент передачи отраженных в культуре явлений. Здесь уместно подчеркнуть неоднородность понятий языковой и культурной компетенции. Последняя основывается на «интерпретации языковых знаков в категориях культурного кода» [10, с. 227]. Так, культурное и языковое пространство оказывают двустороннее влияние и являются семиотическими системами. Понимание языковых знаков в рамках культуры рассматривается как одно из ключевых направлений лингвокультурологии.

Объектом изучения лингвокультурологии является взаимодействие языка и культуры. На основе работ Ю. М. Лотмана можно сделать вывод, что текст рассматривается лингвокультурологами как одна из форм существования культуры [5, с. 396]. Язык же представляется исследователю как составная часть текста. Вслед за Ю. М. Лотманом культуролог и семиотик С. Т. Махлина считает, что система языков представляет собой языки культуры, которые определяют знаковость вещей и произведений искусства [6, с. 5]. Из данных положений можно сделать вывод, что художественный текст представляет собой некое семиотическое пространство, или семиосферу [4, с. 168]. Помимо иконических знаков, заполняющих данное пространство, оно включает в себя знаки-индексы, указывающие на те или иные лингвокультурные детали.

Материалы и методы

Цель исследования заключается в выявлении лексико-семантических и функциональных особенностей индексальных знаков при интерпретации художественного текста (на материале романа В. В. Вересаева «Сёстры»). Объектом исследования являются индексальные знаки, содержащиеся в художественном тексте. Предмет включает в себя лексико-семантическую и функциональную репрезентацию художественного пространства романа В. В. Вересаева «Сёстры» при помощи индексальных знаков. В данной статье используются следующие методы исследования: метод лингвистического и филологического анализа текста, метод контролируемого отбора.

Обсуждение результатов

Согласно классификации знаков Ч. С. Пирса, знак-индекс представляет собой «репрезентацию, отсылающую к своему объекту... в силу существования динамической пространственной связи с индивидуальным объектом, с одной стороны, и с чувственностью или памятью того, кому он служит знаком, – с другой» [7, с. 94]. Знак-индекс может указывать на что-либо в пространстве или времени. В отличие от иконического знака, объект знака не отсылает напрямую на его форму, но ссылается на его когнитивно-эмотивную составляющую [6, с. 7; 10, с. 232; 16]. Кроме того, индексальный знак воплощается единичным объектом и обладает вынужденным характером [7, с. 96]. Функция индексального знака заключается в том, что он указывает на

какие-либо явления или события действительности, прямо не называя их. Указания на данные события, как правило, раскрываются из контекста, пространственно-временных отношений или при помощи фоновых знаний участников лингвокультурной общности. Знаки-индексы ярко проявляют себя в художественных произведениях. В семиотическом пространстве романа индексальные знаки имплицитно встроены в синтагматические отношения, отраженные в художественном произведении.

В романе В. В. Вересаева «Сестры» читатель может наблюдать смену культурных парадигм ввиду осуществления развития культуры с течением времени. Лелька просит свою сестру Нинку обрезать длинные волосы, пытается ее пристыдить, так как считает, что ее внешний вид не выражает приверженности к рабочему классу: *Нинка! Остриги косы! Дело не в косах. А отбрось к черту буржуазный пережиток!* (Вересаев В. В. «Сестры»). Историзм романа проявляется в противопоставлении царского дореволюционного строя Российской империи послереволюционному периоду при свержении монархии. Так, идеологическое противоборство буржуазии рабочему классу отражается в мыслях, словах и поступках главных героев. Ради того, чтобы стать частью радостной пролетарской борьбы, Лелька оставляет учебу в университете и всецело посвящает себя социалистическому строительству: *Кончила заниматься ерундовыми дневниками комсомолка Лелька Ратникова, бывшая вузовка* (Вересаев В. В. «Сестры»). Слово сочетание «*ерундовые дневники*» указывает на пренебрежительное отношение Лельки к процессу ведения дневника, так как он предусматривает романтизированное выражение своих сокровенных мыслей и чувств, что не соответствует образу мыслей настоящей комсомолки. Далее она описывает образ мыслей, который, по ее мнению, присущ истинному комсомольцу: *У комсомольца каждый миг рассчитан, на все надо смотреть с выдержанным марксистским взглядом, все у него рационально и материалистично, следовательно, абсолютно истинно* (Вересаев В. В. «Сестры»). Для понимания причин возникновения данного образа стоит обратиться к сути философского направления марксизма и возникшего позже направления марксизма-ленинизма. Название данной идеологии происходит от фамилий известных социалистических деятелей и авторов многочисленных трудов Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Согласно словарной статье Д. Н. Ушакова, марксизм определяется как система взглядов и учения Маркса – Энгельса, теория научного коммунизма, ...и дальнейшим развитием которой является ленинизм [13, т. 2, с. 147]. В свою очередь понятие «ленинизм» есть «учение Ленина, представляющее собой дальнейшее развитие и конкретизацию марксизма в условиях империализма и пролетарской революции». В своей речи Сталин утверждал, что «ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Точнее: ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности. ...Ленинизм нельзя ни отделять от марксизма, ни тем более противопоставлять марксизму» [13, т. 2, с. 43]. В дополнение к вышеуказанным учениям представляется важным объяснить сущность понятия коммунизма. Коммунизм – это «общественная формация, идущая на смену капитализму, основывающаяся на крупном научно-организованном общественном производстве, организованном распределении и состоящая из двух фаз: 1) низшей (социализм), при которой средства производства уже являются общественной собственностью, классы уже уничтожены, но сохраняется еще государство, и каждый член общества получает в зависимости от количества и качества его труда; 2) высшей (полный коммунизм), при которой отмирает государство и осуществляется принцип: “от каждого по способностям, каждому по потребностям”» [14, т. 3, с. 1424]. Таким образом, коммунистический строй общества основан на общем пользовании результатами трудовой деятельности, где каждый получает пропорцио-

нально выработанным средствам. В рамках первой фазы общественное классовое разделение перестает существовать, а затем исчезает необходимость в общественном государственном управлении. Так, используя словосочетание «марксистским взглядом», автор указывает на приверженность Лельки коммунистическим идеям. Согласно ее убеждениям, у комсомольца должно быть рациональное мышление, которое Лелька считает единственно верным.

В процессе повествования читатель узнает, что сестры, отучившись некоторое время и оставив университеты, поступили на производство. Нинка кончила семилетнее обучение (семилетку), а Лелька училась девять лет (девятилетку). Во время редких бесед с матерью Лелька иногда вспоминала свою университетскую жизнь: *Лелька рассказывала, как они у себя, на факультете, вычистили целую компанию помещичьих и поповских сынков и дочек (Вересаев В. В. «Сестры»)*. Члены партии в СССР имели возможность пользоваться некоторыми привилегиями, например, брат Баси Арон состоял в партии с целью выдвижения по карьерной лестнице. Похожая ситуация описана в романе, где упоминаются класс помещиков и люди, принадлежащие какому-либо сану. Выражение «помещичьих и поповских сынков и дочек» указывает на то, что дети родителей высшего класса нередко попадали в университет и становились партийными не ради достижения общих целей коммунизма, а ради собственных интересов, что приравнивалось к оппортунизму. Басю также не обошли стороной едкие высказывания со стороны работниц на предмет цели ее поступления в высшее учебное заведение: *Была у Баси в селе Борогодском. <...> Ушла в самую гущу пролетариата и насквозь пропиталась его духом. Работницы другие ей говорят:*

– Ну, ты – интеллигентка. Разве ты с нами долго станешь работать? Пришла, чтобы в вуз поступить или выдвинуться по партийной линии (Вересаев В. В. «Сестры»). Использование лексемы «выдвинуться» в словосочетании «выдвинуться по партийной линии» обосновано связью с ее прямым значением «продвинуться вперед». Образовавшееся выражение имеет значение получить высокое положение в партийных кругах (определение Сухотиной В. Ю.). Выдвинуться по партийной линии имело колоссальное значение для советского человека ввиду того, что партийному человеку открывалось множество возможностей в отличие от беспартийного. Так, в обществе возникает межличностный конфликт между партийными и непартийными гражданами. Для члена партии крайне важным аспектом являлось проникнуться осознанием неизбежности пролетарской революции. На этот факт указывает выражение «пропитаться духом пролетариата», где слово «пропитаться» использовано в переносном значении «внедрить что-нибудь во что-нибудь, целиком охватить, пронизать чем-нибудь» [14, т. 3, с. 980], а дух – «склонность к чему-нибудь, начало, определяющее образ мыслей, поведение, настроение» [12, т. 1, с. 815]. Выражения, в составе которых содержится лексический компонент «дух», например, *дух товарищества, дух коллективизма*, имеют одобрительное положительное значение. Здесь можно проследить некоторую разрозненность между понятиями «душа» и «дух» [9, с. 736–737]. «Душа» является религиозным термином и отрицалось в социалистическом обществе, в отличие от понятия «дух», которое может употребляться в различных коммуникативных ситуациях, например, в выражениях *моральный дух, поднять дух* и других используется значение «внутреннего состояния, моральной силы» [15, с. 184].

Автор акцентирует внимание на том, что сестрам не удается добиться взаимопонимания с мамой, придерживавшейся в прошлом большевистских взглядов:

Мама загорелась, вытаращила глаза, спросила:

– Что же, это хорошо?

Мы ответили:

– Конечно, хорошо. Какой смысл для советской власти за счет рабочих и крестьян давать оружие образования в руки классовых своих врагов? (Вересаев В. В. «Сестры»).

В данном фрагменте диалога между сестрами и их мамой индексальным является выражение «классовые враги». Под классовыми врагами в период развития событий романа понимались граждане, препятствующие внедрению и функционированию классового подхода (определение Сухотиной В. Ю.). В свою очередь классовый подход определяется как марксистско-ленинский принцип рассмотрения социальных явлений с позиций рабочего класса [15, с. 248]. Таким образом, классовыми врагами в романе считаются борцы с коммунистической идеологией, выступающие против процветания рабочего класса, приверженцы буржуазного строя.

В романе содержится некоторая информация об отце сестер. Автор сообщает читателю о том, что революционер Александр Ратников был приговорен к высшей мере П. А. Столыпиным. В. В. Вересаев в примечаниях к роману дает историческую справку: Столыпин Петр Аркадьевич (1862 – 1911) – с 1906 г. министр внутренних дел, затем Председатель Совета министров. Убит в Киеве Багровым (прим. Вересаев В. В. «Сестры»): *А ведь была она [мама] большевичкой до самого Октября. Ее муж, наш отец, знаменитый революционер Александр Ратников, повешенный Столыпиным* (Вересаев В. В. «Сестры»). Индексальные знаки в данном фрагменте и примечания автора помогают читателю понять, в какой период истории происходили те или иные события и какую роль в них играли герои повествования.

Социалистическое мировоззрение формировалось в обществе посредством пропаганды и агитации в сфере искусства и литературы. В кругу просвещённой молодежи распространенными стали понятия «пролетарская литература» и «пролетарские писатели». Работы пролетарских писателей могли обсуждаться в клубах, общественных литературных организациях либо в часы досуга: *У нас в клубе вчера читали пролетарские писатели, – я видела и слышала этих пионеров нашей, пролетарской литературы* (Вересаев В. В. «Сестры»). Содержание работ пролетарских писателей было посвящено борьбе пролетариата как класса с капиталистическим строем. При этом следует считать пролетарскую литературу частью партийной литературы ввиду того, что данные жанры преследуют схожие цели. По мнению вождей пролетариата, коммунистическая идеология, проявляющаяся в литературе, является «высшей формой народности и выражением коренных интересов народа». Данная концепция в литературном творчестве была развита революционно-демократическим движением, в том числе в лице Карла Маркса и Фридриха Энгельса. В своем труде «Партийная организация и партийная литература» 1905 года В. И. Ленин разработал и обнародовал показатель партийности литературы, который заключался в «органическом единстве свободы, широкой творческой инициативы писателей революционного рабочего класса и их сплоченности вокруг партии» [8, с. 260]. По мнению героя романа Шерстобитова, пролетариату чужды любовные мотивы поэзии, он думает о пролетарской революции: *Один из поэтов прочел два стихотворения, очень хороших, где рассказывал о лунной ночи и о своей любви к дивчине. Шерстобитов стал его крыть и заявил, что современная пролетарская молодежь не думает о поцелуях и лунных ночах, а думает о социализме, что пролетариату чужда “любовь двух сердец”, потому что мысли его заняты мировой революцией* (Вересаев В. В. «Сестры»). Таким образом, словосочетания «пролетарская литература» и «пролетарские писатели» являются индексальными знаками, указывающими читателю на характер художественной литературы коммунистического периода. В выражении «пионеры пролетарской литературы» лексическая единица «пионер» имеет следующее переносное значение: «Человек, первым начавший какое-либо дело» [15, с. 437]. С развитием языка слово «пионер» приобрело множе-

ство дополнительных лексических значений. Индексальным также является использованное в романе выражение «ненависть к буржуазии и капиталистическому строю». Нинка, одна из сестер, пишет в дневнике о ее руководстве юными пролетарцами – пионерами и гордится тем, что прививает молодежи стойкое чувство неприязни к классовой борьбе: *Под моим руководством находится шестьдесят пролетарских детей – юных пионеров. <...> Когда я говорю им о классовой борьбе, бужу в них ненависть к буржуазии и капиталистическому строю... (Вересаев В. В. «Сестры»)*. Здесь автор при помощи лингвокультурных деталей старается передать колорит воодушевляющих чувств, побуждающих сестер на социалистическую революционную деятельность.

Заключение

Итак, отношения объекта и референта иконических и индексальных знаков обладают различной природой – в отличие от иконических знаков индексы лишь указывают на объект действительности, не называя его, при этом активизируя когнитивные функции человека, такие, как восприятие и переработка информации. Отсюда знаки-индексы обладают когнитивно-эмотивными характеристиками, так как вынуждено отсылают человека к его фоновым культурным знаниям. Автор статьи опирается на положение о семиотической природе языковых элементов художественного пространства. В свою очередь текст рассматривается как одна из форм существования культуры согласно теории Ю. М. Лотмана. Автор статьи акцентирует внимание на процессе развития культурной и языковой парадигм, что изменяет представления человека об эпохе, а именно о культурных реалиях и установках. Известно, что данные изменения связаны с явлением исторического развития в синхронном и диахронном направлениях. Ввиду существования языковой нормы, формирующей культурный код народа, данные изменения становятся обозримыми. Так автор констатирует, что культура представляет собой историческую память народа. Знакомясь с романом В. В. Вересаева «Сестры», читатель погружается в культурную эпоху начала 1920-х годов, реализующуюся в романе. При помощи лингвокультурных деталей – знаков-индексов автор раскрывает мини-миры, обращает внимание читателя на важные для позиции автора моменты. Индексальные знаки в романе способны показать реакцию персонажа на ту или иную ситуацию, его принадлежность к определенному слою общества, указать на его взгляды и идеологические установки.

Список источников и литературы

1. *Алефиренко Н. Ф.* Когнитивно-семиологические аспекты лингвокультурологии // Вопросы когнитивной лингвистики 2006. № 1 (007). С. 36–44.
2. *Вересаев В. В.* В тупике ; Сестры : [романы]. М.: Кн. палата, 1990. 398 с.
3. Лингвокультурология и языки для специальных целей / В. В. Воробьев [и др.] // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2018. № 11/2. С. 85–90.
4. *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Яз. рус. культуры, 1996. 464 с.
5. *Лотман Ю. М.* Культура и информация // Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. С. 394–396.
6. *Махлина С. Т.* Семиотика культуры повседневности : монография. СПб.: Алетейя, 2009. 232 с.
7. *Пирс Ч. С.* Начала прагматизма. Т. 2. Логические основания теории знаков. СПб.: Лаб. метафиз. исслед. при филос. фак. СПбГУ : Алетейя, 2000. 352 с.
8. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост.: Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. 509 с.

9. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академ. проект, 2001. 989 с.
10. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Яз. рус. культуры, 1996. 288 с.
11. Токарев Г. В. Единицы языка и единицы лингвокультуры // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке : материалы междунар. науч. конф., Тула, 17 – 19 мая 2018 года. Тула: ТППО, 2018. С. 405–409.
12. Толковый словарь русского языка. Т. 1: А – Кюрины / гл. ред. Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков ; сост. В. В. Виноградов [и др.]. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935. 826 с.
13. Толковый словарь русского языка. Т. 2: Л – Ояловеть / гл. ред. Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков ; сост. В. В. Виноградов [и др.]. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1938. 521 с.
14. Толковый словарь русского языка. Т. 3: П – Ряшка / гл. ред. Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков ; сост. В. В. Виноградов [и др.]. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1939. 712 с.
15. Толковый словарь языка Совдепии / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина; Санкт-Петербургский гос. ун-т. СПб.: Фолио-пресс, 1998. 700 с.
16. Шаховский В. И., Волкова П. С. Эмотивность как принцип познающей и смыслообразующей деятельности сознания // Мир лингвистики и коммуникации : электрон. науч. журнал. 2017. № 4. С. 138–163. URL: http://tverlingua.ru/archive/050/8_50.pdf (дата обращения: 28.09.2024)

References

1. Alefirenko, NF 2006, 'Kognitivno-semiologicheskiye aspekty lingvokulturologii' (Cognitive-semiological paradigm in linguo-cultural studies), *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* (Issues of Cognitive Linguistics), no. 1 (007), pp. 36–44, viewed 26 September 2024, <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivno-semiologicheskie-aspekty-lingvokulturologii1> (In Russ.)
2. Veresayev, VV 1990, *V tupike; Sestry* (The Deadlock; The Sisters), Knizhnaya palata publ, Moscow (In Russ.)
3. Vorobyov, VV, Zakirova, EC, Davtyan, AG, Reva, AR & Tsilenko, LP 2018, 'Lingvokulturologiya i yazyki dlya spetsialnykh tseley' (Linguoculturology and languages for specific purposes), *Filologiya*, no. 11/2, pp. 85–90, viewed 26 September 2024, <http://www.nauteh-journal.ru/files/b779c3fb-2b11-40f4-8e08-b92540a583f5> (In Russ.)
4. Lotman, YuM 1996, *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* (Inside thinking worlds. Person – text – semiosphere – history), Yazyki russkoy kultury publ, Moscow (In Russ.)
5. Lotman, YuM 2000, 'Kultura i informatsiya' (Information and culture), *Semiosfera* (Semiosphere), Iskustvo–SPB publ, St. Petersburg (In Russ.)
6. Makhlina, ST 2009, *Semiotika kultury pousednevnosti* (The Semiotics of everyday culture), Aleteya publ, St.Petersburg (In Russ.)
7. Peirce, ChS 2000, 'Logicheskiye osnovaniya teorii znakov'(Logical foundations of the theory of signs), *Nachala pragmatizma* (Pragmatism), vol 2, Laboratoriya metafizicheskikh issledovaniy filosofskogo fakulteta. SPbGU publ, Aleteya publ, St.Petersburg (In Russ.)
8. Timofeyev, LI & Turaev, SV 1974, *Slovar literaturovedcheskih terminov* (Dictionary of Literary Terms), Prosveshcheniye publ, Moscow (In Russ.)
9. Stepanov, YuS 2001, *Konstanty: slovar russkoy kultury* (Constants: A Dictionary of Russian Culture), rev Yu.S. Stepanov, Akadem. Proyekt publ, Moscow (In Russ.)
10. Teliya, VN 1996, *Russkaya frazeologiya: Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokulturologicheskiy aspekty* (Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects), Yaz. rus. kultury publ, Moscow (In Russ.)
11. Tokarev, GV 2018, 'Yedinitiy yazyka i yedinitiy lingvokultury' (Language and linguistic culture units), *Poliparadigmalnyye konteksty frazeologii v XXI veke. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* (Polyparadigm contexts of phraseology in the XXI century. Proceedings of the international scientific conference), 17–19 May 2018, TPPO publ, Tulapp. 405-409 (In Russ.)

12. Ushakov, DN, Vinogradov, VV, Vinokur, GO, Larin, BA, Ozhegov, SI, Volin, BM (eds.) 1935, *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* (Explanatory Dictionary of the Russian Language), vol. 1, Gos. izd-vo inostr. i nats. slov. publ, Moscow (In Russ.)
13. Ushakov, DN, Vinogradov, VV, Vinokur, GO, Larin, BA, Ozhegov, SI, Volin, BM (eds.) 1938, *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* (Explanatory Dictionary of the Russian Language), vol. 2, Gos. izd-vo inostr. i nats. slov. publ, Moscow (In Russ.)
14. Ushakov, DN, Vinogradov VV, Vinokur GO, Larin BA, Ozhegov SI, Volin, BM (eds.) 1939, *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* (Explanatory Dictionary of the Russian Language), vol. 3, Gos. izd-vo inostr. i nats. slov. publ, Moscow (In Russ.)
15. Mokiyeiko, VM & Nikitina, TG 1998 *Tolkovyy slovar yazyka Sovdep'ii* (Explanatory Dictionary of the Sovietdom Language), Folio-press publ, St. Petersburg (In Russ.)
16. Shakhovskiy, VI & Volkova, PS 2017 Emotivnost kak printsip poznayushchey i smysloobrazuyushchey deyatel'nosti soznaniya (Emotiveness as a principle of cognitive and sense-making activities of consciousness), *World of linguistics and communication*, no. 4, pp. 138–163, viewed 28 September 2024, http://tverlingua.ru/archive/050/8_50.pdf (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 17.09.2024
Одобрена после рецензирования: 07.11.2024
Принята к публикации: 07.11.2024

The article was submitted: 17.09.2024
Approved after reviewing: 07.11.2024
Accepted for publication: 07.11.2024

Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-148-160>

ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ «ЖИЗНЬ ВАСИЛИЯ ФИВЕЙСКОГО»)

**Максим Сергеевич
Миленин**

Тулский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, maxim.milenin@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0002-3937-2146>

Аннотация. В статье проводится лингвопоэтический анализ повести Леонида Николаевича Андреева «Жизнь Василия Фивейского», который направлен на исследование специфических языковых средств и художественных приемов, формирующих экспрессивное содержание текста. Рассматривается семантическая трансформация ключевых понятий произведения, таких, как *жизнь* и *правда*, которые усиливают экзистенциальные и религиозные мотивы повести, а большой объем пессимистической эмоционально-экспрессивной лексики в произведении создает постоянный эффект эмоционального перенапряжения. В рамках анализа семантического ядра повести отдельно исследуется роль числительных *один* и *два*, которые отражают как мотив одиночества, так и темообразующее внутритекстовое противопоставление человека и бога, что одновременно лежит в основе психологического описания главного героя. В статье проводится исследование символического ономастического пространства и стилистических особенностей повести, включая инверсии, повторы и олицетворения. Выделяются те стилистические и синтаксические средства в произведении, которые формируют его уникальный ритм, усиливая воздействие на читателя. При изучении тематики и жанровой специфики повести выделяется смешение элементов натурализма и реализма в произведении, а главная тема – кризис веры и нравственности священника – раскрывается через насыщенный экспрессивными элементами психологический анализ персонажа. Таким образом, на передний план выходят не религиозные, а экзистенциальные проблемы, а экспрессионизм выступает в качестве языковой схемы реализации темы произведения. В результате работы выявлено, что автор активно использует лексические и синтаксические приемы для создания эмоционального напряжения, отражающего духовный кризис и одиночество главного героя, что делает произведение примером раннего экспрессионизма в русской литературе.

Ключевые слова: Леонид Андреев, «Жизнь Василия Фивейского», лингвопоэтический анализ, экспрессионизм, семантика, ономастика, инверсии, повторы, олицетворение, символика, эмоциональное напряжение, художественные приемы, психологизм.

Для цитирования: Миленин М. С. Особенности лингвопоэтического исследования художественной прозы Леонида Андреева (на примере повести «Жизнь Василия Фивейского») // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 3 (19). С. 148–160. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-148-160>

Сведения об авторе: М. С. Миленин – аспирант кафедры русского языка и литературы, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

Scientific Article
UDC 811.161.1
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-148-160>

**FEATURES OF THE LINGUOPOETIC STUDY OF LEONID ANDREYEV'S
FICTIONAL PROSE: A CASE STUDY OF THE NOVELLA
*THE LIFE OF VASILIIY FIVEYSKY***

Maxim S. Milenin

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia, maxim.milenin@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0002-3937-2146>

Abstract. The article presents a linguopoetic analysis of Leonid Nikolayevich Andreyev's novella *The Life of Vasily Fiveysky*, aimed at exploring the specific linguistic devices and artistic techniques that shape the expressive content of the text. It examines the semantic transformation of key concepts in the work, such as *life* and *truth*, which intensify the novella's existential and religious motifs. The extensive use of pessimistic, emotionally expressive vocabulary creates a sustained effect of emotional tension. The analysis of the novella's semantic core separately investigates the role of the numerals *one* and *two*, which reflect both the theme of solitude and the text's thematic opposition between human and God, providing a foundation for the protagonist's psychological portrayal. The article also explores the novella's symbolic onomastic space and stylistic features, including inversions, repetitions, and personifications. It highlights the stylistic and syntactic devices in the work that establish its unique rhythm, amplifying its impact on the reader. In examining the novella's themes and genre-specific features, the study identifies a blend of naturalism and realism, with the central theme – a crisis of faith and morality in a priest – revealed through a richly expressive psychological analysis of the character. Thus, existential issues, rather than religious ones, take precedence, while expressionism serves as a linguistic framework for conveying the work's theme. The study concludes that the author actively employs lexical and syntactic techniques to create emotional tension, reflecting the protagonist's spiritual crisis and isolation, making the work an example of early expressionism in Russian literature.

Keywords: Leonid Andreyev, *The Life of Vasily Fiveysky*, linguopoetic analysis, expressionism, semantics, onomastics, inversions, repetitions, personification, symbolism, emotional tension, artistic techniques, psychological depth.

For citation: Milenin, MS 2024, 'Features of the Linguopoetic Study of Leonid Andreyev's Fictional Prose: a Case Study of the Novella *The Life of Vasily Fiveysky*', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (19), pp. 148–160, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-148-160> (in Russ.)

Information about the Author: *Maxim S. Milenin* – Postgraduate Student of the Department of Russian Language and Literature, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

Введение

Одной из наименее изученных с точки зрения лингвистической поэтики и лингвистической стилистики является повесть Леонида Андреева «Жизнь Василия Фивейского», в центре сюжета которой – духовный кризис священника, что открывает возможности для анализа религиозных и философских тем через призму языка и символики.

Комментарий к повести, опубликованный в шеститомном собрании сочинений Андреева, даёт краткую историю работы над произведением, где указано, что «толчком к созданию повести “о горделивом попе” стал для Андреева разговор в Нижнем Новгороде с М. Горьким “о различных искателях незыблемой веры”. Во время разговора М. Горький познакомил Андреева с содержанием рукописной исповеди священника А. И. Аполлова, который под влиянием учения Л. Н. Толстого отказался от сана» [2, с. 630].

«Жизнь Василия Фивейского» была впервые опубликована в сборнике товарищества «Знание» за 1903 г. (кн. 1. СПб., 1904) и сразу же вызвала шквал противоречивой критики, что указывает на несомненную важность поднятой автором темы, на уникальность комплекса языковых средств произведения, задачей которых было не только и столько воспроизведение сюжета, истории, но в большей степени – психологическое воздействие на читателя. В этой повести Л. Андреев впервые обращается к теме взаимосвязи эмоций человека и его веры в бога, выносит на первый план психологический аспект религиозности как качества личности. Авторские цели реализуются не столько через нарратив, сколько через художественное воплощение чувств и эмоций главного персонажа – экспрессию, что в свою очередь определяет не только структуру, но и абсолютно все лингвистические характеристики художественного текста. На примере «Жизни Василия Фивейского» можно проследить становление экспрессионизма – литературного направления, которое характеризуется как определённым набором художественных принципов и доктрин, так и языковой схемой их реализации.

Семантическое ядро повести

Первоначально «Жизнь Василия Фивейского» именовалась в черновиках и письмах Леонида Андреева как «О. Василий» [14, с. 52], позже в письме Горького – «Отец Василий Фивейский» [3, с. 138]. Как мы видим, слово *отец* в значении ‘служитель культа, монах’ [6, с. 439] исчезло в ходе работы над рукописью. В то же время автором внесена в заголовок лексема *жизнь*, которая отсылает читателя к слову *житие*, относящееся к предметной области церкви и означающее ‘чье-л. жизнеописание (обычно человека, причисляемого церковью к лику святых)’ [8, с. 670]. В самом названии повести Андреев устанавливает одну из самых важных, ключевых эвристем для всего текста – *жизнь* как антитеза. Жизнь простого человека, но не житие святого.

Эвристема *жизнь* является первой из широкого ряда семантически и коннотативно эмоциональных слов, из которых формируется особый художественный стиль произведения, поскольку «образ, запечатленный в одном слове или одной синтаксической единице, иногда определяет всю композицию литературного произведения, выступая как его художественный синтез или обобщающий символ» [9, с. 53]. Так, с помощью эпитета *лгущая* Андреев придает лексеме *жизнь* новую семантическую и эмоционально-экспрессивную окраску, привнося в семантический корпус значение ‘жизни, существования человека в самообмане, в ложной вере’:

«Под долгие стоны осенней ночи, под звуки безумных речей, когда сама вечно лгущая жизнь словно обнажала свои темные таинственные недра, – в его помраченном сознании мелькала, как зарница, чудовищная мысль: о каком-то чудесном воскресении, о какой-то далекой и чудесной возможности» [2, с. 496].

Или:

«И дышал он глубоко и часто, как будто задышался он **в том бессмысленном, тупом и диком, что называлось жизнью** Семена Мосягина и обви- валось вокруг него, как черные кольца неведомой змеи» [2, с. 511].

Или:

«Этот жалкий пробор, эта глухая забота о старой, некрасивой, никому не нужной голове были также правдой – печальной правдой о **вечно одинокой, вечно скорбной человеческой жизни**» [2, с. 505].

Лгущая жизнь, скорбная жизнь по Андрееву – жизнь без правды. Здесь наблюдается еще одна антитеза с данной лексемой: жизнь – правда:

«С той особенной, **правдивой** улыбкою, какая бывает у людей, когда у них хорошие мысли и они одни, она осторожно раскапывала вокруг корней волокну- стую, серо-пепельную землю, садилась около грибов и долго любовалась ими, не- много бледная от зеленых теней леса, но красивая, спокойная и добрая» [2, с. 497].

Или:

«Отпал туман от его лица, и блестящими, точно обмытыми глазами он изумленно глядел на лицо женщины, и оно было особенное: на нем была начертана какая-то и ясная и загадочная **правда** о боге и о жизни» [2, с. 505].

Или:

«И уже скоро понял о. Василий, что те люди, которые говорят ему одну **правду**, как самому богу, сами не знают **правды о своей жизни**. За тысячами их **маленьких, разрозненных, враждебных правд** сквозили туманные очер- тания одной **великой, всеразрешающей правды**. Все чувствовали ее, и все ее ждали, но никто не умел назвать ее человеческим словом – эту **огромную правду** о боге, и о людях, и о таинственных судьбах человеческой жизни» [2, с. 506].

Расхождение с узуальной семантикой лексемы правда наблюдается в приме- нении автором грамматических форм данной лексемы и однокоренных производ- ных в качестве эпитетов при создании описаний персонажей:

«И так трудно было представить, что это его сторож вел за ухо, что Настя не поверила и не засмеялась, хотя сам о. Василий смеялся тихим и детским смехом, и лицо у него было **правдивое** и доброе» [2, с. 515].

Или:

«Лицо о. Василия сделалось недобрый и **неправдивым**, и усмехнулись одни губы, когда он ответил...» [2, с. 515]

Расширение семантики лексемы правда до значения 'божественная справед- ливость' отмечается в следующих случаях:

«Они рыдали безумно, простирали бессильные руки и молили о пощаде, о милости, о **правде**» [2, с. 516].

«И каждый день, с раннего утра до позднего вечера, перед о. Василием стоя- ли человеческие лица, то ярко во всех морщинах своих освещенные желтым огнем свечей, то смутно выступавшие из темных углов, как будто и самый воздух церк- ви превратился в людей, ждущих милости и **правды**» [2, с. 510].

Примеры, представленные выше, отражают стремление Андреева усилить эс- тетический и психологический эффект конкретных лексем, придавая им значитель- ную эмоциональную насыщенность. Таким образом, даже в прямой речи персона- жей экспрессема правда наполняет короткие реплики Василия Фивейского глубоким идейным содержанием. В качестве примера можно обратиться к данному диалогу:

«Знаю, о чем ты думаешь. Ты... – Попадья остановилась и со страхом ото- двинулась от мужа. – Ты... в бога не веришь. Вот что!»

И когда уже сказала, почувствовала она, как ужасно сказанное ею, и жалкая улыбка, просящая о прощении, раздвинула ее опухшие, искусанные губы, сожженные водкой и красные, как кровь. И обрадовалась, когда побледневший поп резко и наставительно ответил:

— *Это неправда. Думай, что говоришь. Я верю в бога»* [2, с. 502].

Или:

«*Ответила Настя:*

— *Сегодня я собирала ему ужинать и видела: он шевелил ножкой.*

— *Неправда, – сказал поп, но слово это прозвучало далеко и глухо»* [2, с. 503].

Отдельную лексическую группу в повести составляет пессимистическая эмоционально-экспрессивная лексика, которая вызывает у читателя постоянное чувство тревожности, охватывавшее главного героя: существительные – *рок, проклятие, преднамеренность, страх, ужас, скорбь, мучение, тоска* и производные от них признаковые слова. Частотность обусловлена еще и тем, что в повести представлено сразу несколько описаний танатологических событий. Зачастую конструкции внутри текста намеренно перенасыщаются автором подобной лексикой, создавая эффект эмоционального перенапряжения, излома:

«*И, как прежде, стала пить **измученная** попадья. Пила она много, до потери сознания и **болезни**, но и могучий алкоголь не мог вывести ее из железного круга, в середине которого царил **страшный** и необыкновенный образ **полуробенка, полужверя**. Как прежде, искала она в водке жгучих и скорбных воспоминаний о погибшем первенце, но они не приходили, и **тяжелая, мертвая пустота** не дарила ей ни образа, ни звука. Всеми силами **разгоряченного мозга** она вызвала милое лицо тихонького мальчика, напевала песенки, какие пел он, улыбалась, как он улыбался, представляла, как давился он и захлебывался молчаливой водой; и, уже, казалось, становился близок он, и зажигалась в сердце **великая, страстно желанная скорбь**, – когда внезапно, неуловимо для зрения и слуха, все проваливалось, все исчезало, и в **холодной, мертвой пустоте** появлялась **страшная и неподвижная** маска идиота. И казалось попадье, что во второй раз похоронила она Васю и глубоко зарыла его; и хотелось разбить голову, в самых недрах которой нагло царит **чуждый и отвратительный** образ»* [2, с. 500].

Ономастическое пространство повести Леонида Андреева характеризуется символистической насыщенностью всех поэтонимов и одновременно – стилистической функцией. Каждый оним в произведении выполняет, помимо собственно номинативной, идейно-содержательную функцию. Имя главного героя, Василий, в переводе с греческого языка обозначает ‘царь’. Это же имя дано обоим сыновьям Фивейского. В контексте религиозно-философского конфликта главного героя повести *царь* может выступать в качестве символа избранности героя [10, с. 128], а смерть так же нареченных детей – о постоянном одиночестве человека – как перед богом, так и для бога. Фивейский – вероятнее всего от астионима *Фивы*, греческого названия одной из столиц Древнего Египта (в Ветхом Завете именуется как *Но*), которые упоминаются только в пророческих текстах Ветхого Завета и только в контексте суда, наказания, кары: «*И опустошу Пафрос, и пошлю огонь на Цоан, и **произведу суд над Но**. И изолью ярость Мою на Син, крепость Египта, и **истреблю многолюдие в Но**. И пошлю огонь на Египет; вострепещет Син, и **Но рушится**, и на Мемфис нападут враги среди дня»* (Иез. 30:14–16) [5, с. 615]. Таким образом, поэтоним *Василий Фивейский* можно интерпретировать как ‘царь осужденный’, или ‘царь низверженный’. В контексте повести это может быть прочитано как *священник, царь над причтом, низвержен будет и покинут людьми, оставлен наедине с богом*. Фа-

милия *Фивейский* может соотноситься с именем Павла Фивейского, также известного как Павел Отшельник, православного и католического святого, по преданию проведшего более девяноста лет в добровольном уединении в пустыне. *Царь-отшельник*, таким образом, может символизировать как возвышенность Василия Фивейского над окружением, так и одиночество его и преднамеренный отход от церкви. Если рассматривать лексему *отшельник* в значении ‘монах, отказавшийся от общения с людьми, с внешним миром, живущий в скиту; пустынный’ [7, с. 115], то она выступает в качестве главной цели и главной характеристики отца Василия на финальных страницах повести:

«Самую жизнь свою перестал он чувствовать – как будто порвалась извечная связь тела и духа, и, свободный от всего земного, свободный от самого себя, поднялся дух на неведомые и таинственные высоты. Ужасы сомнений и пытующей мысли, страстный гнев и смелые крики возмущенной гордости человека – все было повергнуто во прах вместе с поверженным телом; и один дух, разорвавший тесные оковы своего “я”, жил таинственной жизнью созерцания» [2, с. 528].

Значение лексемы *царь* расширяется Андреевым, у него она приобретает значение ‘избранник, человек, избранный богом’.

«Он избран».

«На неведомый подвиг и неведомую жертву избран он, Василий Фивейский, тот, что святотатственно и безумно жаловался на судьбу свою. Он избран. Пусть под ногами его развернется земля и ад взглянет на него своими красными, лукавыми очами, он не поверит самому аду. Он избран» [2, с. 529].

Крайне символично имя жены и дочери Василия Фивейского – Анастасии. В переводе с древнегреческого оно означает ‘воскресение’. Ю. И. Гольман в своей работе о значении образа-символа в повести Андреева «Жизнь Василия Фивейского» [10, с. 127–132] выдвигает гипотезу о преднамеренном выборе автором данного имени по принципу контраста – отрицая надежду на воскрешение для жены и дочери главного героя.

Село, в котором проживает главный герой, названо автором Знаменским. Безусловно, поэтоним *Знаменское* отсылает к знамени, знаку божиему, которого так боится попадья, на которое уповает сам отец Василий, и которое, по задумке Андреева, ведет главного героя к трагическому финалу.

Высока роль числительных в тексте произведения. Мотив одиночества отца Василия, звучащий на протяжении всей повести, проявляется в постоянном указании на числительное *один* в значении ‘одиноким, одиночество’:

«Один он был затерянный среди частых колосьев, перед лицом высокого пламенного неба» [2, с. 491].

Или:

«До сих пор было так: существовала крохотная земля, и на ней жил один огромный о. Василий со своим огромным горем и огромными сомнениями...» [2, с. 506]

«И в позе гордого смирения он ждет ответа – один перед черным, свирепо торжествующим гробом, один перед грозным лицом необъятной и величавой тишины. Один» [2, с. 552].

Однако гораздо более значительным для семантического анализа повести выступает собирательное числительное *двое*, многократно повторяемое автором в тексте:

«Вспоминается вьюга. Колокол и вьюга. И неподвижная маска идиота. Их двое, их двое, их двое...» [2, с. 552].

Или:

*«Огонь большой лампы проточил кружок в пушистой броне, и заблестело мокрое стекло, и снаружи она прильнула к нему серым бесцветным глазом. Их **двое, двое, двое...** Ободранные голые стены с блестящими капельками янтарной смолы, сияющая пустота воздуха и люди. Их **двое**» [2, с. 536].*

Или:

*«И она качается на его черных слепых звуках и поет: их **двое, двое, двое!** И к дому мчится, колотится в его двери и окна и воет: их **двое, их двое!**» [2, с. 540].*

Безусловно, **двое** выступают, исходя из текста произведения, как обозначение отца Василия и его больного сына, *идиота*. Тем не менее ближе к финалу повести происходит семантический сдвиг:

*«И в позе гордого смирения он ждет ответа – один перед черным, свирепо торжествующим гробом, один перед грозным лицом необъятной и величавой тишины. Один. Неподвижными остриями вонзаются в мглу огни свечей, и где-то далеко напевает, удаляясь, вьюга: их **двое, их двое...** Тишина» [2, с. 552].*

Здесь уже нет упоминания об *идиоте*, и если первым в паре остается Фивейский, то вторым выступает уже бог, к которому выше по тексту произведения многократно обращается священник. Из этого складывается внутритекстовая аллюзия: *идиот*, ребенок с ужасным врожденным заболеванием и явными отклонениями в развитии, *получеловек-полузверь* представляется уже *богом*, тем высшим естеством, которое так стремится познать и постичь Василий.

Семантические новации в повести Леонида Андреева призваны в первую очередь усилить эмоциональную нагрузку текста. Выявленные особенности формируют специфический психологический приём автора, который делает «Жизнь Василия Фивейского» глубоким и многоплановым произведением, восходящим к философским и этическим вопросам и касающимся человеческой природы и смысла жизни.

Тематика и жанровая специфика повести

Отмеченная выше тема одиночества главного героя является далеко не единственной в тематике «Жизни Василия Фивейского». А. Б. Бактыбекова выделяет несколько сюжетообразующих тем произведения: вера, безумие, правдоискательство, избранничество, папство. Она же отмечает, что «Л. Андреев один из первых среди писателей своего времени с глубоким психологизмом художественно исследовал социально-этическую проблему отчуждения личности, придавленной бездушием эгоистического общества в мире корысти, неравенства и несвободы» [4, с. 42]. Однако тематическим ядром произведения является кризис веры и нравственности. Василий Фивейский, священник, проходит через глубокое духовное испытание, сталкиваясь с жестокостью и несправедливостью мира. Его внутренний конфликт и сомнения в существовании божественной справедливости составляют основное содержание повести.

Повесть сочетает элементы реализма и натурализма с сильным акцентом на психологическом анализе. Однако применение максимально экспрессивных речевых единиц сдвигает жанровую направленность работы Андреева в сторону экспрессионизма. Автор предельно глубоко исследует внутренний мир своих персонажей, в особенности Василия и его жены, раскрывая их эмоции, страхи и сомнения. Психологический анализ позволяет читателю понять мотивы и переживания героев, что делает повествование более глубоким и многослойным.

Насыщенная религиозной символикой и библейскими аллюзиями повесть ставит на первое место не религиозные мотивы (несмотря на вопросы веры, греха, покаяния и спасения через призму православной традиции, отражающие культурный и духовный контекст России начала XX века), но экзистенциальные вопросы: смысл жизни, страдание, смерть. «Сегодня уже не нужно доказывать, что поэтику Андреева многое роднило с символистской, что писатель был одним из первых экс-

прессионистов, все более очевидно его место у истоков экзистенциализма» [15, с. 77]. Леонид Андреев исследует фундаментальные проблемы человеческого бытия в условиях духовного кризиса и жизненных испытаний. В то же время Василий Фивейский сталкивается с критическими этическими проблемами, которые отражают моральные противоречия времени. Автор поднимает вопросы о природе добра и зла, справедливости и милосердия, показывая, как социальные и исторические обстоятельства влияют на моральные устои личности.

Языковые средства художественной выразительности: лексика, фонетика

Академик Виноградов отмечал, что «экспрессивно-эмоциональному содержанию стиля художественного произведения должно быть отведено очень важное место в характеристике поэтической “суггестивности”» [9, с. 5]. Текст «Жизни Василия Фивейского» изобилует олицетворениями, сравнениями и метафорами, анализ которые позволяет определить стилистические особенности художественного приема писателя. Обилие описательных компонентов в повести обусловлено авторской задачей – не столько передать сюжет, событий ряд повествования, но отразить эмоциональную реакцию персонажей, их психическое и психоэмоциональное состояние. Выделим, к примеру, описание метели из десятой главы повести:

«Замерзшие окна, запушенные инеем, светлели под огнем и искрились, были непроницаемы, как стены, и отделяли людей от серой ночи. Безграничным кольцом она облегла дом, давила на него сверху, искала отверстия, куда бы пропустить свой серый коготь, и не находила. Она бесновалась у дверей, мертвыми руками ощупывала стены, дышала холодом, с гневом поднимала мириады сухих, злобных снежинок и бросала их с размаху в стекла, – а потом, бесноватая, отбегала в поле, кувыркалась, пела и плашмя бросалась на снег, крестообразно обнимая закоченевшую землю. Потом поднималась, садилась на корточки и долго и тихо смотрела на освещенные окна, поскрипывая зубами. И снова с визгом бросалась на дом, выла в трубе голодным воем ненасытимой злобы и тоски и обманывала: у нее не было детей, она сожрала их и схоронила в поле, в поле...» [2, с. 536].

Прежде всего, сама метель метафорически именована Андреевым «серой ночью», затем – олицетворение, надделение природной силы не только чертами поведения человека («руками ощупывала стены», «отбегала в поле», «кувыркалась, пела» и так далее), но и эмоциями, и в целом – свойствами человеческой психики – антропоматизм («выла в трубе голодным воем ненасытимой злобы и тоски и обманывала»). Завершается фрагмент прозопеическим событийным рядом («у нее не было детей, она сожрала их и схоронила в поле, в поле»), который, являясь метафорой по сути и отражая уже эмоциональное состояние собственно явления природы, призван выразить всю силу ее психологического воздействия на персонажа. Эпифорический повтор и редкое для повести многоочие («в поле, в поле...») призваны создать фонетический эффект гула метели, одновременно с тем усилить экспрессивные коннотации лексем *сожрала* и *схоронила*.

Ниже по тексту повести автор вновь обращается к описанию метели, используя олицетворение как основное средство:

«Но скоро бросил их – и, уставившись неподвижными глазами, оттопырив большие уши, терпеливо ловил бегающие звуки. Шипение и шорох, визг и свист. И хохот. Она играла. Она садилась на бревна покинутого сруба, качалась и бахалась в снег, и тихо кралась в угол, и рыла там могилу для чужих, для чужих. И пела: для чужих, для чужих. И с радостью взметывала вверх и раскидывала широкие серые крылья, высматривая; камнем падала вниз и, кружась, проносилась в темные окна заиндепевшего сруба, с визгом и свистом. За снежинками гонялась она, – и, бледные от страха, вытянувшись вперед, они молчаливо бежали» [2, с. 537].

Для интенсификации движения Андреев активно использует девербативы: *шипение, шорох, визг, свист, хохот*, – создающие при этом дополнительный фонетический эффект, то есть передающие звуки метели. Синтаксическая эпифора для *чужих*, используемая дважды в конце двух параллельных рядов решает в первую очередь ту же фонетическую задачу, что и отглагольные существительные выше, во вторую – усиливает противопоставления персонажей в доме, живых, – смерти, символом которой выступает метель («*и рыла там могилу*»).

Пейзажные описания в «Жизни Василия Фивейского» наполнены сравнениями, метафорическими выражениями и эпитетами с оттенком гиперболизации:

«С утра сильно парило, и такая жара стояла, что трава на глазах почти свертывалась и блекла, как от сильного огня. И непрозрачное плотное небо низко и грозно висело над землей, и точно вся замутившаяся синева его пронизана была тонкими, кроваво-красными жилками, – такое оно было багровое, звонкое, с металлическими отсветами и переливами. Огромное солнце пылало жаром, и так странно было, что светит оно ярко, а ни на чем нет определенных и спокойных теней солнечного дня, точно между солнцем и землей висела какая-то невидимая, но плотная завеса и перехватывала лучи» [2, с. 544].

Сравнения, которые наряду с олицетворениями являются самыми используемыми средствами в повести, позволяют читателю лучше представить себе происходящие события, например, ощутить жару и угрюмость описываемого пейзажа («*точно вся замутившаяся синева его пронизана была тонкими, кроваво-красными жилками*»), в то время как метафоры («*плотное небо висело над землей*»; «*солнечные лучи перехватывала невидимая, но плотная завеса*») придают тексту образность и помогают создать яркую и запоминающуюся картину. «Л. Андреев часто сталкивает конкретное и абстрактное, реальное и ирреальное в пределах одного сравнения» [1, с. 14]. Выбранный выше фрагмент повести содержит еще одно частотное для автора средство художественной выразительности – аллитерацию («*низко и грозно висело над землей*», «*огромное солнце пылало жаром*»), придающую ритм и музыкальность тексту, усиливая его выразительность. Следует отметить антитезу («*светит оно ярко, а ни на чем нет определенных и спокойных теней солнечного дня*») – противопоставление яркого света и отсутствия чётких теней подчеркивает необычность и напряженность описываемого дня. Таким образом, комплекс языковых средств, применяемый в этом фрагменте Андреевым, создает впечатляющую и детализированную картину жаркого дня, передавая ощущение зноя, напряженности и угрюмости.

Несмотря на обилие языковых средств художественной выразительности, Андреев достигает эффекта смысловой емкости текста за счет их максимальной экспрессивности, которую тем не менее нельзя назвать чрезмерной. Выражение деформации реальности, гротеск, отражение мотивов тревоги, страха, боли в языке художественной литературы требуют особых средств, их количества и качества в том случае, когда перед автором стоит задача не констатации повествовательного ряда, не передачи лишь только событий сюжета и даже не выражение эмоционального состояния героев, но превращение языковых средств в психологические триггеры, способные вызывать именно у читателя определённые сложные и неповторимые эмоции.

Синтаксические художественные средства

Повесть «Жизнь Василия Фивейского» обладает собственным, неповторимым текстовым ритмом, основу которого в том числе составляет многократное, практически постоянное применение союза *и*. Прежде всего, он выступает в качестве начала синтаксических конструкций в повести: крупных (абзацев), средних (предложений) и меньших (составных частей сложных предложений, рядов однородных членов в

предложениях). С одной стороны, такой вид анафорического повтора усиливает связь между синтаксическими конструкциями внутри текста, с другой – выстраивает ритмическое поле произведения таким образом, что позволяет автору постепенно усиливать эмоциональное напряжение внутри отдельных частей повести, содержащих наиболее значимые сцены:

«И по мере того, как он говорил, все недоступнее и суровее становилось лицо попа – точно каменело оно под градом больно бьющих, нудных слов мужика. И дышал он глубоко и часто, как будто задыхался он в том бессмысленном, тупом и диком, что называлось жизнью Семена Мосягина и обвивалось вокруг него, как черные кольца неведомой змеи. Словно сам строгий закон причинности не имел власти над этой простой и фантастической жизнью: так неожиданно, так шутовски нелепо сцеплялись в ней маленький грех и большое страдание, крепкая, стихийная воля к такому же стихийному, могучему творчеству – и уродливое прозябание где-то на границе между жизнью и смертью... А в действительности происходило так: был он постоянно голоден, голодала его жена, и дети, и скотина; и замутившийся ум его блуждал, как пьяный, не находящий дверей своего дома. В отчаянных потугах что-то построить, что-то создать он распластывался по земле – и все рассыпалось, все валилось, все отвечало ему дикой насмешкой и глумлением. Он был жалостлив и взял к себе сироту-приемыша, и все бранили его за это; а сирота пожил немного и умер от постоянного голода и болезни, и тогда он сам начал бранить себя и перестал понимать, нужно быть жалостливым или нет» [2, с. 511].

Начало предложений с союза *и* не является подражанием автора разговорной речи, но отчасти выступает следствием необходимости приведения синтаксиса повести к синтаксису церковнославянского языка, на котором написаны жития святых. Отсюда и характерные стилистические инверсии:

«И о попе он думал с тревогою и печалью, ибо в эти наступающие часы ужаса один он из всех бывших людей любил о. Василия стыдливою и нежною любовью и близок был его великой, мятежной душе» [2, с. 548].

Используя повторы однокоренных слов, автор строит сложные синтаксические конструкции, сложносочиненные предложения, состоящие из нескольких основ и пунктуационно выделенные точкой с запятой или тире, тем самым увеличивая динамику повествования:

«Но минутами непонятное колебание и нерешительность овладевали им; он замедлял шаги и, вытянув шею, удивленно смотрел на толпу, точно неожиданным чем-то была эта онемевшая толпа в церкви, где привык молиться он один; потом забывал толпу, забывал, что он служит, и рассеянно шел в алтарь» [2, с. 549].

Здесь же Андреев применяет градацию, постепенно усиливая экспрессию:

«Замедлили свой бешеный бег тысячи разрозненных, сцепившихся мыслей, тысячи незавершенных чувств: замедлили, остановились, замерли – мгновение страшной пустоты, стремительного падения, смерти, – и всколыхнулось в груди что-то огромное, неожиданно радостное, неожиданно прелестное» [2, с. 549].

Особенно следует отметить повторы, формирующие диалогические структуры отдельных фрагментов повести: самым ярким примером, безусловно, служит десятая глава, в которой поначалу бормотание, а потом и крик умственно отсталого сына Фивейского «Па-па!», повторяющийся через равные промежутки текста и переключаящийся с так же выделенным в прямую речь отдаленным звоном колокола в метель «Бо-о-ом!» создается эффект сильнейшего эмоционального перенапряжения, искажения реальности – в сознании отца Василия диалог ведется между идиотом и метелью, стихией и человеком, роком и миром. Так сложное эмоционально-

психическое состояние главного героя Леонид Андреев раскрывает и передаёт с помощью диалогических повторов.

Структурная организация текста повести Андреева определяется отмеченным выше четко прослеживающимся ритмом. Используя повторения, средства пунктуации и прием градации, автор выстраивает мелодию всего произведения, а акцент на экспрессивность применяемых средств позволяет максимально усилить эстетическое воздействие на читателя. Кроме того, таким образом повесть Леонида Андреева обретает «внутреннее единство и экспрессивно-эмоциональную направленность всей композиции» [9, с. 33].

Экспрессионизм как основная тенденция лингвопоэтики повести

Комплекс художественных приемов, реализованных Леонидом Андреевым в повести «Жизнь Василия Фивейского», характеризуется максимальной экспрессивностью – как в количественном, так и в качественном значениях. Безусловно, вся идейно-тематическая система произведения выражается с помощью наиболее экспрессивных языковых средств, зачастую подчиняющих себе нарративную составляющую. Таким образом формируется новый «тип повествовательной речи» [12, с. 93], выходящий за пределы принятого в эпоху создания «Жизни...» и проповедуемого Л. Н. Толстым, М. Горьким и многими другими современниками Андреева реалистического приема. Экспрессионизм в повести о Василии Фивейском нельзя назвать следствием преднамеренной или непреднамеренной стилевой деформации, но как языковая схема реализации темы произведения он выполняет первостепенную авторскую задачу – не передать, не изобразить художественно те или иные события в повести, эмоционально-психическое состояние персонажа, но воздействовать на читателя, заставить его почувствовать то же самое, что и герой. Из письма Л. Андреева М. Горькому: «Хорошо я пишу только тогда, когда совершенно спокойно рассказываю о беспокойных вещах и не лезу сам на стену, а заставляю стену лезть на читателя» [11, с. 212].

Отдельного изучения заслуживает не вошедший в финальную редакцию повести «Сон о. Василия» – отрывок, который в ранних вариантах произведения размещался в шестой главе «Жизни...». Невозможно указать точных причин исключения автором данного эпизода из финальной рукописи, однако следует отметить в первую очередь его жанровую специфику – сон как жанровая разновидность не раз появляется в последующих работах писателя, формируя определенный корпус художественных тестов данного направления. Сны, а чаще всего – кошмары, впоследствии рассматриваются как один из характерных модернистских и экспрессионистских жанров [13, с. 17].

Заключение

Результаты лингвопоэтического анализа повести Леонида Андреева «Жизнь Василия Фивейского» подчеркивают значимость языковых средств для раскрытия глубоких духовных конфликтов и психологических переживаний литературных персонажей. Исследование показало, что через особую семантику, экспрессивные лексические и синтаксические приемы автор достигает предельной философской и эмоциональной глубины художественного текста. Ключевые слова и символы, такие, как *жизнь* и *правда*, имена героев, наделены дополнительной смысловой нагрузкой, позволяя читателю погрузиться в сложные духовные переживания Василия Фивейского, а определенные стилистические средства, включая инверсии, многократные повторы и аллитерации, создают напряженную атмосферу, передающую духовное одиночество и внутренний кризис священника.

Повесть обладает выраженной ритмической структурой, что усиливает впечатление и в целом – читательское восприятие текста. Визуализация драматизма происходящих событий через олицетворения природы превращает пейзажи в пове-

сти в отражение внутреннего состояния персонажей, а комплекс лексем, передающих страх, скорбь и одиночество, позволяет не только реализовать эмоциональную насыщенность текста, но и создать образ экзистенциального кризиса, который ставит под сомнение роль религии и смысл жизни.

Таким образом, язык в повести «Жизнь Василия Фивейского» превращается в мощный инструмент для создания эмоциональной напряженности, что делает произведение ярким примером экспрессионизма в русской литературе.

Список источников и литературы

1. Али Н. Ф. Структурные типы и предметно-образные особенности сравнительных конструкций в повести Л. Андреева "Жизнь Василия Фивейского" // Наука России: Цели и задачи : сб. науч. тр. по материалам XVI междунар. науч. конф., Екатеринбург, 10 августа 2019 г. Ч. 3. Екатеринбург, 2019. С. 8–14.
2. Андреев Л. Н. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 1: Рассказы 1898 – 1903 гг. М.: Худож. лит., 1990. 639 с.
3. Архив А. М. Горького. Т. 4: Письма к К. П. Пятницкому / ред. И. Н. Успенский ; подгот. текста и примеч. А. А. Сабурова ; под общ. ред. акад. И. К. Луппола. М.: Худож. лит., 1954. 448 с.
4. Бактыбекова А. Б. Концепция личности в повести Л. Андреева «Жизнь Василия Фивейского» // Вестник Кыргызского государственного университета им. И. Арабаева. 2022. № 4-1. С. 41–44.
5. Библия: книги Священного писания Ветхого и Нового Завета: канонические. Лондон: Брит. и иностр. библейск. о-ва, 1922. 682 с., 208 с. Электрон. копия печ. изд. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002844308 (дата обращения: 21.10.2024). Доступ на сайте НЭБ.
6. Большой академический словарь русского языка. Т. 14: Опора – Отрыть / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; [ред. Л. И. Балахонова]. М.; СПб.: Наука, 2010. 655 с.
7. Большой академический словарь русского языка Т. 15: Отряд – Перевал / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; [ред. Л. И. Балахонова]. М.; СПб.: Наука, 2011. 610 с.
8. Большой академический словарь русского языка. Т. 5: Деньга – Жюри / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; [ред.: Л. Е. Кругликова, Н. В. Соловьев]. М.; СПб.: Наука, 2006. 693 с.
9. Виноградов В. В. О теории художественной речи : учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по филол. спец. 2-е изд., испр. М.: Высш. шк., 2005. 286 с.
10. Гольман Ю. И. Значение образа-символа для создания психологизма в повести Л. Н. Андреева «Жизнь Василия Фивейского» // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Русская филология. 2011. № 6. С. 127–132.
11. Горький М., Андреев Л. Н. Неизданная переписка. М.: Наука, 1965. 630 с.
12. Левин В. Д. Литературный язык и художественное повествование // Вопросы языка современной русской литературы: сб. статей / отв. ред. В. Д. Левин. М.: Наука, 1971. 416 с.
13. Лейдерман Н. Л. Эстетические принципы экспрессионизма и его судьба в русской литературе // Филологический класс. 2007. № 18. С. 12–18.
14. Литературный архив: материалы по истории литературы и общественного движения : [в 6 т.]. Т. 6. / Акад. наук СССР, Ин-т литературы (Пушкинский дом); под ред. С. Д. Балухатого, Н. К. Пиксанова и О. В. Цехновицера. Л.; М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 482 с.
15. Московкина И. И. Леонид Андреев и векторы развития литературы XX века // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2017. Т. 215. С. 76–82.

References

1. Ali, NF 2019, 'Strukturnyye tipy i predmetno-obraznyye osobennosti sravnitelnykh konstruktivnykh v povesti L. Andreyeva "Zhizn Vasiliya Fiveyskogo"' (Structural Types and Object-Figurative Features of Comparative constructions in the story "The life of Vasily Fiveyski" by L. Andreev), *Nauka Rossii: Tseli i zadachi : sb. nauch. tr. po materialam XVI mezhdunar. nauch. konf.* (Science of Russia: Goals and objectives. Collection of scientific works on the materials of 16th international scientific conference), part 3, Yekaterinburg, 10 August 2019, Yekaterinburg, pp. 8–14. (In Russ.)
2. Andreyev, LN 1990, 'Rasskazy 1898 – 1903 gg' (Stories 1898 – 1903), *Sobraniye sochineniy. V 6-ti t.* (Collected works. In 6 vols), vol. 1, Khudozh. lit. publ, Moscow. (In Russ.)
3. Luppol, IK, Uspenskiy, IN & Saburova, AA (eds.) 1954, *Arkhiv A.M. Gorkogo* (Archive of A.M. Gorkiy), vol. 4, Akademiya nauk SSSR publ, Moscow. (In Russ.)
4. Baktybekova, AB 2022, 'Kontseptsiya lichnosti v povesti L. Andreyeva "Zhizn Vasiliya Fiveyskogo"' (The concept of personality in L. Andreev's novel «The life of Basil of Thebes»), *Bulletin of KSU. I. Arabaev*, no. 4-1, pp. 41–44. (In Russ.)
5. *Bibliya: knigi Svyashchennogo pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta* (The Bible: Books of the Old and New Testaments) 1922, Brit. i inostr. bibleysk. o-va publ, London, viewed 21 October 2024, https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002844308 (In Russ.)
6. Balakhonova, LI (ed.) 2010, 'Opora – Otryt' (Support-Dig up), *Bolshoy akademicheskii slovar russkogo yazyka* (The Great Academic Dictionary of the Russian Language), vol. 14, Nauka publ, Moscow, St. Petersburg. (In Russ.)
7. Balakhonova, LI (ed.) 2011, 'Otryad – Pereval' (Squadron-Mountain pass) *Bolshoy akademicheskii slovar russkogo yazyka* (The Great Academic Dictionary of the Russian Language), vol. 15, Nauka publ, Moscow, St. Petersburg. (In Russ.)
8. Kruglikova, LE & Solovyov, NV (eds.) 2006, 'Denga – Zhyuri' (Money -Judges), *Bolshoy akademicheskii slovar russkogo yazyka* (The Great Academic Dictionary of the Russian Language), vol. 5, Nauka publ, Moscow, St. Petersburg. (In Russ.)
9. Vinogradov, VV 2005, *O teorii khudozhestvennoy rechi* (On the theory of artistic speech), Vysshaya shkola publ, Moscow. (In Russ.)
10. Golman, YuI 2011, 'Znachenie obraza-simvola dlya sozdaniya psikhologizma v povesti L. N. Andreyeva "Zhizn' Vasiliya Fivieskogo"' (Meaning of character- symbol for development psychologism in the story "Life of Basil of Thebes" by L.N. Andreev's novella), *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser.: Russkaya filologiya*, no. 6, pp. 127–132. (In Russ.)
11. Gorkiy, M & Andreyev, LN 1965, *Neizdannaya perepiska* (Unpublished correspondence), ed. I. S. Zilbershteyn; intro. article K. D. Muratova, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
12. Levin, VD 1971, 'Literaturnyy yazyk i khudozhestvennoye povestvovaniye' (Literary language and artistic narration), *Voprosy yazyka sovremennoy russkoy literatury: sbornik statey* (Questions of the language of modern Russian literature: a collection of articles), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
13. Leiderman, NL 2007, 'Esteticheskiye printsipy ekspressionizma i yego sudba v russkoy literature' (The aesthetic principles of the expressionism and its destiny in Russian literature), *Filologicheskii klass*, no. 18.
14. Balukhatyy, SD, Piksyanov, NK & Tsekhnovitser, OV (eds.) 1961, *Literaturnyy arkhiv: materialy po istorii literatury i obshchestvennogo dvizheniya* (Literary archive: materials on the history of literature and social movement), vol. 6, Akad. nauk SSSR publ, In-t literatury (Pushkinskiy dom) publ, Leningrad, Moscow. (In Russ.)
15. Moskovkina, II 2017, 'Leonid Andreyev i vektory razvitiya literatury XX veka' (Leonid Andreev and development vectors of 20th century literature), *Proceedings of SPbGIK*, vol. 215, pp. 76–82. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 06.11.2024
Одобрена после рецензирования: 29.11.2024
Принята к публикации: 29.11.2024

The article was submitted: 06.11.2024
Approved after reviewing: 29.11.2024
Accepted for publication: 29.11.2024

Научная статья

УДК 81-114.4

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-161-169>

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОГО ТЕКСТА ПРИТЧИ О БЛУДНОМ СЫНЕ ПО СПИСКАМ АССЕМАНИЕВА, ЗОГРАФСКОГО И МАРИИНСКОГО ЕВАНГЕЛИЙ

**Елена Викторовна
Пронина¹**

**Елизавета Андреевна
Волынская²**

^{1,2} Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого

Тула, Россия

¹ alepro@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0009-0009-6844-3266>

² hil30006@gmail.com

² <https://orcid.org/0009-0007-8706-0645>

Аннотация. В статье рассматривается древний евангельский текст притчи о блудном сыне по известным рукописям X – XI вв. в синхроническом аспекте. Показывается, каким образом с помощью языковых средств реализуются глубокие смыслы, благодаря которым сюжет притчи о блудном сыне становится архетипическим сюжетом для мировой литературы последующих веков.

Методически исследование строится на филологическом анализе древнего текста притчи путем сопоставления его вариантов по спискам Ассеманиева, Зографского и Мариинского евангелий. В рамках изучения проводится анализ смыслового пространства притчи о блудном сыне, затем – синхронический анализ древних евангельских списков Ассеманиева, Зографского и Мариинского евангелий с целью сравнить и проанализировать фонетические, графические, грамматические и лексические особенности, и показать, как через языковой строй раскрываются глубокие пласты содержания.

В процессе поуровневого анализа выявлено более 40 различий в евангельских списках текста притчи о блудном сыне. В статье обозначены наиболее примечательные различия, повлекшие за собой интересные интерпретации смысла.

В ходе исследования выдвигается тезис о том, что постижение идейного содержания евангельских текстов – это прежде всего глубокая работа с лексикой и грамматическими формами, в результате которой дополняется и расширяется понимание идеи текста притчи. Утверждается тот факт, что многие лексические средства и грамматические формы были тщательно подобраны переписчиками с целью передать философский смысл притчи, ее глубокую моральную и нравственную подоплеку, неуловимую с первого взгляда. Сокрытый в тексте притчи психологизм, прослеживающийся в переживаниях героев, передается с помощью лексических средств (организации синонимических и антонимических отношений), грамматических возможностей наречий, местоимений и союзов, а также порядка слов в предложениях.

Ключевые слова: филологический анализ, синхронический анализ, притча о блудном сыне, евангельский текст, архетипический сюжет.

Для цитирования: Пронина Е. В., Волынская Е. А. Филологический анализ древнеславянского текста притчи о блудном сыне по спискам Ассеманиева, Зографского и Мариинского евангелий // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 3 (19). С. 161–169. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-161-169>

Сведения об авторах: *Е. В. Пронина* – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и литературы, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.;

Е. А. Волынская – студент, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

© Пронина Е. В., Волынская Е. А., 2024

Scientific Article

UDC 81-114.4

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-161-169>

PHILOLOGICAL ANALYSIS OF THE OLD SLAVIC TEXT OF THE PARABLE OF THE PRODIGAL SON ACCORDING THE CODEX ASSEMANIUS, THE CODEX ZOGRAPHENSIS AND THE CODEX MARIANUS

*Elena V. Pronina*¹

*Elizaveta A. Volynskaya*²

^{1,2} Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia

¹ alepro@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0009-0009-6844-3266>

² hil30006@gmail.com

² <https://orcid.org/0009-0007-8706-0645>

Abstract. The article examines the ancient Gospel text of the parable of the prodigal son according to famous manuscripts of the 10th – 11th centuries in a synchronic aspect. The article shows how linguistic means convey deep meanings of the parable of the prodigal son, thanks to which this plot becomes a mythos for the world literature of the following centuries.

The methodological basis of the study is the philological analysis of the ancient text of the parable by comparing its variants according to the Codex Assemanius, the Codex Zographensis and the Codex Marianus. As part of the study, the author analyses the semantic space of the parable of the prodigal son, and then conducts a synchronic analysis of the ancient Gospel lists mentioned above in order to compare and analyze phonetic, graphic, grammatical and lexical features, and to show how deep layers of content are revealed through the linguistic structure.

In a step-by-step analysis, the author identifies more than 40 differences in the gospel lists of the text of the parable of the prodigal son. The article highlights the most notable differences that have led to interesting interpretations of meaning.

In the course of the research, the author advances the idea that the comprehension of the ideological content of the gospel texts is, first of all, a deep work with vocabulary and grammatical forms, as a result of which a broader understanding of the idea of the parable text becomes possible. The author asserts the fact that the copyists carefully selected many lexical means and grammatical forms in order to convey the philosophical meaning of the parable, its deep moral and ethical background, elusive at first sight. Lexical means (organization of synonymic and antonymic relations), grammatical possibilities of adverbs, pronouns and conjunctions, as well as the order of words in sentences help to see the psychologism hidden in the text, but conveyed in the experiences of the characters.

Keywords: philological analysis, synchronic analysis, the parable of the prodigal son, the gospel text, mythos.

For citation: Pronina, EV & Volynskaya, EA 2024, 'Philological Analysis of the Old Slavic Text of the Parable of the Prodigal Son According the Codex Assemanius, the Codex Zographensis and the Codex Marianus', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (19), pp. 161–169, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-161-169> (in Russ.)

Information about the Authors: *Elena V. Pronina* – Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia;
Elizaveta A. Volynskaya – Student, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

© Pronina E. V., Volynskaya E. A., 2024

Введение

В современной отечественной культуре к древним духовным текстам обращаются не только как к средству выражения сакрального религиозного мировосприятия, но и как к образно-символическому источнику трансляции мировоззренческого опыта общности людей. Глубокое и всестороннее исследование древних текстов, которое изначально являлось способом изучения и понимания религиозных догматов, выполняет культурные и языковые функции.

Едва ли не самым известным сюжетом древней литературы является притча о блудном сыне. Философская глубина и амбивалентность образов притчи делают ее одной из вершинных достижений мировой художественной культуры. Тем не менее именно в русской культуре притча раскрывается не только с богословско-догматической, но и с обыденной, житейской, событийной сторон.

Разделяя жанровые функции притчи и других текстов, в которых «событию придается значение», Ю. М. Лотман пояснял, что «значение приписывается в коде – однозначном для отправителя и подлежащем интерпретации для получателя» [5, с. 337].

Таким образом, благодаря внутреннему коду, который без труда считывается и интерпретируется адресатом, текст притчи в своей первоначальной форме и со всем своим содержательным и образовательным ресурсом многократно осмысливается авторским сознанием, работающим над созданием новых текстов, и находит свое новое сюжетное воплощение. Так происходит переосмысление текста и развитие его идеи в культурном пространстве, становление текста как архетипического.

Цель работы – доказать тезис о том, что постижение идейного содержания евангельских текстов – это прежде всего глубокая работа с лексикой и грамматическими формами, в результате которой дополняется и расширяется понимание идеи текста притчи. Утверждается тот факт, что многие лексические средства и грамматические формы были тщательно подобраны переписчиками с целью передать философский смысл притчи, ее глубокую моральную и нравственную подоплеку, неуловимую с первого взгляда.

Влияние текста евангельской притчи о блудном сыне на русскую литературу и культуру XIX – XX веков не вызывает сомнений.

Блудный сын символизирует отчуждение от родительского дома и традиций, стремление к свободе и самореализации, а также путь к искуплению и примирению с самим собой. В русской литературе архетип блудного сына часто ассоциируется с героями, испытывающими внутренний кризис и ищущими свое место в мире. Этот мотив отражает сложность человеческой природы, поиск истины и самопознания, борьбу с собственными страстями и слабостями.

Тема возвращения находит свое отражение в творчестве многих русских писателей: Л. Н. Толстого, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова, Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова, из современных – Г. Ш. Яхиной, Е. Г. Водолазкина, В. А. Шарова, А. Лужбиной.

Однако важно отметить, что не следует принимать буквально смысл этого возвращения. Зачастую такое возвращение является скорее элементом диалектики и необходимо для развития концепции произведения. В данном контексте возвращение героя символизирует его продвижение к новым уровням понимания и принятия идеала, не ограничиваясь лишь возвратом к прежнему состоянию.

Материалы и методы

Рассматривать сюжет притчи о блудном сыне целесообразно с разных сторон. Богословское прочтение раскрывает отношение Бога-отца к грешникам и мнимым праведникам. Младший сын, юный и несмышленный, просит выделить ему **достоиняж** [15, с. 269], т. е. полагающуюся часть имени. Получив свое, сын принимает

решение жить на свободе, вне воли отца. Эта аллегория демонстрирует, как человек, наделенный от Бога духовными благами, начинает увлекаться порочными мыслями и пускается в грех. Сына тяготит жизнь возле отца, он пускается в странствия, где в распутстве расточает все те духовные дарования, которыми наделил его Бог-отец. Голод и гонения, которым подвергается сын после обеднения, символизируют в первую очередь голод и обеднение человеческой души без Бога. Страдания сына – это символ испытаний, которые Бог посылает человеку, чтобы образумить его и наставить на путь истинный. Примечательно также наказание, которому подвергает себя человек сам, так как растратил свои духовные богатства. Младший сын вынужден отправиться «пастъ свинѣн» [15, с. 268]. Это крайне унижительное занятие для иудеев, так как свинья по иудейскому закону считается нечистым животным. Этот образ демонстрирует, как, отдалившись от Отца, пустившись в грех, человек опускается на дно и выполняет самые унижительные действия, потакая своей разрушительной страсти. Подтверждением этому является яркая деталь: погибая от голода, блудный сын готов есть даже пищу свиней – «і желаше насытити чрѣво свое отъ рожьць • ѡже ѣдѣху свинѣн» [10, с. 321], но никто не давал ему. И сразу после кульминации человеческого падения для описания духовного прозрения используется очень примечательная в идейном смысле реплика: «въ себѣ пришьдѣ» [10, с. 321]. Эта метафора являет собой поворотный момент сюжета притчи. Подобно тому как больной человек впадает в забытие, но выздоравливает после тяжелой болезни, так и грешник, объятый грехом, как будто теряет вместе с дарами своего Отца и распадок. Но, придя в себя, воскресает к духовной жизни и с покаянием возвращается к своему Отцу, обретая вновь утраченные дары.

Отец в притче – это образ, призванный показать невероятную, всеобъемлющую любовь Божью к людям не только праведным, но и кающимся. Еще издали увидев блудного сына, отец бежит к нему навстречу, чтобы обнять его и вновь вернуть все утраченное им в долгих грешных странствиях: «ещте же емоу далече сж штю • оузрѣ і отць его • і милъ емоу вых і текъ нападе на выж его • і облобыза і» [15, с. 269].

Реплика отца: «мрѣтъвъ бѣ і живе • ізгываъ бѣ і обрѣте сѧ» [15, с. 269] – также идейно очень важна для понимания текста. Она демонстрирует, как человек, покинувший Бога, умирает для духовной жизни. Так истинная жизнь человека зависит от Бога как от источника вечного блага. Таким образом, по-настоящему оживает человек только рядом с Богом. Таково исконное догматическое толкование притчи о блудном сыне.

Помимо идеи возвращения утраченного в тексте также можно обнаружить глубочайший духовный подтекст, который подтверждается анализом особенностей всех уровней языка: фонетического, лексического и синтаксического. Для анализа этих уровней предлагается провести синхронический анализ трех разных списков текста притчи о блудном сыне, чтобы отследить, как именно грамматический и лексический строй языка отражает его идейное содержание. Таким образом проводится исследование модели древнеславянского языка, зафиксированной по состоянию в определенный момент времени (конец X – начало XI века).

Рассматриваются следующие образцы старославянской письменности.

1) Ассеманиево евангелие – древняя глаголическая рукопись, датируемая XI веком, написанная круглой глаголицей. Памятник создан, предположительно, в Македонии. С лингвистической точки зрения в тексте отражаются особенности разных периодов развития старославянского языка.

2) Зографское евангелие – неполная глаголическая рукопись, памятник старославянского языка конца X или начала XI века, состоящий из трех частей, написанных в разное время, благодаря чему можно отследить эволюцию языка и переход с

глаголицы на кириллицу. Историки отмечают, что полная история создания Зографского евангелия в настоящий момент неизвестна.

3) Мариинское евангелие – неполная глаголическая рукопись четвероевангелия, датируемая XI веком. Это памятник старославянского языка старосербского извода. Создано евангелие, скорее всего, в Македонии, а переписчик, согласно подтвержденным фактам, был сербом или болгаринном.

Наибольший идейный интерес для данного исследования представляют синонимы. Несмотря на то, что идейно и сюжетно все тексты воплощают одну и ту же историю, их словарный состав в некоторых моментах различается. Например, в Зографском и Ассеманиевом евангелиях используется форма *єтеръ* (от греч. *ετερος*) – ‘некий’, тогда как в Мариинском евангелии, созданном, предположительно, на территории Македонии, используется уже более понятная современному носителю языка общеславянская по происхождению форма *єдинъ* – ‘один’, что является свидетельством более позднего происхождения памятника.

Отмечается также, что использование различных синонимичных вариантов может напрямую влиять на идею текста и раскрывать его для читателя с новой, более глубокой стороны. Так, в Ассеманиевом и Зографском евангельских списках при описании младшего брата используются формы прилагательных *менъші* и *мънні*, указывающих очередность рождения, тогда как в Мариинском евангелии с помощью прилагательного *юнѣи*, образованного от общеславянского корня, подчеркивается неопытность, несмышленость и открытость миру младшего сына, не достигшего, в первую очередь, духовной зрелости. Данные языковые факты позволяют сделать вывод об определенном переосмыслении, углублении в интерпретации смыслов притчи при переписывании в более позднее время на территории Македонии, расположенной южнее.

Подобное углубление смысла при интерпретации также наблюдается в Ассеманиевом евангелии, где пришедший старший сын, призывая раба, использует форму *отрокъ*, тогда как в остальных списках наблюдается прямое указание на социальный статус этого отрока – *рабъ*.

Важную роль для интерпретации смыслового пространства текста притчи играют также антонимы. На антонимичной связи строится весь сюжет притчи о блудном сыне. Можно сказать, что эта связь помогает выстроить идейный каркас текста. Наиболее ярко она выражена отцовской фразой на пиру в честь возвращения блудного сына: «ѣко снѣ моі съ мрътвѣ бѣ і оживе • ізгывлѣ бѣ і обрѣте сѧ» [10, с. 322], а также подразумевается во внутреннем монологе блудного сына, страдающего от голода и нужды в разлуке с отцом, в Ассеманиевом и Зографском евангелиях: «азъ же съде гладомъ гыблѣ» [10, с. 329] – я здесь, а он – там.

Антонимическая связь раскрывается и в диалоге отца со старшим сыном. Наблюдается, что в разных списках используются прямо противоположные формы наречий, которые при этом означают одно и то же. Так, сын сетует на несправедливое отношение отца к нему и произносит фразу: «се колико лѣтъ работашъ тебѣ • і николиже заповѣди твоєѧ не прѣстъ жпихъ» [10, с. 322]. В разных евангельских списках эта фраза реализуется по-разному, сохраняя при этом одинаковый смысл. В Мариинском евангелии вместо местоимения-наречия *сколько* используется *столько*: «столько лѣтъ работашъ тебѣ • і николиже заповѣди твоєѧ не прѣстъ жпн» [15, с. 269]. Таким образом, прямо противоположные местоименно-наречные формы тем не менее в интерпретации переводчика-переписчика Мариинского евангелия оказываются семантическими синонимами.

Другой пример трансляции содержания текста через грамматику наблюдается в Мариинском евангелии, в котором описание голода и нужды младшего брата пере-

дано фразой: «желаше насыти чрѣво своѣ» [15, с. 269], тогда как в других, изучаемых нами списках: «желаше насытити сѧ» [10, с. 329]. В Мариинском евангелии наблюдается более конкретный вариант фразы 'желал насытить чрево свое', который углубляет духовный смысл реплики, подчёркивая глубину падения младшего сына, сильное желание и невозможность угождения чреву, похотям плоти, как некогда в богатой и сытой жизни. В Зографском же и Ассеманиевом евангелиях указывается лишь на насыщение пищей за счет возвратного местоимения «сѧ» (в форме в. п. ед. ч.).

Наряду с синонимами и антонимами смыслообразующую роль играют отсутствующие или, наоборот, присутствующие в некоторых списках слова. Например, в Зографском евангелии представлена наиболее полная, классическая версия обращения блудного сына к отцу: «рече мѣни снъ єю оцю» [10, с. 321], тогда как в остальных списках опущено указательное с формирующимся значением притяжательности местоимение *єю*, которое придает фразе избыточность и утяжеляет ее.

Подобный случай наблюдается в Зографском и Мариинском евангелиях, где к реплике присоединяется исконно притяжательное местоимение *моему* во фразе: «идѣ къ оцю моему» [10, с. 321–322]. В Ассеманиевом евангелии данное местоимение отсутствует. Также в Ассеманиевом евангелии во фразе: «рече же отць іго къ рабомъ своимъ» [10, с. 329] добавляются предлог *к*, подчеркивающий адресный характер обращения и ставшее притяжательным местоимение «*іго*», выполняющее аналогичную функцию.

Важное сюжетное изменение наблюдается при грамматической интерпретации совершенных и несовершенных форм глагола притчи о блудном сыне. Отметим, что в древнеславянскую эпоху категория вида только начинает формироваться, однако некоторое соотношение по виду глагольных лексем в списках уже можно пронаблюдать. В Ассеманиевом евангелии можно заметить совершенную форму глагола *идти*, которая выражает начало действия с помощью приставки *по* – *пошел*. В Зографском и Мариинском евангелиях используется форма *идѣ*, которая не дает такую полноту значения. Также подобное расширение смысла с помощью приставки наблюдается в радостной реплике отца, когда он устраивает пир в честь своего обретенного вновь сына. В Ассеманиевом евангелии отец восклицает: «да възвеселімъ сѧ» [10, с. 329], т. е. «возвеселимся». Данная словоформа за счет приставки *воз* подчеркивает начало действия. В Зографском и Мариинском евангелиях эта фраза несколько видоизменена: «да веселімъ сѧ» [10, с. 322], тем самым подчеркивается вневременное значение действия.

Иногда можно наблюдать пропуски / дополнения определенных синтаксических конструкций в тексте. Так, во время долгожданной встречи младшего сына с отцом в Ассеманиевом и Зографском евангелиях появляется важная фраза, которая повторяет внутренний монолог сына, произнесенный в минуты отчаяния: «сътвори мѧ ѣко единого отъ наемникъ твоихъ» [10, с. 322, 329]. Вероятнее всего, эта реплика дублируется автором перевода для того, чтобы подчеркнуть раскаяние блудного сына, его готовность быть даже слугой у своего отца (на сыновство он уже не рассчитывает). В списке Мариинского евангелия эта строчка присутствует только во внутреннем монологе сына, второй раз она не повторяется.

Еще одна идейно важная деталь прослеживается в следующей реплике отца, когда он просит рабов принести богатую одежду блудному сыну: «скоро изнесѣте» [10, с. 322]. В Ассеманиевом и Зографском списках реплика дополняется наречием интенсивности действия *скоро*, выражающим радость и нетерпение отца, вновь обретшего сына. В Мариинском евангелии данная смысловая деталь опускается.

Инверсии в списках также являются ключом к пониманию текста. Различный порядок слов в тексте трудно списать на ошибки при переписывании. Порядок слов

работает как особенный литературный прием, подчеркивающий прежде всего переживания героев. Например, наблюдается дополнительное появление отрицательной частицы *не* в Мариинском евангелии, благодаря чему несколько меняется порядок слов в ССЦ и смысл фразы усиливается: «и никтоже не даѣше ємоу» [15, с. 269]. (Сравните в Зографском евангелии: «і никѣтоже дааше ємоу» [10, с. 321], в Ассеманиевом евангелии: «и никто же даѣаше ємоу» [10, с. 329]).

Разный порядок слов в одном и том же словосочетании наблюдается во внутреннем монологе блудного сына, который сам по себе является поворотной точкой повествования и кульминационным моментом притчи. В Ассеманиевом евангелии блудный сын произносит реплику: «юже не достоинъ есмъ нарешти сѧ снъ твои» [10, с. 321]. Пословный перевод этой фразы – 'я уже не достоин есть называться твоим сыном'. В Зографском и Мариинском евангелиях наблюдается обратный порядок слов: «юже нѣсмъ достоинъ нарешти сѧ снъ твои» [10, с. 321], что можно перевести как 'я уже не есть достоин'. Скорее всего, наблюдаемая перестановка, обусловленная слиянием глагола-связки и отрицательной частицы, связана с намеренным усилением значения фразы и интерпретируется как литературный прием, подчеркивающий констатацию осознания блудным сыном факта своего отпадения от Отца и утраты своего сыновьего достоинства.

Итак, в итоге филологического анализа текста по нескольким спискам памятника древней литературы становится очевидно, что постижение идейного содержания текстов – это глубокая работа с лексикой и грамматическими средствами, в результате которой дополняется и расширяется понимание общей идеи текста.

Результаты

В ходе проделанного синхронического поуровневого анализа списков притчи о блудном сыне выяснилось, что определенная часть лексических средств и грамматических форм подбирались переписчиками невероятно скрупулезно с целью отразить глубочайший философский смысл притчи, ее тонкую нравственную подоплеку, неуловимую с первого взгляда. Удалось установить факты воссоздания внутренней жизни героев в тексте произведения, т. е. обнаружить скрытый психологизм на архаической стадии развития литературы. Так, в притче о блудном сыне внутренний мир героев отражается с помощью синонимических отношений (юный младший сын, не достигший духовной зрелости), переживания героев передаются с помощью грамматических возможностей видовременных форм глаголов (указания на вневременной характер радости по поводу возвращения блудного сына к отцу), наличия прямых дополнений (сильное желание блудного сына и невозможность угождения чреву на чужбине), пропуски / дополнения определенных синтаксических конструкций в тексте (осознание блудным сыном факта своего падения) и т. п.

Дискуссия

Приведенные результаты исследования открыты для обсуждения. На наш взгляд, подобные положения помогают понять проявления интертекстуальности в мировой литературе, где мотив блудного сына занимает важное место и является архетипическим сюжетом, придающим художественному произведению смысл и структурную целостность. Текст притчи – настоящий айсберг духовной культуры и огромный пласт информации сокрыт в глубине, в используемых грамматических формах, синонимах, антонимах и связях между ними.

Ю. М. Лотман замечает: «Развитие сюжета – лишь развертывание некоторых скрытых в нем потенциалов. Засевший в памяти писателя яркий эпизод» [6, с. 447]. Эти слова вполне применимы к евангельскому сюжету о блудном сыне. Э. А. Радь в исследовании «История “блудного сына” в русской литературе: модификации архетипического сюжета в движении эпох» отмечает, что «сюжет притчи проявляет яркие черты символа в культуре: накапливать и организовывать вокруг себя новый опыт,

превращаясь в своеобразный конденсатор памяти, а затем разворачиваться в некоторое сюжетное множество» [9, с. 145].

Заключение

Исходя из вышеизложенного, следует утверждать, что с помощью филологического анализа текста можно наблюдать, как в культуре отражается вся глубина духовного и идейного содержания евангельских текстов. Именно благодаря исследованию языка в его застывшей, фиксированной форме раскрываются новые пласты смыслов, которые влияют на становление сюжета как архетипической структуры, живущей в литературе и по сей день.

Список источников и литературы

1. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста : учеб. пособие. М.: Флинта : Наука, 2009. 520 с.
2. Войлова К. А. Старославянский язык : пособие для вузов. М.: Дрофа, 2003. 368 с.
3. Иванова Т. А. Старославянский язык : учебник. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. 240 с.
4. Камчатнов А. М. Старославянский язык : курс лекций : учеб. пособие. М.: Флинта : Наука, 1998. 212 с.
5. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров // Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2001. С. 150–390.
6. Лотман Ю. М. О типологическом изучении культуры // Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2001. С. 447–456.
7. Мишаткина С. Е. Древний Текст как объект лингвистического исследования // *Lingua mobilis*. 2011. № 3 (29). С. 76–83.
8. Пронина Е. В. Глагольная лексика старославянского языка в системном рассмотрении : монография. Тула: Изд-во ТулГУ, 2007. 103 с.
9. Радь Э. А. История «блудного сына» в русской литературе: модификации архетипического сюжета в движении эпох. М.: Флинта, 2022. 276 с.
10. Ремнёва М. Л. Старославянский язык : учеб. пособие. М.: Академ. проект, 2004. 352 с.
11. Середенко И. И. Архетип блудного сына в произведениях русских классиков // *Культура и текст*. 2005. № 9. С. 16–22.
12. Старославянский язык: учебник для высших учебных заведений РФ / С. А. Аверина [и др.]. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2013. 448 с.
13. Турбин Г. А., Шулежкова С. Г. Старославянский язык: Учебное пособие. М.: Флинта : Наука. 2002. 216 с.
14. Хабургаев Г. А. Старославянский язык : учеб. пособие для студентов пед. ин-та по спец. № 2101 «Русский язык и литература». М.: Просвещение, 1974. 288 с.
15. Ягич И. В. Мариинское четвероевангелие : с примеч. и прилож.. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1882. 607 с. (Памятник глаголической письменности).

References

1. Bolotnova, NS 2009, *Filologicheskiy analiz teksta* (Philological analysis of the text), Flinta publ, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
 2. Voylova, KA 2003, *Staroslavjanskiy yazyk* (Old Slavonic language), Drofa publ, Moscow. (In Russ.)
 3. Ivanova, TA 2001, *Staroslavjanskiy yazyk* (Old Slavonic language), Izd-vo S.-Peterb. un-ta publ, St. Petersburg. (In Russ.)
 4. Kamchatnov, AM 1998, *Staroslavjanskiy yazyk* (Old Slavonic language), Flinta publ, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
-

5. Lotman, YuM 2001, 'Vnutri myslyashchikh mirov' (Inside the Thinking Worlds), *Semiosfera* (Semiosphere), pp. 150–390. (In Russ.)
6. Lotman, YuM 2001, 'O tipologicheskom izuchenii kultury' (On the typological study of culture), *Semiosfera* (Semiosphere), pp. 447–456. (In Russ.)
7. Mishatkina, SE 2011, 'Drevniy tekst kak obyekt lingvisticheskogo issledovaniya' (Ancient Text as the Object of Linguistic Research), *Lingua mobilis*, vol. 29, no. 3, viewed 4 August 2024, <https://cyberleninka.ru/article/n/drevniy-tekst-kak-obekt-lingvisticheskogo-issledovaniya> (In Russ.)
8. Pronina, EV 2007, *Glagolnaya leksika staroslavianskogo yazyka v sistemnom rassmotrenii* (The verbal vocabulary of the Old Slavic language in a systematic review: a monograph), Izd-vo TulGU publ, Tula. (In Russ.)
9. Rad, EA 2022, *Istoriya «bludnogo syna» v russkoy literature: modifikatsii arkhetypicheskogo syuzheta v dvizhenii epokh* (The story of the "Prodigal Son" in Russian literature: modifications of the archetypal plot in the movement of epochs), Flinta publ, Moscow. (In Russ.)
10. Remnyova, ML 2004 *Staroslavianskiy yazyk* (Old Slavonic language), Akadem. Proyekt publ, Moscow. (In Russ.)
11. Seredenko, II 2005, 'Arkhetyp bludnogo syna v proizvedeniyakh russkikh klassikov' (The archetype of the prodigal son in Russian classical literature), *Kultura i tekst*, no. 9, viewed 4 August 2024, <https://cyberleninka.ru/article/n/arhetip-bludnogo-syna-v-proizvedeniyah-russkihklassikov> (In Russ.)
12. Averina, SA, Navtanovich, LM & Popov MB 2013, *Staroslavianskiy yazyk* (Old Slavonic language), Filol. fak. SPbGU publ, St.Peterburg. (In Russ.)
13. Turbin, GA & Shulezhkova, SG 2002, *Staroslavianskiy yazyk* (Old Slavonic language), Flinta publ, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
14. Khaburgayev, GA 1974, *Staroslavianskiy yazyk* (The Old Slavic language), Prosveshcheniye publ, Moscow. (In Russ.)
15. Yagich, IV 1882, *Mariinskoye chetveroyevangeliye* (Codex Marianus), Tip. Imp. Akad. nauk publ, St. Petersburg, viewed 4 August 2024, https://www.google.ru/books/edition/Codex_Marianus/84UIjM_GAsC?hl=ru&gbpv=1&pg=PA1&printsec=frontcover (In Russ.)

Вклад авторов:

Пронина Е. В. – написание статьи, научное редактирование текста.

Вольнская Е. А. – сбор материала, обработка материала, написание статьи.

Contribution of the authors:

Elena V. Pronina – writing an article, scientific text edition.

Elizaveta A. Volynskaya – collection and processing of material, writing an article.

Статья поступила в редакцию: 10.09.2024
Одобрена после рецензирования: 11.11.2024
Принята к публикации: 07.11.2024

The article was submitted: 10.09.2024
Approved after reviewing: 11.11.2024
Accepted for publication: 07.11.2024

Тулеский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 3 (19). С. 170–180.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2024. Issue 3 (19). P. 170–180.

Научная статья

УДК 81.2

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-170-180>

ИМПЛИЦИТНЫЕ И ЭКСПЛИЦИТНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ СОЮЗА А И СПОСОБЫ ИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ

*Эстири Маджид*¹

*Сиями Эйдлак Халида*²

¹ Университет Гонбад-Кавус

Гонбад-Кавус, Иран, estiri@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0014-4330>

² Боджнордский университет

Боджнорд, Иран

<https://orcid.org/0000-0001-9466-7428>

Аннотация. Предложения с сочинительным союзом *А* выражают наряду с противительным и сопоставительным отношениями также и отношения присоединения. Союз *А* воспринимается студентами РКИ на базе высших учебных заведений Ирана только как союз эксплицитного противительного значения, и потому при переводе на родной язык они употребляют его эквиваленты – противительные *اما* [амма], *ولى* [вали] и *بلکه* [балкэ]. Цель данного сопоставительного исследования заключается в выявлении всевозможных эксплицитных и имплицитных значений русского союза *А* и его способов их репрезентации на персидском языке. В статье представлены всевозможные способы репрезентации в персидском языке эксплицитных и имплицитных значений союза *А* в русском языке, вербализация которых была выявлена авторами в ведущих толковых словарях русского языка. В результате исследования было выявлено, что эксплицитное значение союза *А* как присоединительных, сопоставительных и противительных отношений передается на персидском языке его прямыми эквивалентами, а именно персидскими противительными и присоединительными союзами. Однако в случае употребления союза *А* присоединительных, противительных и сопоставительных отношений в имплицитных значениях способы их репрезентации отличаются, что передается на персидском языке при помощи различного рода сочетаний слов, союзов и частиц.

Ключевые слова: союз *А*, имплицитное и эксплицитное значения, русский как иностранный, персидский язык, эквиваленты.

Для цитирования: Эстири Маджид, Сиями Эйдлак Халида. Имплицитные и эксплицитные значения союза *А* и способы их репрезентации в персидском языке // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 3 (19). С. 170–180. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-170-180>

Сведения об авторе: *Эстири Маджид* – кандидат филологических наук, ассистент профессора, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Университет Гонбад-Кавус, 49717-99151, Иран, г. Гонбад-Кавус;

Сиями Эйдлак Халида – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Боджнордский университет, 94531-55111, Иран, г. Боджнорд.

Scientific Article

UDC 81.2

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-170-180>

IMPLICIT AND EXPLICIT MEANINGS OF THE CONJUNCTION A (*BUT/AND*) AND WAYS OF THEIR REPRESENTATION IN THE PERSIAN LANGUAGE

*Estiri Majid*¹*Siyami Eidlak Khalida*²¹ Gonbad Kavous UniversityGonbad Kavous, Iran, estiri@mail.ru<https://orcid.org/0000-0003-0014-4330>² University of Bojnord

Bojnord, Iran

<https://orcid.org/0000-0001-9466-7428>

Abstract. Sentences with the coordinating conjunction A express, along with adversative and comparative relations, also relations of adjunction. Iranian university-based students of Russian as a foreign language perceive the conjunction A only as a conjunction of explicit adversative meaning, and therefore, when translated into their native language, they use its equivalents - the adversatives اما [amma], ولی [vali], and بلکه [balke]. The purpose of this comparative study is to identify all possible explicit and implicit meanings of the Russian conjunction A and its ways of representing them in the Persian language. The article presents all possible ways of representing explicit and implicit meanings of the conjunction A in the Russian language in the Persian language. The authors identified the verbalization of these meanings with the help of explanatory dictionaries of the Russian language. As a result of the study, the authors reveal that the explicit meaning of the conjunction A as adjunctive, comparative and adversative relations is conveyed in Persian by its direct equivalents, namely Persian adversative and adversative conjunctions. However, in the case of the use of the conjunction A of connecting, adversative and comparative relations in implicit meanings, the methods of their representation differ, and are conveyed in Persian using various kinds of combinations of words, conjunctions and particles.

Keywords: conjunction A, implicit and explicit meanings, Russian as a foreign language, Persian language, equivalents.

For citation: Estiri Majid & Siyami Eidlak Khalida 2024, 'Implicit and Explicit Meanings of the Conjunction A (but/and) and Ways of their Representation in the Persian Language', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (19), pp. 170–180, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-170-180> (in Russ.)

Information about the Authors: *Estiri Majid* – PhD in Philology, Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages, Gonbad Kavous University, Gonbad Kavous, 49717-99151, Iran;
Siyami Eidlak Khalida – PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, University of Bojnord, Bojnord, 94531-55111, Iran.

Введение

Союз как служебная речевая единица представляет немаловажное значение в синтаксической системе языка. Русский академик В. В. Виноградов подчеркивает, что союзы для верного изложения мысли с точки зрения логико-грамматических отношений играют огромную организующую роль не только на уровне предложения, но и всего текста [5].

Изучению семантических и синтаксических отношений союзов отводится особое внимание в процессе преподавания русского как иностранного в вузах Исламской Республики Иран. Цель данного исследования заключается в характеристике имплицитного и эксплицитного функционирования семантики сочинительного союза *A* в русском языке и способов их адекватной передачи в персидском языке.

П. В. Вяземский указывает на то, что имплицитное значение текста присуще глубинным уровням языка, в то время как эксплицитное – это смысл, находящийся на поверхности [6]. Рассуждая на тему понятия эксплицитности и имплицитности в лингвистике, Е. А. Понамарева приходит к выводу, что имплицитность представляет собой свойство содержания, которое прямо не выражено, но вкладывается в содержание, а эксплицитность – свойство содержания четко и прямо выраженного [12, с. 134]. Именно данная интерпретация понятий эксплицитности и имплицитности будет применена по отношению к союзу *A* в данном исследовании.

Согласно общей грамматике русского языка союз *A* относится к группе сочинительных союзов противительных отношений. Однако здесь до сих пор не было учтено, что данный союз относится также к союзам разнообразных отвлеченных значений. В персидском же языке спектр значений эквивалентов русского союза *A* значительно ограничен и не выходит за рамки своих основных отношений – противопоставления. Согласно российскому исследователю персидского языка Ю. А. Рубинчику, противительные союзы выражают отношения противопоставления, несоответствия и различия. Ученый относит к ним союзы *اما* [амма], *ولی* [вали], *بلکه* [балкэ] [13, с. 331]. В связи с этим они не всегда могут переводиться на персидский язык традиционным способом – путем использования их эквивалентов. В связи с этим в процессе коммуникации или при переводе текста среди студентов РКИ в Иране возникает явление пассивной интерференции, когда иранские студенты сталкиваются с определенными трудностями при выборе соответствующего коммуникативной ситуации имплицитного или эксплицитного значения союза *A* и повсеместно используют союзы *اما* [амма], *ولی* [вали], и *بلکه* [балкэ].

Актуальность данного исследования заключается в том, что до настоящего времени союз *A* не подвергался тщательному анализу исследователями русского языка в Иране, что и привело к малоизученности данного союза и отсутствию адекватных способов его вербализации в персидском языке.

Объектом данного исследования являются имплицитные и эксплицитные значения русского сочинительного союза *A* с привлечением материала по грамматике русского языка и перевода этих значений на персидский язык.

Предметом данного исследования является функционирование союза *A*, а также его семантические свойства в русско-персидском сопоставительно-переводном аспекте.

Научная новизна данного исследования заключается в том, что в нем впервые даются описания значений и сферы употребления русского сочинительного союза *A* в сравнительно-сопоставительном переводном аспекте путем выявления адекватных способов передачи этих значений на персидский язык.

Материалы и методы

Для достижения поставленной цели необходимо изучить вопрос трактовки понятия исследуемого союза в русском и персидском языках, выявить корреляции

значений союза *А* в русском языке и способы их передачи в персидском языке. Материалом данного исследования послужили примеры значений имплицитного и эксплицитного функционирования русского союза *А*, отобранные методом сплошной выборки из общеупотребительных словарей русского языка: «Словаря русского языка» А. П. Евгеньевой [7], толковых словарей С. А. Кузнецова [9], Д. Н. Ушакова [14] и С. И. Ожегова [11]. К методам, на которых построено данное исследование, следует также отнести метод дифференциального анализа союзов в русском и персидском языках и сопоставительно-переводной метод при выявлении различий и сходств в семантике и структуре русского союза *А* и его эквивалентов в персидском языке.

Результаты и обсуждение результатов

Современное языкознание русского языка относит союз *А* к разряду сочинительных союзов противительного отношения. Основная функция противительных сочинительных союзов заключается в объединении компонентов предложения, которые противоположны друг другу по своему контрасту.

В «Современном русском языке» утверждается, что предложения с противительными союзами *А* наряду с такими союзами, как *но*, *однако* и *да=но*, выражают отношения противопоставления и сопоставления. Помимо того, им свойственно выражать эти синтаксические отношения с оттенками несоответствия, уступки, ограничения и т. д. Это значение данного типа сложных предложений влияет на их построение: порядок слов во второй части обусловлен характером противопоставления первой части [3].

А. А. Камынина подчеркивает, что семантика союзов, как правило, может быть абстрактной, и значения его зависят в первую очередь от характера их связи внутри контекста. Есть союзы, которые выражают одни и те же синтаксические отношения независимо от дистрибуции. Однако имеются и союзы, которые выражают не одно синтаксическое отношение [8, с. 213–216]. К таким союзам А. А. Камынина относит и союз *А*, помимо *но*, *однако* и *да=но*, называя их многозначными, а контекст способен модифицировать их значения.

Н. Ю. Шведова, рассуждая на тему союзов, подчеркивает, что «каждый союз является носителем определенного квалифицирующего значения» [17, с. 713–714].

В персидском языке союзы также относятся к служебным словам. Основная их функция заключается в соединении частей предложения и выражении связей между ними. Союзы персидского языка семантически несамостоятельны. Русский исследователь персидского языка Ю. А. Рубинчик утверждает: «Выступая в роли формального средства связи синтаксических единиц (членов предложений и частей сложного предложения), союзы одновременно служат средством выражения смысловых отношений между ними» [13, с. 328]. Русский исследователь-иранист И. К. Овчинникова толкует союз как синтаксическую единицу, соединяющую самостоятельные предложения в сложносочиненных и сложноподчиненных предложениях [10, с. 339]. Иранский исследователь персидского языка Х. Фаршидвард трактует союз как «... слово, которое соединяет два или более слов, словосочетания, члены предложения, части сложного предложения, т. е. союз используется для выражения отношения между синтаксическими единицами» [16, с. 525].

Однако И. Н. Березин называет союзы соединительными наречиями (حروف العطف الوصول), некоторые из которых входят в класс предлогов, и разделяет их на 10 классов. Противительными союзами, по его мнению, являются союзы, «... показывающие несогласие на возможность или совершение действия» [1, с. 294]. К наиболее употребительным противительным союзам персидского языка относятся союзы *اما* (*но, однако*), *ولی* (*но*), *لكن* (*однако*), *بلکه* (*но*), *مگر* (*но*), *بل* (*но*).

Особенной чертой противительных отношений, выражаемых союзами, является то, что в них четко выражены ассоциативные связи. В предложениях с сопоставительными синтаксическими отношениями, как правило, существуют явления, которые схожи по своим лексическим особенностям. Большую роль в представлении понятия о семантике исследуемых союзов играют различного рода толковые словари. Авторами были выделены такие ведущие словари, как словарь современного русского литературного языка в 17 томах [14], «Большой толковый словарь» С. А. Кузнецова [9], толковые словари русского языка С. И. Ожегова [11] и Д. Н. Ушакова [15] и др. Наиболее полные дефиниции исследуемых союзов даются в «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой [7]. По мнению авторов, пероговорящие студенты-русисты легко постигают эксплицитные значения союза *А*. Однако, исходя из опыта преподавания, было выявлено, что при выражении значений имплицитного характера они испытывают определенные трудности передачи их на родном языке, заменяя их эквивалентами противительных союзов персидского языка. На основании дефиниций в вышеприведенных словарях авторы намерены выявить имплицитное и эксплицитное значения союза *А* и предложить наиболее приемлемые способы их репрезентации в персидском языке.

Рассмотрим на примерах адекватные способы передачи всевозможных имплицитных и эксплицитных значений союза *А* в персидском языке.

Согласно мнению ведущих исследователей русского языка, основным значением союза *А* является противительное значение. Так, С. И. Ожегов подчеркивает, что союз *А* соединяет предложения или члены предложения, выражая противопоставление и сопоставление [11]. Данное значение союза *А* следует считать эксплицитным, так как это противительное значение союза *А* соответствует по своему смыслу *но*, *наоборот*, *напротив* и *зато*. Приведем примеры способов репрезентации союза *А* данного значения в персидском языке: *Он знаменитость, а душа у него простая* – او آدم نامدار، اما ساده ای است [У адамэ намдар, **амма** садэи аст]. Союз *А* в значении противопоставления передается в персидском языке его эквивалентом, союзом *اما* [амма] со значением противопоставления, употребляющимся в нейтральном стиле речи. В разговорной речи такое значение союза *А* может выражаться в персидском языке наречием *برعکس* [баракс] или союзом *ولی* [вали]. Например: *Он знаменитость, а душа у него простая* – او آدم نامداریه، برعکس (ولی) ساده س [У адамэ намдарие, **баракс** / **вали** садас].

При выражении противопоставления и противоречия союз *А* может передаваться также и при помощи союза *و* [ва], которое является в персидском языке соединительным союзом и переводится как *и*, например: *Пиши ручкой, а не карандашом* – تو با خودکار بنویس و نه با مداد [То ба ходкар бэнэвис **ва** на ба мэдад].

В ряде случаев данное эксплицитное значение союза *А* в персидском языке может полностью упускаться, если в нем имеется отрицание во второй части предложения, соответственно, после самого союза *А*. Например: *Пиши ручкой, а не карандашом* – تو با خودکار بنویس، نه با مداد [То ба ходкар бэнэвис, на ба мэдад].

В случае если противопоставление фактов, признаков и действий, из которых одно исключает другое, имеет отрицательную частицу *не* в первой части предложения соответственно перед самим союзом *А*, то и репрезентация его в персидском языке будет отличаться соответствующим образом. Таким образом, после отрицания он будет передаваться в персидском языке при помощи союза *بلکه* [балкэ]. Приведем пример: *Мы работали не на пятом этаже, а на втором* – ما در طبقه پنجم نه، بلکه در طبقه دوم کار می کردیم [Ма дар табагэе панджом на, **балкэ** дар табагэе довом кар микардим].

Товар стоит не дорого, а дешево – *كالا گران نيست، بلکه ارزان است* [Кала гэран нист, **балкэ** арзан аст].

Союз *А* в своем основном эксплицитном противительном значении выражает отношения несоответствия действий, фактов и признаков, при этом являясь также союзом и других имплицитных отвлеченных значений. В таком случае противительный союз *А* может быть заменен на союзы *но* и *однако*. Данное имплицитное значение союза *А* будет передаваться в персидском языке при помощи сложных союзов *با* [ба иуджудэ ин], дословно как с данной обстановкой или *با وجود اين* [ба иуджудэ ин], дословно как с наличием данного. Союз *А* в противительном значении с отношением несоответствия также может переводиться союзом *اما* [амма] в сочетании с *باز هم* [баз хам], дословно как *опять*, синонимичным сложным союзам *با اين حال* [ба ин хал] или *با وجود اين* [ба иуджудэ ин]. Например: *Дело к весне, а мороз все жестче.* – *نزدیک بهار است، با اين حال سرما شديدتر می شود.* [Наздикэ бахар аст, **ба ин хал** сарма шадидтар мишавад] или *نزدیک بهار است، اما باز هم سرما شديدتر می شود* [Наздикэ бахар аст, **амма баз хам** сарма шадидтар мишавад].

Антоша собирается поступать в музыкальное училище, а (однако) музыкой он занимается мало – *آنتوشا قصد دارد وارد مدرسه موسیقی شود، با* [Антоша гасд дарад варэдэ мадрэсэе мусиги шавад, **ба вуджудэ ин** зияд бэ мусиги нэмипардазад] или *آنتوشا قصد دارد وارد مدرسه موسیقی شود، اما باز هم زیاد به موسیقی نمی پردازد* [Антоша гасд дарад варэдэ мадрэсэе мусиги шавад, **амма баз хам** зияд бэ мусиги нэмипардазад].

Союз *А* в значении несоответствия частей предложения друг другу может также соответствовать *тем менее*, *но* и *все-таки*, может легко заменяться на *хотя* и *однако*, а также сочетаться со словами *все* и *все-таки*. В данном значении союз *А* выражает отношения противопоставления уступительного характера между членами предложения. Союз *А* в значении несоответствия частей предложения друг другу с отношением противопоставления уступительного характера выражается в персидском языке союзом *اما* [амма] и может быть заменен на сложные союзы *اگرچه* [агарчэ], дословно как *хотя*, или *هرچند* [харчанд], дословно как *хотя*, со значением противопоставления уступительного характера. Например: *Рана ваша – не опасная, а все лучше остановить кровь* – *زخم شما خطرناک نيست، اگرچه (هرچند) بهتر* [Захмэ шома хатарнак нист, **агарчэ (харчанд)** бэхтар аст хунризи ра мотэвагэф конид].

В русско-персидском словаре И. К. Овчинникова указывается также и на то, что союз *А* выражает отношения противопоставления фактов, признаков и действий условного характера. В предложениях, где союз *А* обуславливает условные отношения, в персидском языке следует использовать союз *و* [ва], выражающий характер присоединения. Приведем пример: *Моя восторженность может охладеть, а тогда все бы погибло* – *ممکن است شوروشوق من فروکش کند و آن موقع ای کاش همه* [Момкэн аст шурошогэ ман фурукэш конад **ва** ан могогэ эйкаш хамэ чиз аз бэйн бэравад].

Союз *А* помимо отношений противопоставления также выражает сопоставление фактов, признаков и действий. Различия данных отношений союза *А* констатируются тем, что они не противопоставляются, а сопоставляются. В предложениях данного типа противительный союз *А* соответствует по своему смыслу выражениям *что касается* и *в то время как* при сопоставлении действий субъектов и *между тем* и *в это же время* – при сопоставлении обстоятельств действий, которые происходят параллельно и одновременно. А. В. Величко сюда относит также такие союзы,

как *если...то, же* и *тогда как* [4]. Такое значение сопоставления передается на персидский язык союзами *و* [ва] – эквивалент русского присоединительного союза *и*, *اما* [амма] в значении русского противительного союза *но*, *در حالی که* [дар хали кэ], дословно как *тогда как*, *در صورتی که* [дар сурати кэ], дословно как *тогда как* или выражением *این در حالی است که* [ин дар хали аст кэ], дословно как *тогда как*. Приведем примеры: *Он поехал, а я остался.* – *او رفت، در صورتی که من ماندم* [У рафт, дар сурати кэ ман мандам] или *اما من ماندم* [У рафт, амма ман мандам].

Сопоставительный союз *А* служит также для указания на непосредственность или неожиданность наступления действия, в то время как другое еще не закончено и является близким по своему значению таким словам, как *вдруг* и *вдруг в это время*. Данное имплицитное значение союза *А* в персидском языке эквивалентно сочетанию присоединительного союза *و* [ва] с наречием *ناگهان* [нагахан], дословно как *внезапно, вдруг*. Приведем наглядный пример: *Молчалин на лошадь садился, ногу в стремя, а лошадь на дыбы.* – *مالچالین روی اسب نشست، پاهایش را داخل رکاب گذاشت و ناگهان* [Молчалин руе асб нэшаст, пахаш ра дахэлэ рэкаб гозашт ва нагахан асб руе пахае агабаш истад].

В «Словаре современного русского литературного языка» указано, что в своем имплицитном значении союз *А* может выражать сопоставительное значение, соответствующее *что касается*. Данное значение будет переводиться на персидский язык при помощи присоединительного союза *و* [ва], дословно как *и*. В данном значении союз *А* и его эквивалент в персидском языке подчеркивают предмет речи, поэтому можно добавить наречие *البته* [албатэ], дословно как *конечно*. Например: *...В приходском классе большинство было взрослых, а о других классах, особенно семинарских, и говорить нечего.* – *در آن زمان اکثریت صنف جامعه بزرگسال بودند و البته در مورد سایر اقشار به ویژه حوزه های علمیه حرفی برای* [Дар ан заман аксариятэ сэнфэ джамэ бозоргсал буданд ва албатэ дар морэдэ саерэ агшарэ бэвижэ хозэхае элмие харфи барае гофтан набуд] или *Ну, смотри же, я полагаюсь на твое усердие, а в благодарности моей можешь быть уверен.* – *خب ببین من به تلاش تو تکیه می‌کنم و تو به قدردانی من مطمئن باش* [Хоб бэбин, ман бэ талашэ то тэке миконам ва то бэ гадрдание ман мотмаэн баш].

Помимо того, в имплицитном сопоставительном значении союз *А* может указывать на сопоставление событий, совершаемых одновременно и соответствующих значению *между тем* или *в то время*. Данное значение в персидском языке будет иметь эквивалентом *و* [ва], дословно как *и*. Например: *Каштанка бегала взад и вперед и не находила хозяина, а между тем становилось темно.* – *کاشتانکا به این طرف و آن طرف می‌دوید و صاحبش را پیدا نمی‌کرد و در همین حین هوا* [Каштанка бэ ин тараф ва ан тараф мидавид ва сахэбаш ра пэйда нэмикард ва дар хамин хэин хам хава ру бэ тарики мирафт].

Союз *А*, помимо своей основной синтаксической функции противопоставления, также может входить и в группу присоединительных сочинительных союзов. В. В. Бурцева трактует союз *А* как союз, который «указывает на развитие, дополнение, пояснение высказанной мысли или оценку сказанного» [2].

С. И. Ожегов приводит следующую дефиницию присоединительного значения союза *А*: «присоединяет предложения или члены предложения со значением добавления чего-нибудь при последовательном изложении, со значением пояснения, выражения, усиления, перехода к другой мысли». Данному значению в персидском языке соответствуют союзы *و* [ва], дословно как *и*, и *که* [кэ], дословно как *что* со значением пояснения, или может полностью опускаться из текста. Например: *Мы*

отправились на охоту, **а** с охоты – домой. – ما به شكار رفتيم و از آنجا به [Ма бэ шэкар рафтим **ва** аз анджа бэ ханэ базгашитим] или Мы больше не увидимся, **а** жаль. – ما ديگر همدیگر را نخواهيم دید که این جای [Ма дигар хамдигар ра нахахим дид **кэ** ин джае таасоф дарад], или – **А** ты что делаешь? – **А** я читаю книгу. – تو چکار می‌کنی؟ – من کتاب می [– То чэкар микони? – Ман кэтаб миханам.] خوانم.

С. А. Кузнецов указывает на то, что союз *А* присоединительного характера обладает возможностью указывать на развитие, дополнение, характеризующее или оценивающее сказанное [9]. В данном значении союз *А* может сочетаться со словами, указывающими на мотивацию и уточнение мысли типа *в самом деле, сверх того, и именно*. В данном случае союз *А* передается на персидский язык словом *یعنی* [яни], уточняющим и развивающим мысль. Например: *Пришли все приглашенные, а именно студенты, врачи и художники* – همه مدعوین، یعنی دانشجویان، [Хамэ мадувин, **яни** данэшджуян, пэзэшкан ва хонармандан амаданд].

Также союз *А* присоединительного характера, дополняющий и развивающий мысли, может сочетаться со словами, обозначающими вывод и заключение мысли и может раскрывать свое имплицитное значение в сочетании с *потому, следовательно, значит* и т.д. В данном случае союз *А* выражается союзом *و* [ва] со значением присоединения и вывода мысли. Приведем примеры: *Это в интересах мира, а, следовательно, и всех народов.* – این امر به نفع صلح و در نتیجه به نفع همه [Ин амр бэ нафэ солх **ва** дар натиджэ бэ нафэ хамэе мэлатхаст].

В «Словаре современного русского литературного языка» более подробно указывается на ряд имплицитных присоединительных значений союза *А*. Наиболее интересным является его значение обозначения одного и того же предмета речи с несколько иной точки зрения. В таком значении союз *А* соответствует таким словам, как *иначе сказать, то есть* или *вместе с тем*. В данном случае союз *А* выражается словом *یعنی* [яни] с изъяснительно-определятельным значением. Приведем способ репрезентации данного значения союза *А* в персидском языке в следующем примере: *Приехал я по поручению моего кузена, а вашего соседа, Алексей Ивановича Крюкова.* – من از طرف پسر عمویم یعنی همسایه شما الکسی ایوانووچ [Ман аз тарафэ пэсар амуям яни хамсаеэ шома Алексей Иванович Крюков амадам] или *Вчера нас постигло новое испытание: сын мой, а твой брат Степан скончался.* – دیروز با امتحان جدیدی روبرو شدیم: پسر من یعنی برادرت استیپان فوت شد [Дируз ба эмтэхан джадиди рубэру шодим: Песарам **яни** барадарат Степан фот шод].

Имплицитное значение присоединительного союза также может соответствовать по значению причинным союзам *потому что, так как* и *ибо*. В данном случае союз *А* переводится на русский язык как *چون* [чон], *برای اینکه* [барае инкэ], *زیرا* [зира], из которых *زیرا* [зира] употребляется в книжном стиле, а *چون* [чон] и *برای-اینکه* [барае инкэ] – в разговорном. Например: *Устройте что-нибудь, а то все соскучились.* – [Барнамэи тартиб дахид, **чон** хамэ дэлтанганд].

Союз *А* присоединительных отношений в имплицитном значении соответствует по смыслу союзам *или* и *или же*. В персидском языке его эквивалентом является выражение *یا* [йа] или *یا که* [йа кэ]. Например, *Ну, теперь выкушайте чаю, а то, еще лучше, пойдите, отдохните.* – خوب حالا به چایی بخورید یا بهتره [Хоб хала йэ чаи бохорид **йа** бэхтарэ бэравид эстэрахат

ском языке при помощи союза *و* [ва] в сочетании с наречием *ناگاهان* [нагахан] и *البته* [албатэ].

Эксплицитное значение союза *А* присоединительных отношений передается на персидский язык его эквивалентом – присоединительным союзом *و* [ва] или пояснительным *که* [кэ]. Имплицитное значение союза *А* присоединительных отношений дополнения, а также изъяснительно-пояснительных отношений в персидском языке эквивалентно уточняющему *یعنی* [яни]. Помимо того причинные отношения присоединительного союза *А* передаются в персидском языке при помощи *برای-اینکه* [барае инкэ], *چون* [чон], *زیرا* [зира]. Выявленные присоединительно-усилительные отношения в персидском языке эквивалентны наречию *پس* [пас]. В вопросительных предложениях союзу *А* присоединительных отношений соответствуют такие вопросительные слова, как *پس* [пас], *چطور* [четур], *راستی* [расти].

Таким образом, из проведенного авторами анализа семантики эксплицитного и имплицитного значений союза *А* было выявлено, что помимо эквивалентов их в персидском языке, каждое из его значений имеет свои отдельные варианты репрезентации в персидском языке, которые и были выше представлены.

Список источников и литературы

1. Березин И. Н. Грамматика персидского языка. Казань: Тип. ун-та, 1853. 493 с.
2. Бурцева А. А. Словарь наречий и служебных слов русского языка. М.: Рус. яз. Медиа, 2018. 750 с.
3. Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И. Современный русский язык : учебник / под ред. Н. С. Валгиной. М.: Логос, 2002. 528 с.
4. Величко А. В. Книга о грамматике. СПб.: Златоуст, 2018. 752 с.
5. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высш. шк., 1972. 616 с.
6. Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1984. 465 с.
7. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньева. М.: Рус. язык, 1999.
8. Камынина А. А. Морфология : учеб. пособие для студ. филол. фак-тов гос. ун-тов. М.: МГУ, 1999. 240 с.
9. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2008. 1536 с.
10. Овчинникова И. К. Учебник персидского языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. 440 с.
11. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Мир и образование, 2013. 874 с.
12. Пономарева Е. А. Изучение педагогических понятий, связанных с терминами эксплицитный и имплицитный // Мир науки, культуры. Образования. 2015. № 2 (51). С 133–138.
13. Рубинчик Ю. А. Грамматика современного персидского литературного языка. М.: Вост. лит., 2001. 600 с.
14. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. В. И. Чернышёва. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948-1965.
15. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл., 1935–1940.
16. Фаршидвард Х. Подробная современная грамматика (Дастур-е мофассал-е эмруз). Тегеран: Сохан, 2005. 703 с.
17. Шведова Н. Ю. Русская грамматика. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1982. 714 с.

References

1. Berezin, IN 1853, *Grammatika persidskogo yazyka* (Persian Grammar), Tipografiya universiteta publ, Kazan. (In Russ.)

2. Burtseva, AA 2018, *Slovar narechiy i sluzhebnykh slov russkogo yazyka* (Dictionary of adverbs and function words of the Russian language). Rus. yaz. Media publ, Moscow. (In Russ.)
3. Valgina, NS, Rozental, DE & Fomina, MI 2002, *Sovremennyy russkiy yazyk* (Modern Russian language), Logos publ, Moscow. (In Russ.)
4. Velichko, AV 2018, *Kniga o grammatike* (Grammar book), Zlatoust publ, St. Petersburg. (In Russ.)
5. Vinogradov, VV 1972, *Grammaticheskoye ucheniye o slove* (Russian language Grammatical doctrine of the word), Vysshaya shkola publ, Moscow. (In Russ.)
6. Vyazemskiy, PA 1984, *Estetika i literaturnaya kritika* (Aesthetics and literary criticism), Iskustvo publ, Moscow. (In Russ.)
7. Evgenyev, AP (ed.) 1999, *Slovar russkogo yazyka. V 4-kh tomakh* (Dictionary of the Russian language. In 4 volumes), Russkiy yazyk publ, Moscow. (In Russ.)
8. Kamynina, AA 1999, *Morfologiya* (Morphology), MGU publ, Moscow. (In Russ.)
9. Kuznetsov, SA 1536, *Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka* (Large explanatory dictionary of the Russian language), Norint publ, St. Petersburg. (In Russ.)
10. Ovchinnikova, IK 1956, *Uchebnik persidskogo yazyka* (Persian language textbook), Moskovskiy universitet publ, Moscow. (In Russ.)
11. Ozhegov, SI 2013, *Tolkoviy slovar russkogo yazyka* (Explanatory Dictionary of the Russian Language), Mir i obrazovaniye publ, Moscow. (In Russ.)
12. Ponomareva, EA 2015, 'Izucheniye pedagogicheskikh ponyatiy, svyazannykh s terminami eksplitsitny i implitsitny' (Studying of pedagogical concepts, are related with the terms "explicit" and "implicit"), *Mir nauki, kulturi, obrazovaniya* (The World of Science, Culture, Education), vol. 51, no. 2, pp. 133–138. (In Russ.)
13. Rubinchik, YuA 2001, *Grammatika sovremennogo persidskogo literaturnogo yazyka* (Grammar of modern Persian literary language), Vost. lit. publ, Moscow. (In Russ.)
14. Chernysheva, VI (ed.) 1948-1965, *Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* (Dictionary of the Modern Russian Literary Language. In 17 vols), Izd-vo AN SSSR publ, Moscow, Leningrad. (In Russ.)
15. Ushakov, DN & Tomashevskiy BV (eds.) 1935-1940, *Tolkovyy russkogo yazyka v 4 t.* (Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 volumes), Sovetskaya entsiklopediya publ, Moscow. (In Russ.)
16. Farshidvard, Kh 2005, *Podrobnaya sovremennaya grammatika* (Dastur-e mofassal-e emruz) (Detailed modern grammar (Dastur-e mofassal-e emruz)), Sokhan publ, Tehran. (In Pers.)
17. Shevedova, NYu 1982, *Russkaya grammatika. Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya* (Russian grammar. Phonetics. Phonology. Emphasis. Intonation. Word formation. Morphology), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)

Вклад авторов:

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию: 07.03.2024
Одобрена после рецензирования: 13.09.2024
Принята к публикации: 07.11.2024

The article was submitted: 07.03.2024
Approved after reviewing: 13.09.2024
Accepted for publication: 07.11.2024

Научная статья

УДК 81'42

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-181-199>

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДЧИКА

**Екатерина Эдуардовна
Уланова**

Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия, Ekaterina.edu.ulanova@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0007-3683>

Аннотация. Статья посвящена исследованию языковой личности синхронного переводчика с позиции герменевтического понимания. Языковая личность рассматривается нами как комплексный феномен в своём становлении, развитии, взаимосвязи и взаимодействии *homo loquens* с миром непрерывно на протяжении всей коммуникативной ситуации перевода, участником которой она является. Целью данной работы является описание комплексной функциональной модели языковой личности синхронного переводчика. Комплексная функциональная модель языковой личности синхронного переводчика рассматривается нами с учётом трехуровневого вербализованного представления (по Ю. Н. Караулову) и невербализованного представления (кинесика, окулесика, просодика). Описание вербального и невербального уровня представления проводится с позиции лингвокогнитивного и лингвофункционального анализа. Предпринятый анализ языковой личности синхронного переводчика учитывает индивидуальную функционально-стилевую дифференциацию, способы перевода лингвокультурных реалий, анализ переводческих трудностей и неверных переводческих решений, индивидуальные варианты перевода прецедентной лексики, антропонимов, топонимов, фраз-клише, прочих билингвальных противопоставлений, просодических референтов в синхронном переводе. Первый этап исследования посвящен анализу вербального уровня представления языковой личности: учитываются факторы, определяющие цель перевода, стратегию перевода, выбор тактики, переводческого приёма, трансформаций. На втором этапе анализировалось невербальное поведение переводчиков, путем наблюдения за соматическими реакциями, которые представлены кинетическими сомативами, окулесическими сомативами, просодическими сомативами. На основании результатов оценки вербального и невербального поведения языковой личности устного переводчика проводится анализ экстралингвистических компонентов коммуникации, среды перевода, невербального поведения переводчика. Применение лингвокогнитивного и лингвофункционального подхода реализуется методами дискурс-анализа, интерпретационного анализа, трансформационного анализа, синтаксического анализа.

Ключевые слова: языковая личность, синхронный переводчик, невербальные средства, профессиональная личность, модель языковой личности.

Для цитирования: Уланова Е. Э. Герменевтическое понимание языковой личности синхронного переводчика // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 3 (19). С. 181–199. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-181-199>

Сведения об авторе: Е. Э. Уланова – кандидат филологических наук, доцент, кафедра теории и практики перевода, Кубанский государственный университет, 350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

© Уланова Е. Э., 2024

Scientific Article
UDC 81'42

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-181-199>

HERMENEUTIC UNDERSTANDING OF THE SIMULTANEOUS INTERPRETER'S LANGUAGE PERSONALITY

Ekaterina E. Ulanova

Kuban State University

Krasnodar, Russia, Ekaterina.edu.ulanova@inbox.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0007-3683>

Abstract. The article is devoted to studying the linguistic personality of a simultaneous interpreter from the perspective of hermeneutic understanding. The author considers the linguistic personality to be a complex phenomenon, whereby the *homo loquens* is continuously formed, developed and interacts with the world throughout the communicative situation in which the linguistic personality is a participant. The objective of this study is to describe a complex functional model of the linguistic personality of a simultaneous interpreter. The paper considers the complex functional model of a simultaneous interpreter's linguistic personality taking into account three levels of verbalised representation (according to Yu. N. Karaulov theory) and non-verbalised representation (kinesics, oculosics, prosody). The verbal and non-verbal level of representation is carried out from the perspective of linguocognitive and linguofunctional analyses. The undertaken analysis of the simultaneous interpreter's linguistic personality takes into account individual functional and stylistic differentiation, ways of translating linguocultural realia, analysis of translation difficulties and incorrect translation solutions, individual variants of translation of precedent vocabulary, anthroponyms, toponyms, phrase-clichés, other bilingual oppositions, prosodic referents in simultaneous interpreting. The first stage of the research is dedicated to examining the verbal aspect of the linguistic personality representation. The factors determining the purpose of translation, the translation strategy, the choice of tactics, the translation technique and the transformations are all considered. In the second stage, the article analysed the non-verbal behaviour of the interpreters by observing somatic reactions, which are represented by kinetic, oculic and prosodic somatic reactions. The author analyses the extra-linguistic components of communication, the interpreter's environment, and the interpreter's non-verbal behaviour based on the assessment results of the verbal and non-verbal behaviour of the interpreter's linguistic personality. The application of linguocognitive and linguofunctional approach is realised by the methods of discourse analysis, interpretation analysis, transformation analysis, and syntactic analysis.

Keywords: linguistic personality, simultaneous interpreter, non-verbal means, professional personality, linguistic personality model.

For citation: Ulanova, EE 2024, 'Hermeneutic Understanding of the Simultaneous Interpreter's Language Personality', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (19), pp. 181–199, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-3-181-199> (in Russ.)

Information about the Author: *Ekaterina E. Ulanova* – Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Theory and Practice of Translation, Kuban State University, 149, Stavropolskaya Str., Krasnodar, 350040, Russia.

© Ulanova E. E., 2024

Введение

Возникновение феномена языковой личности кроется в социальной действительности, обусловлено самой сущностью и содержанием общественной жизни. Идея познания феномена языковой личности синхронного переводчика (далее – ЯЛ СП) интересует нас, в первую очередь, с точки зрения самопознания и самосовершенствования.

Трудности и проблемные ситуации, с которыми общество сталкивается изо дня в день – это трудности ежедневной жизнедеятельности человека. В каждый момент времени человек исторически своеобразен. Он тождественен своей картине мира (или нескольким), которую творит сознательно или нет: своим идеалам, ценностям, авторитетам [19].

Изучение ЯЛ с точки зрения речевого воздействия традиционно вызывала большой интерес у лингвистов. По мнению Н. И. Формановской, каждая личность уникальна и обладает своим «языковым и социокультурным тезаурусом» [17, с. 154]. Очевидно, что подобные вопросы возникали в связи с исследованиями социальной природы языка, соотношения языка и речи, взаимовлияния нескольких картин мира на личность говорящего.

Если рассматривать устного переводчика в общем смысле как медиатора культур (Кушникова Л. В., Гейхман Л. К., Неганова А. О.), то представляется логичным изучать ЯЛ в рамках герменевтико-гуманистического подхода. Языковая личность синхронного переводчика представляет собой один из функциональных инвариантов общечеловеческой языковой личности, которая к тому же находится на стыке нескольких культур и выступает в роли медиатора процесса в межкультурной коммуникации.

Актуальность изучения рассматриваемого феномена обусловлена отсутствием масштабных исследований языковой личности профессионального синхронного переводчика, учитывающих вербальную и невербальную составляющую, гендерную репрезентацию, профессиональные компетенции. Данное исследование характеризуется также новизной исследовательского материала, значительного по объему, а также особым вниманием к экстралингвистической стороне языковой личности. Работа выполнена в русле лингвокогнитивного и лингвофункционального подходов и отталкивается от лингвистических и экстралингвистических способов выражения языковой личности профессионального переводчика-синхрониста во всём многообразии.

Объектом исследования выступает языковая личность профессионального синхронного переводчика.

Предмет исследования составляет система лингвистического и экстралингвистического выражения языковой личности профессионального синхронного переводчика на вербальном и невербальном уровнях.

Цель нашего исследования заключается в описании функциональной модели языковой личности профессионального синхронного переводчика, представляющей учёт вербальной и невербальной организации говорящего переводчика, уровня владения профессиональными переводческими компетенциями.

Материалы и методы

Материалом анализа послужил корпус видеоматериалов, включающий в себя оригинальные выступления ораторов на английском языке и варианты синхронных переводов, выполненных профессиональными синхронными и последовательными переводчиками в рамках участия в конкурсе устного перевода CosinesPi [<https://cabinet.cosines-pi.ru/#!/sf/8/1516>]. Тематику видео-интервью можно определить как информационно-массовую, включающую в себя такие темы, как литература, мода, театр, кино, политические интервью. Общий объем проанализированного

материала – свыше 300 минут. Эмпирический материал охватывает период с 2018 по 2022 гг. Данное исследование выполнено в русле лингвофункционального и лингвокогнитивного подходов. Отличительной особенностью используемых подходов является рассмотрение ЯЛ СП как объекта понимания, создания и выражения смыслов на языковом и неязыковом уровне в коммуникативной ситуации перевода.

Методологическая база исследования. В данной работе используется метод дискурс-анализа для интерпретации эмпирических вербальных данных, метод лингвокогнитивного анализа, направленный на определение и выявление экстралингвистических факторов, оказывающих влияние на реализацию языковой личности синхронного переводчика (далее – ЯЛ СП) с учётом новых смыслов. Герменевтический подход к пониманию языковой личности в её объязыковленной форме не заслоняет исследовательских методов микроуровня: при анализе невербального поведения ЯЛ СП – элементы интерпретационного анализа, при анализе вербальных репрезентант ЯЛ СП – элементы трансформационного, синтаксического анализов.

Обсуждение результатов

Г. И. Богин одним из первых обозначил прямую связь теории языковой личности и герменевтики [2]; позже на необходимость рассмотрения ЯЛ сквозь призму герменевтики указывала Н. И. Гайнуллина [6], В. И. Тхорик [15; 18].

Феномен ЯЛ изучается с разных позиций: как индивид, автор текста, носитель определенной культуры, менталитета нации. Общеизвестно, что компонент ЯЛ является центральным в дискурс-анализе. Изучая проявления ЯЛ СП, мы анализируем их с точки зрения коммуникативно-функционального подхода. Как справедливо отмечает В. В. Сдобников, данный подход предполагает отказ от сугубо лингвистического, текстоцентрического подхода к анализу эмпирической базы и позволяет рассматривать ЯЛ в рамках определённой коммуникативной ситуации с учетом ее наиболее значимых параметров [16]. Подобная концепция исследования представляется нам перспективной ввиду того, что позволяет выделить не только лингвистические, но и экстралингвистические факторы, влияющие на процесс и результат перевода, следовательно, и на проявление ЯЛ синхронного переводчика в ситуации перевода. Лингвокогнитивный и лингвофункциональный подход к анализу ЯЛ позволяет проследить зависимость самого характера переводческого процесса, а также осуществляемых переводчиком действий от структуры коммуникативной ситуации и целей переводческой деятельности, в которой проявляется ЯЛ переводчика непосредственно в ситуации перевода.

Важнейшей категорией лингвоперсонологии является понятие языковой личности. Взяв за основу модель языковой личности, которая содержит вербально-семантический, лингвокогнитивный (тезаурусный), мотивационный (прагматический) уровни, Ю. Н. Караулов предлагает структуру герменевтического понимания, в которой вербально-семантический уровень соответствует грамматике, историческое содержание – тезаурусу, прагматикон как область коммуникативных потребностей и целевых установок – мыслительному отражению автора [8].

В нашем исследовании мы анализируем дискурс ЯЛ синхронного переводчика непосредственно в ситуации перевода, т. е. как первичный текст, неограниченный с точки зрения проявления в нём ЯЛ устного переводчика как индивида, который каждый раз в ситуации перевода делает выбор в пользу переводческой трансформации, под влиянием коммуникативной ситуации перевода и личности самого переводчика. В этом отношении мы солидарны с Л.П. Тарнаевой [14], утверждающей, что в процессе формирования профессиональной ЯЛ переводчика происходит объединение черт как коллективной (типовой), так и индивидуальной (идиолектной) ЯЛ.

С учетом цели нашего исследования представляется необходимым охарактеризовать функциональную сторону ЯЛ СП не только сообразно трехуровневому вербализованному представлению, но также охватить невербальную сторону представления ЯЛ, описание которой включает в себя лингвокогнитивный и лингвофункциональный анализ невербальных знаков различных категорий. На основе вышеупомянутого, определим уровневую организацию исследуемого феномена с позиции:

- а) вербального представления;
- б) невербального представления.

Эмпирический материал позволяет проанализировать характеристики ЯЛ с позиции вербального представления на трёх уровнях: вербально-семантическом, или, собственно, языковом, лингво-когнитивном (тезаурусном) и прагматическом (мотивационном). Отметим, что анализируемый материал не может быть представлен в полном объеме в рамках предпринятого анализа и наблюдения за репрезентацией ЯЛ СП, учитывающей функционально-стилевую дифференциацию, лингвокультурные соответствия, переводческие трудности и неверные переводческие решения, варианты перевода прецедентной лексики, антропонимов, топонимов, фраз-клише, фразеологизмов, прочих билингвальных противопоставлений, просодических референтов в синхронном переводе. В этой связи данная статья содержит наиболее показательные примеры проведённого исследования. Необходимо отметить, что исследование ЯЛ СП опирается на принцип герменевтического понимания, при котором каждый последующий уровень репрезентации ЯЛ анализируется с позиции данных предыдущего уровня интерпретации. В результате происходит поэтапное усложнение общего структурного уровня представления исследуемого феномена.

Вербальный уровень представления ЯЛ СП

1. Вербально-семантический уровень

Вербально-семантический уровень рассматривает ЯЛ СП с позиции отражения степени владения, в первую очередь, родным языком и иностранным. Так же учитываются факторы, определяющие цель перевода, стратегию перевода, выбор тактики, переводческого приёма, трансформаций. Единицами исследования данного уровня являются как слова, так и синтагмы, вступающие друг с другом в отношения грамматико-парадигматического, семантико-синтаксического и ассоциативного (по Ю. Н. Караулову) характера.

Обращаем внимание, что орфография и пунктуация в синхронных переводах сохранены с учётом звучащей речи. Знаки пунктуации в скрипте перевода обозначают паузы от 0,2 до 0,5 секунд.

В синхронных переводах переводчики используют варианты перевода, соотносимые со значимыми понятиями воспринимаемых образов; прецедентной лексикой; эмоциональной и когнитивной информацией.

(1) *Оригинал: One is my very first cover at American Vogue, which was considered quite revolutionary at the time. It was a girl wearing a Christian Lacroix T-shirt with a cross on it and blue jeans. And this was shocking back then, a tiny bit of stomach showing. And in fact, when we sent it to the printers, the printers called up and asked us if we had made a mistake. So I do I do have a soft spot in my heart for that particular cover.*

Перевод-1: Наверное одна из первых обложек в Вог была девушка в майке Кристиан Лакуа в синих джинсах и тогда это было большим шоком потому что у нее даже... кожа.. и ответственные за публикацию позвонили нам и спрашивали точно ли мы уверены что это обложка. Наверное это очень запоминающийся.

Перевод-2: Но есть у меня одна обложка которая мне нравится. В свое время она была очень провокационной. На обложке была модель в футболке от Кристиана Лакруа с крестом. Белая футболка и в голубых джинсах. Был виден ее живот. Было конечно провокационно для того времени. когда мы отправили в печать обложку нам перезвонили и спросили ничего ли мы не перепутали. Поэтому я с теплом вспоминаю об этой обложке.

На уровне владения языком, область переводческой нормы оказалась в большей степени освоенной. В области перевода прецедентной лексики заметны различия в переводах, обусловленные неравномерным пластом фоновых знаний. В приведенном выше примере (№ 1) переводчик-2 лучше уловил фонетический вариант произношения имени французского модельера Christian Lacroix, что отразилось на переводе. Уровень фоновых знаний при переводе позволяет реализовать лексикон ЯЛ, представляющий собой языковое сознание, в котором фиксируются и реализуются набор языковых знаний и способность их адекватного применения соответственно коммуникативной ситуации перевода (далее – КСП). В данном случае лексикон ЯЛ обусловил применения тактики адаптации и приёма «замена», «модуляция» (girl – модель; revolutionary – провокационно; printers – отправить в печать / ответственные за публикацию).

Очевидны навыки владения различными функциональными стилями и соответствия требованиям жанровой структуры. Данное утверждение подтверждается реализацией жанрово-стилевой палитры и жанровых смещений при синхронных переводах (См. Табл. 1). Переводчики-синхронисты как при переводе с английского языка на русский язык, так и в случаях перевода с русского языка на английский язык видоизменяют жанрово-стилевое представление на ЯИ с учётом требований жанрово-стилевых соответствий ЯП.

Таблица 1

Примеры реализации жанрово-стилевого смещения в синхронном переводе*

Оригинал	Перевод-1	Перевод-2
We never had much money	В моей семье никогда не было большого достатка	Дохода у нас никакого особого не было
It's almost medieval soap opera	Очень похоже на то, что происходит в реальной жизни	Фактически он рассказывает нам о реальном мире
And I just love you all for the work...	И я очень признательна за всю вашу восхитительную работу...	Я благодарю вас за всю ту работу , которую проделали...
I was like, are you crazy?	Я просто говорила: «ты уверен»?	Я подумала: «ты с ума сошел»?
Ok. Let's move on to your summit with President Biden	Хорошо. Следующий вопрос по саммиту с Президентом Байденом	<i>Альтернативный перевод отсутствует</i>
Я не знаю, кто-то подаёт под таким соусом...	Somebody presents it from a certain perspective	<i>Альтернативный перевод отсутствует</i>
Послушать то, что думают на этот счёт союзники, наверное, никогда не вредно...	However, to hear What their allies have to say about – it probably never hurts...	<i>Альтернативный перевод отсутствует</i>

*Составлено по материалам синхронных и последовательных переводов, выполненных в рамках конкурса CosinesPi в период с 2018 по 2022 гг.

Как справедливо замечает в своей докторской диссертации А. Б. Бушев, устными переводчиками разграничиваются факторы, определяющие выбор стратегии перевода и приём перевода, причины использования определённых переводческих трансформаций [4]. Во-первых, синхронисты учитывают объективные различия между системами ЯИ и ЯП, смыслы передаваемого сообщения с учетом коммуникативной цели, возможности восприятия аудитории (индивидуальные особенности, мировоззрение, мировосприятие). Во-вторых, использование приёмов перевода зависит от экстралингвистического контекста коммуникативной ситуации перевода. Рассмотрим пример переводческой трансформации, регулируемой фоновыми знаниями и экстралингвистическим контекстом. В приведенных примерах (см. Табл.1) показательно значительное число примеров реализации приёма лексической замены с целью жанрово-стилевого смещения для адаптации жанровой формы высказывания на ЯИ к цели речевой коммуникации на ЯП. Таким образом, переводчики учитывают факторы, влияющие не только на выбор стратегии и приёмов перевода, но и на жанровую трансформацию, что дает основания считать жанрово-стилевую компетенцию одним из компонентов профессиональной ЯЛ СП.

Показателен рост транслитерации, транскрипции, полного и частичного калькирования при переводе. Приём транскрипции, как известно, основан на передаче слова по фонетическому принципу. Другими словами, «транскрипция – это формальное пофонемное воссоздание исходной лексической единицы с помощью фонем переводящего языка, фонетическая имитация исходного слова» [7, с. 40].

Транслитерация – переводческий прием, основанный на передаче графического образа иностранного слова, т. е. на передаче букв [12, с. 227]. Более обобщенное определение транслитерации: «формальное побуквенное воссоздание исходной лексической единицы с помощью алфавита переводящего языка, буквенная имитация формы исходного слова» [7, с. 40].

Приём полного или неполного («полукалька») калькирования подразумевает полное или частичное заимствование путём буквального перевода слова или семантики лексемы или словосочетания и повторения его морфологической структуры или его части.

(2) Оригинал: *So now we have a completely dedicated team that just works on on on the website and **mobile and social media**.*

Перевод-1: *Теперь у нас есть отдельная команда, которая занимается исключительно веб-сайтом, **мобильной версией, социальными сетями**.* [Интервью А. Винтур].

Рост использования приёмов транскрипции, транслитерации, полной или частичной кальки обусловлен значительным числом заимствованной лексики в русском языке вследствие «политики мультикультурализма» [Бушев, 2010, с. 25]. Наличие в вербальном лексиконе ЯЛ синхронного переводчика значительного пласта заимствованной лексики из разных видов дискурса и её активное употребление отражает преимущественно отсутствие адекватных вариантов в ЯП (например, *Супермен, Бетмен, Старбакс, Стоунхэндж и т. д.*) и реже – межъязыковую интерференцию, недостаточное владение ЯП, высокий темп речи оратора.

Примечательна способность ЯЛ СП на вербально-семантическом уровне выявлять и определять в дискурсе логическую обусловленность предметов и систем окружающего мира.

(3) Оригинал: *I actually saw carpenters building Stonehenge on the soundstage behind my office.*

Перевод-2: *Я помню выглядывал из окна своего офиса и смотрел как **декораторы** строили совсем рядом Стоунхэндж* [интервью с Дж. Мартином].

В приведенном примере синхронист предлагает тактику социокультурной адаптации, используя лексическую замену *carpenters* – *декораторы*. Оценив объективно контекст сообщения на ИЯ, переводчик предлагает замену лексеме *carpenter* (плотник – *перевод наш*, Е. Э.). Согласимся, что данное переводческое решение является предпочтительным, поскольку эквивалентный перевод не отражал бы специфику дискурса данной КСП – киноиндустрии. Подобные референты в синхронном переводе являются отличительной чертой развитой ЯЛ, которой свойственно глубокое понимание профессионального дискурса, смелость и переводческая компетенция в коммуникативной ситуации перевода с соблюдением рече-ролевых требований.

II. Тезаурусный (лингво-когнитивный) уровень

В основе выбора инварианта перевода лежат сложные когнитивные процессы, связанные с оперированием знаниями, умениями и навыками. Интуиция переводчика может подсказать ему неожиданные и весьма успешные решения переводческих проблем. Интуитивность перевода – это лишь одна сторона проявления профессиональной компетенции переводчика [10]. По мнению В. Н. Комиссарова, процесс перевода – сочетание строго логических, алгоритмизированных операций и интуитивно-эвристических действий. Иными словами, непредсказуемые озарения, догадки, ассоциации, имеющие место при переводе, основаны на тезаурусе когнитивного опыта переводчика [9, с. 99]. Подтверждением данной позиции можно считать мнение Ю. Н. Караулова относительно выражения тезаурусного уровня при процессах восприятия и понимания языковой личностью текстов других говорящих [8].

Под тезаурусным (лингвокогнитивным) уровнем ЯЛ СП мы понимаем уровень отражения когниции СП, отражающий семантикон, творческие и индивидуальные переводческие решения и стратегии перевода основных концептов коммуникативной ситуации перевода, которые отражают национально-культурные традиции переводчика, его индивидуальный когнитивный стиль, масштаб и характер знаний о мире. Тезаурусный (лингво-когнитивный) уровень ЯЛ определяется социальным опытом и спектром тематических связей с внеязыковой действительностью. Соответственно, данный уровень опирается на совокупность текстов ЯЛ и отражение в них языковой модели мира личности.

Единицы выражения тезаурусного (лингвокогнитивного) уровня представляют собой «центры субъективных конденсатов смысла [...], которые могут быть выражены концептуальными категориями, семантическими и тематическими зонами, так же, как и многими грамматическими явлениями» [8, с. 96]. В нашем исследовании они выражаются широтой представления а) семантических зон; б) текстовых преобразований синхронистов при переводе оценочных суждений о концептах; в) особенностями перевода прецедентной лексики.

Рассмотрим подробнее текст оригинала и способы синхронного перевода единиц репрезентации тезаурусного уровня (табл. 2).

Таблица 2

Примеры синхронного перевода интервью В. В. Путина журналисту телеканала NBC М. Келли

№	Оригинал	Перевод
1	I thought that we'd start with some of the news you made today at your State of the Nation Address.	Если Вы не против, нам хотелось бы построить работу таким образом. Нам хотелось бы поговорить о новостях, новостных поводах, которые Вы сегодня создали в процессе своего выступления, в ходе озвучивания Послания Федеральному Собранию.
2	We will move into some facts about you in preparation for our long piece that we are putting together and then tomorrow when we will have a longer time together, we will talk about more substantive issues together, if that is ok with you.	В рамках нашей подготовки к более обширному и длительному интервью с Вами, хотели бы после этого коснуться нескольких личностных моментов. Большую часть вот этой второй части интервью, когда мы будем говорить с Вами о Вас, мы хотели бы сделать завтра, если Вас устроит такая работа.
3	I wonder this because one of the images that we see of you in the United States is without the shirt on a horse. What is that about?	У меня в связи с этим вопрос возникает: когда время от времени случаются фотографии в западной прессе и в американской прессе Вас, скажем, скачущего на лошади, без рубашки, в этом есть какой-то смысл? Это зачем?

Представленные примеры включают в себя вербализованные единицы, демонстрирующие содержание тезаурусного уровня синхронных переводчиков, выраженные в семантическом и грамматическом отношении. Анализ данных единиц демонстрирует понимание переводчика семантико-парадигматических и грамматико-синтаксических связей в ассоциативном поле, что отчетливо проявляется при переводе (в скобках обозначен номер примера, где приведен оригинал высказывания и его перевод):

- (1). *start with some news* – поговорить о новостях;
- (1). *your State of the Nation Address* – в процессе своего выступления, в ходе озвучивания Послания Федеральному Собранию;
- (2). *facts about you* – личностные моменты;
- (2). *when we will have a longer time together* – когда мы будем говорить с Вами;
- (2). *talk about more substantive issues together* – говорить с Вами о Вас;
- (2). *if that is ok with you* – если Вас устроит такая работа;
- (3). *We will move into* – хотели бы коснуться;
- (3). *I wonder this* – у меня в связи с этим вопрос возникает;
- (3). *in the United States* – в западной прессе и в американской прессе;
- (3). *One of the images that we see of you* – когда время от времени случаются фотографии Вас;
- (3). *What is it about?* – в этом есть какой-то смысл? Это зачем?

Тезаурусный уровень ЯЛ СП можно оценить по широте представления тематических зон в дискурсе интервью, а также по степени понимания переводчиком ассоциативно-семантической сети. Под тематическими зонами вслед за А. В. Болотновым мы понимаем «информационные поводы (ситуации, факты, события), которые освещаются с разных точек зрения» [3, с. 12]. Варианты перевода прецедентной лек-

стики характеризуют ЯЛ СП как обладающего значительными специальными знаниями и фоновыми знаниями. В рассматриваемых телевизионных интервью актуализируются семантические зоны, связанные с внутренней и международной политикой, экономикой, массмедиа. Достаточная успешность реализации перевода отражает широкую концептосферу исследуемых ЯЛ СП. Лингвокогнитивный (тезаурусный) уровень ЯЛ СП ориентирован в определенной степени на языковые характеристики современной языковой личности: чем большим количеством дискурсов, стилей, поведенческих реакций обладает ЯЛ СП, тем шире вербальное представление и эффективнее функционирование его тезауруса.

III. Прагматический (мотивационный) уровень

Дискурс ЯЛ СП представляет собой вторичный текст индивидуально выбранных решений, переводческих трансформаций. Соответственно, при исследовании ЯЛ СП считаем возможным отнести к прагматическому уровню индивидуальные переводческие преобразования, т. е. преобразования, выполненные переводчиком исходя из собственного определения цели перевода, стратегии перевода, личностных мотивов и установок. В данной работе мы употребляем термин «мотивационный уровень» тождественно «прагматическому уровню» репрезентации языковой личности, т. е. исследование мотивов, целей, интенций устного переводчика.

Анализ языковых и неязыковых проявлений прагматического (мотивационного) уровня возможен также при изучении реакции переводчика на изменения коммуникативной ситуации перевода (далее – КСП). В данном исследовании мы ориентировались на коммуникативно-функциональный и лингвопрагматический подход, последний предполагает анализ общего контекста выступления и языковых проявлений посредством соотнесения контекста сообщения с интенцией адресанта, ожиданиями адресата и ситуацией перевода в целом (экстралингвистический фон).

Приведённые выше рассуждения подтверждают идею Ю. Н. Караулова, который в качестве основных единиц прагматического (мотивационного) уровня называет коммуникативно-деятельностные потребности личности [8, с. 215]: контактно-устанавливающая, информационная и воздействующая. В самом широком смысле при анализе прагматического (мотивационного) уровня мы определили следующие единицы, которые склонны рассматривать с позиции коммуникативно-функционального подхода:

- перевод прецедентных феноменов;
- переводческие добавления;
- оценочность в переводе;
- лингвокреативность в переводе;

- прагматикон ЯЛ (коммуникативные знания, умения, владение коммуникативными нормами, стратегиями и тактиками вместе со способностью к их оптимальной речевой реализации, т. е. профессиональная самопрезентация переводчика) [20, с. 88].

Анализ репрезентант исследуемого уровня ЯЛ СП описываются нами по отдельности как внутрilingвистические задачи.

(4) Оригинал: Interviewer: [00:00:00:21] *Mr. President, I know you're only **five days in**, has it changed to you?*

Trump: [00:00:06:23] *I don't want to change too much. I've had a wonderful life and wonderful success [...]* [Интервью Д. Трампа]

Перевод-4 Журналист: [00:00:01:13] *Господин президент я знаю что **вы вступили в должность всего пять дней назад** что-то изменилось?*

Д. Трамп: [00:00:07:21] *Не хочу меняться знаете я прожил замечательную жизнь преуспел [...]*

Перевод-6 [00:00:02:06] *Не хочу много менять у меня была прекрасная жизнь я добился большого успеха [...]*

(5) Оригинал: **Trump**: [00:00:22:20] *I can be **the most presidential person ever other than possibly the great Abe Lincoln**.*

Перевод-4: *Я буду настоящим образчиком президента и постараюсь быть как Линкольн **Линкольн для меня эталон президента** Может быть я конечно не достигну таких высот но буду стараться.*

Перевод-6: *Я хочу **сделать максимум**. Однако я не уверен что я смогу работать настолько же хорошо насколько **мои предшественники**.*

Интерпретация оригинального сообщения (см. пример № 4) происходит двумя вариантами, выполненными переводчиком-4 и переводчиком-6. В первом случае переводчик, исходя из контекста и фоновых знаний, соответствующим образом интерпретирует значение прецедентного выражения 'to be 5 days in' как «вступление в должность ... 5 дней назад». Во втором случае (перевод-6) перевод данного высказывания опущен. Данный факт можно трактовать как намеренное опущение, так и как непреднамеренное, если переводчик по техническим причинам не смог воспринять данный фрагмент высказывания и начал перевод с интерпретации ответной реакции оратора, объединив прагматическое значение вопроса 'has it changed for you?' и ответа 'I don't want to change too much'. Рассматриваемые высказывания на ЯИ обладают как минимум двумя очевидными планами содержания: 1) изменилось ли что-то для говорящего как индивида; 2) изменилось ли отношение говорящего к ситуации в целом. Переводчик предлагает вариант, обобщающий смысловое содержание вопроса и ответа, – «не хочу много менять».

Следующий пример (см. пример № 5) позволяет проанализировать использование прецедентных феноменов (текстов, высказываний, имён). Прагматический уровень в лингвистической модели ЯЛ рассматривает употребление прецедентных феноменов и способов их переводов как индивидуальные, субъективные оценки тех или иных явлений, определяющие его ценности, установки, субъективные смыслы. Пример № 5 демонстрирует использование оратором (Д. Трампом) авторской метафоры '*I can be the most presidential person ever*' и способы её перевода. Оба переводчика восприняли основной «конденсат смысла» (термин Ю. Н. Караулова) – демонстрацию высшей степени компетенции. Вербализованная часть прагматикона представляет, таким образом, два подхода: стремление сохранить форму выражения оригинала за счет добавления интенсификатора «настоящий» и лексемы «образчик» в переводе-4 и стремление передать содержательную часть – «сделать максимум».

Добавим, что в примере № 5 при переводе дескриптора и прецедентного имени '*the great Abe Lincoln*' обнаруживаются расхождения в наполнении тезаурусной области, одновременно с этим приём компенсации семантического значения неизвестного / непонятого прецедентного имени реализуется за счет варианта «мои предшественники» в переводе-6.

Обращает на себя внимание языковое творчество (лингвокреативность) синхронистов при тактике прагматической адаптации реалии ЯИ к новой действительности на основе иноязычного материала.

Примеры из синхронных переводов интервью А. Винтур:

publication – контент;

mass of humanity – человеческий муравейник;

a soft spot in my heart – с теплом вспоминаю об этом;

intelligent questions – незаурядные глубокие вопросы.

Согласимся с Е. Г. Беляевской, что «лингвокреативность предполагает некоторую модификацию принятого употребления, и это означает, что креативное исполь-

зование языковых средств выглядит необычно и неожиданно, и, соответственно, именно эти факторы привлекают внимание получателя информации и обеспечивают более сильное прагматическое воздействие» [1, с. 63]. Способы проявления лингвокреативности ЯЛ СП в исследуемых переводах демонстрируют глубокое знание и понимание ЯИ и ЯП со стороны синхронистов, так как они реализуют возможные выражения смыслов на основании знания законов функционирования языковой системы.

При исследовании глубинных способов выражения ЯЛ СП на прагматическом уровне можно заключить, что способы вербальной репрезентации в функциональном плане оказываются переплетены между собой и с интеллектуальной сферой личности синхрониста, и с его познавательной деятельностью, предполагающей активные творческие и мыслительные процессы индивида.

Невербальное представление ЯЛ СП

Комплексный подход к анализу ЯЛ СП в нашем исследовании сконцентрирован на вербальном и невербальном уровне отражения профессиональной личности. Уровень профессиональной личности как носителя языка означает его непосредственную включенность в процесс речевой профессиональной коммуникации в качестве одного из активных участников коммуникативной среды. На данном уровне ЯЛ выступает как субъект языковой и неязыковой деятельности, что предполагает его осознанное, целенаправленное включение в профессиональное речевое взаимодействие с другими участниками, в активное и осмысленное порождение дискурса, основанное на самостоятельном выборе тактики и приёмов перевода. Следовательно, ЯЛ представляет собой единство языкового и неязыкового выражения сознания говорящего синхронного переводчика.

Мы предполагали обнаружить и проанализировать средства невербальной коммуникации в процессе наблюдения за языковым и неязыковым поведением синхронистов. Полученные в результате данные были проанализированы с использованием интерпретационного и лингво-когнитивного анализа.

В результате наблюдения за вербальными и невербальными маркерами, была составлена классификация типов невербальных средств по их семантическому дифференциалу, репрезентирующих речевое поведение ЯЛ СП в КСП (см. табл. 3).

Стоит отметить, что с учётом цели исследования нами анализировались соматические реакции. В процессе наблюдения нами были отмечены также вегетативные реакции в комплексе с соматическими реакциями. Вслед за С. В. Валиулиной, мы определяем соматические реакции как сомативы, а вегетативные реакции как вегетативы [5, с. 99–100]. В настоящей статье мы приводим полученные данные о наиболее иллюстративных и частотных сомативах (контролируемых движений).

Таблица 3

Классификация невербальных средств языковой личности синхронного переводчика в коммуникативной ситуации перевода

Семантический дифференциал	Невербальные средства	Характеристика невербальных средств
Кинесические сомативы		
Волнение и неуверенность	Движения губ в момент молчания	Концентрация внимания в момент восприятия и обработки звучащей речи

Таблица 3 (продолжение)

Ложь / неискренность	Касание лица / волос / наушников	Попытка скрыть неточность в переводе
Уверенность	Наклон корпуса / головы вперед по отношению к оратору	Концентрация внимания при подаче перевода
Уверенность и расположенность к аудитории	Улыбка	Зеркальное отражение эмоций оратора; перевод юмора
Неуверенность	Щелчки ручкой	Высокая степень волнения
Помощь в передаче смысла	Жесты-пиктограммы	Сопровождение смысла вербального сообщения
Логика	Жесты-идеограммы руками и головой в темп речи	Обеспечение связности вербального сообщения
Модальность	Пожимание плеч	Степень вероятности вербального сообщения
Окулесические сомативы		
Уверенность	Взгляд в камеру / на оратора	Концентрация внимания на ораторе в момент восприятия и обработки звучащей речи
Ложь / неискренность	Взгляд в сторону / вниз	Пропуск релевантной информации, неточный перевод
Подбор эквивалента	Взгляд вверх	Концентрация при выборе переводческого эквивалента; перевод высказывания с нереальным (предполагаемым) смыслом
Уточнение	Прищур	Конкретизация значения высказывания
Усиление значения	Подъем бровей	Субъективное экспрессивно-оценочное высказывание
Дружелюбное расположение к оратору	Зеркалирование	Поддержание синхронности и демонстрация эмоциональной вовлеченности в коммуникативную ситуацию
Просодические сомативы		
Уверенность	Вариативная интонация	Полное или относительно полное понимание содержания высказывания, которое позволяет эмоционально выделять значимые единицы коммуникации
Уверенность	Акцентная паузация	Полное или относительно полное понимание содержания высказывания, которое позволяет выделять значимые единицы коммуникации при помощи акцентной паузации

Таблица 3 (продолжение)

Дружелюбное расположение к оратору	Зеркалирование	Поддержание синхронности и демонстрация эмоциональной вовлеченности в коммуникативную ситуацию
Ложь	Молчание	Недостаточное понимание смысла высказывания; Пропуск релевантной информации; Сильное отставание от оратора
Подбор эквивалента	Звуки-хезитации	Концентрация при выборе переводческого эквивалента; Пропуск релевантной информации
Неуверенность	Невнятная речь	Недостаточное понимание смысла высказывания; Пропуск релевантной информации

Соматические реакции синхронного переводчика представлены кинесическими сомативами, окулесическими сомативами, просодическими сомативами. Отметим, что указанная группа кинесических сомативов является наиболее многочисленной, что объясняется широтой демонстративного характера указанных невербальных знаков.

В синхронном переводе уровень стресса является достаточно высоким даже для опытного профессионального переводчика. В ситуации повышенной концентрации по отношению к звучащей речи синхронист склонен к снижению контроля за невербальным поведением и проявляет произвольное использование кинесических, просодических и окулесических маркеров: прикосновения к лицу и носу, подпираание лица рукой, касание к прически, почесывание носа, периодические наклоны головы или всего корпуса, продолжительная или неестественная улыбка, замедление темпа и высокий тон речи, сглатывание слов / звуков, взгляд в сторону от оратора и т. д.

Вегетативы активизируются соответствующими просодическими и окулесическими проявлениями невербальной семиотики: покраснение лица или щек, или, наоборот, бледность кожных покровов, выступание пота на лице, нервное облизывание или покусывание губ, беспокойное положение рук, дрожь, изменения тембральных характеристик голоса, рефлекторное моргание, продолжительные зрительные реакции.

Функционирование невербальных знаков в речи синхрониста позволяет определить спектр невербальных средств (кинесика, окулесика, просодика), которые сопровождают вербальную репрезентацию ЯЛ СП:

Кинесические сомативы

- наклон корпуса / головы вперед / назад / в сторону / набок;
- ритмичные движения головой / корпусом / рукой в темп речи переводчика;
- жесты-пиктограммы, изображающие действие / объект, о котором идет речь;
- жесты-идеограммы, демонстрирующие логическое продолжение коммуникации / логическое противопоставление;
- удержание карандаша / ручки в руке;
- щелчки ручкой;
- улыбка;

- движения губ в момент молчания (поджимание губ; облизывание, покусывание губ).

Окулесические сомативы

- прищур;
- зеркалирование оратора;
- подъем бровей.

Просодические сомативы

- звуки-хезитации;
- вариативная интонация;
- улыбка;
- акцентная паузация.

В невербальной коммуникации раскрываются интенции говорящего, обозначается личное отношение оратора к тексту, в случае полисемии уточняется смысл высказывания. Декодирование, таким образом, непосредственно невербального поведения [11, с. 81] способствует более глубокому познанию человеческих эмоций и переживаний в ситуации перевода. В связи с этим возникла необходимость рассмотреть невербальную коммуникацию в совокупности с речевым поведением синхронного переводчика в КСП. Рассмотрим пример анализа невербального поведения ЯЛ СП. Точкой обозначены паузы свыше 0,3 сек. Знаками /--/ отмечено использование маркеров невербального поведения ЯЛ СП:

Перевод-3: [00:00:01:570] / **взгляд на оратора** / Я знаю, что у всех / **улыбка** / вас был / **взгляд вниз** / очень интересный день. / **кивающие движения головой** / Очень вдохновляющий. Полный событий и, надеюсь, что наш диалог оправдает / **подъем бровей** / ваши ожидания. Перед тем как начнем. Конечно же, хотела бы, прежде всего, признать и / **звук-хезитация** / выразить соболезнования / **звук-хезитация** / насчет того, что произошло в Орландо. Мы сегодня здесь собрались / **взгляд в сторону** / и говорим о сложностях, / **звук-хезитация** / с которыми встречаются женщины. Нужно обязательно вспомнить / **звук-хезитация** / те жизни, которые были утрачены в Орландо и постоянно мы должны думать / **подъем бровей** / о тех / **звук-хезитация** / о близких тех людей, которые погибли в Орландо. Но именно в такое время в нашей стране мы должны быть сплоченными / **подъем бровей, кивок головой** / любить друг друга и поддерживать.

Анализ невербального поведения ЯЛ СП проводился посредством наблюдения за неязыковой репрезентацией личности говорящего.

С точки зрения применения кинесических сомативов невербальная составляющая ЯЛ СП представлена ритмичными кивающими движениями головы, регулярной умеренной ротацией верхней части туловища влево и вправо, активной мимикой лица, попеременно варьирующейся от нейтрального выражения до улыбки в зависимости от содержания вербального сообщения. Кинесические сомативы демонстрируют направленность на аудиторию, логику повествования (переводческая тактика «маятник» соответствует движениям корпуса переводчика).

Окулесические сомативы представлены длительным зрительным контактом с оратором и с аудиторией (взгляд синхрониста направлен в камеру), редким взглядом в сторону, активной мимикой лица, в особенности глаз – улыбкой, подъёмом бровей. Данные невербальные знаки маркируют эмоциональное состояние синхрониста через его восприятие и отражение речевого и неречевого поведения оратора. Невербальный потенциал взгляда мимики лица СП передаёт направленность речевого сообщения и зеркально отражает движения оратора.

Невербальное поведение ЯЛ СП выражается за счет использования просодических сомативов в КСП. Вариативный интонационный рисунок перевода ЯЛ (тон,

интонация, паузация, звуки-хезитации) позволяет оценить эмоциональное состояние ЯЛ, степень уверенности в переводе, определить наиболее акцентируемые компоненты вербального содержания.

Заключение

Общая оценка вербального и невербального поведения имеет важное значение при определении тезаурусного и, в большей степени, прагматического уровня ЯЛ СП, который определяется целями и задачами коммуникации – намерением говорящего, его интересами, мотивами и конкретными коммуникативными установками. Способы невербальной коммуникации отражают вовлеченность переводчика в текст оратора, тем самым давая возможность проанализировать глубину прагматического уровня ЯЛ СП, компонентами которого является высокая мотивация при переводе коммуникативного стимула оратора и соответствующей коммуникативной реакции синхронного переводчика. Именно мотивированность и вовлечённость говорящего как «коммуникативно-деятельностная потребность» и представляет собой единицу прагматического уровня языковой личности, служит наиболее существенным фактором, обуславливающим ее индивидуальные особенности.

Проведенный комплексный анализ ЯЛ СП позволяет подтвердить идею герменевтического понимания ЯЛ, которая заключается в рассмотрении ЯЛ как цельного образования, включающую вербальную и невербальную реализацию, обладающую определёнными противоречиями, определяющими функционирование и развитие индивидуальной, творческой силы переводчика. Функционирование ЯЛ СП, таким образом, воспринимается нами в контексте диалектики языкового сознания индивида и постоянных способов познания действительности через развитие и самопознание (саморефлексию), анализ экстралингвистического фона КСП, актуализацию фоновых и специальных знаний духовного и материального бытия. Данный вывод подтверждает ключевой тезис В. фон Гумбольдта о том, что «язык, являясь органом внутреннего индивидуального и социального бытия и представляя собой единство и борьбу идейных противоречий, обладает той духовной силой, которая по своей природе призвана определять уровень морально-нравственного и материального благополучия государства, общества и ближайшего социального окружения человека, а также поступательное развитие от одного уровня общественного бытия к другому» (цит. Нестеровой по Гумбольдту, 2021).

Данные нашего исследования позволяют сделать вывод, что невербальные средства коммуникации подтверждают языковую репрезентацию прагматического уровня рассматриваемой языковой личности (сопереживание / симпатию / заинтересованность / сочувствие в переводе и т. д.): выполненные синхронные переводы соответствовали результатам анализа невербального поведения. Вербальные маркеры отражают уровень логических рассуждений говорящего переводчика, его ценностями, а также в значительной степени уровнем его эмоциональной активности в ситуации профессионального общения. Анализ результатов исследования вербальных и невербальных характеристик поведения языковой личности позволяет определить существенное значение соматических реакций как самостоятельного, важного компонента невербального поведения в контексте комплексного исследования языковой личности синхронного переводчика.

Список источников и литературы

1. *Беляевская Е. Г.* Лингвистическая креативность: нарушение нормы? // Вопросы психолингвистики. 2022. № 3 (53). С. 62–73.
2. *Богин Г. И.* Модель языковой личности в её отношении к разновидностям текстов : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Богин Георгий Исаевич. Л., 1984. 354 с.

3. Болотнов А. В. Изучение языковой репрезентации тезаурусного подстиля публичной языковой личности в медиадискурсе // Вестник Томского гос. ун-та. 2013. № 371. С. 11–15.
4. Бушев А. Б. Русская языковая личность профессионального переводчика : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Бушев Александр Борисович. М., 2010. 367 с.
5. Валулина С. В. Языковая репрезентация молчания в невербальном дискурсе // СибСкрипт (Вестник Кемеровского гос. ун-та). 2015. № 2-1 (62). С. 99–102.
6. Гайнуллина Н. И. К вопросу о языковой личности в истории русского литературного языка // Семантика языковых единиц : доклады V Междунар. конф. : в 2 т. М., 1996. Т. 2. С. 116–118.
7. Илюшкина М. Ю. Теория перевода: основные понятия и проблемы. Екатеринбург: изд-во УрФУ, 2015. 84 с.
8. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2010. 264 с.
9. Комиссаров В. Н. Интуитивность перевода и объективность переводоведения // Язык, поэтика, перевод : сб. науч. трудов МГЛУ. М., 1996. Вып. 426. С. 91–99.
10. Комиссаров В. Н. Когнитивные аспекты перевода // Перевод и лингвистика текста. М.: ВЦП, 1994. С. 20–21.
11. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика и театр // Вестник Кемеровского гос. ун-та культуры и искусств. 2011. № 14. С. 40–48.
12. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта : Наука, 2003. 320 с.
13. Нестерова Л. И. Герменевтический аспект языковой теории В. Фон Гумбольдта // Мо-ва I літаратура ў XXI стагоддзі: актуальныя аспекты даследавання : матэрыялы VI Рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі маладых навукоўцаў, прысвечанай 100-годдзю Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Мінск: БГУ, 2021. С. 117–180. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/272971> (дата обращения: 19.09.2024).
14. Тарнаева Л. П. Концепции языковой личности в контексте проблем переводоведения // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2008. № 2 (13). С. 55–70.
15. Загуменнов А. В. Герменевтико-феноменологический аспект изучения языковой личности: к постановке проблемы // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. 2017. Т. 16, № 1. С. 144–153.
16. Сдобников В. В. Перевод и коммуникативная ситуация : монография. М.: Флинта, 2015. 464 с.
17. Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: Икар, 2007. 478 с.
18. Тхорик В. И. Языковая личность: лингвокультурологический аспект : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Тхорик Владимир Ильич. Краснодар, 2000. 304 с.
19. Уланова Е. Э. Дискурсивные маркеры категории авторитетности (на материале российского ток-шоу) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 7-1 (85). С. 181–185.
20. Уланова Е. Э. Исследование прагматического уровня языковой личности устного переводчика // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики 2023. № 4 (51). С. 86–92.

References

1. Belyaevskaya, EG 2022, 'Lingvisticheskaya kreativnost': narusheniye normy?' (Linguistic creativity: a violation of the norm?), *Journal of Psycholinguistics*, vol. 3(53), pp. 62–73. (In Russ.)
2. Bogin, GI 1984, Model' yazykovoy lichnosti v eyo otnoshenii k raznovidnostyam tekstov (The model of the linguistic personality in its relation to the varieties of texts), doctoral thesis, Leningrad. (In Russ.)
3. Bolotnov, AV 2013, 'Izuchenie yazykovoy reprezentatsii tezaurusnogo podstilya publichnoy yazykovoy lichnosti v mediadiskurse' (The study of the linguistic representation of the thesaurus substyle of a public linguistic personality in media discourse), *Tomsk State University Journal*, vol. 371, pp. 11–15, viewed 19 September 2024, <https://cyberleninka.ru/article/>

- n/izuchenie-yazykovoy-reprezentatsii-tezaurusnogo-podstilya-publichnoy-yazykovoy-lichnosti-v-mediadiskurse (In Russ.)
4. Bushev, AV 2010, *Russkaya yazykovaya lichnost' professional'nogo perevodchika* (The Russian language personality of a professional translator), doctoral thesis, Moscow. (In Russ.)
 5. Valiulina, SV 2015, 'Yazykovaya reprezentatsiya molchaniya v neverbal'nom diskurse' (Linguistic representation of silence in nonverbal discourse), *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, vol. 2-1 (62), pp. 99–102, viewed 19 September 2024, <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-reprezentatsiya-molchaniya-v-everbalnom-diskurse> (In Russ.)
 6. Gaynullina, NI 1996, 'K voprosu o yazykovoy lichnosti v istorii russkogo literaturnogo yazyka' (On the question of linguistic personality in the history of the Russian literary language), in EI Dibrova (ed.) *Semantika yazykovykh edinits* (Semantics of linguistic units), 05–07 October 1996, Moscow, *Moskovskiy gosudarstvennyy otkrytyy pedagogicheskiy universitet im. M. A. Sholokhova Publ*, pp. 116–118. (In Russ.)
 7. Ilyushkina, MYu 2015, *Teoriya perevoda: osnovnye ponyatiya i problemy* (Theory of translation: basic concepts and problems), *Uralskiy Universitet Publ*, Yekaterinburg. (In Russ.)
 8. Karaulov, YuN (ed.) 2010, *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* (Russian language and linguistic personality). *LKI Publ*, Moscow. (In Russ.)
 9. Komissarov, VN 1996, *Intuitivnost' perevoda i ob'ektivnost' perevodovedeniya* (Intuitiveness of translation and objectivity of translation studies), *Sbornik nauchnykh trudov MGPIIYA im. M. Toreza, MGLU Publ*, Moscow. (In Russ.)
 10. Komissarov, VN 1994, 'Kognitivnye aspekty perevoda' (Cognitive aspects of translation), in *Perevod i lingvistika teksta* (Translation and linguistics of the text), *VTsP Publ*, Moscow. (In Russ.)
 11. Kreydlin, GE 2011, 'Neverbal'naya semiotika i teatr' (Nonverbal semiotics and theater), *The Journal of Theoretical and Applied Research "Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts"*, vol. 14, pp. 40–48, viewed 29 November 2023, <https://cyberleninka.ru/article/n/neverbalnaya-semiotika-i-teatr> (In Russ.)
 12. Nelyubin, LL 2003, *Tolkovyy perevodovedcheskiy slovar'* (Explanatory translation dictionary), *Flinta Publ*, *Nauka Publ*, Moscow. 320 p. (In Russ.)
 13. Nesterova, LI 2021, *Germenevticheskiy aspekt yazykovoy teorii V. Fon Gumbol'dta* (Hermeneutical aspect of V. von Humboldt's linguistic theory), in VU Zueva (ed.) *Mova I literatura ũ XXI stahoddzi: aktualnyja aspiekty dasliedavannia : materyjaly VI Respublikanskaj navukova-praktyčnaj kanfierencyi maladych navukoŭcaŭ, prysviečanaj 100-hoddziu Bielaruskaha dziaržaŭnaha univiersiteta*, 12 March 2021, Minsk, viewed 26 September 2024, <https://elib.bsu.by/handle/123456789/272971> (In Russ.)
 14. Tarnaeva, LP 2008, 'Kontseptsii yazykovoy lichnosti v kontekste problem perevodovedeniya' (Concepts of linguistic personality in the context of translation studies), *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* (Pushkin Leningrad State University Journal), vol. 2 (13), pp. 55–70. (In Russ.)
 15. Zagumennov, AV 2017, 'Germenevtiko-fenomenologicheskiy aspekt izucheniya yazykovoy lichnosti: k postanovke problemy' (Hermeneutical and phenomenological aspect of the study of linguistic personality: towards the formulation of the problem), *Vestnik Volzhskogo gosudarstvennogo universiteta* (Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatischev. Series 2, Linguistics), vol. 16, no. 1, pp. 144–153. (In Russ.)
 16. Sdobnikov, VV 2015, *Perevod i kommunikativnaya situatsiya: monografiya* (Translation and the communicative situation), 2nd edn, *Flinta Publ*, Moscow. (In Russ.)
 17. Formanovskaya, NI 2007, *Rechevoe vzaimodeystviye: kommunikatsiya i pragmatika* (Speech interaction: communication and pragmatics), *Icarus Publ*, Moscow. (In Russ.)
 18. Thkorik, VI 2000, *Yazykovaya lichnost': lingvokul'turologicheskiy aspekt* (Linguistic personality: linguoculturological aspect), doctoral thesis, Krasnodar. (In Russ.)
 19. Ulanova, EE 2018, *Diskursivnye markery kategorii avtoritetnosti (na materiale rossiyskogo tok-shou)* (Discursive markers of the category of authority (based on the material of the Russian talk show)). *Philology. Theory & Practice*, vol. 7-1 (85), pp. 181–185, viewed 19 September 2024, <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnye-markery-kategorii-avtoritetnosti-na-materiale-rossiyskogo-tok-shou>. (In Russ.)

20. Ulanova, EE 2023, Issledovaniye pragmaticheskogo urovnya yazykovoy lichnosti ustnogo perevodchika (The study of the pragmatic level of the linguistic personality of an interpreter), Actual Issues of Modern Philology and Journalism, vol. 4 (51), pp. 86–92, viewed 19 September 2024, [https://cchgeu.ru/upload/science/nauchnye-izdaniya/lingvistika-i-mezhkulturnaya-kommunikatsiya/AB%204\(51\)%202023.absolutely%20gots.pdf](https://cchgeu.ru/upload/science/nauchnye-izdaniya/lingvistika-i-mezhkulturnaya-kommunikatsiya/AB%204(51)%202023.absolutely%20gots.pdf) (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 20.09.2024
Одобрена после рецензирования: 07.11.2024
Принята к публикации: 07.11.2024

The article was submitted: 20.09.2024
Approved after reviewing: 07.11.2024
Accepted for publication: 07.11.2024